

8634
Г 83

И.Р. Григулевич

ИНКВИЗИЦІЯ

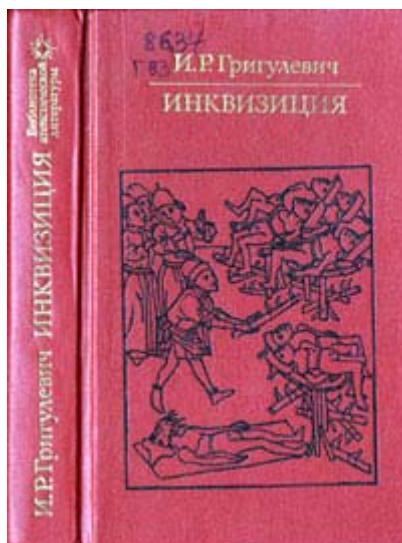

И.Р. Григулевич
ИНКВИЗИЦІЯ

Библиотека
академічної літератури

Иосиф Ромуальдович Григулевич

Инквизиция

«Инквизиция»: Политиздат; Москва; 1976

Аннотация

Сотни тысяч жертв, среди которых выдающиеся ученые, художники, политические и общественные деятели своего времени, насчитывает мрачное порождение католической церкви — инквизиция. Современные теологи «оправдывают» злодеяния инквизиции произволом отдельных деятелей церкви или своеволием светских властей. Но так ли это? В книге члена-корреспондента АН СССР И.Р.Григулевича освещается подлинная история инквизиции.

Книга представляет интерес для самых широких читательских кругов

ИНКВИЗИЦИЯ (Григулевич И. Р.)

ПЕРЕД СУДОМ ИСТОРИИ

СПОР ВСЕ ЕЩЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Как, вновь привлекают инквизицию к суду истории? — может с недоумением спросить читатель, раскрыв нашу книгу. Разве инквизиция не была уже многократно судима историками разных стран, эпох и направлений, разве о ней не написаны горы трудов? Стоит ли вновь воскрешать ее преступления? Что нового можно сказать о ней, какие еще неизвестные ее коварства и жестокости раскрыть? Да и изменят ли суждения автора всем хорошо известный приговор инквизиции, давно уже вынесенный историей?

Подобного рода весьма законные сомнения одолевают не только читателей, но и исследователей, намеревающихся проникнуть в лабиринты истории в поисках еще не раскрытых тайн инквизиции. Например, французский ученый Жан Гиро так начинает свое двухтомное сочинение о средневековой инквизиции: «Не может ли показаться одновременно тщеславным и праздным желание после стольких авторов писать еще об инквизиции? Начиная от инквизиторов XIII и XIV веков, описавших в своих наставлениях и руководствах еретиков и их доктрины для того, чтобы облегчить работу агентов священного департамента, до писателей нашего времени — обвинителей и защитников инквизиции, породивших

столько споров, — разве они уже не все сказали об инквизиции, и разве мы не рискуем впасть в бесполезные повторения, пустившись в подобного рода изыскания?»¹

И все же такие опасения не обоснованны. Правда, литература по инквизиции необозрима. Далеко не полная библиография по истории инквизиции, составленная голландцем Е. ван дер Векенэ и изданная в 1963 г., насчитывает около 2 тыс. названий.² Среди этого моря книг — и источники, и свидетельства современников, и полемические трактаты, и пикантные эссе вроде сочинения француза Роланда Гагей «Сексуальный лик инквизиции».

И тем не менее далеко не все еще известно о деятельности «священного» трибунала. Многие архивы инквизиции все еще недоступны исследователям.

Почти не разработана научная периодизация истории инквизиции, отсутствует цельная картина массовых еретических движений средневековья, против которых был в первую очередь направлен террор инквизиции. Мы мало знаем о деятельности инквизиции в колониях, до сих пор не написана история папской инквизиции — конгрегации священной канцелярии.

На русском языке имеется ряд работ по истории инквизиции, но все они издавались уже давно. В 1911–1912 гг. был издан перевод труда американского ученого Генри-Чарлза Ли «История инквизиции в средние века», в переводе А. В. Башкирова, под редакцией известного историка С. Г. Лозинского, который, в свою очередь, на основе собранных им в Испании архивных материалов написал ценную работу по истории испанской инквизиции.³

Первой советской работой на указанную выше тему была яркая публицистическая книга М. М. Шейнмана «Огнем и кровью во имя бога», впервые изданная в 1924 г. и переиздававшаяся в 20-х годах как на русском, так и на других языках. В 1927 г. вышла в свет популярная книга С. Г. Лозинского «Священная инквизиция», а в 1936 г. в его же переводе была издана классическая история испанского «священного» судилища, написанная бывшим секретарем этого учреждения Хуаном Антонио Льоренте, впервые увидевшая свет 150 лет тому назад. Имеется несколько оригинальных советских исследований по отдельным сюжетам истории инквизиции,⁴ но они были изданы микроскопическими тиражами и их можно достать теперь только в крупных библиотеках страны.

Таким образом, хотя слово «инквизиция» стало нарицательным и вошло в словарь современного человека, о самой инквизиции за исключением весьма скудных данных, почерпнутых из школьных или университетских учебников, хрестоматий и энциклопедий, широкому читателю известно сравнительно немного.

Между тем инквизиция — один из тех исторических институтов, деятельность которого на протяжении многих веков оказывала огромное влияние на судьбы народов Европы и Америки, препятствуя их борьбе за освобождение от социального и духовного гнета. В чем секрет долговечности этого учреждения, одно имя которого внушало ужас всему христианскому миру? В чем причина его возникновения и упадка? Кем были его руководители — «жертвами долга», фанатиками, готовыми пойти на самые чудовищные

¹ Guiraud J. Histoire de l'Inquisition au moyen age, v. 1. Origines de l'Inquisition dans le midi de la France. Cathares et vaudois. Paris, 1935, p. V.

² Vekene E. van der. Bibliographic der Inquisition. Ein Versuch. Hildesheim, 1963.

³ Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании. Спб, 1914.

⁴ Парнах В. Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции. М. — Л., 1934; Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция. М. — Л., 1934, ч. I; Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция. М., 1955; Шахнович М. И. Гойа против папства и инквизиции. М., 1955

преступления, чтобы защитить церковь от мнимых или подлинных врагов, или бездушными церковными полицейскими, послушно выполнявшими предписания своего начальства? Кем были жертвы? Кого и за что преследовала инквизиция?

На все эти вопросы призван ответить историк «священного» трибунала.

Двести лет тому назад издатель «пособия» испанского инквизитора Николаса Эймерика (вторая половина XIV в.), раскрывавшего методы «священного» трибунала, писал: «Возможно, найдутся честные люди и чувствительные души, которые будут обвинять нас в том, что мы обнародовали ужасные картины, написанные ранее. Они спросят, какую пользу или какое удовольствие можно получить от того, что ознакомишься со столь отвратительными вещами. Чтобы отвести их упреки, нам будет достаточно отметить: именно потому, что эти картины являются отвратительными, нам необходимо выставить их напоказ, дабы они вызвали ужас».⁵

И действительно, преступления инквизиции разоблачали великие просветители и вольнодумцы XVIII в. Их страстные, гневные, обличительные выступления против инквизиции, против применяемых ею пыток и других жестокостей в немалой степени способствовали прекращению террористической деятельности этого церковного чрезвычайного трибунала.

Но о преступлениях инквизиции следует писать и в наше время потому, что у нее все еще не перевелись защитники и что ее испытанные методы продолжают пользоваться успехом среди современных «псов господних», защищающих капиталистический строй с не меньшим остервенением и кровожадностью, чем в свое время св. Доминик защищал феодальный порядок.

Об инквизиции следует писать, пояснял Ем. Ярославский, «именно потому, что религию противопоставляют безбожию, как основу нравственности, которая устанавливает будто бы самые лучшие, самые здоровые отношения между людьми, полезно показать, как религиозные системы приводили к самым величайшим жестокостям, истязаниям, пыткам, кострам, массовым избиениям. Это происходило потому, что религия в классовом обществе является одним из орудий классового угнетения, классового господства, как суд, полиция, войско».⁶

Незримые, но крепкие нити связывают настоящее с прошлым.

Разве не существует преемственной связи между кострами средневековой инквизиции и крематориями нацистских лагерей, между застенками «священного» трибунала и полицейскими застенками современного капиталистического общества?

А разве это случайно, что американские полицейские «теоретики» изучают «опыт» средневековой инквизиции? В августе 1965 г. Мичиганский университет, руководство которого, как стало впоследствии известно, было связано с ЦРУ, приобрел в ФРГ за крупную сумму библиотеку в 1400 томов с описанием средневековых пыток. Эти книги, как сообщало агентство Рейтер, призваны служить «ценным пособием для американских специалистов, работающих в области полицейской службы».

Инквизиторским пыткам подвергают сегодня патриотов, прогрессивных деятелей во многих странах капитала, где у власти находятся ультраправые, фашисты, антикоммунисты. Пытки в этих странах применяются не в исключительных случаях, а почти поголовно ко всем политическим заключенным.

Например, в Уругвае при населении в 3 млн. человек имелось в 1974 г. 40 тыс.

⁵ Le «Manuel del Inquisiteurs, a l'usage des Inquisitions d'Espagne et de Portugal. On abrige de l'ouvrage intitule: Directorium inquisitorium, compose vers 1358 par Nicolas Eymeric, gran Inquisiteur dans le Royaume de Aragon». On y adjoint une courte Histoire de l'etablissement del'Inquisition dans le Royaume de Portugal, tiree du latin de Louis a Paramo, a Lisbonne, MDCCLXII, p. 197–198.

⁶ Цит. по: Шейнман М. Огнем и кровью во имя бога. М, 1924, с. 3.

политических заключенных. По данным итальянской газеты «Стампа»,⁷ пыткам подвергался каждый двухсотый житель Уругвая. К ним применялись такого рода методы дознания: пытка «сторож» — заключенные целыми часами или даже днями стоят на широко расставленных ногах, заложив руки за затылок; пытка «подводник» — заключенного погружают с головой в воду и держат там до тех пор, пока он не начинает задыхаться; пытка «всадник» — заключенного сажают на металлическую трубу, покрытую шипами; пытка электричеством — электроды прикладываются к самым чувствительным участкам тела.

Следует ли удивляться, что инквизиция и сегодня находит защитников, сторонников и апологетов, которые пытаются преуменьшить ее преступления, оправдать их, показать «благотворность» для судеб человечества ее кровавых деяний, «гуманность» инквизиторов, их «праведный» и чуть ли не ангельский характер и образ жизни.

Французский клерикал Шарль Пишон, автор исследования о Ватикане, призывает «оценивать данный трибунал исторически, без страстей и предубеждений».⁸

Эти призывы к бесстрастию, к объективности при изучении инквизиции всегда исходят от тех, кто стремится оправдать ее преступления. Между тем любое бесстрастное и непредубежденное исследование инквизиции может вынести ей только один приговор — «Виновна в преступлениях против человечества!»

Современные защитники инквизиции упрекают ее критиков в преувеличениях и клевете на действия «священного» трибунала. Вот что пишет современный католический историк, член испанской Королевской академии истории, Антонио Бальестерос Беретта: «Много полемики породила тема инквизиции. Число ее жертв преувеличено, и в пылу политических страстей без основания говорилось об особой жадности сотрудников священного трибунала. Инквизиция, как любой общественный организм, имела свои недостатки, но следует отметить, что ее прегрешения были соответственно наказаны (?)»⁹

Такие защитники инквизиции, как близнецы, схожи с апологетами нацизма, которые в подобных же «преувеличениях» обвиняют тех, кто разоблачает чудовищные преступления Гитлера и его палачей. Один из таких «объективных» исследователей нацизма западногерманский историк Шейдль писал в 1968 г. в своей семитомной «Истории объявления Германии вне закона»: «Мои изыскания показали, что большинство утверждений (прогрессивных историков о нацизме. — И. Г.) содержат преувеличения, искажения, открытую ложь».

То же утверждали немецкий кардинал Фрингс и другие католические прелаты. Как будто и в помине не было концлагерей, в которых были замучены миллионы неповинных жертв, как будто и в помине не было бесчисленных преступлений против человечества, совершенных фашистскими преступниками...

Нельзя не упомянуть и о том, что Ватикан после второй мировой войны спасал военных преступников от заслуженного возмездия, переправляя их с фальшивыми паспортами в Испанию, Португалию и страны Латинской Америки, требовал проявить к ним «гуманность» и выступает с тех пор вместе с реакционными кругами ФРГ за прекращение судебного преследования этих врагов человеческого рода.

У каждого из многочисленных адвокатов инквизиции свои аргументы в ее защиту. Одни утверждают, что инквизиция действовала непродолжительное время, что она никого не калечила и не казнила, что сжигали еретиков не инквизиторы, а гражданские власти, что папский престол имел к инквизиции самое отдаленное отношение и что если кто и зверствовал, так это испанская инквизиция, но за нее несет ответственность королевская

⁷ Stampa, 30.VI 1974.

⁸ Pichon Ch. Le Vatican. Paris, 1960, p. 251

⁹ Ballesteros Beretta A Sintesis de Historia de Espaha Barcelona, 1952, p. 233–234.

власть, которой она была подчинена, а вовсе не церковь или тем более папский престол.

Другие защитники инквизиции пытаются перенести ответственность за кровавые деяния средневековых палачей на их же жертвы, которые-де своим неповиновением «вынуждали» церковь к жестокой расправе с ними.

Такие аргументы, например, мы встречаем в работе итальянского апологета инквизиции Агостино Чеккарони. Он утверждает, что причиной возникновения инквизиционных трибуналов являлись «насильственные действия, к которым прибегали еретики, начиная со времени, когда церковь вышла из катакомб, с целью разрушить фундамент, основанный на доброй религии Иисуса Христа, провоцируя тем самым не только справедливую реакцию со стороны церкви, но также справедливую общественную «вендетту»». ¹⁰

Чеккарони признает: «Испанская инквизиция совершила всевозможные эксцессы, которые могут быть вызваны политическими страстями в соединении с варварством и невежеством того времени». Но за деяния испанской инквизиции ответственность, утверждает он, несет только королевская власть, что же касается папской инквизиции, то она якобы «никогда не совершала подобного рода эксцессов, и это факт, что жертвы испанской инквизиции искали у нее защиты, и не без успеха». ¹¹ Разумеется, Чеккарони считает излишним приводить в подтверждение своей точки зрения какие-либо доказательства, потому что таких доказательств у него нет. Но отсутствие доказательств никогда не смущало поборников инквизиции.

Выгораживает и оправдывает инквизицию и официальная ватиканская «Католическая энциклопедия»: «В новейшее время исследователи строго судили учреждение инквизиции и обвиняли ее в том, что она выступала против свободы совести. Но они забывают, что в прошлом эта свобода не признавалась и что ересь вызывала ужас у благомыслящих людей, составлявших несомненно подавляющее большинство даже в странах, наиболее зараженных ересью. Не следует, кроме того, забывать, что в некоторых странах трибунал инквизиции действовал самое непродолжительное время и имел весьма относительное значение. Так, например, в испанских владениях в Южной Италии он существовал только в XIII и XIV вв., еще меньше в Германии. В самом Риме он быстро сошел со сцены; например, процесс против Лютера в 1518 г. было поручено вести не инквизиционному трибуналу, а генеральному прокурору апостолической камеры». ¹² Авторы цитируемой статьи скромно умалчивают об инквизиционных процессах против Джордано Бруно, Галилея, Кампанеллы и о многих других жертвах римской инквизиции. Они делают вид, что им ничего не известно о преступлениях папской инквизиции — конгрегации священной канцелярии.

В изображении этих церковных апологетов инквизиция представляется не такой уж страшной, как ее «рисуют» так называемые «враги» католической церкви, т. е. те исследователи, которые подходят с объективных позиций к изучению деятельности «священного» трибунала.

Некоторые современные церковные авторитеты, вопреки очевидным неоспоримым историческим фактам, вообще отрицают, что папство и церковь несут какую-либо ответственность за сотни тысяч загубленных инквизицией жизней. Кардинал Альфредо Оттавиани, последний из инквизиторов, возглавлявший бывшую конгрегацию священной канцелярии, в своей книге о каноническом праве утверждал, что католическая церковь, верная христианской заповеди всеобщей любви, никогда не пользовалась «правом меча», никогда не проливали кровь своих противников, это-де делала гражданская власть, влиять на

¹⁰ Ceccaroni A. Piccola Enciclopedia Ecclesiastica. Milano, 1953, p. 716

¹¹ Ceccaroni A. Piccola Enciclopedia Ecclesiastica Milano, 1953, p. 717

¹² Enciclopedia Cattolica. Citta del Vaticano, 1951, v. 7, p. 47.

действия которой церковь была лишена возможности. Церковь «всего лишь», заявлял Оттавиани, отлучала еретиков от церкви.¹³ По-видимому, этот экс-инквизитор не отдавал себе отчета, в какое смешное положение сам себя ставил подобного рода аргументацией. Ведь согласно церковному учению, «отлучение», «анафема» — наказание во сто крат страшнее, ужаснее и мучительнее, чем пытка и любой вид физической казни. Если верить богословам, то отлучение, анафема лишают душу верующего вечного спасения, осуждают его на вечное горение в геенне огненной, в то время как муки земные и смерть всего лишь незначительный эпизод, мгновение в жизни человека.

Неверно и утверждение кардинала Оттавиани, что церковь лишена была возможности в этих делах влиять на гражданскую власть: ведь сожжение еретика совершалось гражданскими властями на основе церковного отлучения, с согласия, одобрения и по требованию церкви, которая до сих пор не сняла, не отменила ни одного отлучения из вынесенных трибуналами инквизиции, за исключением приговора Жанне д'Арк. Следовательно, если исходить из католического вероучения, души сотен тысяч жертв «священного» трибунала продолжают гореть в огне преисподней...

Утверждая, что церковь никогда не пользовалась «правом меча», кардинал Оттавиани грешит и против принятого в 1937 г. папским престолом Кодекса канонического права (Заменен новым в 1984 г.), на страже которого он, возглавлявший тогда конгрегацию священной канцелярии, стоял со всей инквизиторской строгостью. Напомним нашему читателю, что 2214-й параграф Кодекса был сформулирован так: «Церковь имеет врожденное и собственное право (*nativum et proprium ius*), независимое от какой-либо человеческой власти, наказывать своих преступных подданных как карами духовными, так и карами мирскими».¹⁴

Чтобы ни у кого не осталось сомнения, что, собственно говоря, означают «мирские кары», в богословском комментарии к указанному параграфу сказано следующее: «Учитывая характер совершенного общества, коим является церковь, она может накладывать любые кары для достижения своих целей и защиты социального порядка (!). Поэтому у нас нет оснований не признать, что церковь могла бы также наложить кару смертной казни, если в каком-либо случае она найдет это необходимым. Тот факт, что церковь фактически лишена возможности осуществлять некоторые мирские наказания по причине отсутствия карательных средств, вовсе не значит, что она не имеет права приговаривать к ним».¹⁵

Согласно старому Кодексу, коммунисты автоматически (*ipso facto*) отлучались от католической церкви. В комментарии к параграфу 2314 Кодекса, в котором говорилось, что все виновные в отступничестве от христианской веры, ереси и раскольнической деятельности автоматически отлучаются от церкви, отмечалось: «Это преступление совершают все те, кто публично исповедует материалистическую антихристианскую доктрину коммунистов и в особенности те, кто ее защищает и проповедует».¹⁶ Хотя после II Ватиканского собора церковь отказалась от политики отлучений, она до сих пор не отменила указанных выше статей Кодекса канонического права.

Некоторые защитники инквизиции ссылаются на то, что идея нетерпимости вовсе не является особенностью христианской веры, что она была свойственна восточным деспотиям, греческому и римскому обществу. Так, например, пытается оправдать инквизицию

¹³ Ottaviani A. *Institutionis iuris Publici Ecclesiastici*, v. 1, Roma, 1958, p. 293.

¹⁴ *Codigo de Derecho Canonico y legislacion complementaria*. Madrid, 1950, p. 795.

¹⁵ *Ibid.*, p. 796

¹⁶ *Ibid.*, p. 835–836.

американский клерикальный историк Уильям Томас Уолш.¹⁷

Другие утверждают, что необходима определенная скидка за счет жестокости нравов, якобы характерной для средних веков.

Наряду со «стыдливymi» адвокатами инквизиции еще бытуют и откровенные ее апологеты.

Воинствующие мракобесы, главным образом из числа клерикальных сторонников покойного диктатора Франко, этого стойкого последователя «благородных традиций» церковного трибунала, не только оправдывают преступления средневековой инквизиции, но и ратуют за применение инквизиционных методов в наше время. Один из таких неоинквизиторов, испанский монах-августинец Мигель де ла Пинта, в книге, превозносящей в середине XX столетия кровавые деяния инквизиции, вопрошает: «Разрешите мне сформулировать следующий вопрос: когда общество наводнено проповедниками атеизма, то есть ниспровергателями Божества, когда в наших современных и прекрасных городах силы Зла источают развращающие флюиды сатанической гордыни, покрывая презрением все моральные и этические постулаты, когда эти города полны «юберменшей», то разве не будет неотвратимой потребностью человечества создать трибуналы, в задачу которых входило бы осуществлять полицейские репрессии, применяя энергичные и действенные методы, и не все ли равно, будут ли эти трибуналы именоваться полицейскими департаментами или генеральной инквизицией? Вот и все!»¹⁸

Сколько патологической ненависти в этих словах испанского августинца! Но кого может убедить такого рода аргументация? Неспроста профессор теологии бургосской семинарии Николас Лопес Мартинес жалуется: «До сих пор никто убедительно не доказал необходимость и потребность в инквизиции».¹⁹ Это, однако, не мешает и ему в свою очередь оправдывать инквизицию, которая, по его словам, является жертвой клеветы. «Весь мир знает, — прокламирует не без апломба Н. Лопес Мартинес, — что ее одобряли папы римские и подавляющее большинство самых видных богословов. Поэтому предполагать, что инквизиция была учреждением с крайне порочными целями, означало бы растоптать авторитет папского престола и верить в чудовищную коллективную испорченность всего исторического периода».²⁰

Все эти аргументы подавляющего большинства нынешних адвокатов инквизиции вовсе не оригинальны. Они перепевают, несколько модернизировав, основные положения старого апологета инквизиции, идеолога французской реставрации Жозефа де Местра,²¹ написавшего, пребывая в эмиграции в Петербурге в 1815 г., в ее защиту известный памфлет «Письма одному русскому дворянину об инквизиции». Этот памфлет был издан в Париже в 1821 г. и с тех пор является источником вдохновения для всех ревнителей «священного» трибунала вплоть до наших дней.

Хотя Жозеф де Местр касался только испанской инквизиции, упраздненной в 1812 г. кадикскими кортесами, он пытался обелить инквизицию в целом и доказать ее

¹⁷ Walsh W. Th. *Personajes de la Inquisicion*. Madrid, 1948, p. 24

¹⁸ Pinta Llorente M. de la. *La Inquisicion Espanola y los problemas de la cultura y de la intolerancia*. Madrid, 1953, p. 7–8.

¹⁹ Lopez Martinez N. *Los judaizantes castellanos y la Inquisicion en tiempo de Isabel la Catolica*. Burgos, 1964, p. 11.

²⁰ *Ibid.*, p. 258–259

²¹ Жозеф де Местр (1753–1821), граф, иезуит, числился при царском дворе в 1803–1817 гг. посланником лишенного власти сардинского короля.

общественную полезность. Рассмотрим вкратце его аргументацию. Де Местр начинает с утверждения, что все великие государственные деятели отличаются нетерпимостью к инакомыслящим, и они должны быть нетерпимыми, так как в этом залог их успехов. Существой во Франции инквизиция, наверняка в этой стране не произошло бы революции 1789 г.

После этих «теоретических» рассуждений де Местр переходит к обоснованию своего основного тезиса: «За все, что имеется в деятельности трибунала (инквизиции — И. Г.) жестокого и ужасного, в особенности смертные приговоры, несет ответственность светская власть, это ее дело, за что от нее и только от нее одной следует требовать ответа. Напротив, за все милосердие, игравшее столь великую роль в деятельности трибунала, несет ответственность церковь, которая интересовалась пытками только постольку, поскольку она пыталась их отменить или смягчить. В этом отношении церковь всегда оставалась неизменной. Сегодня это уже не ошибка, это преступление утверждать или даже только вообразить, что священники могут выносить смертные приговоры».²² Во всех этих утверждениях нет ни слова правды.

Церковники посылали на смерть людей задолго до Жозефа де Местра и много лет спустя после его страстного, но столь же бездоказательного памфлета в защиту инквизиции. Но стоит ли сегодня опровергать Жозефа де Местра, когда в каноническом кодексе черным по белому оговорено право церкви выносить смертные приговоры вероотступникам?

Что касается костров и пыток, то и в этом вопросе де Местр пытался переложить ответственность с инквизиции на государство, оправдывая одновременно их применение. «Инквизиция, — утверждал де Местр, — по своей природе добра, нежна и консервативна, таков всеобщий и неизменный характер всякого церковного института. Но если гражданская власть, используя это учреждение, считает полезным для своей собственной безопасности сделать его более строгим — церковь не несет за это ответственности».²³

Де Местр, по-видимому, не отдавал себе отчета, что приравнивая инквизицию к светским чрезвычайным трибуналам, он, сам того не желая, разоблачал ее как инструмент, с помощью которого власть имущие подавляли сопротивление народных масс.

Памфлет де Местра в защиту инквизиции в известной степени оказался холостым выстрелом, ибо еще до того, когда он увидел свет, в 1817 г. во Франции вышло четырехтомное сочинение «Критическая история испанской инквизиции» бывшего секретаря этого учреждения священника Хуана Антонио Льоренте, неопровержимо разоблачившего на основе огромного количества архивных документов кровавые деяния «священного» трибунала. Переведенная на многие европейские языки «Критическая история» Льоренте заставила замолчать на многие годы апологетов инквизиции. Другим не менее чувствительным ударом для них явилось трехтомное сочинение «История инквизиции в средние века» американского историка Генри Чарлза Ли, впервые опубликованное в 1888 г. Непревзойденная до сих пор по богатству использованных источников работа Ли признается даже некоторыми рьяными защитниками церкви как «самая широкая, самая глубокая и самая скрупулезная история инквизиции» из всех, написанных на эту тему.²⁴

Папский престол, хотя и вынужден был под напором общественного мнения прикрывать в своих владениях трибуналы инквизиции, продолжал до самых последних дней

²² Maistre J. de. Considerations sur la France, suivi de l'essai sur le principe generateur des constitutions politiques, et des lettress a un gentilhomme russe sul l'Inquisition Espagnole. Bruxelles, 1858, p. 297–298.

²³ Maistre J. de. Considerations sur la France, suivi de l'essai sur le principe generateur des constitutions politiques, et des lettress a un gentilhomme russe sul l'Inquisition Espagnole. Bruxelles, 1858, p. 286.

²⁴ Vacandard E. The Inquisition. A critical and historical study of the coercive power of the church. New York, 1940, p. VI.

существования папского государства (1870) отстаивать свое право на преследование еретиков и применение к ним «принудительных мер», т. е. продолжал отстаивать право на существование инквизиции. В апостолическом письме от 22 августа 1851 г. Пий IX осуждал тех, кто пытается «лишить церковь внешней юрисдикции и власти принуждать, данной ей для обращения грешников на путь истинный». А в печально известном «Силлабусе»²⁵ предаются анафеме все те, кто утверждает, что «церковь не имеет права пользоваться силой».²⁶

В конце XIX в., когда католическая церковь при папе Льве XIII перестроилась и вступила в союз с буржуазией для совместной борьбы с революционным рабочим движением, ее идеологи отважились вновь выступить в защиту «священного» трибунала. Многие из них, как мы уже показали, повторяют, аргументацию своего наиболее блистательного, но столь же неудачливого предшественника Жозефа де Местра. Другие, в особенности из числа пресловутых борцов против коммунизма, восхваляют инквизицию за «действенность» ее методов в борьбе с еретиками.

На «ортодоксальных» позициях защитника инквизиции стоял известный испанский историк и литературовед Мар-селино Менендес-и-Пелайо (1856–1912), взгляды которого по этому вопросу изложены в его четырехтомном труде по истории испанских еретических учений,²⁷ опубликованном в конце 70-х годов прошлого столетия. Хотя это сочинение было написано Менендесом-и-Пелайо в 20-летнем возрасте, оно основано на огромном количестве первоисточников и считается в своем роде классической работой. Подробно рассматривая различного рода ереси, существовавшие в Испании с первых веков христианства вплоть до XIX столетия включительно, автор не только оправдывает их преследование, но даже превозносит и прославляет действия инквизиции.

Взгляды по этому вопросу Менендеса-и-Пелайо заслуживают внимания, так как его аргументацией все еще пользуются клерикальные и церковные авторы, защищающие «честь и славу» испанского «священного» трибунала.

В своих рассуждениях об инквизиции Менендес-и-Пелайо исходит из следующей посылки: «Испанский гений в высшей степени пропитан католическим духом, ересь среди нас — случайное и временное явление».²⁸ Но если ересь — «случайность и временное явление» для Испании, то, спрашивается, стоило ли «городить огород» и учреждать инквизицию для борьбы с призраками?

Истинно верующий не может не одобрять действий инквизиции, утверждает Менендес-и-Пелайо. «Кто признает, — пишет он, — что ересь есть серьезнейшее преступление и грех, взывающий к небу и угрожающий существованию гражданского общества, кто отвергает принцип догматической терпимости, то есть безразличное отношение и к истине и к ошибке, тот обязательно должен признать духовное и физическое наказание еретиков, тот должен согласиться с инквизицией».²⁹

Согласно автору, изгнание иудеев из Испании в конце XV в. было неизбежным следствием антииудейских настроений, которые якобы преобладали в испанском обществе в

²⁵ «Полном перечислении главных заблуждений нашего времени», изданном в 1864 г. в виде приложения к энциклике «*Quanta cura*»

²⁶ *Ecclesia vis inferendai potestatem non habet*

²⁷ См.: Menendez y Pelayo M. *Historia de los Heterodoxos espanoles*, v. 1–4. Buenos Aires, 1945

²⁸ Menendez y Pelayo M. *Historia de los — Heterodoxos espanoles*, v. 1, p. 51.

²⁹ Menendez y Pelayo M. *Historia de los Heterodoxos espanoles*, v. 3, p. 284

«Решение католических королей, — утверждает испанский «эрудит», — не было ни плохим, ни хорошим, оно было единственно возможным и исторически неизбежным в тех условиях».³¹ Но даже если принять точку зрения автора о том, что антииудейские настроения охватывали в XV в. все слои испанского общества, хотя это, как мы увидим, не соответствовало действительности, остается вопрос об ограблении марранов³² и других многочисленных жертв инквизицией и короной, который Менендес-и-Пелайо обходит молчанием.

Автор считает «отвратительной эту расовую борьбу — главную причину упадка Испании», что не мешает ему повторять басни о ритуальных убийствах, которые якобы практиковали обращенные. Однако даже он вынужден признать, что изгнание иудеев и преследование инквизицией «новых христиан» не способствовало укреплению религиозного единства, а, наоборот, замедлило его осуществление.

Для Менендеса-и-Пелайо нетерпимость — «обязательный закон человеческого разума в здоровом состоянии».³³

Он, однако, признает, что нетерпимость в лице испанской инквизиции действовала в интересах феодально-абсолютистской монархии: «Разве существует такая религиозная система, которая своей организацией и деятельностью не связана с политическими и социальными областями? Никогда не нападают на религиозное здание без того, чтобы не дрожало и не рушилось социальное здание».³⁴

В то же самое время Менендес-и-Пелайо полемизирует с теми, кто считает испанскую инквизицию инструментом королевского абсолютизма: «Она была церковной по своей сути, и ее судьи никогда не именовались королевскими, а всегда апостолическими инквизиторами. Кто станет сомневаться, что испанская инквизиция была тем же самым, что и римская инквизиция, как по делам, которые она рассматривала, так и по своим методам?».³⁵ Методы-то были одинаковы, но цели у них были разные. Если испанская инквизиция была инструментом на службе испанского абсолютизма, то папская инквизиция в первую очередь служила интересам католической контрреформации.

И совсем необоснованной и нелепой является попытка Менендеса-и-Пелайо доказать, что инквизиция была своеобразной формой проявления демократии в Испании XV–XVIII вв. Автор утверждает: «Те, кто осуждает инквизицию как орудие тирании, должны будут сегодня признать, что она была народной тиранией, тиранией расы и крови, гордым народным голосованием, демократической справедливостью, которая уравнила все головы — от короля до плебея и от епископа до магната».³⁶ Исторические факты опровергают это утверждение. Инквизиция силой, террором была навязана испанскому народу церковью и королевской властью. Народ избавился от этой формы «демократии» при первой же предоставленной ему историей возможности. И если все народные движения в Испании

³⁰ Королевский эдикт от 1492 г. предписывал изгнание из страны иудеев, не принявших католической веры.

³¹ Menendez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos espanoles, v. 2, p. 280

³² Так называли иудеев, принявших католичество

³³ Menendez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos espanoles, v. 2, p. 283

³⁴ Menendez y Pelayo M. Historia de los Heterodoxos espanoles, v. 2 p. 285

³⁵ Ibid., p. 286.

³⁶ Ibid., v. 4, p. 100

отличались резкими антицерковными выступлениями, то одна из причин тому — столетия господства инквизиции.

Для современных апологетов испанской инквизиции весьма характерны взгляды уже знакомого читателю профессора теологии Николаса Лопеса Мартинеса. Он с пеной у рта отстаивает право церкви и светской власти преследовать и наказывать еретиков, мотивируя это тем, что ересь «нарушает социальный порядок».³⁷ Это — откровенное признание в том, что инквизиция служила интересам господствующих эксплуататорских классов.

Возникает естественный вопрос: если инквизиция, как утверждают ее апологеты, была божественным институтом и поддерживала идеальный христианский социальный порядок, воплощенный в испанской монархии, то почему все-таки этот порядок рухнул, а вместе с ним и этот инструмент «божественного провидения»? Потому, отвечает Лопес Мартинес, что инквизиция действовала недостаточно решительно (!) и поэтому не смогла полностью справиться с «еретическими, по сути революционными движениями», раздиравшими Испанию после 1492 г.³⁸

Другой католический историк, Висенте Паласио Атард, призывает к «объективности» в изучении инквизиции. «Чтобы понять инквизицию, — вещает он, — необходимо отказаться от полемического задора. Это нам поможет уразуметь, что инквизиция сама по себе вовсе ни хороша, ни плоха, что она не есть институт божественного права, а создана людьми и поэтому несовершенна».³⁹

Паласио Атард призывает справедливо, объективно трактовать инквизицию, учитывая все смягчающие ее вину обстоятельства: эпоху и людские слабости, извечное несовершенство человеческих институтов, якобы не в меру пылкий темперамент испанцев и тому подобное. Он помнит обо всем, только забывает о жертвах инквизиции, о ее преступлениях. И это естественно, ведь его цель — выгородить и оправдать палачей «священного» трибунала...

Хотя колониальная инквизиция давно уже ушла в небытие в Латинской Америке, но ее практику в области преследования прогрессивных деятелей, борцов за свободу и национальную независимость, ее методы — террор, пытки, истязания не только унаследовали, но и превзошли реакционные режимы, вдохновляемые в наше время американскими империалистами.

Неудивительно поэтому, что и сегодня находятся защитники колониальной инквизиции, оправдывающие ее преступления.

Мексиканский реакционный историк Альфонсо Хунко в своей книге «Следствие по делу об инквизиции»⁴⁰ силится убедить своих читателей, что колониальная инквизиция действовала, исходя из благородных побуждений, что пытки она применяла «гуманно», что относилась с «уважением» к своим жертвам, отражала «демократические» интересы, означала шаг вперед в юриспруденции, защищала культуру и т. д. Разумеется, что Хунко не утруждает себя привести какие-либо доказательства в подтверждение своих утверждений, да таких доказательств у него и нет. Хунко заявляет, что восхваляет инквизицию в интересах исторической правды. В действительности он это делает с целью оправдать современный террор и преследование прогрессивных деятелей, которые реакция осуществляет тоже из «благородных побуждений», якобы исходя из интересов демократии и «христианской цивилизации».

³⁷ Lopez Martines N. Los judaizantes castellanos y la Inquisicion... p. 264

³⁸ Lopez Marlines N. Los judaizantes castellanos y la Inquisicion... p. 374

³⁹ Palacio Atard V. Razon de la Inquisicion. Madrid, 1954, p. 14

⁴⁰ Junco A. Inquisicion sobre la Inquisicion. Mexico, 1951

С таким же беспардонным цинизмом оправдывает колониальную инквизицию иезуит Мариано Куэвас в своей пятитомной истории католической церкви в Мексике. Он заявляет, что инквизиция была ниспослана в испанские колонии «божьем провидением» и являлась «священным обновляющим» институтом.

Иезуит Куэвас пишет: «Конечно, достоин сожаления тот факт, что над Новой Испанией⁴¹ простиралась угрожающая и беспощадная десница инквизиции, сжимающая обнаженную шпагу, направленную своим острием против народа. Но так как в народе из-за общей испорченности человеческого рода имеются вредоносные члены, действующие во имя любви и благородных идеалов не иначе как под страхом огня и меча, то применение огня и меча необходимо, весьма желательно в интересах сохранения общества. Поэтому выступают в роли глупцов те, кто нападают на трибунал (инквизиции. — И. Г.), справедливым действиям которого мы в значительной степени обязаны лучшими годами нашей общественной и религиозной жизни».⁴²

Однако среди современных апологетов инквизиции есть и такие, которые считают безудержное восхваление ее деятельности и стремление во что бы то ни стало оправдать все ее преступления вредными и опасными для интересов церкви. Они выступают, по крайней мере на словах, за научную, объективную трактовку истории инквизиции, исходя из того, что самая горькая правда выгоднее церкви, чем ложь, тем более, что подлинная правда об инквизиции теперь уже всем известна.

Родоначальником этой «объективной» клерикальной школы является французский аббат Е. Вакандар, опубликовавший в 1906 г. свою «критическую» историю инквизиции, переиздававшуюся с тех пор много раз на разных языках. Порицая церковных авторов, оправдывавших преступные методы инквизиции ссылками на деятельность светских судов, Вакандар писал: «Если инквизиция Кальвина и французских революционеров заслуживает осуждения человечества, то из этого вовсе не следует, что инквизиция католической церкви может быть оправдана... Мы должны изучать и судить этот институт объективно, с точки зрения морали, справедливости и религии, вместо того чтобы сравнивать его эксцессы с предосудительными действиями других трибуналов».⁴³

Развивая эту идею, аббат Вакандар предупреждал не в меру ретивых защитников «священного» трибуна: «Католический апологет действует вопреки своему долгу, если он пишет только для утешения верующего. Исходя из того, что история инквизиции неизбежно вскроет дела, о существовании которых мы даже никогда не подозревали, наши предрассудки не должны служить помехой для честного отношения к фактам. Единственно чего мы должны страшиться — это упрека в том, что мы боимся правды».⁴⁴

Вакандар обязался писать правду, правду и только правду. Как же он выполнил это обязательство? Он добросовестно переписал из трудов Г. Ч. Ли неоспоримые сейчас факты о террористической деятельности инквизиции. Он даже признал, что папы римские, соборы и инквизиторы, хотя и не участвовали непосредственно в вынесении смертных приговоров, тем не менее были кровно заинтересованы в казни еретиков, переданных на расправу светским властям. «Доказано вне всякого сомнения фактами и документами, — пишет Вакандар, — что церковь в лице своих пап использовала все средства, имевшиеся в ее распоряжении, включая отлучение, чтобы заставить светские власти казнить еретиков. Отлучения особенно боялись, так как, согласно каноническим законам, отлученный, если

⁴¹ Название Мексики в период испанского владычества

⁴² Cuevas M. Historia de la Iglesia en Mexico. Mexico, 1946, v. 3, p. 152

⁴³ Vacandard E. The Inquisition... p. V–VI

⁴⁴ Ibid., p. VIII–IX

оно с него не снималось в течение года, мог быть осужден на смерть. Поэтому у тогдашних правителей не было другого средства избежать этого наказания, как беспрекословно выполнять приговоры церкви». ⁴⁵

Не отрицая ответственности папства и церкви за деяния инквизиции, Вакандар пытается обелить их. Церковь, заявляет французский аббат, передает людям полученные ею путем откровения истины, необходимые для их спасения. «Если для защиты этих истин она использует в одном веке средства, осуждаемые последующим веком, то это всего лишь доказывает то, что она следует обычаям и идеям, господствующим в окружающем ее мире. Но церковь строго следит за тем, чтобы люди не сочли ее действия непогрешимыми и вечными правилами абсолютной справедливости. Она с готовностью признает, что иногда может и ошибаться в выборе практических средств. Система защиты и обеспечения, использованная ею в средние века, оказалась по крайней мере в некоторой степени успешной. Мы не можем утверждать, что она была абсолютно несправедливой и абсолютно аморальной». ⁴⁶

В свое время Жозеф де Местр утверждал, что ему ничего не известно о преступлениях инквизиции. В наш век аббат Вакандар заявляет, что знает о них все. Значит, он осуждает инквизицию? Нет, он ее оправдывает. Инквизиция совершала гнусные преступления? — вопрошает «объективный» Вакандар. Да, но не следует их преувеличивать, к тому же церковь вовсе не считает себя непогрешимой.

Но ведь инквизиция посылала на костер именно тех, кто сомневался в непогрешимости церкви? И на этот «каверзный» вопрос у аббата припасен хитрый ответ. Он не только не отрицает вышеуказанный факт, но с удовлетворением отмечает, что церковь действительно и весьма успешно расправлялась с такого рода «скептиками». Однако, спешит оговориться Вакандар, подобные расправы вовсе не являлись «системой подавления», а были «системой защиты» церкви от угрожавших ей еретиков, а такую «систему защиты» никак нельзя назвать «абсолютно несправедливой и абсолютно аморальной». Итак, по Вакандару получается, что в кровавых деяниях инквизиции повинны еретики, ибо не будь их, не было бы инквизиции с ее преступлениями...

У Вакандара оказался целый ряд последователей, которые и в наше время продолжают с таких же «объективных» позиций излагать историю инквизиции, пытаясь всевозможными софизмами оправдать ее преступные действия.

Один из единомышленников Вакандара французский епископ Селестен Дуэ утверждал, что создание инквизиционных трибуналов якобы было в интересах еретиков, так как спасало их от погромов, массовых расправ и бесконтрольных преследований со стороны светских властей, заинтересованных в присвоении их собственности. Инквизиция же обеспечивала им «справедливый» суд. «Трибуналы инквизиции, — писал Селестен Дуэ, — также способствовали сохранению цивилизации эпохи, ибо они укрепляли порядок и препятствовали распространению острого зла, защищали интересы века и действительно охраняли христианскую идеологию и социальную справедливость». ⁴⁷

Такие же взгляды высказывает современный историк инквизиции американский прелат Шэннон. Он заявляет, что «установление священных трибуналов со специально назначенными судьями, постоянно ведущими борьбу с ересью, было не необходимым, но безусловно логическим следствием прогресса в церковном законодательстве, касающемся искоренения ереси». ⁴⁸

⁴⁵ Ibid., p. 129–130

⁴⁶ Vacandard E. The Inquisition... p. 187

⁴⁷ Douais C. L'Inquisition, sus origenes, sa procedure. Paris, 1906, p. 63

⁴⁸ Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century. Villanova, Penn., 1949, p. 57

По-видимому, такого рода аргументация в защиту инквизиции была хорошо известна Бернарду Шоу, инквизитор которого из драмы «Святая Иоанна», написанной в начале 20-х годов нашего века, почти дословно повторяет ее в сцене суда над Орлеанской девой. «Еретику, — говорит этот персонаж знаменитого английского сатирика, — в руках святой инквизиции не грозит насилие, ему обеспечен здесь справедливый суд, и даже в случае виновности смерть не постигнет его, если раскаяние последует за грехом».⁴⁹

Чем не рассуждения Вакандара и ему подобных ревнителей инквизиции! Впрочем, их взгляды на инквизицию разделяют далеко не все церковники. Уже цитированный нами испанский теолог Николас Лопес Мартинес, отстаивающий право церкви и в наше время применять насильственные меры против своих идейных противников, резко критикует Вакандара за то, что тот якобы делает уступки врагам церкви, оставляя за нею право лишь на моральное воздействие, хотя многовековая практика инквизиции и авторитетные высказывания отцов церкви опровергают подобные «вольнодумные» взгляды.⁵⁰

Наконец, следует упомянуть еще об одной школе буржуазных историков инквизиции, считающих, что ее деятельность была направлена в основном против иудеев.⁵¹ Но такой взгляд на инквизицию не соответствует исторической правде. Действительно, в Испании и ее заморских владениях, а также в Португалии в отдельные периоды деятельности инквизиции иудеи подвергались преследованиям, но в других католических странах этого не наблюдалось. Более того, в папских областях инквизиция вовсе не преследовала иудейское население, а иудейские банкиры ссужали римских пап деньгами даже в периоды жесточайших гонений на их иберийских единоверцев. Зато инквизиция всегда преследовала и осуждала плебейских еретиков, свободомыслящих, поборников социальной справедливости, противников колониального гнета, ученых, опровергавших своими открытиями религиозные догматы, борцов за общественный прогресс — от великих провидцев средневековья до коммунистов нашего времени.

Итак, вопрос о месте инквизиции в истории, ее целях и методах деятельности продолжает волновать исследователей различных направлений.

Инквизиция, таким образом, еще далеко не закрытая страница истории. Спор о ней продолжается...

ОТ АДАМА И ЕВЫ...

Существуют самые различные мнения о том, что, собственно говоря, следует понимать под инквизицией и каковы ее хронологические рамки.

Если под инквизицией понимать осуждение и преследование господствующей церковью инакомыслящих — вероотступников, то хронологические рамки инквизиции следует расширить на всю историю христианской церкви — от ее возникновения по настоящее время, ибо епископы еще со времен раннего христианства и по сей день присвоили себе право осуждать и отлучать от церкви тех верующих, которых они считают еретиками.

Некоторые исследователи толкуют этот вопрос еще шире, считая, что инквизиция является характерным атрибутом не только католической, но и протестантской и

⁴⁹ Цит. по: Хьюз Э. Бернард Шоу. М., 1968, с. 182

⁵⁰ Lopez Martinez N. Los judaizantes castellanos y la Inquisicion... p. 269

⁵¹ См.: Amador de los Rios J. Historia Social, politica y religiosa de los judios en Espana y Portugal. Madrid, 1875–1876, v. 1–3— Baer F Die Juden in christlichen Spanien. Berlin, 1929. Bd. 1–3; Nenman Abraham A. The Jews in Spain. Philadelphia, 1944, v. 1–2

православной церковью.

Если же инквизицию понимать в более узком смысле, подразумевая под этим термином деятельность особых трибуналов католической церкви, преследовавших еретиков, то ее рамки суживаются от возникновения этих трибуналов в XII–XIII вв. до их повсеместной отмены в первой половине XIX в. Но и после этого в системе папской курии в Ватикане вплоть до 1966 г. существовала конгрегация инквизиции («священная канцелярия»).

Сторонников «широкой» и «узкой» трактовки инквизиции можно найти как среди церковных, так и светских историков.

Первым, кто сформулировал «широкую» точку зрения на историю инквизиции, был сицилийский инквизитор испанец Луис Парамо, опубликовавший в 1598 г. в Мадриде книгу на латинском языке «О происхождении и развитии святой инквизиции».⁵² Трактат Парамо считается первым трудом по истории инквизиции, написанным с точки зрения официальной доктрины католической церкви. Он служил как бы ответом на появившуюся протестантскую литературу, разоблачавшую ужасы инквизиции. В своей усердии оправдать деятельность «священного» трибунала Парамо начинал его историю чуть ли не с сотворения мира. Первым инквизитором, уверял он, был сам господь бог, а первыми еретиками — Адам и Ева. Бог, утверждал Парамо, изгнал из рая провинившихся перед ним Адама и Еву, предварительно учинив им тайный допрос и суд. «Инквизиторы, — утверждал Парамо, — следуют точно такой же процедуре, которую они переняли от самого бога».⁵³

Одежду, которой прикрыли свою наготу Адам и Ева после неосмотрительного вкушения от запретного плода, Парамо считает первым «санбенито» — позорящим одеянием, носить которое приговаривались жертвы инквизиции, а изгнание прародителей рода человеческого из рая он называет первой конфискацией... «вечного блаженства», прототипом тех более осязаемых конфискаций, которые впоследствии инквизиция применяла по отношению к имуществу своих жертв.

Всего этого богу, по-видимому, показалось недостаточно; он осудил людей терпеть вплоть до «страшного суда» бесчисленные болезни, эпидемии, потопа, землетрясения, холод и голод, войны; бог приговорил людей рождаться в нестерпимых муках, добывать себе хлеб насущный в поте лица своего и испытывать животный страх перед смертью. Даже земная жизнь праведника полна всевозможных мытарств, терзаний и испытаний.

Но если так жестоко поступил бог с прародителями рода человеческого и праведниками, утверждали средневековые апологеты инквизиции, то его гнев по отношению к непокорным и строптивым потомкам Адама и Евы вообще не знал предела. Разве не уничтожил он посредством потопа все человечество, пощадив только Ноя и его семью; разве не сжег он живьем все население Содомы и Гоморры, пролив на них «дождем серу и огонь» (Быт. 19:24);⁵⁴ разве не истребил он 14700 человек, осмелившихся роптать против Моисея во время странствований иудеев в пустыне; разве не послал он ядовитых змеев на тех, кто «малодушествовал» в пути (Чис. 21:4,6); разве не убил он 50 070 жителей г. Вифсамиса только за то, что они «заглядывали в ковчег господ»?

По сравнению с этими массовыми побоищами библейского бога — а мы перечислили только их незначительную толику — преступления Торквемады могут показаться чуть ли не детскими забавами.

Библейский бог был не только непреклонно беспощадным и сверх меры жестоким к тем, кто отходил от его заповедей или ошибочно толковал его таинственные

⁵² «De origine et progressu Officii Sanctae Inquisitionis»

⁵³ Цит. по: Le Manuel des Inquisiteurs, a l'usage des Inquisitions d'Espagne et de Portugal. Lisbonne, DCCLXII, p. 182–183

⁵⁴ сбросив атомную бомбу, по мнению некоторых сверхсовременных толкователей Библии

«неисповедимые пути», он требовал от своих последователей такого же подхода, такой же жестокости и беспощадности ко всем отступникам, в особенности в тех случаях, когда они пытались «совратить» правоверных. «Если, — поучал бог своих последователей в Ветхом завете, — будет уговаривать тебя тайно брат твой, сын матери твоей, или сын твой, или дочь твоя, говоря: «пойдем и будем служить богам иным, которых не знал ты и отцы твои»... то не соглашайся с ним и не слушай его; и да не пощадит его глаз твой, не жалеет его и не прикрывай его, но убей его; твоя рука прежде всех должна быть на нем, чтоб убить его, а потом руки всего народа» (Втор. 13:8–9).

Иисус Христос, согласно Парамо, был «первым инквизитором Нового завета. Он приступил к обязанностям инквизитора на третий день после своего рождения, когда сообщил через трех королей-волхвов, что явился на свет, и потом, когда умертвил Ирода, заставив червей съесть его... После Иисуса Христа св. Петр, св. Павел и другие апостолы занимали должность инквизиторов, которую они передали последующим папам и епископам».⁵⁵

Итак, не без удовлетворения отмечал Парамо, — «дерево инквизиции зеленело и цвело, и расходились его корни и ветви по всему миру, и приносило оно сладчайшие плоды».⁵⁶

Естественно, что подобного рода ссылки на Библию позволяли церковникам, с одной стороны, доказать «законное», «божественное» происхождение «священного» трибунала, а с другой стороны — его якобы «извечный» характер.

Точка зрения Парамо на инквизицию на протяжении столетий перепевалась на разные лады церковными авторами. Ее повторяет, например, Марино Марини, один из ближайших сотрудников папы Пия IX в своем трактате, посвященном инквизиционному процессу над Галилеем. Марини утверждал: «Инквизиционный трибунал столь древний, что следует считать самого Иисуса Христа его основателем и законодателем».⁵⁷

Современные апологеты церкви также признают, что она на протяжении всей своей истории преследовала ереси и еретиков. Уже цитированный нами У. Т. Уолш пишет, что церковь «в течение двух тысяч лет проявляла нетерпимость ко всякого рода ошибкам, где бы они ни проявились, в особенности к таким, которые оскорбляли величие бога... Таким образом, нетерпимость не является ее наиболее типичной особенностью, это просто оборонительное оружие, доверенное ей всевышним вместе с ее божественной миссией».⁵⁸ Е. Вакандар стоит на таких же позициях. Первый период истории инквизиции он относит к IV–V в. н. э., когда епископы, следуя примеру мифических Петра и Павла, отлучали от церкви и предавали анафеме христиан, отклонившихся, по их мнению, от официальных доктрин.

Разумеется, в более ранний период церковь была лишена возможности физически расправляться с теми, кого она считала вероотступниками. Только в IV в., когда господствующей религией в Римской империи стало христианство, церковь переходит от «слов» (отлучений) к «делу» (насилию).

Некоторые светские историки также трактуют историю инквизиции в «широком» плане. Так, в статье об инквизиции, опубликованной в «Британской энциклопедии», говорится: «Неправильно утверждать, что инквизиция появилась в XIII в. в готовом виде со всеми ее принципами и учреждениями. Это был результат или, вернее, еще один шаг вперед

⁵⁵ Le Manuel des Inquisiteurs... p. 190

⁵⁶ Ibid., p. 191

⁵⁷ Marini M. Galileo e L'Inquisizione. Memorie storico-critiche dirette alia Romana Accademia di Archeologia. Roma, 1850, p. 11

⁵⁸ Walsh W. Th. Personajes de la Inquisicion, p. 33

в процессе развития, начало которого восходит по крайней мере к IV столетию». ⁵⁹

Автор статьи делит историю инквизиции на два больших периода: епископальный период с IV по XIII в., когда преследованием еретиков занимались епископы, и монашеский — с XIV по XIX в., когда действовали инквизиционные трибуналы, руководимые доминиканскими и францисканскими монахами.

Такая же периодизация истории инквизиции была принята в русской дореволюционной историографии. Ее разделял М. Покровский ⁶⁰ и известный испанист В. Пискорский. Последний, кроме епископальной и монашеской инквизиции, выделял еще испанскую инквизицию. ⁶¹ В советской историографии в 20-х годах преобладала широкая трактовка истории инквизиции. Этот взгляд был так сформулирован обществом «Атеист» в послесловии к книге С. Г. Лозинского «Святая инквизиция»: «Начало инквизиции (в другой форме и под другим названием) совпадает с началом самой христианской церкви. И точно так же неправильно хронологическое ограничение инквизиции средними веками. Она существует до настоящего времени. В составе учреждений папской администрации в Риме до сих пор имеется «Святая Служба Инквизиции» (Подразумевается конгрегация священной канцелярии). Если в данный момент церковь не подвергает своих врагов суду, пыткам, сожжению, то это объясняется исключительно тем, что светская власть не подчиняется требованию церкви проводить в жизнь постановления ее судов». ⁶²

Разумеется, инквизиция не возникла на «пустом месте». Созданию «священных» трибуналов предшествовала многовековая борьба правящих кругов церкви с ересью, в процессе которой вырабатывались также и богословские обоснования необходимости применения к еретикам различных видов и форм насилия, вплоть до их физического истребления. Это была нелегкая задача, ибо теологам пришлось для оправдания инквизиции подменить «религию любви», за которую выдает себя христианство, «религией ненависти». На такую трансформацию ушли столетия.

Уже известный читателю французский епископ Селестен Дуэ, не отрицая, что церковь всегда выступала против инакомыслящих, в то же самое время утверждал: отличительной чертой инквизиции является не столько характер рассматриваемого ею преступления, судебная процедура или форма наказания, сколько наличие постоянного судьи, наделенного полномочиями для преследования еретиков. ⁶³ Американский историк инквизиции священник Шэннон полностью разделяет это мнение. «Подлинная инквизиция, — пишет он, — является учреждением, установленным святым престолом, со специально назначенными судьями для расследования, суда и вынесения приговора еретикам». ⁶⁴ Он отметил, что сам термин «инквизиция» (от лат. *inquisitio* — расследование) появляется только с возникновением инквизиционных трибуналов.

Нельзя согласиться ни с мнением инквизитора Пара-мо, возводившего начало инквизиции к расправе, учиненной всевышним над Адамом и Евой, ни с епископом Дуэ,

⁵⁹ Encyclopedia Britanica. Chicago, 1946, v. 12, p. 377

⁶⁰ Покровский М. «Средневековые ереси и инквизиция. — Книга для чтения по истории средних веков». М., 1897, вып. 2, с. 681

⁶¹ с 1480 г., когда она стала функционировать в виде верховного церковного трибунала — Супремы (Пискорский В. Инквизиция. — Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Спб., 1894, т. 13, с. 180.)

⁶² Лозинский С. Г. Святая инквизиция. М., 1927, с. 298

⁶³ Douais C. L'Inquisition, ses origins, sa procedure, p. 40

⁶⁴ Shannon A. C. The Popes and Heresy... p. 49

пытающимся свести историю инквизиции только к деятельности «священных» трибуналов. Дело в том, что с раннего периода существования христианской церкви епископы, и в их числе папы римские, были наделены инквизиторскими полномочиями — расследовать, судить и карать еретиков и пользовались ими на протяжении всей истории церкви. Этими правами они продолжают пользоваться и после роспуска конгрегации священной канцелярии, согласно действующему каноническому праву. Такие же права имели и имеют вселенские соборы. Если исходить из этих фактов, то следует признать, что «священные» трибуналы были отнюдь не единственной формой инквизиции.

Более развернутую периодизацию истории инквизиции дает итальянский прогрессивный историк Р. Лонгоне. Он делит историю этого учреждения на следующие этапы: «примитивная» инквизиция времен раннего христианства; императорская, которая осуществлялась по указаниям христианских императоров римскими префектами и губернаторами; епископальная — от распада римской империи до XIII в.; собственно инквизиция («священный» трибунал), возглавляемая папой и непосредственно руководимая доминиканцами и францисканцами; государственная инквизиция, проводимая совместно светской и церковной властью (князем, королем или императором) при поддержке церковной иерархии; испанская инквизиция, возглавляемая великим инквизитором, назначаемым королем и утверждаемым в должности папой римским; колониальная (испанская и португальская) инквизиция и, наконец, всеобщая, или вселенская, она же римская, инквизиция в лице конгрегации священной канцелярии, просуществовавшая с 1542 г. до наших дней.⁶⁵

Однако в этом вопросе трудно установить какие-то твердые рамки. В многовековой запутанной истории католической церкви не всегда можно разграничить инквизиторскую деятельность епископов и «священных» трибуналов. Известны случаи, когда при наличии инквизиции церковь использовала епископов или другие церковные инстанции для расправы со своими идейными противниками, как это имело место в деле Лютера или в расправе над Яном Гусом, учиненной Констанцским собором. В последнем случае собор выступал в роли инквизиционного трибунала. Были случаи передачи инквизиторских функций и полномочий самим «священным» трибуналом епископам или уполномоченным монашеских орденов. Так, вскоре после завоевания испанцами колоний в Америке испанская инквизиция поручила выполнять ее функции церковным иерархам в колониях. После же упразднения инквизиционных трибуналов в XIX в. их функции вновь перешли к епископам, которые продолжали карать вероотступников, накладывая на них епитимий и отлучения, хотя отсутствие поддержки со стороны светской власти лишало их возможности физически расправляться с ослушниками.

Современные церковные историки по вполне понятным причинам склонны рассматривать инквизиционный трибунал как характерное явление только для отдельных христианских стран, а не для церкви в целом. Авторитетные исследователи высказывают противоположную точку зрения. Например, французский ученый Жан Гиро считает, что «инквизиция не была свойственна только одной нации или одному району, она действовала почти во всех христианских странах, где ересь выступала против церкви... Таким образом, размах ее деятельности зависел от условий, господствовавших в странах».⁶⁶

Спорным вопросом в историографии является и дата возникновения инквизиционных трибуналов. Этот вопрос решают исследователи по-разному.

Известный немецкий историк прошлого столетия Шлоссер, автор 18-томной всемирной истории, которую конспектировал К. Маркс, считал, что инквизиция сложилась между 1198 и 1230 гг. В знаменитых «Хронологических выписках» Маркса взгляды Шлоссера

⁶⁵ Longone R. Quando ardevano i roghi de la Inquisizione. *Vie Nuove*, 1961, N 27, p. 24

⁶⁶ Guiraud J. *Historic de l'Inquisition...* v. 1, p. VIII–IX

излагаются следующим образом:

В 1198 папой сделался Иннокентий III; он тотчас учреждает комиссию по расследованию и преследованию ереси, назначает своими легатами одного цистерцианского монаха и другого монаха того же ордена, Петра Кастельно, снабжает их письменными приказами, в которых содержатся все элементы последующих судов над еретиками (т. е. инквизиции)... Преследование еретиков усиливается с тех пор, как к папским легатам присоединяются почтенный «святой» (пес) Доминик (основатель доминиканского ордена) и другие фанатичные испанские духовные лица, они побуждают также к вмешательству арагонского короля...

Папа Иннокентий III и св. Доминик. Фреска в церкви Сурбиако, Италия

1229 Григорий IX — с одобрения «святого» Людовика IX — вводит религиозные или инквизиционные суды против еретиков... (этим судам подвергался независимо от сословия тот, кто давал еретикам приют или защиту или же отказывал в помощи их преследователям).

1230 страшная власть этих судов была отнята у епископов, передана учрежденному за двадцать лет перед тем нищенствующему ордену доминиканцев; решением собора папы, под страхом потери должности, были сделаны полицейскими служителями церкви (шпионами) и палачами своих прихожан! В стране то здесь, то там восстания, в некоторых городах изгоняют инквизиторов и т. д.»⁶⁷

В дореволюционной и советской литературе имеются по этому вопросу разные точки зрения. М. Покровский считал, что инквизиция «оформилась» между 1184 и 1252 гг. Он писал: «В 1184 году Люций III предписывает выдавать еретиков светской власти для наказания, но предварительно дело должен был исследовать местный епископ, что было еще очень выгодно для обвиняемого, потому что епископы были слишком тесно связаны с местным населением, чтобы возбуждать его против себя жестокостями (Некоторые историки считают, что именно папа Люций основал инквизицию. Поэтому в 1984 г. католическая церковь отмечала 800-летие установления «священного» трибунала). Папы, видимо,

⁶⁷ Архив Маркса и Энгельса, т. V. М., 1938, с. 235, 240–241

старались быть умеренными насколько можно, еще Иннокентий III запрещал употреблять по отношению к еретикам испытание водой и раскаленным железом. В 1232 г. Григорий IX передал все дело преследования сектантов в руки доминиканцев. Замену епископской инквизиции доминиканской мы имеем полное право рассматривать как новый шаг на пути усиления нетерпимости. В 1252 г. Иннокентий IV разрешил пытать подозреваемых в ереси, с этим инквизиционный процесс получил свою окончательную форму». ⁶⁸ Далее М. Покровский отмечает: «Подобно целибату, инквизиция осуществлялась не сразу. Но раз то и другое принято церковью, она уже не отступала ни от того, ни от другого. Только когда католицизм лишился материальной поддержки светской власти, преследование прекратилось потому, что стало физически невозможным». По мнению советского историка Б. Я. Рамма, инквизиция как трибунал сложилась в период с конца XII в. по 1232 г., когда ее функции были переданы Григорием IX доминиканцам. ⁶⁹ Однако в той же «Истории средних веков», где опубликована работа Б. Я. Рамма, в хронологической таблице (составленной В. Л. Романовой) указано, что «организация инквизиции» имела место в 1209 г. И. А. Энгельгардт в свою очередь высказывает мнение, что инквизиция была «учреждена в эпоху альбигойских войн папой Иннокентием III (1198-1216)» и окончательно оформилась при папе Григории IX (1227–1241). ⁷⁰

По мнению Жана Гиро, вехой возникновения инквизиции являются 1227–1229 гг., когда владения графа Тулузского перешли к французской короне и «устанавливалось сотрудничество церковной и светской властей для поиска и наказания еретиков». ⁷¹

Американский церковник Шэннон считает, что хотя у инквизиции «нет дня рождения», она ведет свое начало с 1231 г., когда на основе эдикта Григория IX, отлучавшего всех вероотступников от церкви, в Риме были назначены инквизиторы не только с правом расследования, но и суда над еретиками.

Этот разнобой в датировках, по-видимому, объясняется чрезвычайным обилием издававшихся на протяжении XII–XIII вв. всевозможных папских документов, направленных против еретиков и весьма схожих по своему содержанию.

Попытка дать всеобщую историю инквизиции, которая отражала бы все ее этапы и разветвления, была предпринята только одним исследователем, а именно — американцем Генри Чарлзом Ли (1825–1909), но и ему не удалось полностью осуществить свои замыслы: деятельность папской конгрегации инквизиции (священной канцелярии) не была им освещена. Возможно, у исследователя не хватило времени или он отказался от этой темы из-за отсутствия документации или по другим неизвестным нам причинам.

Отсутствие такого раздела в работах Ли и других историков, в частности Жана Гиро (Ж. Гиро называет конгрегацию инквизиции и испанскую инквизицию, учрежденную в 1481 г., инквизициями «нового времени», в отличие от средневековой инквизиции XII–XV вв., исследованию которой посвящен его труд, ⁷² пытавшихся охватить всю историю инквизиции, на наш взгляд, выгораживает папство от вины за преступления инквизиции, создавая ложное представление, что «св. престол» стоял в стороне от деятельности инквизиционных трибуналов, в то время как он являлся подлинным вдохновителем и организатором инквизиции во вселенском масштабе, меняя на протяжении столетий методы

⁶⁸ Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция, с. 681

⁶⁹ См.: История средних веков. М., 1966, т. 1, с. 495

⁷⁰ См.: Советская историческая энциклопедия. М., 1965, т. 6, с. 36

⁷¹ Guiraud J. Histoire de l'Inquisition... v. 1, p. 419

⁷² Guiraud J. Histoire de l'Inquisition... v. 1, p. IX

и формы ее деятельности и избирая в различные эпохи различные объекты для преследования.

Другой не менее существенный недостаток, свойственный многим светским историкам инквизиции, заключается в том, что они рассматривают ее только как средневековый институт, защищавший интересы феодальной церкви и феодального строя в целом. Между тем история инквизиции заканчивается в XX в.

Буржуазная и церковная историография бессильны объяснить инквизицию, причины ее появления, различные формы ее деятельности, вскрыть причины ее долговечности. Антиклерикальные историки объявляют инквизицию следствием органической «порочности» католической церкви и свойственного только ей одной духа нетерпимости, игнорируя тот факт, что своих противников с не меньшим ожесточением преследовала протестантская, православная и другие христианские церкви, как и другие религии. Современные церковные защитники инквизиции, хотя и высказывают лицемерное сожаление о ее «крайностях», выдают ее за инструмент «божественного провидения», с помощью которого церковь якобы спасала общество от разложения, а в случае Испании — способствовала будто бы ее национальному сплочению и единству.

Научно объяснить существование ересей и преследовавшую их инквизицию можно только исходя из марксистского понимания истории. Ключ к объяснению этих явлений следует искать в классовой борьбе, раздиравшей феодальное общество, и в том положении, которое занимала в нем католическая церковь, окружавшая, по меткому выражению Ф. Энгельса, «феодальный строй ореолом божественной благодати». ⁷³ К. Маркс и Ф. Энгельс первыми вскрыли социальную подоплеку средневековых ересей. Ф. Энгельс показал, что «все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все революционные — социальные и политические — доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси». ⁷⁴

В период разложения феодального строя «священные» трибуналы, как отметил К. Маркс в отношении испанской инквизиции, становятся в руках абсолютистской власти мощным инструментом подавления ее противников. С начала XVI в. Испания и Португалия используют инквизицию в целях колониального порабощения народов Америки и Азии, в период Возрождения инквизиция ведет борьбу против гуманистического и рационалистического мировоззрения; в XVIII в. она объявляет войну просветителям и философам-материалистам, а в XIX в. — патриотам, выступающим за независимость колоний, борцам за объединение Италии, за демократические реформы в Испании; папская же конгрегация инквизиции выступает против зарождающегося рабочего движения, социализма; предаст анафеме революцию 1848 г. и Парижскую коммуну; наконец в XX в. ее главный враг — коммунизм, Советский Союз, страны социалистического лагеря.

Таким образом, инквизиция в течение своей многовековой истории служила феодализму и абсолютизму, колониализму и капитализму. Если в средние века деятельность инквизиции была связана с застенками, пытками, аутодафе, то в новое и новейшее время, когда она была лишена ее палаческих функций, инквизиция действует более утонченными методами, ее оружием становятся анафемы, отлучения, Индекс запрещенных книг, куда заносились произведения многих выдающихся прогрессивных ученых и мыслителей.

В. И. Ленин отметил, что «все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа». ⁷⁵ Церковь через инквизицию совмещала в себе обе эти функции до тех пор, пока буржуазия не

⁷³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 306

⁷⁴ Там же, т. 7, с. 361

⁷⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 237

лишила ее вместе с земельными угодьями функции палача, оставив ей только обязанности попа.

Таковы вкратце исторические рамки существования инквизиции, жертвами которой были средневековые еретики и вероотступники, личные враги пап и церковных иерархов, население, насильственно обращенное в католичество, поработанные народы в колониях, гуманисты, выступавшие с критикой религиозного мракобесия, враги абсолютистской власти, просветители и философы-материалисты, великие ученые, патриоты-борцы за независимость колоний, сторонники отделения церкви от государства, писатели-реалисты, первые рабочие деятели, социалисты, коммунисты и прогрессивные мыслители современности. Инквизиция всегда стояла на защите интересов правящих классов. Именно в этом обстоятельстве следует искать причины, объясняющие долговечность сего поразительного по своей живучести террористического института, но в этом же, как увидит далее читатель, кроются и причины его падения.

КАК БЫЛИ РАСКРЫТЫ ЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

«Священное» судилище являлось тайным трибуналом. Его служители торжественно присягали держать в строгом секрете все, относящееся к их деятельности. Такую же присягу давали и его жертвы. За разглашение секретов инквизиции виновным грозили столь же суровые наказания, как и еретикам.

Стремление инквизиторов держать в тайне все относящееся к их деятельности было вызвано отнюдь не только опасением, что раскрытие их кровавых деяний может повредить им или нанести вред авторитету церкви. Этого они меньше всего боялись. Ведь свои преступления они рассматривали как «святое дело», санкционированное самим наместником бога на земле и светскими властями. Они гордились своим инквизиторским званием, в доказательство чего публично казнили свои жертвы — на торжественных «актах веры» — аутодафе.

Держали же они свою деятельность под плотным покровом тайны главным образом потому, что опасались, как бы раскрытие их методов не ослабило их действенности, как бы этим не воспользовались еретики для сопротивления «священному» судилищу, для сокрытия следов, для совершенствования своих «подпольных» организаций. Ведь чем меньше знал еретик о деятельности инквизиции, тем больший он испытывал страх за свою судьбу, тем легче было его выявить, поймать, заставить признать свою «вину» и «примириться» с церковью.

Возрождение сорвало покров тайны, окутывавший деятельность католической инквизиции на протяжении многих столетий. Гуманисты и протестанты ополчились против деяний «священного» судилища (По далеко не полным данным библиографического справочника Э. ван дер Векенэ, в XVI в. было издано 109 книг и брошюр об инквизиции, в XVII в. — 191, в XVIII в. — 137, в XIX в. — 710, в том числе различного рода публикации, включая журнальные статьи, в XX в. по 1961 г. включительно — 859⁷⁶). В протестантских странах стали появляться воспоминания бывших узников инквизиции, бежавших из ее застенков. В них подробно описывались кровавые деяния «святых» отцов — мучения и пытки, которым они подвергали свои жертвы. Такого рода литература расходилась чрезвычайно быстро по всей Европе, вызывая повсеместно негодование, возмущение, осуждение инквизиции. Одна из таких работ, написанная бывшим узником инквизиции в Севилье Раймундо Гонсалесом де Монте, под названием «Деяния священной инквизиции»⁷⁷ вышла в Гейдельберге в 1567 г. и в течение двух лет была переведена на

⁷⁶ Vekene E. van der. Bibliographie der Inquisition

⁷⁷ («Sanctae Inquisitiones artes aliquot delectae et palam traductae»

французский, немецкий, английский и голландский языки.

Не меньшим успехом пользовалось и сочинение француза Габриэля Деллона, повествующего о своих злоключениях в застенках португальской инквизиции в Гоа (Индия),⁷⁸ вышедшее в свет в Лейдене (Голландия) в 1678 г. и в течение последующих двух столетий издававшееся 20 раз на разных языках в разных странах.

Эта разоблачительная литература в свою очередь породила множество апологетических богословских опусов, авторы которых, отстаивая право инквизиции на преследование еретиков, невольно выбалтывали ее секреты, давая тем самым новые аргументы ее противникам для нападков на «священное» судилище.

К тому же церковники саморазоблачались, рекламируя такие кровожадные произведения, как «Молот ведьм» инквизиторов Я. Шпренгера и Г. Инститориса. Это сочинение, служившее руководством инквизиторам по истреблению ведьм, впервые было опубликовано в 80-х годах XV в. и неоднократно переиздавалось в католических странах.

В 1692 г. в Амстердаме вышел в свет большой труд Филиппа Лимбоха по истории инквизиции, в котором впервые освещалась деятельность этого трибунала во Франции, Италии и других странах со ссылками на папские документы и постановления различных соборов. Литература XVIII в. об инквизиции носила в основном памфлетный характер. Иначе и быть не могло, ибо архивы инквизиции были недоступны авторам, разоблачавшим ее деятельность.

Французская революция 1789 г. руками победившей буржуазии покончила с инквизицией и сорвала замки с ее тайных архивов в ряде стран. Наполеон отменил инквизицию во всех своих владениях, в том числе в Испании. И именно в Испании, где больше всего она свирепствовала, впервые был опубликован в 1812–1813 гг. двухтомник подлинных документов, относящихся к ее деятельности.⁷⁹ Автором публикации был бывший секретарь испанской инквизиции Хуан Антонио Льоренте (1756–1823), из-под пера которого вскоре вышла первая, основанная на документальных источниках, история этого трибунала.

Льоренте испытал на себе влияние просветительных идей XVIII в. и, как некоторые другие испанские либералы, сотрудничал с Жозефом Бонапартом в надежде, что французы осуществят в Испании необходимые прогрессивные реформы. По поручению французских властей Льоренте приступил к написанию истории испанской инквизиции, архивы которой поступили в его распоряжение. Поражение Наполеона вынудило Льоренте оставить Испанию и бежать в Париж, где он опубликовал свой труд в четырех томах на французском языке в 1817–1818 гг., а затем на языке оригинала в 1822 г. в Барселоне и в Мадриде, куда Льоренте вернулся после победы революции 1820 г. Его книга была переведена на многие европейские языки, выдержав 24 издания. Ее популярное изложение, написанное Леонардом Галлуа и опубликованное в Париже в 1822 г., печаталось 16 раз на разных языках, в том числе дважды на русском, а другая популярная книга — французской писательницы Сюбервик (писавшей под псевдонимом Фереаль), тоже основанная на материалах книги Льоренте, за 88 лет (с 1845 по 1933 г.) выдержала 40 изданий. В русском переводе она вышла в 1936 г. в Москве.

«Критическая история испанской инквизиции», так называлось сочинение Х. А. Льоренте, написанная на огромном архивном материале, раскрыла перед миром подлинную картину кровавой деятельности «священных» трибуналов в Испании. Католическая церковь и ее апологеты по сей день безуспешно пытаются опровергнуть Льоренте, обвиняя его в неточностях, преувеличениях, плохом стиле и пытаясь опорочить его в личном плане,

⁷⁸ Dellon G. Relation de l'Inquisition in Goa. Leyden, 1687

⁷⁹ Llorente J. A. Anales de la Inquisicion en Espania. Desde el estable-cimiento de la Inquisicion por los reyes catolicos hasta el ano 1808 Madrid 1812–1813, v. 1–2

выдавая за ставленника французов и чуть ли не мошенника, якобы присвоившего часть фондов инквизиции.

Но какими бы недостатками ни обладал труд Льюоренте, он даже сегодня, сто пятьдесят лет после опубликования, остается одним из основных источников по истории испанской инквизиции, мимо которого не может равнодушно пройти ни один исследователь, будь он противником или панегиристом «священного» трибунала.

Основная ценность исследования бывшего главного секретаря испанской инквизиции заключается в приводимых им фактах и цитируемых документах, достоверность которых не подлежит сомнению.

В XIX в. инквизиционная историография, можно сказать, достигла своего расцвета. Появляется большое количество самых разнообразных работ, в том числе монографий и сборников документов по истории инквизиции и еретических учений в Испании, Франции, Италии, Германии. Обилие и разнообразие этих трудов делало, по выражению французского историка Шарля Молинье, написание одним человеком истории инквизиции, которая охватывала бы все страны и эпохи, — «предприятием почти химерическим».

Однако нашелся исследователь, которому оказалось по плечу осуществить такое поистине грандиозное предприятие. Как это ни парадоксально, им оказался уже упомянутый Генри Чарлз Ли, который был вовсе не профессиональным историком, а издателем и книгопродавцем и занимался историей инквизиции только как любитель в свободное от своей работы время. Ли никогда в Европе не был и, естественно, в европейских архивах не работал. Но солидное состояние, которым он обладал, позволило ему нанять корреспондентов. Они по его поручению перерыли все доступные европейские архивы в поисках документов инквизиции, копии которых на протяжении многих лет пересылались Ли в Соединенные Штаты. Располагая этими материалами и обладая незаурядным литературным и исследовательским талантом, Ли написал исчерпывающую для своего времени трехтомную историю средневековой инквизиции (1888), (исследование Г. Ч. Ли «История инквизиции в средние века» (СПб., 1911–1912) вышло на русском языке в двух томах), четырехтомную историю испанской инквизиции (1906–1907), историю инквизиции в испанских владениях Америки (1908), которые в переводах обошли многие страны и переиздаются в наше время.

Мировая известность трудов Г. Ч. Ли, в которых впервые с такой полнотой, обоснованностью и убедительностью раскрывалась омерзительная картина инквизиционного террора во многих странах, вынудила клерикальных историков отказаться от тактики замалчивания, ставившей их теперь в смешное положение, и заняться изучением сюжетов, связанных с историей церковного судилища. Однако Ватикан по вполне понятным причинам чинил всяческие препятствия даже своим исследователям инквизиции, держа под замком секретные архивы конгрегации священной канцелярии, в которых все еще погребены многие тайны инквизиционного судилища.

В начале XX в. известный апологет папства Людвиг фон Пастор жаловался, что даже ему не было разрешено заглянуть в инквизиционные дела, хранящиеся в тайном ватиканском архиве. «Продолжая держать в строгой тайне исторические документы 350-летней давности, — писал Пастор, — конгрегация священной канцелярии наносит тем самым вред не только исторической науке, но и самой себе, ибо общественное мнение будет и впредь считать все даже самые тяжкие обвинения против римской инквизиции оправданными».⁸⁰

В XIX и XX вв. увидели свет некоторые важнейшие документы, в частности относящиеся к процессам над Галилеем и Джордано Бруно. История их публикации своими перипетиями напоминает авантюрный роман.

Вот, например, что произошло с публикацией дела Галилея. Первая попытка обнародовать его была предпринята еще по указанию Наполеона. С этой целью в 1810 г.

⁸⁰ Pastor Ludwig von. Geschichte der Papste. Freirberg in Breisgau, 1928, Bd. 5, S. 160

документы, относящиеся к делу Галилея, были изъяты из папского архива в Риме и доставлены в Париж. Однако падение Наполеона помешало осуществить их публикацию. В Париж вернулись Бурбоны. Королем Франции стал Людовик XVIII, в Риме вновь обосновался папа Пий VII. Его представитель в Париже Гаetano Марини немедленно потребовал от французского правительства возвращения документов, относящихся к процессу Галилея. Вскоре, однако, Гаetano Марини скончался, так и не заполучив заветного «дела» Галилея.

Когда после «ста дней» Бурбоны вновь появились в Париже, новый представитель папы, Марино Марини, племянник покойного Гаetano, возобновил просьбу папского престола вернуть «дело» Галилея. Министр внутренних дел, к которому обратился Марино Марини, переправил Марини к министру двора графу де Блака. Последний некоторое время спустя уведомил его, что документы обнаружены и будут ему возвращены. Однако де Блака не спешил выполнить свое обещание под предлогом, что документы переданы Людовику XVIII, пожелавшему лично с ними ознакомиться.

Марини тем временем отозвали в Рим, на его место был назначен Джиннази. В 1817 г. Марини вернулся на свой прежний пост в Париже и вновь потребовал возвращения документов Галилея. На этот раз новый министр двора граф Прадель сообщил ему, что «дело» Галилея исчезло и, следовательно, французское правительство не в состоянии его вернуть папскому престолу.

Надо отметить, что еще в 1809 г. из Рима в Париж по распоряжению Наполеона была доставлена значительная часть дел папской инквизиции. Эти документы Марини также затребовал, но их вернули не ему, а его преемнику Джиннази. Когда Марини вернулся в 1817 г. в Париж, он обнаружил, что Джиннази продал многие инквизиционные дела лавочникам для обертки. «Мне удалось, — писал Марини, — разыскать свыше шестисот томов в лавках торговцев сельдями и мясом».⁸¹

Но сам Марини повел себя не лучше Джиннази. Получив из Ватикана указание сжечь некоторые, по-видимому наиболее компрометирующие церковь, документы инквизиции, он вместо этого сбыв их бумажной фабрике как макулатуру. Марини выручил за свой «товар» 4300 франков, сумму весьма солидную по тем временам, из чего можно заключить, что продал он изрядное количество документов.

Что же касается документов, относящихся к процессу Галилея, то папскому престолу удалось их заполучить только тридцать лет спустя. Каким образом? По сообщению французского ученого И. Б. Био, опубликованному в 1858 г., документы были возвращены папе Григорию XVI в 1846 г. французским королем Луи Филиппом. Однако в 1927 г. кардинал Меркати, главный хранитель ватиканского секретного архива, выдвинул новую версию, согласно которой документы были возвращены Ватикану в 1843 г. через папского нунция в Вене проживавшей там тогда вдовой графа де Блака.

Как бы там ни было, но документы вновь оказались в Ватикане в 40-х годах прошлого столетия. Они очутились в руках уже известного нам Марини, который в то время занимал пост главного хранителя ватиканского секретного архива. В 1848 г. в Риме произошла революция, город был объявлен республикой, папа Пий IX бежал в Чивита-Веккию. Затаился и Марини, изъывший из папского архива «дело» Галилея. Год спустя папа вернул себе власть над Римом, и Марини возвратился на свой прежний пост. В 1850 г. Марини издал книгу «Галилей и инквизиция».⁸² В ней впервые цитируются документы из процесса Галилея, однако в «препарированном» виде, с целью оправдать действия инквизиции против знаменитого ученого.

Публикация Марини вызвала своей недобросовестностью всеобщее возмущение в

⁸¹ Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 335

⁸² Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция, ч. I, с. 200–206

научном мире Европы. Ученые требовали от Ватикана опубликовать, наконец, полностью документы, относящиеся к преследованию инквизицией Галилея. Под давлением общественного мнения Ватикан был вынужден уступить. Он поручил их публикацию французскому историку клерикалу Эпинуа, который опубликовал их в 1867 г. в журнале «Ревю де кестьон историк» в статье «Галилей, его процессы, его осуждение». Были ли это документы, находящиеся в деле Галилея, — неизвестно по сей день. Возможно, что в Ватикане хранятся еще и другие документы. Во всяком случае, характерно, что Ватикан отказал в свое время в доступе к делам процесса даже такому правоверному католическому историку, как немец Кантор, писавшему апологетическую историю папства по поручению Пия IX. Было отказано в таком доступе и Альбери — первому издателю полного собрания сочинений Галилея, вышедшего во Флоренции в 1842–1856 гг.

Три года спустя после публикации Эпинуа 14 новых документов — протоколов инквизиции, относящихся к делу Галилея, были опубликованы профессором Сильвестро Герарди.⁸³ Последний занимал пост министра народного просвещения в римском революционном правительстве в 1848–1849 гг. и искал в папском секретном архиве документы, относящиеся к процессу Галилея. Дела, кочевавшего между Парижем, Прагой и Венной, Герарди не обнаружил, его изъял, как уже было упомянуто, Марини, но зато в его руки попали другие документы. Он успел тогда только частично их скопировать. Поражение республики заставило Герарди покинуть Рим и бежать в Геную, откуда только 20 лет спустя через своих друзей в Риме ему удалось достать полные тексты и опубликовать их.⁸⁴

Не меньших трудов стоило разыскать и опубликовать документы, относящиеся к инквизиционному процессу над Джордано Бруно.

В 1848 г. Доменико Берти, министр народного просвещения Римской республики и биограф Бруно, затребовал из ватиканского секретного архива документы, относящиеся к его процессу. По приказанию папы Пия IX Берти был направлен следующий ответ: «Архивы святой службы, осмотренные самым тщательным образом и внимательно изученные, свидетельствуют о том, что Джордано Бруно в свое время находился под судом. Однако архивы не дают никаких материалов, позволяющих установить, какой приговор был вынесен в связи с предъявленными ему обвинениями. Еще меньше возможности выяснить, последовало ли какое-нибудь решение. Внимательнейший исследователь, изучивший сохранившиеся в архиве материалы, дает следующую справку: «Большинство относящихся к делу папок с документами наполнены бумагами, которые покрыты выцветшими чернилами. Вследствие этого большая часть документов представляет собой потемневшие листы, о которых можно лишь сказать, что они были некогда исписаны»».⁸⁵

Как мы увидим ниже, папа Пий IX самым беспардонным образом лгал в своем ответе Берти. И все же последнему удалось раздобыть несколько документов, относящихся к процессу над Бруно, которые он опубликовал в 1876 г. в своей книге «Судьба коперниканства в Италии». Однако само дело Джордано Бруно продолжало храниться за семью замками в тайниках Ватикана.

В 1886 г. дело Бруно попало в руки одному из хранителей ватиканского тайного архива — Грегорио Пальмери, который доложил о своей находке папе Льву XIII. Папа затребовал дело себе, приказав Пальмери хранить о нем строжайшую тайну. В 1925 г. в Италии было опубликовано 26 доселе неизвестных документов инквизиции, относящихся к делу Бруно. В том же году кардинал Меркати, заведующий секретным архивом Ватикана, обнаружил среди бумаг папы Пия IX другой экземпляр дела Бруно. Сведения об этом просочились в печать, и

⁸³ Gherardi S. Il processo Galileo riveduto sopra document! di nuova. fonte. Firenze, 1870

⁸⁴ Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 336

⁸⁵ Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 336

Ватикан был вынужден дать разрешение на его публикацию, что было осуществлено не без умысла только 15 лет спустя, в 1942 г.⁸⁶ Таким образом мир узнал подробности инквизиционного процесса над Джордано Бруно лишь 342 года спустя после его казни! На русском языке этот документ был издан в 1958 г. в переводе и с комментариями А. Х. Горфункеля.⁸⁷

Хотя в XX в. публикация документов, относящихся к истории инквизиции в разных странах, значительно увеличилась по своему объему, то, что вышло в свет, — ничтожная толика хранящихся в архивах материалов, большинство которых все еще недоступно исследователям. Достаточно сказать, что в государственном испанском архиве в Симанкасе (Испания) хранится около 400 тыс. неопубликованных дел «священного» судилища, а в национальном архиве Португалии в Торре ду Томбу таких дел насчитывается около 40 тыс.⁸⁸ Подавляющее большинство этих дел никем еще не изучено. В частности, предстоит еще много сделать для изучения португальской инквизиции, крупнейшим исследователем которой был Александре Эркулану (1810–1877).⁸⁹ Его сочинение по истории учреждения инквизиции в Португалии положило начало научному изучению деятельности «священного» судилища в этой стране.

Александре Эркулану, романтик, либерал и антиклерикал, писал свою работу в «назидание потомству», в ответ тем реакционерам, которые обвиняли его современников — сторонников французской революции 1789 г. и буржуазных преобразований — в кровожадности, жестокости, терроризме. «Когда ежедневно нас упрекают, — писал португальский историк, — в безрассудстве современных революций, в эксцессах, вызванных нетерпеливыми людьми, в преступлениях, совершенных немногими фанатиками и, если вам угодно, немногими лицемерами, провозглашающими новые идеи, безусловно мы вправе привлечь прошлое к суду, чтобы посмотреть, не станем ли мы вновь жертвами реакционных течений, и чтобы убедиться, обеспечат ли нам ультрамонтанные и сверхмонархические устремления порядок, мир и счастье, если мы вновь откажемся от прав свободных людей и доктрин терпимости...» И далее, упоминая о 40 тыс. дел португальской инквизиции, сохранившихся в архивах, Эркулану отмечал: «Провидение сохранило их для того, чтобы они выступили в роли мстителей за многочисленные преступления инквизиции, и мы (т. е. те, кто разоблачает действия инквизиции. — И. Г.), хотя и считаем, что действуем по своей собственной воле, может быть, выступаем всего лишь в роли инструмента божественной справедливости».⁹⁰

Исследование Эркулану, основанное на источниках архива Торре ду Томбу, директором которого он был в течение многих лет, до сих пор не утратило своего научного значения.

⁸⁶ Mercati A. Il sommario del processo di Giordano Bruno con appendice di documenti sull'eresia e l'Inquisizione a Modena nel secolo XVI Citta del Vaticano, 1942

⁸⁷ Джордано Бруно перед судом инквизиции (краткое изложение следственного дела Джордано Бруно). — Вопросы истории религии и атеизма. М., 1958, сб. 6, с. 349–416

⁸⁸ Многие документы португальской инквизиции не уцелели. Дворец инквизиции в Лиссабоне, где эти дела раньше хранились, дважды горел; в 1755 г. он сильно пострадал от землетрясения, а в период французской оккупации (1808–1812) в нем находился штаб оккупационных войск; в 1821 г. дворец инквизиции был разрушен восставшим населением португальской столицы. О сохранении сколь-либо полного инквизиционного архива в этих условиях не могло быть и речи.

⁸⁹ Herculano A. Da origem e estabelecimento de Inquisicao em Portugal. Lisboa, 1854–1859, v. 1–3; Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal. Stanford, 1926

⁹⁰ Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal. Stanford, 1926, p. 200

Различные перипетии сопутствовали и раскрытию преступлений инквизиции в Испанской Америке.

После изгнания испанских колонизаторов и образования независимых латиноамериканских государств в течение многих десятилетий эти преступления оставались нераскрытыми. Причины тому были разные. Хотя испанцы и были изгнаны, они не отказались от надежды вернуться в свои колонии. Поэтому патриоты, опасаясь реставрации, во многих местах уничтожили архивы трибунала.

Инквизиторы в свою очередь, страшась заслуженной кары со стороны патриотов, в период войны за независимость прятали и уничтожали компрометирующие их документы. Многие документы были расхищены или пропали во время многочисленных иностранных интервенций и гражданских войн, а также в результате пожаров и землетрясений. Погибли ценные архивы инквизиции в Картахене (современная Колумбия) во время стодневной осады этого города испанскими карателями во главе с маршалом Морильо в 1815 г. Американские оккупанты, разграбившие столицу Мексики в 1848 г., утащили с собой немало ценных исторических документов, в том числе и касающихся деятельности инквизиции. Известно, что священник Фишер, личный исповедник императора Максимилиана (1864–1867), во время французской интервенции в Мексику вывез во Францию и Ватикан большое количество документов. 12 ящиков с документами инквизиции, принадлежавшие американскому полковнику Дэйвиду Фергюссону, проживавшему в Мексике, погибли в огне в 1888 г. Ценные архивные бумаги были утрачены во время чилийско-перуанской войны.

В начале XX столетия многие инквизиционные дела были выкрадены американскими спекулянтами в Мексике и проданы за большие деньги частным лицам в США. «Покупка и продажа оригинальных мексиканских исторических документов, — отмечает американский историк Сеймур Б. Либман, — стала прибыльным бизнесом. Некоторых людей это толкнуло на кражу материалов из Национального архива Мексики, а других — на контрабандную переброску их из Мексики в нарушение законов».⁹¹

Хотя часть документов, относящихся к деятельности колониальной инквизиции, сохранилась в архивах латиноамериканских стран,⁹² главный ее архив, хранившийся в Испании, до последней четверти XIX в. считался утерянным.

Со второй половины XIX века, когда дело независимости стран Латинской Америки упрочилось и политическое положение в некоторых республиках несколько стабилизировалось, начинают появляться первые работы латиноамериканских исследователей по истории колониальной инквизиции.

В 1863 г. одновременно были опубликованы две такие работы. Первая из них под названием «Анналы инквизиции в Лиме» принадлежит перу Рикардо Пальме (1833–1919) — передовому перуанскому публицисту и писателю. Это произведение выдержало много изданий и постоянно дополнялось автором. Оно переиздается и в наше время как часть популярных исторических очерков автора, объединенных единым названием «Перуанские традиции». Автор второй работы — «Чем была инквизиция в Чили» — чилийский либеральный историк Бенхамин Видуэра опубликовал ее в журнале «Ревиста де Буэнос-Айрес». Несколько лет спустя, в 1868 г., этот же историк опубликовал в Вальпараисо исследование, посвященное Франсиско Мойену, одной из жертв «священного» трибунала в Лиме.⁹³

Однако эти и следовавшие за ними работы носили фрагментарный и популярный

⁹¹ Liebman S. B. A Guide to Jewish References in Mexican Colonial Era. 1521–1821. Philadelphia, 1964, p. 33

⁹² Самое большое число документов по истории колониальной инквизиции собрано в Национальном архиве Мексики, где их имеется 1553 тома, охватывающих период с 1521 по 1823 г. Их опись составляет 15 томов.

⁹³ Vicuna. Mackenna B. Francisco Moyén o lo que fue la Inquisición en América. Valparaíso, 1868

характер. И не удивительно — их авторам были недоступны исчезнувшие архивы колониальной инквизиции, а ведь только по ним можно было восстановить деятельность «священного» трибунала. Неизвестно, как долго его преступления оставались бы нераскрытыми, если бы не счастливый случай.

В 1883 г. после 17-летнего перерыва были восстановлены дипломатические отношения между Чили и Испанией. Секретарем чилийской миссии в Мадриде был назначен молодой и весьма плодовитый историк Хосе Торибио Медина (1852–1930), автор трехтомной истории колониальной литературы в Чили и других исследований.

Приступив к исполнению своих обязанностей в столице Испании, Медина поспешил осуществить свою давнишнюю мечту: посетить замок в селении Симанкас, неподалеку от Вальядолида, который по распоряжению испанского короля Карла V в 1540 г. был превращен в хранилище государственных документов, в том числе касающихся управления американскими колониями.

В момент посещения симанкасского архива Мединой его 51 зал был забит десятками тысяч различных папок с документами. Разобраться в этом хозяйстве было довольно трудно, так как не имелось никаких описей. Но это не обескуражило пытливого чилийского ученого, который, забыв о своих дипломатических обязанностях, в течение многих недель рылся в древних рукописях.

Старания Медины увенчались заслуженным успехом. В одном из подвальных помещений, темном и сыром, именуемом «Колодцем епископа», он неожиданно натолкнулся на архив колониальной инквизиции, надежды обнаружить который уже давно потеряли ученые. Но передадим слово самому Медине: «Когда в конце 1884 г. я переступил порог монументального архива, расположенного в небольшой деревушке Симанкас, мне и в голову не пришло, что именно там хранятся бумаги трибуналов американской инквизиции или что когда-либо я займусь подобной темой. Тем не менее я начал просматривать эти бумаги, в надежде обнаружить некоторые важные факты, относящиеся к колониальной истории Чили... Изучая их, я все больше и больше убеждался в том, что эти документы представляют огромный интерес для познания жизни американских народов, находившихся под властью метрополии. Одновременно я убедился, что все написанное до тех пор об инквизиции не соответствовало богатству обнаруженных там документов, интерес и значение которых выходили далеко за пределы самой темы». ⁹⁴

Два года работал Медина в симанкасском архиве, проделав в буквальном смысле титаническую работу: он собственноручно снял копии с тысяч документов. Собранный им материал образует 65 больших томов, хранящихся теперь в национальном архиве в Сантьяго (Чили). Вернувшись с этим драгоценным багажом на родину, ученый не покладая рук трудился над написанием истории инквизиции в Испанской Америке. О феноменальной работоспособности Медины свидетельствует тот факт, что в 1887 г., всего лишь год спустя после своего возвращения в Чили, он издает большой двухтомник, посвященный истории трибунала инквизиции в Перу. В 1890 г. следует двухтомник «История священного трибунала инквизиции в Чили». В 1899 г. одновременно выходят три исследования о деятельности трибунала инквизиции в Картахене, вице-королевстве Ла-Плата и на Филиппинах. В 1905 г. Медина издает двухтомник по истории инквизиции в Мексике, л, наконец, в 1914 г. выходит в свет его последняя работа — «Ранняя американская инквизиция (1493–1569)».

В этих трудах, непревзойденных по сей день по охвату документального материала, впервые была раскрыта во всех подробностях преступная деятельность инквизиции в американских колониях Испании. Медина придерживается «объективистского» метода изложения материала. Как правило, он воздерживается от каких-либо выводов и обвинений по адресу церковной иерархии и испанских колониальных властей, он воспроизводит

⁹⁴ Medina J. T. Historia del Tribunal del Santo Oficio de la Inquisicion en Chile. Santiago, 1952, p. XI

судебные дела, протоколы допросов и пыток, приговоры «священного» трибунала, официальные сообщения об аутодафе и прочие документы из архивов инквизиции, предоставляя самому читателю делать соответствующие выводы. Такой метод подачи материала вполне оправдал себя, ибо лишил возможности церковников и клерикалов обвинять ученого в стремлении «опорочить» церковь и колониальные власти (Х. Т. Медина был исключительно плодовитым ученым. Его перу принадлежат свыше 300 книг и брошюр и свыше 500 статей. Собранная им уникальная библиотека в 40 тыс. томов была им подарена государству, которому он также завещал и свое собрание документов по истории инквизиции.)

Однако труды Медины при его жизни не получили широкого распространения в Латинской Америке, главным образом потому, что они выходили ничтожными тиражами в 200–400 экземпляров, которые быстро скупались и уничтожались церковниками и их единомышленниками.

Только в 1915 г. была переиздана в Буэнос-Айресе работа Медины по истории инквизиции в вицецарстве Ла-Плата, и лишь в 1952 г., в связи со столетием со дня рождения ученого, в Чили был принят парламентом закон о создании «Исторического и библиографического фонда им. Хосе Торибио Медины», которому поручалось переиздание всех трудов плодовитого историка. В том же юбилейном году были переизданы книги Медины в Мексике и Колумбии по истории инквизиции в этих странах.

Труды Медины были широко использованы Г. Ч. Ли, опубликовавшим незадолго до своей смерти в 1908 г. книгу «Инквизиция в испанских владениях». Эта работа была переиздана в 1922 г. На другие языки, насколько нам известно, она не переводилась.

В XX в. был опубликован ряд новых работ, в частности по истории колониальной инквизиции в Мексике. Большой интерес представляет документальный сборник, опубликованный мексиканским историком Хенаро Гарсией в 1906 г. под названием «Инквизиция в Мексике, ее происхождение, юрисдикция, права, процессы, аутодафе, отношение с гражданскими властями, церемонии, этикет и другие дела».⁹⁵ Новые документы опубликованы также в книге аргентинского историка Боласлао Левина «Инквизиция в Испанской Америке (евреи, протестанты и патриоты)», изданной в Буэнос-Айресе в 1962 г.

Так были раскрыты и стали достоянием гласности преступления инквизиции, но далеко не все и не во всех странах.⁹⁶ Многие кровавые деяния «священного» судилища все еще остаются погребенными в недоступных исследователям архивах.

ИНКВИЗИЦИЯ. ДО ИНКВИЗИЦИИ

ИСТОКИ

В своих потугах во что бы то ни стало оправдать преступную деятельность инквизиции, Жозеф де Местр писал, что она, подобно всем институтам, созданным для свершения великих дел, «возникла неизвестно как».⁹⁷ Между тем не для «великих дел»

⁹⁵ Garcia G. La Inquisicion de Mexico. Mexico, 1906

⁹⁶ В 1978 г. в Куэнке (Испания) проходил международный симпозиум, посвященный 500-летию испанской инквизиции. Его труды, составившие объемную книгу («La Inquisition Espanola. Nueva vision, nuevos horizontes». Madrid, 1980), проливают дополнительный свет на преступления св. трибунала.

⁹⁷ Maistre J. de. Considerations sur la France suivi de l'essai sur le principe generateur des constitutions politiques, et des lettres a un gentilhomme russe sul l'Inquisition Espagnole, p. 285

была создана инквизиция и причины, вызвавшие ее появление, вовсе не загадочны, они кроются в самой социальной сущности христианской религии и церкви, надклассовой по своей теории, апеллирующей к обездоленным массам, составляющим основной контингент верующих, но на практике служащей интересам эксплуататорских классов.

Одна из особенностей христианства состоит в том, что его всегда раздирали острейшие противоречия, в начальный период — в виде ожесточенной борьбы между различными направлениями, а позже — между господствующим течением, возглавлявшимся церковной верхушкой, и оспаривавшим ее истинность и «праведность» бесчисленным количеством самых разнообразных оппозиционных течений, которые отражали настроения обездоленных масс и объявлялись этой верхушкой незаконными, еретическими. Связав свою судьбу с эксплуататорскими классами общества и их государством, церковь отвергла мечту ранних христиан о построении «божьего царства» на земле и стала освещать социальное неравенство, призывала страждущих и угнетенных примириться со своим положением, обещая за это загробное воздаяние. Такова одна из важнейших причин, порождавших на протяжении столетий самые разнообразные христианские ереси, оспаривавшие авторитет и власть церкви и освещавшийся ею эксплуататорский общественный строй. Поэтому ересь, точно неотступная тень, следует за церковью на всем протяжении ее истории. Она многолика и неистребима. Ее нельзя было победить ни уговорами, ни угрозами, ни заклинаниями, ее не удавалось уничтожить ни огнем, ни мечом.

Ересь — это всегда оппозиция господствующей церкви. Эта последняя, опасаясь потерять власть, естественно стремится всеми силами и любыми средствами искоренить, уничтожить ересь.

Отражая в различные исторические эпохи противоречивые интересы социальных групп и прослоек, ереси выступали как против церковной иерархии, так и против несправедливости господствующего эксплуататорского строя, с которым церковь была неразрывно связана. Ереси были своеобразной формой классовой борьбы, характерной для средних веков, для феодального мира, мыслившего только религиозными категориями. Ереси выражали взгляды той или другой прослойки горожан или крестьян, национальные или местные интересы.

На эти несхожие и часто беспощадно боровшиеся не только с официальной церковью, но и друг с другом ереси каждая эпоха накладывала свой собственный особый отпечаток, уготовливая им различные судьбы.

Религиозная нетерпимость зарождается с первыми христианскими общинами в атмосфере той борьбы, которую они вели, с одной стороны, между собой за завоевание приверженцев, а с другой стороны — за право на существование в римском государстве.

Первые христианские общины, разбросанные по обширной Римской империи, представляли пестрый конгломерат самых различных школ и направлений. Об этом можно судить и по большому количеству разноречивых евангелий и посланий, имевших хождение среди ранних последователей христианства.

Борьба велась среди них за и против сохранения демократического устройства христианских общин, за и против признания существующего общественного строя, за и против окончательного разрыва с иудейством, из среды которого христианство вышло и жесткая обрядность которого сдерживала распространение новой религии среди так называемых язычников.

Отголоски внутренней борьбы в раннем христианстве мы находим в Новом завете. В наиболее ранних христианских общинах была распространена вера в то, что «царство божие» на Земле наступит в самое ближайшее время. «Истинно говорю вам, — читаем в Евангелии от Матфея, — есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят сына человеческого, грядущего в царствии своем» (Мф. 16:28). Можно себе представить, какой энтузиазм, какой прилив энергии и фанатизма вызывали подобные радужные обещания среди последователей христианства.

Однако проходили годы, десятилетия, одно поколение христиан сменялось другим, а эти обещания не осуществлялись, «миллениум» — тысячелетнее царство — не наступал. Верующие осаждали своих проповедников, требуя объяснить, когда же это наступит. Те же им отвечали, судя по Деяниям апостолов: «Не ваше дело знать времена или сроки» (Деян. 1:7).

Подобного рода ответы не могли удовлетворить недовольных. Руководители христианских общин стремились всеми имевшимися в их распоряжении средствами избавиться от подобного рода «ропотников», ссылаясь на соответствующие места Нового завета.

В Евангелии от Иоанна Христос говорит сомневающимся, непослушным: «Кто не пребудет во мне, извергнется вон, как ветвь, и засохнет; и такие ветви собирают и бросают в огонь, и они сгорают» (Ин. 15:6). Этот пассаж в особенности был дорог инквизиторам, ибо оправдывал использование костров, венчавших аутодафе.

Столь же нетерпимы к инакомыслящим и апостолы. Во Втором послании апостол Павел грозит недовольным жесточайшими карами, на что также будут ссылаться впоследствии инквизиторы для оправдания своих преступных деяний. Петр как бы предвидит, какие острые формы приобретет со временем борьба различных течений в христианстве, когда он пишет: «Были и лжепророки в народе, как и у вас будут лжеучители, которые введут пагубные ереси и, отвергаясь искупившего их господя, навлекут сами на себя скорую погибель» (2 Пет. 2:1). Бог, предупреждает Петр, так же беспощадно, как он карал падших ангелов, будет карать еретиков, «а наипаче тех, которые идут вслед скверных похотей плоти, презирают начальства, дерзки, своевольны и не страшатся злословить высших» (2 Пет. 2:10). Говоря о таких людях, Петр не стесняется в «острых» выражениях. Он уподобляет их псам, возвратившимся к своей блевотине, и свиньям, валяющимся в грязи. «Это, — говорит разгневанный апостол, — безводные источники, облака и мглы, гонимые бурей: им приготовлен мрак вечной тьмы» (2:17). Христианской кротостью здесь даже не пахнет.

Такие же высказывания против «ропотников» и «ругателей» мы находим и в соборном послании св. Иуды. Напомнив, как господь расправлялся огнем и мечом с ослушниками в Ветхом завете, Иуда угрожает: «Так точно будет и с сими мечтателями, которые оскверняют плоть, отвергают начальства и злословят высокие власти» (Иуд. 1:8).

Не менее строг по отношению к инакомыслящим и апостол Павел. В Послании к галатам он предупреждает: «Но если бы даже мы или ангел с неба стал благовествовать вам не то, что мы благовествовали вам, да будет анафема» (Гал. 1:8).

В Первом послании к Тимофею Павел ополчается против «бесовских» ученых аскетов, «запрещающих вступать в брак и употреблять в пищу то, что бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением» (1 Тим. 4:3). Там же он сообщает, что предал сатане Именея и Александра, дабы они «научились не богоульствовать».

Во Втором послании к Тимофею с еще большей остротой звучат те же мотивы нетерпимости. Павел наставляет своего сторонника, что недалеко то время, «когда здравого учения принимать не будут, но по своим прихотям будут избирать себе учителей, которые льстили бы слуху; и от истины отвратят слух и обратятся к басням» (2 Тим. 4:3–4). Более того, Павел сообщает, что он уже сам становится жертвой этих лжеучителей. Он призывает Тимофея к энергичным действиям: «Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай... Будь бдителен во всем» (2, 5).

Это «прямо по Дарвину, — как отмечает Энгельс, — борьба за идейное существование»⁹⁸ заканчивается победой епископального направления, выразившего настроения и интересы наиболее богатой и влиятельной прослойки верующих, тесно связанной с римской знатью. Оппозиционные элементы изолируются и подавляются путем

⁹⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 314

отлучения; вместо разобщенных первоначальных христианских общин возникает централизованная церковная организация, возглавляемая епископами, главенствующую роль среди которых с течением времени начинает играть римский епископ — папа.

Влияние христианства растет вглубь и вширь, одновременно в него вливаются мощные эллинистические и восточные течения, привносящие с собой элементы враждебных христианству «языческих» учений и верований. Возникают и новые ереси. Самые опасные в середине II в. были ереси гностиков и монтанистов, против которых в первую очередь ополчается образовавшаяся церковная иерархия.

Гностики пытались объединить христианство с эллинскими мистическими учениями.

Иное содержание имело монтанистское учение, названное так по имени его основателя Монтана. Оно продолжало эгалитарные и аскетические традиции раннего христианства.

Борьба против этих учений происходила в сложной обстановке, в которой периоды открытой — «легальной» — деятельности церкви чередовались с периодами преследований как против нее, так и других христианских учений, с которыми она боролась. В силу указанных обстоятельств борьба эта велась мирными средствами. Следуя апостольской традиции, враждующие стороны, не стесняясь в выражениях, поносили и обвиняли друг друга во всевозможных нарушениях христианского вероучения, в различного рода пороках — в обмане, лжи, клевете, корыстолюбии, алчности, разврате, короче — во всех смертных грехах.

Писания гностиков, монтанистов и других еретиков были уничтожены церковью и не дошли до нас. Что же касается полемических приемов сторонников церкви, то о них можно получить представление по сочинению «Обличение и опровержение лжеименного знания (пять книг против ересей)» епископа Лионского Иринея, жившего во «второй половине II в.

Иринея считает гностиков и монтанистов вероотступниками, а поэтому «сынами дьявола и ангелами лукавого», «ворами и разбойниками». Согласно Иринею, как отец лишает непослушных сыновей наследства, так и бог отвергает и лишает благодати всех, кто ему не повинуется.

В полемике с монтанистами Иринея рьяно защищал законность правительства империи, доказывая, что оно, как и всякое земное правительство, установлено богом, «чтобы, боясь человеческой власти, люди не поедали друг друга подобно рыбам, но посредством законодательства подавляли разнообразную неправду народов».⁹⁹

Правда, Иринея вынужден признать, что не всякое правительство действует в интересах своих подданных.

«Некоторые цари, — пишет он, — даются для устрашения, наказания и укорения, иные для обольщения, поношения и высокомерия, как того достойны (подданные. — И. Г.)...».¹⁰⁰ Однако, предупреждает своих противников Иринея, не людям судить своих царей, а богу, который каждому из них воздает по заслугам. Защита Иринеем императорской власти не спасла его самого от расправы, жертвой которой он стал во время массовых преследований христиан.

В борьбе с враждебными течениями епископальная церковь укрепляла свои позиции, формулировала свое собственное вероучение, укрепляла свою организацию. В известной мере это относилось и к еретикам, но в конечном итоге все преимущества оказывались на стороне победителя, т. е. церкви. Полемика с еретическими богословами породила пропагандистскую — апологетическую — литературу, которая стремилась укрепить влияние церкви. С распространением христианства в нем все более укреплялись консервативные элементы, проповедовавшие повиновение властям и рабовладельцам. Призывы к повиновению встречаются уже в раннехристианской литературе, что свидетельствует о

⁹⁹ Сочинения святого Иринея, епископа Лионского. М., 1871, с. 645

¹⁰⁰ Сочинения святого Иринея, епископа Лионского. М., 1871, с. 646

настойчивом стремлении руководителей общин убедить низы верующих воздержаться от насильственных действий и повиноваться государству и своим господам. С возникновением церковной организации эти призывы звучат все более настойчиво. Епископы, связанные с богатыми семьями империи, всячески подчеркивали мирный характер христианского учения, настаивали на «непротивлении злу», уверяя, что христианство победит не путем насильственного свержения господствующего несправедливого порядка, а при помощи нравственного, духовного совершенствования, праведной жизни, соблюдения церковной обрядности. Возможно, что эта непротивленческая проповедь рассматривалась некоторыми христианскими руководителями как тактический ход, усыплявший недоверие правящих кругов империи. Политический опыт побуждал христианских руководителей к тактике «мирного проникновения». Насильственные действия против господствующего порядка сулили только поражение.

И все же как ни старалось епископальное руководство церкви усыпить бдительность императорской власти своими верноподданническими заявлениями, сам факт возникновения широко разветвленной и дисциплинированной церковной организации, претендовавшей на руководящую роль в обществе, не мог в конечном итоге не вызвать против нее репрессивных мер. Во второй половине III в. императорская власть пытается, используя террор, сломить чуждую ей церковную организацию, завладеть ее богатствами. Но христианство пустило уже слишком глубокие корни, чтобы его можно было выкорчевать с помощью одной грубой силы. Преследования только способствуют сплочению христиан, сглаживанию внутренних противоречий, затуханию догматических споров, очищению рядов верующих от неустойчивых, малодушных элементов, отрекающихся от своей веры под угрозой репрессий.

Убедившись, что террором не сломить сильную к тому времени церковь, императорская власть меняет тактику и приходит к соглашению с церковной верхушкой. Соглашение стало возможным потому, что само христианство проделало к этому времени (конец III — начало IV в.) большую эволюцию, превратилось из религии рабов и угнетенных в религию, оправдывающую рабство и угнетение. Императорская власть нашла для себя выгодным прийти к соглашению с церковью и опираться на ее поддержку. В 311 г. император Галерий издает эдикт о веротерпимости. Два года спустя, в 313 г., император Константин Миланским эдиктом уравнивал христианскую церковь в правах с другими распространенными в империи культурами.

Эдикт Константина положил начало союзу христианской церкви с государством. В связи с новым положением в церкви возникли новые противоречия, появились новые ереси. Духовенство апеллировало к императору, который, оставаясь язычником, стал выступать в роли, как он говорил, «епископа внешних дел церкви» — верховного арбитра при решении внутрицерковных споров.

Один из таких споров при Константине касался отношения к отступникам, главным образом из состоятельных христиан, которые во время гонений (при императоре Деции в 249–250 гг.) по трусости или из желания сохранить состояние отрекались от христианской веры, выдавали «священные» книги властям для сожжения или откупались от репрессий, в то время как другие предпочитали мученическую смерть отступничеству. Эти люди — их называли «падшими» или «предателями» — хотели теперь вернуться в лоно церкви. Большинство римского духовенства, связанного с богатыми христианами, выступило за прием отступников, меньшинство — ригористы во главе с римским епископом Новатианом — высказались против возвращения в церковь «падших». Новатиан, отстраненный от своего поста и осужденный за свои взгляды поместными соборами, нашел поддержку в христианских общинах Северной Африки. Значительная часть клира этой римской провинции под руководством епископа Доната требовала для «падших», желавших вернуться в лоно церкви, повторного крещения. Движение донатистов поддерживалось демократическими кругами верующих.

Радикальное крыло донатистов — циркумцеллионы (странствующие, бродячие), они же агонистики — громили крупные поместья, освобождали рабов, нападали на ростовщиков,

господ и епископов. Официальная церковь, опираясь на императорскую власть, в течение столетия безуспешно пыталась подавить донатистское движение. Призыв донатистов возвратиться к традициям раннего христианства находил более широкий отклик среди христиан Северной Африки, чем призывы римской иерархии подчиниться императорской власти.

Новые ереси возникли в процессе и в связи с выработкой основ христианского вероучения. В начале IV в. — это прежде всего арианская ересь. Арианство зародилось в Египте, его основоположником был александрийский священник Арий, живший во второй половине III — начале IV в. Арий находился под влиянием античной философии. Он считал, что Иисус Христос — существо не предвечное, а сотворенное богом, он подобен, но не равен богу.

Несмотря на осуждение арианства Никейским (325) и Константинопольским (381) соборами и жестокие преследования, арианство еще долго оказывало свое влияние на христологические споры.

В V в. возникла несторианская ересь, основателем которой был Несторий, патриарх Константинопольский. Он считал, что в Христе — два отдельных лица, божественное и человеческое, что сын божий соединился с человеком Иисусом. Следовательно, Иисус Христос был обыкновенным человеком, а мать его не богородицей, а человекородицей, так как родила человека, а не сына божия. Учение Нестория было признано еретическим и осуждено на III вселенском соборе в Эфесе в 431 г. Против несториан начались гонения, вынудившие многих из них бежать за пределы империи.

На том же Эфесском соборе была осуждена пелагианская ересь, зачинателем которой был британский монах Пелагий (около 360 — около 418), отрицавший церковную доктрину о первородном грехе. Он утверждал, что верующие могут спастись по своей воле помимо церкви. После осуждения Пелагия возникла «полупелагианская» ересь — попытка примирить учение Пелагия с церковью, но и она была осуждена, а ее сторонники подверглись преследованиям.

В IV в., кроме арианства, много хлопот доставило церкви манихейское дуалистическое учение, возникшее столетием раньше в Иране и быстро распространившееся в Азии и Европе.

Основателем манихейства считается перс Мани (около 215–276), обвиненный в ереси и казненный иранским шахом. Манихеи проповедовали, что в мире происходит постоянная борьба света и тьмы, бога и дьявола, что окружающий мир — воплощение зла и задача человека — содействовать торжеству света. Эту цель можно достигнуть, по учению манихейства, соблюдением аскетизма, безбрачия, отрицанием богатств и даже частной собственности. Такой праведный образ жизни был обязателен только для «избранных» — манихейских монахов, в число которых рядовые верующие вступали на старости лет.

Манихейство пустило глубокие корни, особенно в Византийской империи, где одна из его разновидностей — павликианство, вопреки преследованиям, сохраняло свои позиции еще в IX в.

Мы перечислили далеко не все ереси, которые раздирали как раннее, так и позднейшее христианство. Под внешней религиозной оболочкой борьба велась за вполне материальные интересы людей, различных общественных классов.

Церковная иерархия, интересы которой отождествлялись с эксплуататорскими классами, всегда вела ожесточенную борьбу с ересями.

Однако неспособность справиться с ними мирными средствами все больше убеждала церковных иерархов в необходимости применения к ним насильственных мер воздействия.

Одним из первых богословов, обосновавших необходимость применения к еретикам силы, вплоть до их физического уничтожения, был Августин (354–430), «доктор церкви», крупнейший христианский теолог периода раннего феодализма, возведенный церковью в ранг блаженных и почитаемый ею по сей день как непреложный богословский авторитет.

Августин в молодости был сторонником манихейства.

Отказавшись впоследствии от своих еретических взглядов, он повел энергичную борьбу против донатистов, ариан, манихеев, пелагианцев и последователей других еретических учений, раздиравших в то время христианский мир.

Взгляды Августина на борьбу с еретиками претерпели три стадии. Вначале он пытался как бы средствами пропаганды — путем богословской полемики — переубедить донатистов и других вероотступников. Затем стал рекомендовать относиться к ним с «ограниченной строгостью» (*temperata severitas*), т. е. применять к ним всякого рода репрессии, за исключением пыток и смертной казни. Под конец Августин стал ратовать за применение всех средств воздействия к еретикам, включая пытки и казнь, чем вполне заслужил «славу» первого «идеолога» инквизиции. Как же аргументировал этот «доктор церкви» необходимость принятия крутых мер по отношению к еретикам? Аргументы его были двоякого вида: церковные и мирские. Ссылаясь на уже цитированные нами места Ветхого и Нового заветов о расправах с вероотступниками, Августин делал следующий вывод: христианская любовь к ближнему обязывает не только помогать вероотступнику спасти самого себя, но и принуждать его к этому, если он добровольно отказывается отречься от своих пагубных воззрений.

Августин уподоблял еретиков заблудшим овцам, а церковников — пастухам, обязанность которых вернуть этих овец в стадо, пуская в ход, если надо, кнут и палку. Нет необходимости казнить заблудшую овцу, достаточно ее высечь, чтобы как следует проучить.

Порка не такое уж строгое наказание, ведь порют же своих непокорных детей родители, непослушных учеников — учителя, и даже епископы, возглавляющие светские суды, присуждают к порке обычных правонарушителей.

Законно с этой целью применять и пытки, наносящие вред всего лишь грешной плоти — «темнице души», если с их помощью можно возвратить еретика на путь истинный.

Если, согласно библейскому учению, неверная жена подлежит наказанию, то с тем большим основанием подлежит наказанию изменяющий церковным догматам вероотступник. Неважно, уверял Августин, что еретик откажется от своей ложной веры из-за страха перед наказанием, — «совершенная любовь в конечном итоге победит страх». Церковь вправе заставить силой своих блудных сынов вернуться в ее лоно, если они заставляют других губить свои души.

Логический вывод из такого умствования: лучше сжечь еретика, чем дать ему возможность «костенеть в заблуждениях». «Они (еретики. — И. Г.), — писал Августин, — убивают души людей, в то время как власти только подвергают пыткам их тела; они вызывают вечную смерть, а потом жалуются, когда власти осуждают их на временную смерть».¹⁰¹ По Августину, наказание ереси — не зло, а «акт любви».

Исчерпав таким образом богословские аргументы в пользу своего тезиса и как бы сомневаясь в их убедительности, Августин переходит к рассмотрению этой проблемы с прагматической точки зрения. О действительности мер судят по их результатам. Применять насилие к вероотступникам церкви выгодно, ибо это приносит желанный результат. Угроза пыток и смерти ставит вероотступника перед выбором: пребывать в своем заблуждении, пройти «через горнило мучений» и лишиться жизни или «стать умнее» — отречься от ложных учений и вернуться в лоно церкви. Многие еретики избегают сделать такой выбор из-за свойственной людям в делах веры нерешительности или опасений заслужить презрение своих единоверцев. Чтобы решиться, им нужен толчок, коим и является применение «сильных лекарств», рекомендуемых этим «доктором церкви».

Средневековые инквизиторы ссылались на авторитет Августина, стремясь оправдать пытки и костры. Однако современные апологеты церкви пытаются смыть с Августина черное пятно предтечи инквизиции.

¹⁰¹ Vacandard E. *The Inquisition. A critical and historical study of the coercive power of the church.* New York, 1940, p. 15

Один из таких «обелителей» Августина англичанин У. Дж. Спарроу-Симпсон рассуждает так: «Трудно быть более антиисторичным и более несправедливым, чем представляя Августина преждевременно родившимся Торквемадой. То, что его несчастное ошибочное толкование библейских слов явилось убийственным прецедентом и привело к печальным последствиям, к сожалению, как это ни больно признать, — правда. Но Августин не единственный великий мыслитель, который не смог предвидеть всех последствий своего учения, последствий, которые, можно смело сказать, никто другой не осудил бы столь решительно, чем он сам». ¹⁰²

Сказать можно все что угодно. История же инквизиции показывает, что подобного рода «теоретики» редко меняют свои изуверские взгляды, их не пугает «практика»; муки еретиков только услаждают душу этих праведников, для которых конечная цель все, а кровь, пролитая во имя ее, — ничто...

Спарроу-Симпсон и ему подобные прекрасно знают это, и если они с таким усердием выгораживают Августина, то только для того, чтобы сузить инквизицию до ее средневековых рамок, доказать, что она была хотя и прискорбным, но всего лишь случайным эпизодом в истории церкви, в то время как в действительности она, вплоть до самого последнего времени, была неотъемлемым и постоянным атрибутом ее деятельности.

Августин не был одинок в своей проповеди крестового похода против еретиков. Его современник «святой» Иероним (около 342–420) призывал во имя спасения души умертвить Вигилияция, пресвитера Аквитании, которого обвинил в отрицании культа реликвий святых и мучеников. Иероним доказывал, что такое проявление рвения в деле защиты «божьего дела» не есть жестокость, ибо наказание грешника является лучшей формой благочестия; оно ведет через смерть тела к спасению, бессмертию души. Христианская церковь, став союзницей императорской власти, опиралась на ее помощь в подавлении своих соперников — языческих и других культов и внутренней оппозиции — многочисленных еретических течений. По ее наущению римский император Феодосий I (379–395), при котором христианство было признано государственной религией, запретил языческие культы и конфисковал земли языческих храмов в пользу христианской церкви. Благодарная церковь провозгласила его «великим».

В 382 г. Феодосий I издал ряд эдиктов (указов) о преследовании манихеев (и язычников), согласно которым они присуждались к смертной казни, а их имущество подлежало конфискации в пользу государства. Закон обязывал префектов преторий назначать инквизиторов (следователей) и доносчиков (тайных агентов) для розыска потайных манихеев.

Закон против манихеев является как бы прообразом будущей инквизиции. Впервые в истории империи последователи негосударственного религиозного культа возводились в степень государственных преступников и учреждался специальный тайный следовательский аппарат с неограниченными полномочиями для их выявления и наказания.

Впоследствии, когда возникнет инквизиция, церковные апологеты будут для ее оправдания ссылаться именно на этот закон.

С переносом столицы империи в Константинополь (в 330 г.) Италия постепенно становится западной окраиной государства, которую стремятся разорить и покорить воинствующие племена, наступающие из глубин Европы. Их заветная мечта: дойти до Рима и завладеть его несметными богатствами. Между тем империя уже не обладала достаточной вооруженной силой, чтобы обезопасить Вечный город от набегов варварских орд. Постепенно главной фигурой в Риме становится римский епископ — папа, в руки которого перешла политическая и экономическая власть в городе. Пребывание императора в далеком Константинополе, связь с которым все больше и больше затруднялась (на дорогу между старой и новой столицей уходило 3 месяца), а затем окончательное разделение империи в

¹⁰² Sparrow-Simpson W. I. The Letters of St. Augustine. London, 1919, p. 113–114

395 г. на Восточную (Византию) и Западную империи было на руку папе римскому. Когда варвары подходили к стенам города, папа вступал с ними в переговоры, «умиротворял» их. (Это не помешало варварам дважды — в 410 и 452 гг. — взять Рим, ограбить и разорить его.)

Авторитет и положение римского епископа (папы) еще больше укрепились в конце V в., когда Западная Римская империя перестала существовать. Варвары, унаследовавшие ее, принимают религию побежденных. Они считаются с папой римским, а не с императором. Король франков Хлодвиг (481–511) принял христианство и провозгласил себя защитником римской церкви. Однако понадобится еще два с половиной столетия, чтобы папа римский прибавил к своей церковной тиаре корону светского правителя. Это произошло в 756 г., когда франкский король Пипин Короткий (741–768), коронованный в 754 г. папой Стефаном III, после разгрома лангобардов отдал папе отвоєванные у них земли: почти всю Северную и Центральную Италию, включая Венецию, Парму, Мантую, а также остров Корсику. Теперь папа обладал значительной частью Италии, Сицилией, ему принадлежали, кроме этого, обширные земельные владения в Испании.

Возвышение папства совпало с подавлением последней раннесредневековой ереси — адопционистов, возникшей в Испании в VIII в. Сторонники этого учения утверждали, что Христос по своей человеческой природе был сыном божьим только по усыновлению (adoptio). Собор, созванный папой Львом III в Риме, предал еретиков анафеме, и вскоре эта ересь перестала существовать.

В условиях феодализма церковь в странах Западной Европы приобрела огромную власть и несметные богатства. Она превратилась, по словам Энгельса, в наиболее общий синтез и наиболее общую санкцию существующего феодального строя.¹⁰³ Крупные феодалы-эксплуататоры становились церковными иерархами и наоборот. Вся умственная жизнь общества оказалась под контролем церкви. Оппозиционные, эгалитарные устремления, принимавшие в IV–V вв. форму ересей, теперь были загнаны в прокрустово ложе монашеского движения, отшельничества, отказа от активного воздействия на окружающий человека мир. Железные тиски феодального порабощения казались вечными и незыблемыми крестьянским массам. Оставался только один выход, одна надежда: бежать в другой мир — мистический, мир религиозных грез и сновидений.

Феодальный порядок, укрепившийся с благословения церкви и при ее прямом участии, зиждился, как и предшествующий ему рабовладельческий строй, на порабощении и эксплуатации народных масс. Когда в недрах феодального строя станут возникать новые общественные отношения и народные массы в лице крестьян и горожан пробудятся от вековой спячки и вновь придут в движение, их гнев будет направлен в первую очередь против духовенства — епископов, аббатов, монахов, которые вели привольную жизнь за счет народа, освящали социальный гнет, погрязли в пороках, против нового Вавилона — католического Рима, против нового Антихриста — папы римского. И тогда возникнут новые ереси, и тогда для борьбы с ними будет создана «святая» инквизиция...

ПРЕДВЕСТНИКИ НОВОЙ БУРИ

Второе тысячелетие западный христианский мир встречал в смутной тревоге. От круглой цифры «1000» веяло таинственными недобрыми предзнаменованиями. «...По всей Европе, — пишет Гегель, — распространился всеобщий страх, вызванный ожиданием приближающегося страшного суда и верой в близкую гибель мира. Чувство страха побуждало людей совершать бессмысленнейшие поступки. Некоторые дарили все свое имущество церкви и проводили всю жизнь в покаянии, большинство предавалось распутству и проматывало свое имущество. При этом только церковь выиграла благодаря дарениям и

¹⁰³ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361

Конец света не наступил, но элементы брожения продолжали накапливаться. Распад каролингской империи, внутренняя феодальная междоусобица, непрекращающиеся конфликты с арабами, норманнами, венграми расшатывают закостенелый феодальный порядок. Медленно, но неуклонно растут города. Все чаще и смелее выступают городские низы с протестом против церковников, неумолимо стригущих своих овец. Другим элементом брожения являлось само папство, выросшее благодаря покровительству светских феодалов — князей, королей и императоров — в могучую международную силу, располагавшую огромными земельными и другими материальными ценностями и стремившуюся к главенствующей роли в феодальном мире. Стремление папства к гегемонии приводит его к столкновению со светской властью, которая, защищая свои интересы, иногда не прочь опереться на тех же еретиков.

Под действием непреложных законов исторического развития противоречивые силы феодального общества приходят в движение. Меняется привычное соотношение классов и различных социальных слоев, нарушаются традиционные социальные устои, подвергаются переоценке старые понятия, незыблемые церковные догмы. Антифеодальные движения принимают форму религиозных ересей.

Первые раскаты грома, возвещающие бурю, раздаются в X в. в Болгарии, которая оказывает отчаянное сопротивление пытающейся поглотить ее Византии. Там пускает глубокие корни новое издание павликианства — богомильское учение, отражавшее настроения крестьян, выступавших против феодального и национального порабощения.

Сторонники этого учения отрицательно относились к богатству и земным благам, бедность рассматривали как высшую добродетель, а некоторые из них отрицали частную собственность. Богомилы отвергали церковную обрядность, таинства, мощи, иконы, крест, а церкви и монастыри считали вотчинами дьявола.

В болгарской церкви после завоевания Болгарии Византией руководящие посты занимали греки — ставленники византийского правительства. Народ видел в них чужеземцев, действовавших в интересах Константинополя. Богомилы активно участвовали в восстаниях против византийских властей.

Церковные и светские власти Византийской империи преследовали богомилов самым решительным образом. Их отлучали от церкви и предавали анафеме, заточали в тюрьмы, ссылали, сжигали на кострах, их собственность конфисковывалась. В 1111 г. в Константинополе был публично сожжен выдающийся проповедник богомильства Василий. И все же, несмотря на жесточайший террор, властям не удалось истребить богомильство, просуществовавшее на Балканах вплоть до XIV в.

В XI в. поднимается новая волна еретических движений в Италии и Франции, направленных в первую очередь против папства и церковной иерархии и проповедовавших возврат к традициям первоначального христианства. Еретики требовали строгого соблюдения евангельского принципа «кто не работает, тот не ест». В большинстве своем это были крестьяне и ремесленники.

Церковная иерархия, желая скомпрометировать ереси в глазах верующих, приклеивала им позорящие ярлыки старых ересей IV–VI столетий, осужденных вселенскими соборами и отцами церкви. Но новые ереси существенно отличались от старых. Раннехристианские ереси носили главным образом характер церковных течений, возникали в основном на периферии христианского мира и были направлены против римского рабовладельческого строя. Новые же ереси возникали в народных низах Западной Европы, они были направлены, с одной стороны, против феодального гнета, с другой — против церкви в целом.

Некоторые церковные апологеты пытаются представить эти ереси как своего рода заразу, занесенную с Востока, из Византии, в Западную Европу, однако, хотя и имелись

некоторые контакты между ересями этих районов, итало-французские ереси зарождаются и развиваются в XI в. главным образом среди народных низов, совершенно неграмотных и несведущих в теологических тонкостях.

Как справедливо отмечает итальянский историк Р. Морген, «нет ни текстов, ни документов, доказывающих, что новые ереси, родившиеся на Западе после 1000 года, являются продолжением древних теологических ересей».¹⁰⁵ Источником вдохновения новых еретиков является исключительно Библия, которую они противопоставляют церкви и церковному учению. Библия в руках еретиков становится опаснейшим оружием против церкви, и последняя в конце концов буллой папы Григория IX в 1231 г. запретила мирянам читать ее, причем запрет формально был отменен только вторым Ватиканским собором.

Западные ереси начала II тысячелетия н.э. возникают в обществе, в котором возрождаются города и появляется рынок, намечается стремление к объединениям нового типа, пробуждается новое общественное сознание, вырисовываются контуры новых народностей в результате смешения различных этнических элементов, возникают новые классы в городах, требующие себе прав, которые до этого принадлежали другим.¹⁰⁶

Как известно, в социальной подоплеке этих ересей первым разобрался Ф. Энгельс в своем исследовании «Крестьянская война в Германии», написанном в 1850 г. Он подразделяет их на три группы: патриархальные ереси, реакционные по форме и содержанию, представлявшие собой реакцию изолированных крестьянских общин (альпийских пастухов) на проникновение к ним феодализма; городские ереси, представлявшие оппозицию феодализму со стороны переросших его рамки городов; и крестьянско-плебейские и плебейские ереси, наиболее радикальные, выливавшиеся в вооруженные антифеодальные восстания.

Официальная ересь средневековья — городская, указывает Ф. Энгельс, была направлена главным образом против церковников, на богатства и политическое положение которых она нападала. Подобно тому как впоследствии буржуазия требовала дешевого правительства, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви. «Реакционная по форме, как и всякая ересь, которая в дальнейшем развитии церкви и догматов способна видеть только вырождение, бюргерская ересь требовала восстановления простого строя раннехристианской церкви и упразднения замкнутого сословия священников. Это дешевое устройство устранило монахов, прелатов, римскую курию — словом, все, что в церкви было дорогостоящим».¹⁰⁷

Далее Ф. Энгельс дает следующую характеристику крестьянско-плебейской ереси: «Хотя она и разделяла все требования бюргерской ереси относительно попов, папства и восстановления раннехристианского церковного строя, она в то же время шла неизмеримо дальше. Она требовала восстановления раннехристианского равенства в отношениях между членами религиозной общины, а также признания этого равенства в качестве нормы и для гражданских отношений. Из «равенства сынов божиих» она выводила гражданское равенство и уже тогда отчасти даже равенство имуществ. Уравнение дворянства с крестьянами, патрициев и привилегированных горожан с плебеями, отмена барщины, оброков, налогов, привилегий и уничтожение по крайней мере наиболее кричащих имущественных различий — вот те требования, которые выдвигались с большей или меньшей определенностью как необходимые выводы из учения раннего христианства».¹⁰⁸

¹⁰⁵ Morghen R. Problemes sur l'origine de l'heresie au Moyen Age — Revue historique, 1966, N 479, p. 3

¹⁰⁶ Morghen R. Problemes sur l'origine de l'heresie au Moyen Age. — Revue historique, 1966, N 479, p. 10

¹⁰⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 361–362

¹⁰⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 362–363

В XI–XIII вв. городская и крестьянско-плебейская ереси смешаны в одном антифеодальном потоке. Только в XIV–XV вв. эти ереси отчетливо выделяются в самостоятельные течения.

Главными очагами новых ересей в Западной Европе в XI в. становятся Северная Италия, Франция, в известной степени Германия. Здесь крестьянские массы, доведенные до отчаяния грабежами светских и церковных магнатов, все чаще и чаще восстают против своих угнетателей и отвергают официальную церковь. В 997 г. — Нормандия, а в 1024 г. — Бретань были ареной массовых крестьянских восстаний, на разгром которых было мобилизовано большое рыцарское воинство. В 1095 г. Францию вновь охватили крестьянские восстания.

В 1069–1071 гг. крестьянские восстания произошли в Англии, а в 1070 г. — в Саксонии, где крестьяне громили королевские поместья и вотчины. Эти вооруженные выступления крестьян сопровождались появлением новых ересей, направленных против светских и церковных феодалов. В начале XI в. в Шампани возникла ересь Леутара Шампанского, призывавшего не платить церковную десятину. В 1022 г. Орлеан и Тулузу охватило еретическое движение, последователи которого, по словам Льоренте, «повидимому, исповедовали учение манихеев». Подобного рода ересь распространилась в Аррасе, а также в Германии — Кёльне и Бонне.

При подавлении этих движений впервые применяются массовые казни еретиков посредством их сожжения. По решению поместного синода, созванного в Орлеане по приказу короля Франции Роберта II (996–1031), в 1022 г. было приговорено к сожжению десять руководителей еретиков, отказавшихся отречься от своих взглядов. В числе осужденных оказался Этьен, духовник королевы Констанции, супруги короля Роберта II. Сообщая об этом, Хуан Антонио Льоренте отмечает: «До какой крайней свирепости может довести людей слепое рвение, показывает королева, которая исповедовалась в своих грехах у ног священника Этьена, а теперь не побоялась поднять на него руку и жестоко ударить его по голове палкой, когда он выходил из собора, чтоб отправиться на место казни. Осужденные уже были охвачены пламенем, как вдруг многие из них закричали, что заблуждались и желают подчиниться церкви, но было уже поздно: все сердца были закрыты для жалости».¹⁰⁹

В Кёльне и Бонне также состоялись массовые казни еретиков.

Вскоре этому примеру последовала и Италия. В 1034 г. в Милане по приказу епископа Ариберто были публично сожжены вожак местных еретиков Хиральдо де Монферте и многие его сторонники. В XI в. казни еретиков становятся в странах Западной Европы привычным явлением.

Преследования еретиков не приносили существенных результатов, ибо условия, порождавшие ереси, — тяжелое положение народных масс — не только не менялись к лучшему, а постоянно ухудшались. Еретиков сравнительно легко подавляли силой: руководителей и проповедников сажали в тюрьму или казнили, а рядовых, как правило, переселяли, конфискуя их собственность. Еретики уходили в подполье, в малодоступные сельские или горные районы. Проходило некоторое время, и ересь вспыхивала с новой силой, теперь уже в другом месте и иногда под новым названием.

В начале XII в. Францию вновь сотрясают массовые еретические движения, направленные против церковной обрядности и церковной знати. На юге это движение возглавлял Петр де Брюи и его ученик Генрих, на севере — Танзельм Фландрский, имевший многих последователей среди ремесленников Фландрии. В 1113 г. ересь, отрицавшая частную собственность, охватила область Суассона, а затем и Периго.

Возмущение поведением церковной иерархии, ее продажностью и распущенностью проявилось и в движении патаренов в Милане, охватившем городские низы этого города в

¹⁰⁹ Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции. М., 1936, т. 1, с. 46–47

середине XI в. Патария, как и большинство еретических сект XI в., осуждала симонию (продажу и покупку церковных должностей), накопление церковниками богатств, требовала безбрачия клира. Патаренам удалось одержать одно время перевес в Милане, они изгнали из города архиепископа и его приближенных, позакрывали церкви. Вначале папский престол поддержал патаренов, стремясь с их помощью подчинить своему контролю высшую церковную иерархию. Когда движение приобрело слишком радикальный характер, папство предало его. Вождь патаренов монах Арнальд был схвачен церковниками и зверски убит. Патарены подверглись преследованиям, их выселили из Милана, и они рассеялись по разным областям Северной Италии.

Было бы ошибочным считать, что церковь на этом этапе боролась с еретическими движениями только при помощи насильственных средств. Папство делало попытки укрепить собственную власть и «оздоровить» прогнивший церковный организм, залечить некоторые его уж слишком омерзительные язвы и другими средствами. Такой попыткой была клюнийская реформа (названная именем монастыря Клуни во Франции, где она зародилась), осуществленная в X–XI вв. и значительно укрепившая экономическую мощь и авторитет папства. Клюнийские реформаторы выступали против светской инвеституры церковных иерархов, которая делала их вассалами государей и неподконтрольными папству; они осуждали симонию, превращавшую церковь, по образному выражению папы Григория VII (1073–1085), в проститутку на службе дьявола; они бичевали распущенность нравов и жажду мирских богатств клириков и монахов, требовали реформы монастырей на основе строгого устава и независимости их от светских властей и местной духовной власти, соблюдения монахами безбрачия, отказа от личной собственности, смирения и послушания.

Клюнийскую реформу поддержала феодальная знать, стремившаяся в свою очередь подчинить своему влиянию монастыри. В результате многие реформированные монастыри оказались в зависимости от местных феодальных сеньоров, одаривавших их землями и деньгами. В то же время были созданы и новые монашеские ордена — цистерцианский и картезианский, с очень строгими уставами. Но какие бы строгие нормы поведения ни устанавливались монахам, какими бы карами ни угрожала им церковь за «моральное разложение», они оказывались неспособными быть исключением из общего церковного правила, неспособными преодолеть свои «плотские слабости». Теологи, пытаясь объяснить такого рода явления, утверждали, что виной всему — козни могущественных демонов. Коварные махинации этих врагов бога и человеческого рода подробно описал один аббат XIII в. Едва колокол, рассказывал аббат, призывает монастырскую братию к обедне, как демоны погружают ее в сон. Монахи бессильны сопротивляться, ибо ночью те же демоны мешали им спать. Результат: братия проводит ночи без сна и храпит в церкви во время богослужения. Столь же печально кончаются и другие благие затеи. Взятся аббат читать поучительное сочинение; предвидя козни лукавого, он высвободил из-под рясы руку и держал ее на холоде, чтобы не заснуть. Но дьявол стал подобно блохе кусать руку аббата, вынудив ее спрятать обратно под рясу. Сие имело губительные последствия: аббат согрелся и уснул. Особую энергию проявлял бес, когда монахи принимались за работу. Нечистый хватал их за руки и за ноги, парализовывал, поэтому они не могли двинуться с места и сидели праздные. Изобретательности дьявола не было границ: когда монахи садились за стол, он побуждал их наедаться до того, что их тошнило, а по большим праздникам, когда за столом подавали вино, они напивались до бесчувствия. «Обыкновенно думают, — писал этот благочестивый аббат, — что всякого человека мучает только один демон: глубокое заблуждение. Вообрази, что ты погружен в воду с головой; вода над тобой, под тобой, направо, налево: вот точное изображение злых духов, которые нас окружают и осаждают со всех сторон. Они бесчисленны, как те пылинки, которые мы видим в солнечном луче; весь воздух наполнен ими». 110

110 Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. — Книга для чтения по истории средних веков. М., 1897, вып. 2

Но если сила дьявола была столь велика, что служители бога пасовали перед ней, не означало ли это, что они сами превращались тем самым из служителей господина в слуг властелина преисподней и что молитва в их устах теряла свою силу? Еретики отвечали на этот вопрос утвердительно и требовали истребления сатанинского церковного воинства. В ответ папство сочинило доктрину, согласно которой священные таинства сохраняют свою силу независимо от того, отпускаются ли они грешными или праведными священниками. И хотя эта доктрина оправдывала церковных фарисеев, она все-таки практически была принята верующими, как и многие другие церковные доктрины, отменявшие основные положения раннего христианства. Церковь добивалась этого отчасти принуждением, силой навязывая верующим свою волю; но нельзя отрицать и того, что подобного рода доктрина, потворствовавшая порокам, привлекала и определенный контингент верующих. Церковь учила, что грешник может «спастись» при помощи святых таинств — магических действий — молитвы, причащения, исповеди, якобы обладающих сверхъестественной силой, что вполне устраивало власть имущих.

Другим мероприятием, притупившим на некоторое время оппозицию к церкви со стороны народных низов, явились крестовые походы, которые были направлены как на Восток под предлогом освобождения «гроба господня», так и против еретиков в странах Европы.

В крестовых походах приняла участие не только масса охочего до грабежа рыцарства, но и многие тысячи бедняков и страждущих, уверовавших словам папы Урбана II, зачинателя первого похода, сказанным им на Клермонском соборе: «Иерусалим — это пуп земель, земля плодоноснейшая по сравнению со всеми остальными, она словно второй рай... Кто здесь горестен и беден, там будет радостен и богат».¹¹¹ Папы всем участникам крестовых походов отпускали грехи, предлагали, как говорил Григорий VII, «малым трудом обрести вечное блаженство».

Несомненно, что с точки зрения домогательств папского престола на господство в первую очередь в пределах тех европейских стран, где преобладал католицизм, крестовые походы явились просто гениальной находкой. Под знаменем освобождения гроба господня папа римский мог выступать в роли объединителя всех христианских властелинов; в крестовые походы можно было направить феодальную вольницу, опустошавшую сельские местности, а вместе с нею и всех беспокойных, нетерпеливых, жаждущих земных богатств. В случае поражения наместник Петра лишился бы всего лишь своих реальных и потенциальных соперников и врагов; победа же над неверными сулила ему несметные богатства и славу в веках.

Крестовые походы, в особенности первые, способствовали укреплению авторитета папства, порождали иллюзии в его способность облегчить муки страждущих и бедствующих, вновь вселяли во многих веру в «миллениум». Хотя эти надежды и мечты в значительной степени рассеялись после первого же крестового похода, когда выяснилось, что на нем наживаются только церковная иерархия и верхушка крестоносцев, идея освобождения гроба господня еще долго приносила папству не только материальные, но и духовные дивиденды.

Все же крестовые походы, как и клюнийская реформа, только временно притушили начавшееся было разгораться в XI в. пламя всеобщего недовольства существующим религиозно-социальным порядком. Под пеплом продолжали тлеть угли, и достаточно было сильного порыва ветра, чтобы костер запылал с еще большей, чем прежде, силой.

Новая опасность возникла там, где ее меньше всего ждали: в среде теологов. Теоретиком нового движения стал Петр Абеляр (1079–1142), парижский теолог, современник первого крестового похода, а его «практиком» — ученик и последователь Абеляра — Арнольд Брешианский (1100–1155).

¹¹¹ Заборов М. А. Папство и крестовые походы. М., 1960, с. 41

Абеляр в своем сочинении «Да и нет» (1122) и других произведениях впервые делает попытку подвергнуть рациональной критике церковное учение, вскрывая заключающиеся в нем противоречия. Он выдвигал разум на первый план и провозгласил право верующих подвергать критике церковные авторитеты. По словам одного современника, французский философ не желал веровать в то, что он не «расколол» предварительно рассудком.

Во взглядах Абеляра папство и его сторонники в лице главного оппонента и врага Абеляра аббата Бернара Клервоского усмотрели потрясение основ самой веры. В одном из своих доносов в Рим на Абеляра Бернар Клервоский писал, что «он высказывается нечестиво по отношению к небесам; он подрывает нерушимость веры и чистоту церкви; он преступает пределы, которые положили наши отцы, когда пишет и рассуждает о вере, о таинствах и о святой троице... В своих книгах он проявляет себя творцом лжи и создателем превратных догматов и выказывает себя еретиком не столько в заблуждениях, сколько в упорной защите ошибок. Он является человеком, преступающим веру свою и уничтожающим силу христового креста в мудрости слова». ¹¹²

Характерно, что Бернар Клервоский, стремясь скомпрометировать своего противника, приписывает ему осужденные церковью воззрения ересиархов Ария, Пелагия и Нестория. Впоследствии инквизиция часто будет применять этот испытанный прием, при помощи которого обвиняемый превращался в последователя самых разнородных ранее осужденных церковью учений, о существовании которых он зачастую даже не подозревал.

Два французских поместных собора — Суассонский (1121) и Санский (1140) — осудили Абеляра. Папа Иннокентий II приговорил его как еретика к «вечному молчанию», к заточению в монастырь и приказал предать огню его книги, «где бы таковые ни были найдены». ¹¹³

Лекции Абеляра по богословию, которые он читал в Париже и во время которых излагал свои «крамольные» взгляды, так же как и его произведения, пользовались неизменным успехом. Абеляр был кумиром университетской молодежи в Париже, у него насчитывалось много последователей. Самым талантливым из них, пожалуй, был итальянец Арнольд Брешианский. У себя на родине он выступал с резкой критикой церковной иерархии. Латеранский собор в 1139 г. осудил его и вынудил покинуть родной город. Спасаясь от преследований, Арнольд едет во Францию, Швейцарию, Германию. В 1145 г. он появляется в Риме, где вскоре возглавляет антипапскую республику, возникшую двумя годами раньше. Арнольд требовал лишения папы светской власти, конфискации церковной собственности в пользу коммун, обличал преступления папства и феодальной знати, бичевал высшее духовенство, требовал реформы церкви, упразднения епископата, лишения духовенства собственности. Папа Адриан IV наложил на Рим интердикт, что вынудило Арнольда покинуть город. Схваченный в плен императором Фридрихом I Барбароссой, Арнольд Брешианский был выдан папе и по его приказу повешен. Но папе показалось этого мало: он повелел сжечь труп казненного и выбросить пепел в Тибр.

Такого рода расправы были проявлением страха, который испытывали папы римские перед теми, кто оспаривал их авторитет и подвергал их критике с позиций первоначального христианства.

В XII столетии становится обычной для церкви практикой расправляться со своими идеологическими противниками насильственными средствами — предавать их пыткам, поруганию, лишать жизни. Но такого рода расправы учиняются только над наиболее опасными для церкви противниками и еще не носят всеобщего характера, т. е. не применяются пока что ко всей массе еретиков. Однако бессилие церкви справиться с растущими оппозиционными антицерковными и антифеодальными движениями, ее

¹¹² Абеляр П. История моих бедствий. М., 1959, с. 137

¹¹³ Абеляр П. История моих бедствий, с. 153–154

нежелание пойти на компромисс со своими идейными противниками, модернизировать, как мы сказали бы теперь, церковную доктрину и практику, а также усиливающееся стремление папского престола возвыситься над светской властью, подчинить ее своему контролю, превратиться в верховного вершителя судеб христианского мира — все это, вместе взятое, породило идею «окончательного решения» еретического вопроса, а именно — физического истребления, уничтожения всех без исключения еретиков.

ЭТА «НЕИСТРЕБИМАЯ МЕРЗОСТЬ»...

В последней четверти XII в. центром еретических движений становится Южная Франция, где города высвободились из-под феодальной зависимости еще в прошлом столетии.

«В Лангедоке, — указывает К. Маркс, — держались остатки римских городских прав и муниципального управления; как раз города, пострадавшие потом всего больше от жестокого преследования еретиков, здесь не были так разъединены, как немецкие и итальянские, и не так были отрезаны от деревни; они были также защищены от сеньеров... Даже в Тулузе, резиденции могущественного графа, управляли независимый магистрат и свободный комитет горожан... В таком цветущем состоянии была южная Франция от Альп до Пиренеев». ¹¹⁴

Именно в городах этой «обетованной земли» получили наибольшее распространение различные еретические учения, в первую очередь учение катаров, на подавление которых официальная церковь мобилизовала все свои могущественные силы...

Термин «катары» появляется в первой половине XI в. Вскоре он становится синонимом еретика вообще. Об учении катаров с достоверностью нам мало что известно. Их писания были почти полностью уничтожены церковниками. Что же касается церковных источников, то в них больше клеветы и вымысла, чем достоверных фактов. Если судить только по ним, то приходится сделать вывод, что папство осуждало ереси, не имея точного представления о их содержании. Католический богослов Шэннон, изучавший папские источники, относящиеся к средневековым ересям, отмечает, что они дают только «крайне схематическое и неудовлетворительное» представление о еретических учениях этого периода. ¹¹⁵

Судя по тем скудным данным, которыми мы располагаем, катары выступали против официальной церкви с позиций первоначального христианства. Некоторые черты их учения напоминали манихейство, поэтому церковники именовали катаров неоманихеями. Как и последние, катары считали, что добро (бог — творец невидимого, идеального справедливого мира) и зло (дьявол — создатель всего материального) являются извечными началами. Тело создано дьяволом, в нем, как в темнице, заключена душа, творение бога.

Катары считали, что все зло на земле — всякого рода притеснения, несправедливости, социальное неравенство — вызвано дьяволом, а так как церковь оправдывала господствующий несправедливый строй, то она являлась пособницей и соучастницей преступлений князя преисподней. Катары делились на наставников — «совершенных» и просто верующих. Первые должны были являть собой пример евангельских добродетелей. Они отрицали частную собственность, не признавали церковной обрядности, культа и иерархии, выступали за строгое соблюдение обета целомудрия.

Праведный образ жизни «совершенных», контрастирующий с разнузданными нравами, страстью к обогащению, свойственными церковникам, был лучшей формой наглядной агитации в пользу нового вероучения. Новая ересь, возрождавшая на практике идеалы первоначального христианства, привлекала городских плебеев и крестьян, искавших

¹¹⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. V, с. 232–233

¹¹⁵ Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p. 8

избавления от непосильных феодальных повинностей. Катары обязывались не убивать, не лгать, воздерживаться от клятв. При посвящении они давали еще одно обязательство: не отречься от своей веры «из страха воды, огня или любого другого вида наказания». Попав в руки своих противников, они мужественно отстаивали свои взгляды и спокойно всходили на костер. Рядовым катарам, «верующим», было дозволено пользоваться мирскими благами, сохранять семью и собственность, однако «спастись», обрести царство небесное они могли лишь, перейдя в разряд «совершенных». Для этого «совершенные» совершали обряд «утешения» (*consolamentum*) над «верующими».

«Совершенных» даже в период наибольшего влияния катаров насчитывалось всего около 4 тыс. человек, но это были подлинные вожаки, фанатики, оказывавшие огромное влияние на своих последователей.

Когда началась борьба с катарами, церковники с особым ожесточением преследовали «совершенных», уничтожение которых лишало рядовых катаров «утешения», а значит, и «спасения».

Наряду с катарами большое распространение во Франции, Швейцарии, Италии получило вальденское учение, основателем которого был лионский купец Пьер Вальдо, находившийся под влиянием Арнольда Брешианского. Первая вальденская община возникла в 1176 г., ее участники вначале были известны как «лионские бедные».

Церковь опасалась еретиков в первую очередь потому, что их учение привлекало народные низы. По свидетельству современников, Монеты из Кремоны, «среди бедняков было много таких, которые умирали с голода и которых приводили в ужас и возмущение несметные богатства церкви. С напряженным вниманием и с внутренним волнением слушали они «слово божье», исходившее из уст еретиков, требовавших отказа церкви от мирских наслаждений и возврата к временам, когда бедность считалась величайшей добродетелью. Что же удивительного в том, что городская голь шла в секту катаров и другие еретические секты и пополняла их ряды свежими силами». ¹¹⁶

На юге Франции, в Лангедоке, новых еретиков поддерживало и дворянство, не желавшее уступать свои права и вольности церковным иерархам. Церковная иерархия, претендовавшая на львиную долю доходов от торговли и ревностно накапливавшая сокровища, вызывала возмущение также ремесленников и торговцев. Катары, осуждавшие тунеядство церковников и призывавшие их к отказу от мирских богатств, находили поддержку во всех слоях общества.

Вот почему попытка церковников расправиться с катарами «мирными» средствами — отлучениями и анафемой (что не исключало и физической расправы над ними) — не приносила желательного результата. Напрасно громили их в своих проповедях преданные папскому престолу проповедники, напрасно этих «новых манихеев» отлучали вселенские и поместные соборы. Число их сторонников непрерывно росло, Шэннон пишет по этому поводу: «Политика, основанная на предпосылке, что большинство еретиков были простаками, впавшими в ересь по неведению, и что проповедь верного учения церкви быстро образумит их и вернет к вере их отцов, была осуждена на провал, ибо опыт показал необоснованность этих надежд. Определенные действия папства, направленные на преодоление пороков церковной иерархии и клира в зараженных ересью районах, совершались слишком поздно и в ничтожных масштабах, чтобы помочь беде». ¹¹⁷

Еще Бернар Клервоский настойчиво ратовал за физическое истребление непокорных еретиков при помощи светской власти.

По Бернару, церкви следует отыскивать и избличать еретиков, а по ее указанию светской власти их уничтожать. Если светская власть повинуетя велениям церкви по борьбе

¹¹⁶ Лозинский С. Г. История папства. М, 1961, с. 151–152

¹¹⁷ Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p. 24

с еретиками, то она тем самым признает над собой главенство церкви и папского престола.

Требую от светской власти преследования еретиков, Бернар одновременно отстаивал право папского престола владеть обоими мечами — духовным и материальным. Хотя папа уступает второй из них светской власти, он, по словам Бернара, сохраняет за собой право использовать его там и тогда, где и когда сочтет это нужным.¹¹⁸

Как следует из программы Бернара, принятой на вооружение средневековыми папами, преследование еретиков являлось одним из неперемennых условий подчинения светской власти папству. Это помогает уяснить место и значение будущей инквизиции в общей политике папского престола. Создавая инквизицию, папство надеялось, в частности, использовать ее для упрочения своих позиций по отношению к светской власти.

Первая попытка мобилизовать церковь на искоренение ереси, пустившей глубокие корни в Лангедоке, путем массового истребления вероотступников была предпринята папой Александром III на III Латеранском соборе в 1179 г. Кроме обычных уже в таких случаях анафем в адрес вероотступников, собор впервые объявил крестовый поход против них. Собор обещал отпущение грехов на два года всем участникам похода и «вечное спасение» тем, кто погибнет в борьбе с еретиками. Руководство этим походом было поручено аббату Генриху Клервоскому, возведенному по этому случаю в кардинальское звание. Этот первый поход против альбигойцев (так стали именовать одну из ветвей ереси катаров и прочих еретиков, твердыней которых в Лангедоке был г. Альби) привлек сравнительно небольшое число участников. Опустошив несколько областей Лангедока, воинство Генриха разъехалось по домам, а он сам вернулся в Рим участвовать (вследствие смерти Александра III) в избрании нового папы.

Им стал Луций III (1181–1185), такой же сторонник беспощадных мер против еретиков, каким был и его предшественник. Новый папа созвал собор в Вероне в 1184 г., на котором огласил буллу об искоренении различных еретических учений (*Ad abolendam diversarum haeresum gravitatem*). Булла предписывала епископам подвергать еретиков высылке, конфисковывать их имущество и осуждать их на «вечное бесчестие». Она призывала очистить католические кладбища от якобы осквернявших их останков еретиков. Хотя булла и не призывала к физическому истреблению вероотступников, она все же преследовала именно эту цель. Подразумевалось, что еретики окажут сопротивление булле, превратившись тем самым в бунтовщиков, а это даст повод светским властям истребить их. Веронский собор одобрил буллу Луция III, которому удалось также заручиться поддержкой императора Фридриха I Барбароссы, обещавшего выполнять указания папских легатов по борьбе с вероотступниками. Стали преследовать еретиков и в Арагонском королевстве. Булла Луция III, как и решения Веронского собора, служила «законным» основанием различным монархам и епископам для грабежа еретиков под видом искоренения ереси.

В 1194 г. правителем графства тулузского, расположенного на территории Лангедока, стал Раймонд VI, относившийся с большой симпатией к катарам и оказывавший им покровительство. Не располагая поддержкой светских властей, местная католическая иерархия была не в состоянии успешно бороться с катарами. Требовались более энергичные действия, чтобы покончить с этой опасностью. Их мог предпринять только решительный и фанатично настроенный папа. Именно таким оказался Иннокентий III, избранный на папский престол в 1198 г.

Родом из графской семьи, обладавшей обширными земельными владениями близ Рима, Иннокентий III получил высшее образование в Болонском и Парижском университетах. Результатом его схоластических штудий был трактат «О презрении к миру и о бедственном состоянии человека», в котором он пытался доказать, что все классы феодального общества в равной мере страдают за первородный грех. Весьма реалистическое описание страданий эксплуатируемых феодалами крестьян показывает, что автор хорошо был знаком с

¹¹⁸ См.: Сидорова Н. А. Очерки по истории ранней городской культуры во Франции. М., 1953, с. 135

окружавшей его действительностью. Он писал: «Холоп вечно служит, терпит угрозы, обременяется барщиной, удручается побоями, лишается своего достояния; если нет у него своего добра, то его принуждают приобретать, а если есть какое-либо имущество, то его у него отнимают. Виноват господин — холоп за него отвечает, а виноват холоп — пеня с него идет в карман господину». ¹¹⁹

Иннокентий III проявил себя как сторонник крайних притязаний папства. Об этом он дал знать при своем посвящении в папы, избрав для проповеди библейский текст: «Смотри, я поставил тебя в сей день над народами и царствами, чтобы искоренять и разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать». Себя Иннокентий именовал «царем царей — владыкой владык, священником во веки веков по чину Мельхиседека». Это он является изобретателем нового папского титула — «наместника Иисуса Христа на земле».

Став папой в 38-летнем возрасте; Иннокентий III развил кипучую деятельность, цель которой была превратить папский престол в вершителя судеб всего христианского мира. Он заключал союзы с монархами, отлучал неугодных, интриговал, увещевал, взывал, агитировал, рассылая ежегодно сотни посланий церковным иерархам и светским государям; его легаты, облеченные неограниченными полномочиями, терроризировали многие районы Италии, Германии и Франции. Короли Англии, Арагона, Болгарии и Португалии признавали себя его вассалами.

Иннокентий III был инициатором 4-го крестового похода, участники которого вместо «освобождения гроба господня» опустошили христианскую Византию, захватили и разграбили Константинополь (1204). Иннокентий III одобрил в 1202 г. создание ордена меченосцев и благословил их на завоевание Ливонии, а в 1215 г. призвал немецких рыцарей к крестовому походу на пруссов. Наконец, это он отдал приказ приступить к новому крестовому походу против альбигойцев, положив начало массовому и систематическому уничтожению верующих, религиозные взгляды которых расходились с официальной доктриной церкви. Многие исследователи именно его считают основателем инквизиции.

Вступив 22 февраля 1198 г. на престол, Иннокентий III уже в апреле направляет во Францию эмиссаров Рэнье и Ги с полномочиями организовать преследование катаров. В инструкции им папа приказывал: «Употребляйте против еретиков духовный меч отлучения, и если это не поможет, то употребляйте против них железный меч». ¹²⁰ Однако папским эмиссарам не удалось добиться каких-либо существенных успехов, так как светские власти явно препятствовали их деятельности. В 1202 г. папских эмиссаров заменили цистерцианские монахи Петр Кастельно и Арнольд Амальрик, которым было дано полномочие «разрушать повсюду, где были еретики, все, подлежащее разрушению, и насаждать все, подлежащее насаждению». Им в помощь были направлены проповедники из Испании, среди которых выделялся своим рвением августинский монах Доминик де Гусман (1170–1221), будущий основатель ордена доминиканцев. Папские легаты обещали сеньорам и французскому королю за участие в репрессиях против еретиков имущество последних и прощение всех грехов. В личном послании французскому королю Филиппу-Августу папа призывал его поднять меч на «волков, опустошающих стадо господне».

Преданные папскому престолу монахи, подражая своим противникам, босые и в лохмотьях бродили по Лангедоку, призывая население к расправе над еретиками. Однако их усилия не приносили результатов. Французский король не решался вторгнуться во владения графа Тулузского, а местное население хотя и не препятствовало выступлениям папских агентов, но и не оказывало им активной поддержки. Папские легаты приходили в отчаяние. Петр де Кастельно говорил: «Я знаю, что дело Христа не преуспеет в этой стране до тех пор,

¹¹⁹ Герье В. И. Папа Иннокентий III. — Книга для чтения по истории средних веков, с. 385–386

¹²⁰ Vacandard E. The Inquisition. A critical and historical study of the coercive power of the church, p. 44

пока один из нас не пострадает за веру».¹²¹ Его слова оказались пророческими.

Кастельно отлучил графа Раймонда от церкви за нежелание сотрудничать в преследовании еретиков. В ответ один из приближенных Раймонда убил папского легата. Это случилось 15 января 1208 г., а уже 10 марта Иннокентий III обратился с поджигательским посланием к верующим христианского мира, призывая к мщению, к крестовому походу против графа Раймонда и его подданных. В послании папа писал: «Объявляем по сему свободными от своих обязательств всех, кто связан с графом Тулузским феодальной присягой, узами родства или какими другими, и разрешаем всякому католику, не нарушая прав сюзерена (т. е. французского короля), преследовать личность сказанного графа, занимать его земли и владеть ими. Восстаньте, воины Христовы! Истребляйте нечестие всеми средствами, которые откроет вам бог! Далеко простирайте ваши руки и бейтесь бодро с распространителями ереси; поступайте с ними хуже, чем с сарацинами, потому что они сами хуже их. Что касается графа Раймонда... выгоните его и его сторонников из их замков, отнимите у них земли для того, чтобы правоверные католики могли занять владения еретиков».¹²² Иннокентий пытался объяснить, почему «всемогущий» бог нуждается в воинстве для расправы с еретиками. «Помните, что ваш создатель, сотворив вас, не нуждался в ваших услугах. Но хотя он прекрасно может обойтись без вашей помощи и теперь, все же ваше участие поможет ему действовать с большим успехом, так же как ваше бездействие ослабит его всемогущество».¹²³ Участникам похода папа обещал не только прощение грехов, но и нечто более существенное: освободить от уплаты процентов по долгам, пока они будут участвовать в войне с еретиками.

На этот раз Иннокентию III удалось собрать в Северной Франции армию из всевозможных авантюристов, охочих до чужого добра, во главе с Симоном де Монфором. Не решаясь на войну с Монфором или рассчитывая обмануть его, Раймонд проявил раскаяние: по требованию папского легата он сдал без боя крестоносцам семь важнейших крепостей и обещал выполнять все требования Иннокентия III. Его заставили явиться в Сен-Жиль, город, где был убит Кастельно, и предстать обнаженным до пояса перед папским легатом, который встретил его в окружении епископов и при большом стечении народа на паперти местного собора. Легат петлей надел на шею Раймонда епитрахиль и ввел его как бы на поводу в собор, в то время как присутствовавшие били прутьями по плечам и спине кающегося вельможу. У алтаря ему дали прощение, вслед за этим заставили спуститься в склеп и поклониться гробнице Петра де Кастельно, душа которого, как утверждали церковники, «возликовала», узрев такое унижение своего заклятого врага.

Теперь сопротивление крестоносцам в Лангедоке возглавил племянник графа Раймонда — Роже. Против него двинулось из Лиона огромное войско крестоносцев из 20 тыс. всадников и 200 тыс. пеших воинов, напутствуемое очередным посланием кровожадного Иннокентия III. «Вперед, храбрые воины Христа! Спешите навстречу предтечам Антихриста и низвергните служителей ветхозаветного змия. Доселе вы, быть может, сражались из-за преходящей славы, сразитесь теперь за славу вечную. Вы сражались прежде за мир, сражайтесь теперь за бога. Мы не обещаем вам награды здесь, на земле, за вашу службу богу с оружием в руках; нет, вы войдете в царство небесное, и мы уверенно обещаем вам это».

Сея по дороге смерть и не встречая решительного сопротивления со стороны катаров (им было запрещено убивать), крестоносцы захватили один из их укрепленных пунктов — г. Безье, сожгли его и вырезали всех его 60 тыс. жителей. Когда крестоносцы спрашивали

¹²¹ Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция. — Книга для чтения по истории средних веков, с. 669

¹²² Покровский М. Средневековые ереси и инквизиция, с. 670

¹²³ Vaux-de-Cernay P. Histoire Albigenis. Nouvelle traduction par P. Guebin et H. Maisonneuve. Paris, 1951, p. 31

папского легата Арнольда Амальрика, как отличать еретиков от правоверных католиков, тот отвечал: «Бейте их всех, господь узнает своих!»

Симон де Монфор проявлял к своим жертвам не меньшее «милосердие». Он не щадил даже тех, кто выражал желание вернуться в католицизм. Приказав казнить одного такого отступника, Монфор заявил: «Если он лжет, это ему послужит наказанием за обман, а если говорит правду, то он искупит этой казнью свой прежний грех».

Вслед за Безье настал черед Каркассона, где Роже сосредоточил свои главные силы. Крестоносцы осадили город, в котором укрылись тысячи людей из окрестных селений. Каркассон был хорошо укреплен. Крестоносцы решили действовать хитростью. Они предложили Роже начать переговоры о мире, а когда он явился в их лагерь, предательски схватили его и вскоре объявили, что он «умер от дизентерии». Оставшись без вождя, осажденные приняли условия крестоносцев: покинуть город — мужчины в штанах, женщины в рубашках. Ворвавшись в Каркассон, «храброе христианское воинство» разграбило город.

Обо всех злодеяниях крестоносцев рассказывают сами участники этих злодеяний. Отрицать приводимые факты клерикальные историки не в состоянии. Зато они не скупятся на соответствующего рода комментарии. Вот, например, как рассуждает по поводу «подвигов» крестоносцев в Лангедоке Шэннон: «Это был жестокий век, и в армии крестоносцев отсутствовал даже минимум дисциплины и порядка, свойственных феодальным ополчениям. В результате, когда это воинство ворвалось с севера в города Лангедока, нельзя было ожидать от военных командиров, чтобы они направляли свои стрелы только на одних «совершенных». Таким образом, слишком часто правоверные католики гибли вместе с еретиками. Хотя личные или даже групповые трагедии в этих условиях были понятны, однако подавление, грабеж и убийства правоверных взывали к решительному осуждению и понтифики громко протестовали против таких эксцессов».¹²⁴

Как следует из комментария Шэннона, зверства крестоносцев в Лангедоке были вызваны «объективными условиями», римские же папы осуждали эксцессы, правда, если они касались только правоверных католиков. Но, спрашивается, кто организовал крестовый поход против альбигойцев, как не папа римский? Кто призывал в течение двадцати лет крестоносцев огнем и мечом искоренять еретиков и обещал им за это царство небесное, как не папы римские? Разве не римские понтифики, не церковь в целом несет ответственность за геноцид, совершенный крестоносцами в Лангедоке по отношению к катарам?

Вскоре после падения Каркассона среди крестоносцев начались раздоры на почве дележа награбленного. Часть из них покинула Лангедок, вернувшись восвояси. Чтобы удержать в Лангедоке Монфора, Иннокентий обещал наделить его частью владений графа Тулузского и приказал церковникам передавать ему конфискованные у еретиков ценности. Не довольствуясь этими подачками, Монфор, под видом искоренения ереси, продолжал грабить города и селения Лангедока.

Между тем Раймонд укрепился в Тулузе, откуда вел сложную игру с Иннокентием III. Последний настаивал, чтобы граф самолично искоренял ересь, угрожая в противном случае лишиться его всех владений и самого привлечь к суду как еретика. Раймонд обещал, но рвения в преследовании еретиков по-прежнему не проявлял. По приказу папы Монфор попытался было взять Тулузу, но потерпел поражение. Раймонду удалось заручиться поддержкой короля Петра Арагонского, которому было выгодно сохранение тулузского графства в качестве буфера между его владениями и владениями французского короля. Последний в свою очередь не сидел сложа руки, активно помогая Монфору, которому удалось в конце концов нанести поражение Раймонду и вынудить его бежать в Англию. Петр Арагонский погиб в одном из сражений.

Наконец Иннокентий III мог считать себя победителем. Он расправился с катарами и их

¹²⁴ Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p. 45

покровителями в Лангедоке. В папских владениях он также навел «порядок», очистив их от патаренов и подчинив своим ставленникам непокорные коммуны, оказывавшие покровительство еретикам. Тысячи еретиков были изгнаны из городов, лишены имущества и средств к существованию, многие упорствующие были казнены...

И все же эти успехи не могли скрыть пороков, продолжавших разъедать и подтачивать организм католической церкви.

Иннокентий III созвал для обсуждения церковных дел XII (IV Латеранский) вселенский собор. Он открылся в Риме в 1215 г. Кроме патриархов захваченных крестоносцами Константинополя и Иерусалима в соборе участвовали 71 митрополит, 412 епископов, более 800 аббатов и приоров, множество уполномоченных от отсутствовавших прелатов. На нем присутствовали представители многих европейских монархов. Тайно явились на собор граф Тулузский и его сын Раймонд Младший, надеясь вымолить у Иннокентия III и соборных отцов прощение и вернуть себе хоть часть своих владений.

Повестка дня собора предусматривала обсуждение следующих вопросов: отнятие св. Земли у неверных, церковная реформа, злоупотребления духовенства и как с ними бороться, искоренение ереси и умиротворение душ. Собор окончательно лишил Раймонда его владений, обещав частично их вернуть сыну, если он «будет того достоин».

Собор принял постановление о борьбе с ересью (канон 3), обязывавшее светские и церковные власти неустанно преследовать еретиков. Вот текст этого документа, послужившего юридическим основанием для учреждения инквизиции:

«Мы отлучаем и предаем анафеме всякую ересь, выступающую против святой веры, ортодоксальной и католической... Мы осуждаем всех еретиков, к какой бы секте они ни принадлежали; разные по облику, все они связаны между собой, ибо тщеславие всех их объединяет. Все осужденные еретики должны быть переданы светским властям или их представителям для понесения достойного наказания. Клирики будут предварительно лишены сана. Собственность осужденных мирян будет конфискована, клириков же — поступит в пользу той церкви, которая платила им жалованье. Просто подозреваемые в ереси, если они не смогут доказать своей невиновности, опровергнуть выдвигаемых против них обвинений, будут подвергнуты анафеме. Если они пребудут под анафемой год и своим поведением за этот срок не докажут своей благонадежности, то пусть их судят как еретиков. Следует предупредить, вызвать и в случае надобности заставить наложением канонических наказаний светские власти, какое бы положение они ни занимали, если они хотят быть верными церкви и считаться таковыми, сотрудничать в защите веры и изгонять силой из подвластных им земель всех еретиков, объявленных таковыми церковью. Впредь всякий при вступлении на светскую должность должен будет дать такое обязательство под присягой. В том же случае, если светский правитель, которого церковь предупреждала и от которого она требовала принять меры против еретиков, не проявит должного рвения в очищении своих земель от этой заразной ереси, то таковой правитель будет наказан митрополитом или его заместителем отлучением. Если он в течение года не исправится, то о нем будет доложено правящему понтифику на предмет, чтобы папа освободил его вассалов от подчинения ему и объявил его земли свободными для занятия правоверными католиками, которые, после изгнания еретиков, вправе завладеть ими, чтобы обеспечить на них чистоту веры. Если правитель не окажет сопротивления и не будет препятствовать этим действиям, то права на эти земли будут за ним сохранены. Это же правило будет применено к тем областям, которые не имеют правителя. Католики, участники крестовых походов против еретиков, будут пользоваться такими же индульгенциями и святыми привилегиями, как и те, кто оказывает помощь в освобождении св. Земли.

Всех, кто разделяет веру еретиков, дает им пристанище, помогает и защищает их, мы предаем отлучению и объявляем, что если они в течение года не откажутся от своих пагубных взглядов, то будут автоматически (*ipso facto*) объявлены бесчестными и лишены права занимать какие-либо публичные или выборные должности, быть избираемыми на эти должности, а также лишены права выступать в роли свидетелей. Кроме того, они будут

лишены права завещать и наследовать. Все освобождаются от каких-либо обязательств по отношению к ним, в то время как их обязательства по отношению к третьим лицам сохраняются... Что касается тех, кто ослушается приказов церкви и будет поддерживать с еретиками связи, то он будет отлучен до тех пор, пока не исправится. Клирики откажут этим прокаженным в причащении, не разрешат предавать их христианскому погребению, отвергнут их подаяния и пожертвования, а если не сделают этого, то сами будут лишены своих должностей, которые могут быть им возвращены только после особого помилования святым престолом... Кроме того, каждый архиепископ и епископ, или лично, или через архидиакона или другое доверенное лицо, обязан посещать раз или два раза в году свою епархию, если известно, что в ней укрываются еретики; там он, если сочтет нужным, под присягой обяжет трех или больше заслуживающих доверия лиц обследовать все население и донести епископу о тех, кто является еретиками, участвует в секретных собраниях и отходит в своей жизни от обычаев, свойственных поведению верующих. Пусть епископ вызовет к себе обвиняемых, и если они не смогут оправдаться от выдвинутых против них обвинений или вновь совершат прежние ошибки, то следует применить к ним канонические наказания. Любой, кто нарушит в преступном упорстве данную им присягу или откажется присягать, будет объявлен еретиком. Мы желаем, объявляем и приказываем всем епископам, обязанным повиноваться согласно их обету строгого послушания приказам церкви, внимательно следить за осуществлением этих мер в их епархиях, если они желают избежать канонических наказаний. Если епископ проявит небрежность или любую медлительность в искоренении в своей епархии еретического брожения, признаки которого налицо, то он будет снят с епископальной должности и заменен человеком, способным и полным рвения к искоренению ереси».¹²⁵

Это решение IV Латеранского собора имеет исключительно важное значение для установления ответственности церкви за преследование инакомыслящих. Апологеты церкви утверждают, что физически еретиков преследовали светские власти и что, мол, церковь за это вовсе не несет ответственности. Но ведь весь смысл борьбы папского престола с графами тулузскими заключался в том, чтобы заставить их участвовать в репрессиях против еретиков. Приведенный же выше текст 3-го канона, принятого IV Латеранским собором, показывает, что церковь обязывала к этому всех светских правителей, угрожая им в противном случае отлучением и лишением владений. Можно ли после этого утверждать, что церковь не несет никакой ответственности за преследование еретиков светскими властями?

Собор обязал каждого верующего исповедоваться у своего приходского священника не реже одного раза в год и причащаться по крайней мере к пасхе. Не выполняющие этих обрядов прихожане объявлялись еретиками и лишались церковного погребения. Совершенно очевидно, что, принимая это решение, собор имел в виду использовать исповедь в качестве источника сведений о еретиках, а причащение — для давления на колеблющихся в вере.

На соборе обсуждались, кроме репрессивных, и другие меры по борьбе с ересью. Иннокентий III, многие церковные иерархи прекрасно отдавали себе отчет в том, что одна из причин успеха ереси заключалась в упадке морального авторитета духовенства, в частности в разложении старых монашеских орденов, на представителей которых большинство верующих смотрело как на голодных волков, охотившихся за овечками. К тому же монастыри, как правило, подчинялись больше воле местных сеньоров, чем Риму. Папский престол не мог рассчитывать на действенную помощь и поддержку таких монастырей в своей борьбе за превосходство над светской властью. Собор принял ряд постановлений, дававших папе право реорганизовать существующие монашеские ордена. Но напрашивалось и другое решение: создание новых орденов, зависящих не от местной церковной иерархии и феодальных сеньоров, а непосредственно от папского престола и выполняющих целиком и полностью его волю. И хотя собор запретил учреждение новых монашеских орденов, не

¹²⁵ Цит. по: Foreville R. Latran I, II, III, et Latran IV. Paris 1965 p. 348–349

успел он закончить свою работу, как в 1216 г. новый папа Гонорий III учредил «нищенствующий» орден проповедников, основателем которого был уже упомянутый нами испанский августинец Доминик де Гусман, принимавший активное участие в преследовании катаров в Лангедоке.

Доминик отличался слепой преданностью папскому престолу. Судя по всему, это был тип бездушного фанатика, готовый на любое преступление во имя торжества «святого дела». Бертран Рассел отмечает, что Доминику была свойственна только одна человеческая слабость: ему больше нравилось разговаривать с молодыми женщинами, чем со старыми.¹²⁶

Доминик правильно подметил, что сила катаров заключалась, в частности, в том, что они обладали забытым церковниками даром проповеди и к тому же знали назубок церковные тексты, давно позабытые клириками. Он задумал создать орден, члены которого посвятили бы себя исключительно выявлению и разоблачению еретиков и защите папского престола от их критики. Члены ордена приняли в качестве формы белое одеяние и сандалии на босую ногу. Внешне они стали походить на «совершенных» катаров. Доминиканцы давали обет бедности, что должно было способствовать укреплению их авторитета среди верующих. Орден был построен наподобие строго централизованной военной организации во главе с генералом, подчиненным непосредственно папе римскому. Эмблемой ордена была собака с пылающим факелом в зубах. Доминиканцы называли себя «псами господ» (*Domini canes*), что было созвучно имени основателя их ордена. Вскоре после учреждения ордена доминиканцы прибрали к рукам французские и итальянские университеты.

Доминиканцы принимали активнейшее участие в подавлении еретических движений. Отмечая заслуги ордена на этом кровавом поприще, папский престол возвел Доминика в ранг святых в 1234 г., всего лишь 13 лет спустя после его смерти.

Железная дисциплина и поистине собачья преданность папскому престолу быстро превратили доминиканцев в ударную силу католической реакции. Неудивительно, что именно эта «стража Христова» (как тоже именовался доминиканский орден) возглавила инквизицию и была использована папством для проникновения в некатолические страны. В 1233 г., 17 лет спустя после основания ордена, доминиканцы уже появились на Руси, основав под Киевом свой монастырь. Вскоре они проникли в Чехию, Польшу, Прибалтику. В 1247 г. папа направил их с миссией к монгольскому великому хану, в 1249 г. — в Персию. В 1272 г. они обосновались в Китае, пробрались в Японию и другие азиатские страны. Доминиканцы проникли и в Африку, дошли до Абиссинии. В XVI в. принимали активное участие в завоевании и порабощении испанцами и португальцами Америки.

Если доминиканцы превратились в своего рода элиту католической церкви, то другой орден — францисканцев, также возникший в начале XIII в., должен был привлечь на сторону церкви плебейские элементы, проповедовать в массах смирение, покорность и любовь к страданиям. Учредителем ордена был итальянец Франциск Ассизский, в миру Джованни Бернардоне (1182–1226). Его отец был богатый торговец сукном. Бернардоне в молодости вел праздный и беззаботный образ жизни, одно время жил во Франции (отсюда его прозвище — Франциск — офранцузенный). Вернувшись в родной город Ассизе, Бернардоне решил заняться проповедью среди бедных, став на путь строгого аскетизма.

Франциск учил, что человек должен относиться к своему телу как к ослу и соответственно «подвергать его тяжелой ноше, часто бить бичом и кормить плохим кормом». Правда, перед смертью он выразил сожаление, что, «истязая себя в здоровом состоянии и в болезни, он таким изнурением согрешил против брата своего, осла». Смирение и терпение Франциск считал высшими добродетелями. Ему приписывается изречение: «Высшая радость состоит не в том, чтобы творить чудеса, излечивать хворых, изгонять бесов, воскрешать мертвых, она также не в науке, не в знании всех вещей и не в увлекательном красноречии, она — в терпении, с которым переносятся несчастья, обиды,

¹²⁶ См.: Рассел Б. История западной философии. М., 1959, с. 469

несправедливости и унижения».¹²⁷

Он призывал верующих отказаться от всякой собственности, оказывать помощь друг другу и добывать себе пропитание физическим трудом. Эта проповедь идеалов первоначального христианства, созвучная по своему содержанию еретическим учениям вальденсов, с которыми францисканцев роднило и внешнее сходство — черные или серые рясы, — вначале вызывала к Франциску настороженное отношение церковных иерархов. Но большой успех его проповеди среди населения и тот факт, что Франциск в отличие от еретиков не только не выступал с критикой официальной церкви, но, наоборот, всемерно подчеркивал свою лояльность по отношению к папскому престолу, обеспечили ему поддержку Иннокентия III, который разрешил ему основать нищенствующий орден «миноритов» (францисканцев) (В 1212 г. был основан также «второй орден» — для женщин (кларисс) и «третий орден» (терциариев), членам которого разрешалось, при соблюдении францисканского аскетического устава, жить в миру, иметь семью и не носить монашеского одеяния), построенный по тому же принципу, что и доминиканский. При поддержке папского престола минориты быстро превратились в международную массовую организацию, в конце XIII в. у них уже было свыше тысячи монастырей в разных европейских странах.

Папский престол оказывал всяческое покровительство доминиканцам и францисканцам. Их деятельность была изъята из-под контроля местных епископов, они свободно передвигались по всему миру, заслужив название папских лазутчиков. Они могли исповедовать, накладывать и снимать эпитимии и отлучения, жить среди еретиков, притворяться такими же, если это было в интересах церкви, и т. д. Их руководители быстро делали церковную карьеру, щедро награждались кардинальскими званиями и нередко избирались папами. Такие привилегии они заслужили тем, что «социальная» деятельность этих орденов в соединении с террористической — инквизицией, к которой оба ордена имели непосредственное отношение, несомненно способствовала в XIII в. спасению католической церкви от развала, угрожавшего ей из-за морального разложения самих церковников, антипапской политики многих королевских дворов, стремившихся освободиться от опеки церкви, и ересей, чреватых плебейской революцией.

Подвижническая пруть францисканцев, однако, оказалась столь же скоротечной, как и доминиканцев. Существует сатана, отмечает Бертран Рассел, будущее ордена, основанного Франциском, доставило бы ему величайшее удовлетворение. Если принять во внимание личность Франциска и цели, которые он сам перед собой ставил, то нельзя представить себе итога, выглядевшего более жестокой насмешкой.¹²⁸ В равной степени это относится и к доминиканскому ордену.

Прошло несколько десятилетий, и у этих орденов от нищенства осталось только униформа да название. Папские и светские дарения привели к тому, что францисканцы и доминиканцы превратились в обладателей огромной недвижимой собственности, латифундий, сокровищ. Оба ордена грызлись, соперничали между собой, что было на руку папам, ибо это позволяло им контролировать и тот и другой. В XVI в. эти ордены придут в такой упадок, что папство будет вынуждено для своего спасения создать новый, во сто крат превосходящий своих предшественников по своему коварству, ханжеству и лицемерию, — орден иезуитов.

Хотя формально богатства орденов считались собственностью папского престола и находились якобы только во временном их владении, это обстоятельство, а также участие руководителей орденов во всевозможных политических интригах в интересах власть имущих не могли не вызвать со временем брожения и недовольства среди рядовых монахов.

¹²⁷ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 167

¹²⁸ См.: Рассел Б. История западной философии, с. 468–469

Особенно глубокие трещины появились во францисканском ордене. В отличие от доминиканцев, рекрутировавшихся из зажиточных слоев населения, большинство францисканцев составляли выходцы из плебейских низов города и деревни. В результате францисканский орден не только участвовал в подавлении «чужих» еретических движений, но вынужден был подавлять крамолу в своих собственных рядах, что делалось, как обычно в таких случаях, с еще большей жестокостью. Сам Франциск незадолго до своей смерти покинул основанный им орден, убедившись, что он пошел вовсе не по задуманному им пути. Впрочем, это не помешало папскому престолу, менее чем через два года после его смерти возвести его в сонм святых.

Другим представителям францисканства так не повезло. Спиритуалов или обсервантов, как стали именовать францисканцев, придерживавшихся первоначального идеала ордена — бедности не в теории, а на практике, инквизиция преследовала как самых опасных еретиков. Им наклеивали различные еретические ярлыки, в том числе их обвиняли, что они являются последователями Иоахима Флорского, цистерцианского монаха, обличавшего в конце XII в. церковь с позиции первоначального христианства и положившего начало иоахимистской секте, осужденной XII вселенским собором.

Из рядов францисканского ордена вышла целая плеяда мыслителей: Роджер Бэкон, Дуне Скот, Уильям Оккам, Раймонд Луллий и др. Некоторые из них подвергались преследованиям со стороны церковных властей.

Вернемся, однако, к альбигойской трагедии. Итак, IV Латеранский собор не вернул Раймонду его владений в Лангедоке, хотя старый граф и его 18-летний сын — Раймонд Младший исповедовались во всех своих возможных прегрешениях и клялись, что не будут щадить еретиков. Папский престол уже не нуждался в их услугах, кроме того, землями Лангедока прочно завладели граф Монфор и его приближенные, которые, конечно, и не помышляли возвращать их своим недавним противникам.

Графам Тулузским не оставалось другого выхода, как продолжать борьбу. С Латеранского собора они направились в свои бывшие владения, где вновь подняли знамя восстания. Местное население, изнывавшее от грабежей и расправ крестоносцев, с энтузиазмом поддержало своих прежних правителей. Война Раймондов с Монфором разгорелась с новой силой. Тем временем умер Иннокентий III, его место занял папа Гонорий III, продолжавший политику своего предшественника. Хотя в ответ на призывы нового папы на подмогу к Монфору стекались банды охочих до грабежа рыцарей со всей Европы, Раймонды, опиравшиеся на народную поддержку, в течение нескольких лет удерживали Тулузу. В 1218 г. при осаде этого города Монфор был убит, а его брат и старший сын серьезно ранены. Война продолжалась с переменным успехом еще несколько лет. В 1222 г. умер Раймонд VI. Церковники отказались его хоронить. Теперь войну продолжали Раймонд VII и сын Монфора — Амори. В 1227 г. Амори призвал на помощь войска французского короля Людовика IX, обещав ему отдать свои владения. Соответствующее соглашение было подписано в том же году в г. Мо. Вмешательство Людовика IX вынудило Раймонда VII капитулировать. Мир был куплен дорогой ценой.

По Парижскому трактату 1229 г. дочь Раймонда VII, провозглашенная наследницей его владений, была выдана замуж за брата короля Людовика IX. В результате этой сделки владения Раймонда VII после его смерти должны были перейти к французской короне. Папский престол одобрил ее, добившись предварительно от Раймонда VII и Людовика IX формального обязательства преследовать ересь согласно постановлениям IV Латеранского собора, которые с весьма существенными добавлениями были приняты на поместном соборе в Тулузе в 1229 г. Эти добавления заключались в следующем: епископам вменялось в обязанность в каждом приходе назначать одного или нескольких священников с инквизиторскими функциями — разыскивать и арестовывать еретиков, хотя право суда над ними оставлялось за епископом. Добровольно раскаявшиеся еретики подлежали высылке в другие области. Для опознавания им повелевалось носить на одежде (на спине и на груди) отличительный знак — крест из цветной материи; раскаявшиеся из-за боязни смертной казни

подлежали тюремному заключению «вплоть до искупления греха». Приходским священникам приказывалось выставлять на видном месте списки всех прихожан. Прихожане — мужчины с 14-летнего и женщины с 12-летнего возраста — должны были публично предать анафеме ересь, поклясться преследовать еретиков и присягнуть на верность католической вере. Присяга возобновлялась каждые два года; отказавшиеся присягать навлекали на себя обвинение в ереси.

Верующим приказывалось исповедоваться трижды в год — на рождество, пасху и троицын день. За выдачу еретика церковь обещала платить доносчику 2 серебряных марки в год в течение двух лет. За помощь еретикам виновник лишался имущества и передавался в распоряжение сеньора, который мог сделать с ним «что пожелает». Дом еретика сжигался, собственность его конфисковывалась. Примиренный с церковью еретик терял гражданские права, еретикам-врачам запрещалось заниматься лечебной практикой. Местные власти под страхом отлучения и конфискации имущества обязывались следить за исполнением этих решений Тулузского собора.

Наконец, следует отметить еще одно важное нововведение: верующим запрещалось иметь Библию и читать ее даже на латинском языке, что становилось прерогативой исключительно духовенства. Этот запрет церковь не замедлила распространить на верующих и других стран.

Решения Тулузского собора, включенные в Парижский трактат, представляют важный этап в своеобразной эскалации, завершением которой явилось установление постоянно действующего инквизиционного трибунала.

Крестоносцы истребили в ходе 20-летней кровопролитной войны в Лангедоке свыше миллиона мирных жителей, превратили его цветущие города и селения в руины. Катары были в буквальном смысле стерты с земли.

Но почему некоторые исследователи, подобно французу Эрнесту Форнерону, утверждают, что альбигойская война «все еще продолжается»?.¹²⁹ Потому, что и в наше время находятся сторонники «истинной веры», которые продолжают поносить катаров, продолжают клеветать на них, стремясь таким образом оправдать их палачей и сам принцип истребления всех тех, кто оспаривает угодный им социальный порядок.

Еще церковник Вакандар в начале XX в. оправдывал истребление катаров тем, что их вероучение носило будто бы «антисоциальный» характер. Он писал: «Жестоко преследуя катаров, церковь истинно действовала в интересах общественного блага. Государство было обязано оказывать ей помощь силой, если не желало само погибнуть вместе со всем социальным порядком. Это объясняет и в известной мере оправдывает объединенные действия государства и церкви, направленные на истребление катарской ереси».¹³⁰

Подобного рода оправдания убийств и разбоя, учиненного церковью и ее союзниками феодалами над катарами, раздаются и в наше время. Так, французский историк Фернан Низль утверждает, что доктрина катаров была «опасной, аморальной, антисоциальной», что альбигойцы были «анархистами, угрожавшими обществу», что их «истребление спасло человечество».¹³¹ Невольно возникает вопрос, а не стремятся ли благочестивые авторы подобного рода аргументацией натолкнуть своих читателей на мысль, что и сегодня можно «спасти» человечество и эксплуататорский социальный порядок, уничтожая «анархистов, угрожающих обществу»?

Кровопролитная война в Лангедоке закончилась полной победой папского престола, вынудившего светскую власть участвовать в искоренении ереси. Светская власть долго

¹²⁹ Fornairon E. *Le Mystere Cathare*. Paris, 1964, p. 7

¹³⁰ Vacandard E. *The Inquisition*, p. 74

¹³¹ Niel F. *Albigeois et cathares*. Paris, 1955, p. 7–8

сопротивлялась этому, ибо истребление части производительного населения не было в ее интересах, однако династические соображения и стремление расширить свои владения одержали верх над соображениями морального и другого порядка. Кроме того, светские правители нашли в инквизиции инструмент, способствующий укреплению их собственного влияния.

Это понял Людовик IX, которому церковь в признательность присвоила звание «святого». Еще раньше него к такому же выводу пришел император Фридрих II (1218–1250), внук Барбароссы.

Фридрих II был просвещенным человеком и весьма критически относился к вопросам веры. Ему даже приписывали авторство еретического памфлета «О трех обманщиках», в котором подвергались едким насмешкам Моисей, Христос и Мухаммед. Папский престол непрестанно враждовал с Фридрихом II, видя в нем серьезного соперника в борьбе за политическое влияние в христианском мире. Григорий IX (1227–1241), племянник Иннокентия III, избранный папой в 86-летнем возрасте и к удивлению всех доживший до ста лет, дважды отлучал Фридриха II от церкви.

Одолеть интриги Рима Фридрих II оказался не в силах, относительно спокойствие он купил себе обещанием расправиться с еретиками. В 1224 г. в Падуе Фридрих II огласил эдикт о борьбе с ересью, предусматривавший наказание еретиков, осужденных церковью и переданных светскому правосудию, различными карами вплоть до смертной казни. Светская власть обязывалась по требованию церковников или просто ревностных католиков арестовывать и судить всех подозреваемых в ереси. Еретики, примиренные с церковью, принуждались участвовать в розыске других еретиков; отрекшиеся от ереси под угрозой казни, а затем, по «выздоровлению», вторично впадшие в нее, осуждались вновь на смертную казнь. Оскорбление божия величества сильнее преступления оскорбления человеческого величия, гласил эдикт. Так как бог наказывает детей за грехи отцов, чтобы научить их не подражать своим родителям, то и потомки еретиков до второго поколения лишались права занимать общественные и почетные должности. Исключение делалось только для детей, сделавших донос на своих родителей.

Существенным элементом эдикта с точки зрения истории инквизиции было согласие императора оказывать всемерную поддержку и покровительство доминиканским монахам в преследовании ереси. «Мы хотим также, — заявлял император, — чтобы все знали, что мы взяли под свое особое покровительство монахов ордена проповедников, посланных в наши владения для защиты веры против еретиков, а также и тех, кто будет им помогать в суде над виновными, будут ли эти монахи жить в одном из городов нашей империи, или переходить из одного города в другой, или сочтут нужным возвратиться на прежнее место; и мы повелеваем, чтобы все наши подданные оказывали им помощь и содействие. Поэтому мы желаем, чтобы их принимали всюду с благорасположением и охраняли от покушений, которые еретики могли бы против них совершить; чтобы та помощь, в которой они нуждаются для выполнения своего дела и миссии, порученной им ради веры, была им оказана нашими подданными, которые должны арестовывать еретиков, когда они будут указаны в местах их жительства, и держать их в надежных тюрьмах до тех пор, пока они, осужденные церковным трибуналом, не подвергнутся заслуженному наказанию. Делать это надо в убеждении, что содействием этим монахам в освобождении империи от заразы новой установившейся в ней ереси совершается служба богу и польза государству».¹³²

Эдикт Фридриха II означал большую победу церкви, ибо распространял на всю Германскую империю сформулированное на XII вселенском соборе положение об ответственности светской власти за преследование и искоренение ереси. Теперь, как отмечает Г. Ч. Ли, обязанность преследовать еретиков была возложена на всех, начиная от императора и кончая последним крестьянином, под угрозой всех духовных и телесных кар,

¹³² Цит. по: Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 1, с. 166

какими располагала церковь в XIII в.¹³³

Участие Фридриха II и Людовика IX в преследовании еретиков создало благоприятные условия для учреждения инквизиционных трибуналов, действующих под непосредственным контролем папского престола. В феврале 1231 г. Григорий IX издал очередной эдикт («генеральную конституцию»), вновь отлучавший еретиков от церкви и призывавший церковные и светские власти преследовать и подавлять их. В том же году римский сенатор (губернатор Рима, подчиненный папе) Аннибале назначил специальных инквизиторов с полномочиями преследовать (арестовывать и судить) еретиков. Вскоре папа послал инквизиторов с такими же полномочиями в Майнц, Милан и Флоренцию. Следующим этапом в установлении инквизиции были две буллы Григория IX от 20 апреля 1233 г., поручавшие преследование еретиков во Франции монахам доминиканского ордена. Первая из этих булл, «*Ille humani generis*», была обращена к епископам Франции. В ней папа не без лицемерия писал: «Видя, что вы поглощены вихрем забот и что с трудом можете дышать под гнетом тяготящих вас тревог, мы находим полезным облегчить ваше бремя, чтобы вы могли легко переносить его». «Облегчение» заключалось в посылке на подмогу епископам доминиканских монахов с неограниченными полномочиями по преследованию еретиков. Епископы, считавшиеся по церковной традиции верховными правителями своих епархий, не желали разделять власть с нищенствующими монахами, не говоря уж о том, что они сами испытывали немалый страх перед этой тайной папской полицией, которая могла при желании зачислить в еретики не только строптивых, но и не в меру ретивых в своей ненависти к ереси епископов. Папа умолял епископов «во имя уважения, которое вы питаете к св. престолу», дружески принять его посланцев и помогать им, «дабы они могли хорошо выполнить свою задачу».

Вторая булла, «*Licet ad sapiendos*», была обращена к «приорам и братьям ордена проповедников, инквизиторам». В ней Григорий IX уполномочивал доминиканцев: «Во всех местах, где вы будете проповедовать, — в случае, если грешники, несмотря на предупреждения, будут продолжать защищать ересь, — навсегда лишать духовных их бенефиций и преследовать их и всех других судом, безапелляционно, призывая на помощь светскую власть, если в этом встретится надобность, и прекращая их упорство, если нужно, посредством безапелляционного наложения на них духовных наказаний».¹³⁴ Эта булла практически поручала доминиканскому ордену вести борьбу с ересью во всем христианском мире.

Обе буллы Григория IX подтверждались последующими папами, вносящими в их тексты лишь частичные изменения и уточнения.

В современной церковной литературе утверждается, что инквизиция якобы была учреждена папством только после того, как «традиционные» для церкви методы убеждения еретиков путем увещания и отлучения не оправдали себя. Так, например, Шэннон заявляет, что Иннокентий III, Гонорий III и Григорий IX пытались избавить церковь от ереси и восстановить единство церкви через «укрепление епископальной бдительности. Однако все традиционные методы были исчерпаны, не принеся желаемых результатов».¹³⁵

Приведенные нами факты опровергают подобного рода измышления. Именно упомянутые выше папы были сторонниками насильственных методов борьбы с ересью. Более того, инквизиция оформляется после разгрома катаров, когда последние уже перестали представлять какую-либо опасность для церкви.

В 1252 г. папа Иннокентий IV издал буллу «*Ad extirpanda*», оформившую создание

¹³³ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 144

¹³⁴ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 210

¹³⁵ Цит. по: Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p 25

инквизиционных трибуналов в разрешившую им применение пытки. Булла учреждала в епархиях специальные комиссии по борьбе с ересью из 12 правоверных католиков, двух нотариусов и двух или больше служащих, возглавляемых епископом и двумя монахами нищенствующих орденов. Комиссиям поручалось арестовывать еретиков, допрашивать их, конфисковывать их имущество. Приговор выносили епископ и два монаха, они же могли и менять состав комиссий по своему усмотрению. Светская власть и все верующие были обязаны содействовать деятельности этих по существу уже инквизиционных трибуналов. Если при задержании еретиков местное население оказывало сопротивление, то в ответе считалась вся община. По требованию инквизиторов светские власти были обязаны пытаться тех, кто отказывался выдавать еретиков. Светским властям вменялось вносить эти распоряжения в сборники местных законов, изъяв из последних все то, что противоречит булле. Властям предписывалось под присягой и под угрозой отлучения давать обязательство соблюдать церковные указания по искоренению ереси. Всякая небрежность в их исполнении наказывалась как клятвопреступление вечным позором, штрафом в 200 марок и влекло подозрение в ереси, что грозило потерей должности и лишением навсегда права занимать какую-либо в будущем.

Эта булла также подтверждалась последующими папами, причем папа Климент IV в 1265 г. уже титулет епископа и монахов — членов комиссии инквизиторами, возлагая на них всю ответственность по борьбе с ересью.

Инквизиция угрожала беспощадной расправой всем недовольным существующим порядком, любому осмелившемуся критиковать распущенность, продажность и алчность духовенства, всякому, кто высказывал сомнение по поводу истинности церковных догм. В XIII в. не было такого уголка в католической Европе, где бы не пылали костры, на которых сжигали мнимых или подлинных еретиков.

В Южной Франции после ее присоединения к французскому королевству в 1229 г. папские инквизиторы продолжали выкорчевывать ересь на протяжении всего XIII в. Не менее энергично инквизиторы действовали и в городах Северной Франции. Постепенно королевская власть взяла под свой контроль их деятельность, инквизиторы были подчинены парламентам, высшим королевским судам, к которым со временем перешли полностью функции инквизиторских трибуналов. Таким образом во Франции инквизиция превратилась в послушное орудие королевской власти, способствуя укреплению абсолютизма.

Такой же процесс подчинения инквизиции светской власти имел место и в других странах.

Параллельно с учреждением инквизиции и с развитием ее террористической деятельности необходимость и законность этого учреждения обосновывалась теологами, так сказать, в теоретическом плане. Фома Аквинский (1225–1274) — «ангельский доктор», средневековый богословский авторитет, почитаемый церковью и ныне, возведенный ею в ранг святых, уделяет немало внимания этой проблеме в своем основном сочинении «Сумма философии, об истинности католической веры против язычников».

Ересь, утверждал Фома, есть грех; те, которые его совершают, заслуживают не только исключения из церкви, но исключения из жизни путем смерти. Извращать религию, от которой зависит жизнь вечная, учил Фома, гораздо более тяжкое преступление, чем подделывать монеты, которые служат для удовлетворения потребностей временной земной жизни. Следовательно, если фальшивомонетчиков, как и других злодеев, светские государи справедливо наказывают смертью, еще справедливее казнить еретиков, коль скоро они уличены в ереси.

Фома Аквинский создал целую теорию о добре и зле, которой пытался объяснить, каким образом «всемогущий» мог вообще допустить появление ересей. Он утверждал, что зло, подобно ране в теле человека, сопутствует совершенству. Наличие зла позволяет различить добро, а искоренение зла укрепляет добро. Подобно тому, как лев питается ослом, так и добро питается злом. Вот почему богу невозможно создать человека без червоточки, как создать квадратный круг. Из этого следовал вывод: с одной стороны, ересь —

неистребимая мерзость, а с другой — церковь должна «питаться еретиками во имя спасения всех верующих».

К концу XIII в. католическая Европа была покрыта сетью инквизиционных трибуналов. Их деятельность, пишет Г. Ч. Ли, была непрерывна, как действие законов природы, что отнимало у еретиков надежду выиграть время и скрыться, переходя из одной страны в другую. Инквизиция представляла собой в ту эпоху настоящую международную полицию. «Еретик жил как бы на вулкане, который во всякое время мог начать извержение и поглотить его. Ибо в глазах людей инквизиция была всеведущей, всемогущей и вездесущей...»¹³⁶

СИСТЕМА

ЗАДАЧИ

Инквизиция была создана для преследования и искоренения ереси не средствами убеждения, а средствами насилия.

Организованный террор — вот то «чудотворное» средство, с помощью которого церковь стремилась через инквизицию удержать и укрепить свои позиции.

«Задача инквизиции, — писал французский инквизитор XIV в. Бернар Ги, — истребление ереси; ересь не может быть уничтожена, если не будут уничтожены еретики; еретики не могут быть уничтожены, если не будут истреблены вместе с ними их укрыватели, сочувствующие и защитники».¹³⁷

Но чем была ересь и кем были еретики? Шэннон указывает, что ересь понималась церковью как намеренное отрицание артикулов католической веры и открытое и упорное отстаивание ошибочных воззрений. Еретиком же считался верующий, знакомый с католической доктриной и тем не менее отрицающий ее и проповедующий нечто, противоречащее ей.¹³⁸

Однако так как официального определения ереси и еретика в средние века не существовало, то все зависело от произвольного толкования этих понятий инквизиторами, которые, стремясь с корнем вырвать крамолу, преследовали не только «сознательных» еретиков, но и всех тех, кто имел к ним самое отдаленное отношение — «соприкасался» с ними и мог вследствие этого вольно или невольно «заразиться» от них «злонамеренным учением». Тысячи ни в чем не повинных людей становились ее жертвами в результате наговоров, желания инквизиторов завладеть их имуществом и просто вследствие тупости, фанатизма чиновников «священного» трибунала.

Создание инквизиции развеяло культивировавшуюся столетиями богословами легенду о христианской религии как религии всеобщей любви, милосердия и всепрощения. Правда, и подвергая свои жертвы чудовищным пыткам, сжигая их на костре, приписывая им, часто без всякого основания, нелепые преступления и пороки, церковь утверждала, что она это делает во имя все того же христианского милосердия, что она спасает таким образом самое ценное в человеке — его душу и обеспечивает ей вечное, хотя и потустороннее, блаженство. Собственно говоря, это утверждение было весьма созвучно христианскому учению о достижении царства небесного путем принятия мук и страданий на земле.

Но как бы ни изощрялись богословы, оправдывая террор инквизиции, они были не в состоянии скрыть существенной разницы между библейской легендой о мученической

¹³⁶ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 232–233

¹³⁷ Guidonis B. OFF. Practice Inquisitionis heretice pravitatis. Paris, 1886, p. 217

¹³⁸ Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p. 4

смерти Христа и мученической смертью еретика, сжигаемого верными сынами христианской церкви, которая в период своего зарождения и становления обещала добиться всеобщего счастья путем непротивления злу и любви к ближнему. Теперь же она следовала доктрине, согласно которой цель оправдывает средства. И какие средства! Все, что есть в человеке низменного, подлого, гадкого, уродливого, — ложь, лицемерие, алчность, похоть, обман, предательство — все использовалось церковью во имя борьбы со своими действительными или мнимыми противниками...

Инквизиция душила ростки всего нового и живого, с таким трудом пробивавшиеся при феодализме, тормозя социальное и духовное развитие человеческого общества.

СУДЬИ

Как же была устроена эта дьявольская по своей хитрости и жестокости машина, именовавшаяся инквизицией? «Устройство инквизиции, — пишет Г. Ч. Ли, — было настолько же просто, насколько целесообразно в достижении цели. Она не стремилась поражать умы своим внешним блеском, она парализовала их террором». ¹³⁹

Верховным главой инквизиции являлся папа римский. Именно ему — наместнику бога на земле — служила и подчинялась эта машина, созданная церковью и существовавшая с ее благословения.

«Монахи и инквизиторы, — признает церковный историк Шэннон, — хотя и назначались на эти должности своим непосредственным начальством, в правовом отношении зависели непосредственно от папства. Инквизиционный же трибунал, как чрезвычайный суд, не подлежал цензуре, контролю ни со стороны папских легатов, ни со стороны руководителей монашеских орденов, назначавших инквизиторов». ¹⁴⁰ Шэннон пытается оправдать наделение папством инквизиционных трибуналов неограниченными правами и полномочиями тем обстоятельством, что это позволяло «быстро и решительно бороться с тем, что считалось острейшим религиозным и социальным злом».

Даже в тех странах, где, как в Испании и Португалии, инквизиция непосредственно зависела от королевской власти, ее преступные действия были бы немыслимы без одобрения папского престола. Если бы эти действия не совпадали с интересами и политической ориентацией папства, если бы они шли с ними вразрез, то, разумеется, «святой» престол не преминул бы заявить об этом во всеуслышание. Однако с такими протестами папы римские никогда не выступали. Более того, публично или тайно Рим всегда одобрял деятельность испанской и португальской инквизиции и никогда не предпринимал каких-либо действий в защиту их многочисленных жертв. В тех же случаях, когда инквизиция прекращала свою кровавую работу, это происходило, как правило, не по воле папства, а вопреки ей.

Папство породило инквизицию, и оно, при желании, могло бы ее «убить». Но, произведя это чудовище на свет, римские понтифики и не думали от него избавиться. Наоборот, уж слишком удобным и полезным оказался для них «священный» трибунал, террористическая деятельность которого упрощала до предела отношения церкви с ее «овечками».

Но эта действенность инквизиции имела чреватую для церкви опасностями изнанку. Церковь побеждала противников, но отставала от жизни. Ее победы производили впечатление могущества и превосходства, но это была опасная иллюзия, ибо они не разрешали свойственных ей противоречий, а только загоняли их глубоко внутрь церковного организма. Эти противоречия накапливались, подготавливая новый, еще более мощный взрыв — протестантскую ересь, более грозную и опасную для церкви, чем «еретическая

¹³⁹ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 234

¹⁴⁰ Shannon A. C. The Popes and Heresy in the thirteenth century, p. 30

революция» XIII в.

Инквизиторы назначались папой римским и ему, только ему одному подчинялись. Однако руководство армией инквизиторов, рассеянных по христианским странам и уже с середины XIII в. наводнявших своими сообщениями Рим и запрашивавших его инструкций, представляло многочисленные трудности. Урбан IV (1261–1264) попытался преодолеть их, назначив генерал-инквизитором своего приближенного кардинала Каetano Орсини и поручив ему решать все текущие дела, связанные с деятельностью инквизиции в разных странах и областях. Этот пост позволил Орсини сосредоточить в своих руках столь огромную власть, что после смерти Урбана IV он довольно легко добился избрания в папы, приняв имя Николая III (1277–1280). Орсини, став папой, в свою очередь назначил генерал-инквизитором своего племянника кардинала Латино Малевранку, которого он готовил себе в преемники. Это ожесточило кардиналов, проваливших на очередных выборах в папы Малевранку. После смерти последнего пост генерал-инквизитора оставался некоторое время вакантным. Он был занят только еще один раз при Клименте VI (1342–1352).

Под давлением соперничающих кардиналов папство было вынуждено отменить эту должность, дававшую слишком большую власть занимавшему ее церковному иерарху. После этого деятельностью инквизиторов руководили различные учреждения римской курии. С возникновением протестантской ереси папство создало в системе курии учреждение, которое возглавило борьбу с ересью, так сказать, во вселенском масштабе. Такое учреждение было создано в 1542 г. папой Павлом III под названием священной конгрегации римской и вселенской инквизиции. Она быстро превратилась в первую не только по рангу, но и по подлинному значению и влиянию конгрегацию в системе римской курии.

Кем были инквизиторы, что они собой представляли как люди и церковные деятели? Инквизиторов поставляли главным образом два монашеских ордена — доминиканцы и францисканцы, но среди них имелись представители и других монашеских орденов, священники и даже попадались люди, не имевшие духовного сана. Климент V (1305–1314) установил минимальный возраст инквизитора в 40 лет, но бывали и моложе. Как правило, это были энергичные, коварные, жестокие, беспощадные, тщеславные и жадные до мирских благ фанатики и карьеристы. Происхождения они были самого разного. Роберто Ле Бург, доминиканец, раскаявшийся катар, был назначен в 1233 г. инквизитором в район Луары, где отличился кровожадностью. Два года спустя он был повышен в должности и стал инквизитором всей Франции, за исключением южных провинций. За массовые казни и грабежи его прозвали «антиеретическим молотом». Жестокости, чинимые Ле Бургом, угрожали вызвать всеобщее восстание во Франции, что вынудило папу римского сместить его. Ле Бург был арестован и осужден на пожизненное заключение. Это был единственный случай в истории инквизиции, когда инквизитор был наказан церковными властями за свои преступления.

С другими инквизиторами расправлялось само население. В 1227 г. был назначен инквизитором в Германию рыцарь Конрад Маргбургский. Шесть лет свирепствовал этот изувер, пока не был убит родственниками одной из своих многочисленных жертв.

Такого же конца удостоился в 1252 г. и беспощадный доминиканец Петр из Вероны, выступавший с 1232 г. в роли инквизитора на Севере Италии, на совести которого были тысячи загубленных жертв. Церковь провозгласила его «императором мучеников», он был возведен в ранг святых и считался наравне со св. Домиником чудотворным покровителем инквизиционных палачей.

Бернар Ги, доминиканец, в 46-летнем возрасте стал инквизитором в Тулузе в 1306 г. Он вошел в историю как «теоретик» инквизиции, автор руководства для инквизиторов, в котором рекомендует при допросах обвиняемых пользоваться различными коварными приемами с целью вынудить их к признанию.

Николас Эймерик, также из доминиканцев, испанец по рождению, служил во второй половине XIV в. инквизитором в Тарагоне, был ревностным последователем Фомы Аквинского. Эймерик написал 37 богословских трактатов, в том числе инквизиционный

вадемекум («Directorium Inquisitorum»), состоящий из подробного описания всевозможных ересей и практических советов его коллегам по профессии, касающихся розыска, допросов, пыток и казни еретиков. Однако всех церковных палачей перешеголял своей кровожадностью и жестокостью первый испанский инквизитор Томас де Торквемада, который за 18 лет своей «работы» (1480–1498) свыше ста тысяч человек сжег живьем, сжег символически или подверг аутодафе, осудив на ношение позорного платья «санбенито», конфискацию имущества, пожизненное тюремное заключение и прочие кары.¹⁴¹

Инквизиторы были наделены неограниченными правами. Никто, кроме папы, не мог отлучить их от церкви за преступления по службе, и даже папский легат не смел отстранить их хотя бы временно от должности без особого на то разрешения папского престола.

В 1245 г. Иннокентий IV предоставил инквизиторам право прощать друг другу и своим подчиненным все прегрешения, связанные с их «профессиональной» деятельностью. Они освобождались от повиновения своим руководителям по монашескому ордену, им предоставлялось право по своему усмотрению являться в Рим с докладом папскому престолу.

Согласно каноническому праву, всякому, кто препятствовал деятельности инквизитора или подстрекал к этому других, грозило отлучение от церкви. «Ужасная власть, — отмечает Г. Ч. Ли, — предоставленная таким образом инквизитору, становилась еще более грозной благодаря растяжимости понятия «преступление», выразившееся в противодействии инквизиции; это преступление было плохо квалифицировано, но преследовалось оно с неослабной энергией. Если смерть освобождала обвиненных от мщения церкви, то инквизиция не забывала их, и гнев ее обрушивался на их детей и внуков».¹⁴²

Все это ставило инквизиторов на голову выше епископов, хотя и среди последних имелось немало ревностных гонителей ереси. Обращаясь к епископу, папа называл его «брат мой», а к инквизитору — «сын мой». Таким образом, инквизитор приходился как бы племянником епископу. Так вот, эти «племянники» получили теперь такую власть над верующими, о которой раньше епископ и не помышлял.

Однако, как ни привлекательна была власть над людьми, которой обладали инквизиторы, сколь ни велики были материальные выгоды, связанные с их палаческой работой, все-таки пост епископа приносил больше почета и дохода, а главное, был пожизненной синекурой, в то время как должность инквизитора была временной, инквизиторы сменялись со сменой пап, которые долго не задерживались на «святом» престоле, поскольку избирались в преклонном возрасте. К тому же должность инквизитора была весьма беспокойной, а иногда и опасной, в особенности в начальный период деятельности инквизиции, когда было немало случаев покушений на инквизиторов. Как правило, инквизитор мечтал завершить свою карьеру получением епископской кафедры.

Инквизиторы действовали в самом тесном контакте с местным епископом, который освящал своим авторитетом их террористическую деятельность. С его разрешения и в его присутствии производились пытки, выносились приговоры. В тех случаях, когда у инквизиторов было много работы, соответствующий монашеский орден выделял в их распоряжение помощников, выступавших в роли их заместителей. Инквизитор также имел право назначать в другие города своего округа уполномоченных — «комиссариев», или викариев, которые вели слежку и осуществляли аресты подозреваемых в ереси лиц, допрашивали, пытали их и даже выносили им приговоры.

В XIV в. в помощь инквизиторам стали назначаться эксперты-юристы (квалификаторы), как правило тоже церковники, в задачу которых входило формулирование обвинений и приговоров таким образом, чтобы они не противоречили гражданскому

¹⁴¹ См.: Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 1. с. 200

¹⁴² Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 223

законодательству.

По существу квалификаторы служили ширмой для незаконных, чинимых инквизицией, прикрывали своим юридическим авторитетом ее преступления. Они были лишены возможности ознакомиться с делом подсудимого, им давалось только краткое резюме показаний его и свидетелей, часто без имен, якобы для того, чтобы «эксперты» могли высказать более объективно свое мнение, в действительности же для того, чтобы скрыть имена доносчиков, пытки и прочие преступления инквизиторов. Квалификаторы определяли, являются ли высказывания, приписываемые обвиняемым, еретическими, или от них «пахнет» ересью, или они могут привести к ереси. Соответственно квалификаторы устанавливали, является ли автор высказываний еретиком или его следует только подозревать в этом преступлении и в какой степени — легкой, сильной или тяжелой. От заключения квалификаторов зависела судьба подсудимого.

Но даже если бы квалификаторы и захотели вынести объективное суждение о том или другом деле, они были лишены возможности сделать это из-за полной зависимости от инквизитора: в действительности они являлись не чем иным, как служащими трибунала инквизиции, от которого получали жалованье, принадлежали к одному и тому же ордену, что и инквизиторы, и полностью зависели от воли последних, под диктовку которых и писались ими все решения. Эти «*boni viri*» — добропорядочные мужи, как их называли, были сообщниками палачей инквизиции. И тем не менее церковные историки пытаются превратить их чуть ли не в прообраз современных присяжных заседателей. Такое мнение высказывает, например, Е. Вакандар. Правда, он вынужден признать, что учрежденный папами институт экспертов не дал хороших результатов. Но это не мешает ему тут же присовокупить: «И все же мы должны во имя справедливости признать, что папы делали все возможное, чтобы оградить трибуналы инквизиции от несправедливых действий отдельных судей, требуя от инквизиторов советоваться как с «*boni viri*», так и с епископами».¹⁴³ Приходится только удивляться «благородству» римских пап, породивших монстра в виде трибунала инквизиции и пытавшихся, правда безуспешно, превратить его в эталон справедливости и праведности!..

Инквизиторов с самого начала их деятельности обвиняли в том, что они, пользуясь отсутствием какого-либо контроля, фальсифицировали показания арестованных и свидетелей.

В ответ на эти обвинения папы римские ввели в систему инквизиции новых персонажей — нотариуса и понятых, должных якобы способствовать беспристрастности следствия.

Нотариус скреплял своей подписью показания обвиняемых и свидетелей, что делали и понятые, присутствовавшие при допросах. Это придавало следствию видимость законности и беспристрастия. Нотариус, как правило, принадлежал к духовному званию, и, хотя его должность утверждалась папой, он находился на жалованье у инквизитора, понятыми же выступали чаще всего те же монахи из доминиканского ордена, в ведении которого находилась инквизиция. Они, как и все сотрудники инквизиции, обязывались, под угрозой жестоких наказаний, сохранять в строгой тайне все, что им становилось известным о деятельности «священного» трибунала. Зависая, таким образом, полностью от воли инквизитора, нотариус и понятые скрепляли своей подписью любой сфабрикованный инквизицией документ.

Другими важными чинами в аппарате инквизиции были прокурор, врач и палач. Прокурор — один из монахов на службе инквизиции — выступал в роли обвинителя. Врач следил за тем, чтобы обвиняемый не скончался «преждевременно» под пыткой. Врач полностью зависел от инквизиции и по существу был помощником палача, от «искусства» которого часто зависели результаты следствия. Роль палача в комментариях вряд ли

¹⁴³ Vacandard E. The Inquisition, p. 101

нуждается.

Кроме этого, так сказать, руководящего аппарата трибунала имелся подсобный, состоящий из «родственников» инквизиции — тайных доносчиков, тюремщиков, слуг и другого обслуживающего персонала. Тайные доносчики, соглядатаи, шпионы рекрутировались из самых разнообразных слоев общества. Их можно было найти в королевской свите, среди художников и поэтов, торговцев и военных, дворян и простолюдинов. В число «родственников» входили также почтенные и всеми уважаемые аристократы и горожане, принимавшие участие в аутодафе. В их задачу входило уговаривать осужденных публично покаяться, исповедаться, примириться с церковью. Они сопровождали жертвы инквизиции на костер, помогали его зажечь, подбрасывали хворост. Подобная «честь» оказывалась только особо достойным и заслуженным прихожанам. Количество добровольных сотрудников инквизиции исчислялось сотнями.

«Родственники», как все служители инквизиции, пользовались безнаказанностью. К тому же им было разрешено носить оружие. Они были неподсудны светскому и духовному судам. Всякое оскорбление служителей инквизиции рассматривалось как попытка помешать ее работе в интересах ереси. Поставленные таким образом в исключительное положение, «родственники», отмечает Г. Ч. Ли, могли делать с беззащитным народом все, что угодно, и легко представить себе, какие вымогательства творили они, угрожая арестами и доносами, в то время когда попасть в руки инквизиции было величайшим несчастьем как для верного католика, так и для еретика.¹⁴⁴ В сельской местности роль ищек выполняли приходские священники, которым помогали два помощника из мирян.

Инквизиция считалась высшим органом государства, ей были обязаны повиноваться все духовные и светские власти. Любое промедление в исполнении приказов инквизиции или сопротивление ее деятельности могло привести виновника на костер.

ОБВИНЕНИЕ

Для того чтобы искоренить вероотступников, следовало в первую очередь их обнаружить. В первой половине XIII в., когда инквизиция начала свою террористическую деятельность, поиск еретиков не представлял большого труда, так как катары, вальденсы и прочие еретики не только не скрывали своих взглядов, но и открыто выступали против официальной церкви. Однако после массовых казней альбигойцев и таких же кровавых расправ над последователями еретических учений на севере Франции и Италии и на землях Священной Римской империи еретики вынуждены были скрывать свои подлинные убеждения и даже соблюдать католические обряды. Выражаясь современным языком, еретики перешли к конспирации, ушли в подполье. Это усложнило работу инквизиторов, которым теперь стало не так-то просто обнаружить врагов церкви под личиной правоверных, а иногда даже и ревностных католиков, но с течением времени инквизиторы и их сотрудники приобрели сыскные навыки и сноровку, накопили необходимый опыт по раскрытию врагов церкви, изучили их повадки и способы, с помощью которых они укрывали свою деятельность от бдительного ока церковных преследователей.

Для того чтобы привлечь кого-либо к ответственности, разумеется, требовались основания. Таким основанием в делах веры служило обвинение одним лицом другого в принадлежности к ереси, в сочувствии или помощи еретикам.

Кто и при каких обстоятельствах выдвигал подобного рода обвинения? Допустим, в определенную область, где, по имевшимся сведениям, еретики пользовались большим влиянием, посылался инквизитор. Он извещал местного епископа о дне своего прибытия с тем, чтобы ему была оказана соответствующая торжественная встреча, обеспечена достойная его ранга резиденция, а также подобран обслуживающий персонал. В том же извещении

¹⁴⁴ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 241–242

инквизитор просил назначить по случаю своего прибытия торжественное богослужение, на которое собрать всех прихожан, обещая им за присутствие индульгенции. На этом богослужении местный епископ представлял населению инквизитора, а последний обращался к верующим с проповедью, в которой объяснял цель своей миссии и требовал, чтобы в течение 6 или 10 дней все, кому было что-либо известно о еретиках, донесли бы ему об этом. За утайку сведений об еретиках, за нежелание сотрудничать с инквизицией верующий автоматически отлучался от церкви; снять же такое отлучение имел право только инквизитор, которому, естественно, виновный должен был оказать за это немало услуг.

Наоборот, тот, кто откликнулся в установленный срок на призыв инквизитора и сообщал ему сведения о еретиках, получал награду в виде индульгенции сроком на три года.

В той же проповеди инквизитор объяснял верующим отличительные черты различных ересей, признаки, по которым можно обнаружить еретиков, хитрости, на которые последние пускались, чтобы усыпить бдительность преследователей, наконец, способ или форму доноса. Инквизиторы предпочитали лично получать от доносчиков информацию, обещая держать в тайне его имя, что имело свое значение, ибо, в особенности в периоды большой активности инквизиции, доносчику часто грозила смерть со стороны родственников или друзей загубленных им жертв.

Печальная слава, сопутствовавшая инквизиции, создавала среди населения атмосферу страха, террора и неуверенности, порождаящую волну доносов, подавляющее большинство которых было основано на вымыслах или нелепых и смехотворных подозрениях. Люди спешили «исповедаться» перед инквизитором в надежде в первую очередь оградить самих себя от обвинений в ереси. Многие использовали эту оказию для мести, сведения счетов со своими противниками, конкурентами, соперниками. Особенно старались доносчики, действовавшие из корыстных побуждений, в надежде получить за выдачу еретиков часть их состояния. Немало поступало и анонимных доносов, которые также учитывались инквизитором.

В тех местах, где инквизиция пускала корни, превращалась в постоянно действующий трибунал, отпущение грехов верующим сопровождалось требованием разоблачения врагов церкви. В Испании доносы никогда не сыпались так часто, как во время пасхальных причастий, к которым допускались только исповедовавшиеся, получившие отпущение грехов после выдачи еретиков или подозреваемых в ереси. «Эта эпидемия доносов, — пишет Х. А. Льоренте, — являлась следствием чтения предписаний, производившегося в течение двух воскресений великого поста в церквях. Одно предписание обязывало доносить в шестидневный срок под страхом смертного греха и верховного отлучения на лиц, замеченных в проступках против веры или инквизиции. Другое объявляло анафемы на тех, кто пропускает этот срок, не являясь в трибунал для подачи заявлений, и все ослушники обрекались на страшные канонические кары...». 145

Приходские священники и монахи в свою очередь были обязаны доносить инквизиции о всех подозреваемых в ереси. Исповедальня служила неисчерпаемым источником для такого рода доносов. Подобного же рода рвение должны были проявлять и светские власти.

Инквизиция делила доносчиков на две категории: — на тех, кто выдвигал конкретные обвинения в ереси, и тех, кто указывал на подозреваемых в ереси. Разница между этими двумя видами доноса заключалась в том, что первые были обязаны доказать обвинение, в противном случае им угрожало как лжесвидетелям наказание; вторым это не угрожало, ибо они, выполняя свой долг правоверных сынов церкви, сообщали всего лишь свои подозрения, не вдаваясь в их оценку. О последнем заботилась инквизиция, решая, заводить ли дело на основе таких подозрений или оставить их временно без последствий. Отказ доносчиков в пользу обвиняемого от своих показаний не принимался во внимание, учитывалось только предыдущее показание, враждебное обвиняемому.

145 Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 1, с. 208

Хотя доносчиками, как и обвиняемыми, могли стать юноши с 14 лет и девушки с 12 лет, в действительности принимались показания и малолетних детей, которые тоже в свою очередь могли быть обвиненными в ереси. К ответственности могли привлечь беременную женщину, глубокую старуху, подвергнуть их пыткам, так же, как и детей.

Наряду с этими источниками был еще один, питавший «делами» ненасытное чрево «священного» трибунала, а именно: художественные, философские, политические и другие произведения, в которых высказывались «крамольные» мысли и идеи. Несоответствие этих произведений принципам католической ортодоксальности служило более чем достаточным основанием для привлечения их авторов к судебной ответственности. Таких авторов преследовали, допрашивали, пытали, осуждали и весьма часто сжигали, как об этом свидетельствует судьба Джордано Бруно.

Самым ценным, самым желанным способом заполучить еретика считалось не обнаружить его с помощью третьих лиц, а заставить его самого добровольно явиться в инквизицию и покаяться, отречься от своих заблуждений, осудить их и в доказательство своей искренности выдать всех ему известных единоверцев, сторонников и друзей.

Но как добиться такого чуда? При помощи тех же испытанных средств: страха, запугивания, угроз, террора. Инквизитор в своем обращении-проповеди, призывая верующих посылать ему доносы на вероотступников, одновременно объявлял для последних «срок милосердия», который длился от 15 до 30 дней. Если в течение этого «льготного» периода еретик сам добровольно являлся в инквизицию, отрекался от ереси в пользу католической церкви и выдавал своих сообщников, то он мог спасти свою жизнь, а может быть, даже состояние. Правда, если он обладал очень большим состоянием, то инквизиция под предлогом, что он раскаивался не по велению совести, а по «низменным» соображениям — из-за страха быть разоблаченным или из желания обмануть церковь неискренним признанием с целью сохранить свое имущество, — обирала его до нитки. И все же инквизиция всегда находила слабых и трусов, готовых добровольно каяться не только в своих собственных грехах, но и возводить напраслину на своих родственников, друзей и знакомых, лишь бы самим выйти сухими из воды и спасти свою собственную жизнь и состояние.

«Легко представить себе, — пишет Г. Ч. Ли, — какой ужас охватывал общину, когда в ней неожиданно появлялся инквизитор и выпускал свое обращение. Никто не мог знать, какие толки ходили о нем; никто не мог знать, к чему прибегнут личная вражда и фанатизм, чтобы скомпрометировать его перед инквизитором. И католики и еретики имели равное основание волноваться. Человек, который чувствовал склонность к ереси, не имел уже более ни минуты покоя при мысли, что слово, сказанное им мимоходом, могло быть передано инквизиции во всякое время его близкими и его самыми дорогими друзьями; под влиянием этой мысли он уступал перед чувством страха и выдавал другого из боязни быть выданным самому. Григорий IX с гордостью вспоминал, что в подобных случаях родители выдавали своих детей, дети — своих родителей, мужья — жен, жены — мужей. Мы смело можем верить Бернару Ги, что всякое разоблачение влекло за собой новые, пока, в конце концов, вся страна не покрывалась невидимой сетью; он добавляет при этом, что многочисленные конфискации, бывшие следствием этой системы, также играли здесь видную роль». 146

Однажды запущенная, инквизиционная машина не могла работать вхолостую, не подрывая самое себя. Как ненасытный Молох, она требовала все новой и новой крови, которую ей поставляли еретики, как подлинные, так и сфабрикованные ею же самой.

СЛЕДСТВИЕ

Итак, основанием для начала следствия служил донос или показания подследственного, выдвинутые против третьего лица. Инквизитор на основе одного из таких документов начинал предварительное следствие, вызывая на допрос свидетелей, могущих подтвердить обвинение, собирал дополнительные сведения о преступной деятельности подозреваемого и его высказываниях, направлял запросы в другие инквизиционные трибуналы на предмет выявления дополнительных улик. Затем собранный материал передавался квалификаторам, которые решали, следует ли предъявить подозреваемому обвинение в ереси. Получив положительное мнение квалификатора, инквизитор отдавал приказ об аресте подозреваемого. В Испании на арест «влиятельных лиц» требовалось предварительное согласие Верховного совета инквизиции.

Арестованного помещали в секретную тюрьму инквизиции, где он содержался в полной изоляции от внешнего мира, в сыром и темном, как правило, каземате, часто закованный в кандалы или посаженный, подобно собаке, на цепь.

Смерть обвиняемого не приостанавливала следствия, так же как и его умопомешательство.

Подозрение, т. е. не доказанное ничем обвинение в ереси, основанное на догадках, предположениях, косвенных уликах (например, случайное общение с еретиком, проживание с ним в одном доме и т. п.), служило достаточным основанием для ареста. Лица, против которых выдвигались пустячные подозрения, арестовывались и иногда содержались в тюрьме годами.

Донос (и тем более самообвинение) служил для инквизиторов доказательством виновности обвиняемого. Церковь рассматривала каждого верующего как потенциального еретика, ведь дьявол, как утверждали богословы, пытается совратить всех верующих с истинного пути. Донос считался чуть ли не мистическим актом провидения. Доносчик выступал в роли оракула, глаголящего истину. Поэтому целью следствия было не проверка доноса, а добыча признания обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении, его раскаяние и примирение с церковью. Конечно, можно было бы рассуждать и иначе. Ведь доносчик мог действовать тоже по наущению дьявола. Но такой подход к доносчику лишал бы инквизицию ее жертв, ибо подавляющее большинство доносов было бездоказательными наговорами, которые отвергнул бы за несостоятельностью любой светский суд.

И все же хотя инквизиция и считала каждого попадавшего в ее коварные сети виновным, она была вынуждена обосновывать свое обвинение, опять-таки не для выявления объективной истины, а с совершенно иной целью. Во-первых, для того, чтобы убедить обвиняемого признать себя виновным и раскаяться. Иначе говоря, если и собирались улики против обвиняемого, то это делалось в его же интересах, в интересах спасения его души. А спасти свою душу, а тем более жизнь, обвиняемый мог только полным и безоговорочным признанием своей вины, т. е. подтверждением обоснованности выдвинутого против него обвинения. Во-вторых, улики были нужны для того, чтобы хотя бы внешне, чисто формально соблюсти декорум и лишить обвиняемого всяческой надежды на спасение другим путем, кроме как через чистосердечное раскаяние и примирение с церковью. Улики в виде свидетельских показаний, ложных или соответствовавший действительности, должны были сломить заключенного, лишить его воли к сопротивлению, заставить его сдаться на милость своего истязателя — инквизитора.

Откуда брались такого рода улики? Их поставляли, кроме доносчиков, лжесвидетели — тайные осведомители на службе инквизиции, всякого рода уголовники — убийцы, воры и т. п. элементы, показания которых не имели юридической силы в светских судах даже средневекового периода. Против обвиняемого принимались свидетельства его жены, детей, братьев, сестер, отца, матери и прочих родственников, а также слуг. Однако их показания в пользу обвиняемого не учитывались, ибо считалось, что благожелательные показания могли быть порождены родственными узами или зависимостью свидетеля от обвиняемого.

Показания разоблаченных еретиков, отлученных, сообщников обвиняемого учитывались только в том случае, если они подтверждали обвинение. «Ибо, — как объяснял

Николас Эймерик, — показания еретика в пользу обвиняемого могут быть вызваны ненавистью к церкви и желанием помешать наказанию преступлений, совершенных против веры. Подобные предположения не могут возникнуть, если еретик дает показания против обвиняемого». ¹⁴⁷

Имена доносчиков и свидетелей держались в тайне не только от квалифицированных, но и от подсудимых и их защитников, если таковые имелись. Если им и сообщались данные обвинения, то в измененной форме, не позволявшей установить подлинного имени свидетеля или доносчика. Например, если свидетель показал, что ему обвиняемый высказывал еретические взгляды, то последнему это сообщалось так: имеются показания одного лица, которое слышало, как обвиняемый высказывал еретические взгляды третьему лицу, и т. д.

Разумеется, что современные нам поклонники инквизиции не в состоянии отрицать этих и других фактов, обличающих далеко не священные методы деятельности «священного» трибунала. Но если они признают эти факты, то это вовсе не означает, что они их осуждают. Наоборот, они пытаются их оправдать. Так, например, испанский иезуит Бернардино Льорка, автор книги об испанской инквизиции, для оправдания преступлений инквизиции пускается в следующего рода рассуждения. Весь вопрос заключается в том, пишет он, признаем ли мы или нет законной необходимостью насильственное преследование ереси путем различного рода наказаний, включая пытки и казнь виновного. Если признаем, то следует тогда признать законность и необходимость всей деятельности инквизиции во всех ее неприглядных деталях. Многим теперь эта деятельность кажется чудовищной, ибо в настоящее время отрицается необходимость в инквизиции, в насильственном преследовании ереси. Подавляющее же большинство богословов периода инквизиции, признавая ее необходимость, защищали и оправдывали ее методы, в частности то, что инквизиция утаивала от обвиняемых и всех других заинтересованных лиц имена доносчиков и свидетелей и полные тексты их показаний. «Инквизиция, — заявляет иезуит Льорка, — не может быть подлинно действенной, если не держит в тайне своих свидетелей. Это было очевидным с самого начала ее деятельности». ¹⁴⁸

Очные ставки свидетелей обвинения с арестованными запрещались. Единственной причиной для отвода свидетелей считалась личная вражда. Для этого перед началом следствия обвиняемому предлагали составить список его личных врагов, которые могли бы из соображений мести дать против него ложные показания. Если среди названных имен значилось имя доносчика или свидетеля, то их показания теряли силу. Однако арестованному инквизиторы не сообщали, потеряли ли в результате его отвода силу показания доносчиков и свидетелей. Инквизиторы продолжали настаивать на обвинениях даже в тех случаях, когда выяснялось, что они являются клеветой или вымыслом доносчиков. К тому же со временем право отвода было обставлено столькими рогатками, что воспользоваться им обвиняемому практически не представлялось возможности. Обвиняемый должен был доказать, что доносчик действительно находился с ним в отношениях смертельной вражды. А в роли судей, решавших, была ли между ними такого рода вражда, выступали те же инквизиторы, рассматривавшие все попытки обвиняемого отвести свидетелей обвинения как коварные увертки и хитроумные трюки, должные запутать следствие и скрыть правду.

Все свидетели были по существу свидетелями обвинения. Обвиняемый не мог выставить свидетелей в свою защиту потому, что инквизиция могла бы обвинить их в потворстве и сочувствии ереси. Правда, случалось, что свидетель менял свои показания, но инквизиция, как и в случае с доносчиками, принимала во внимание только такие изменения в показаниях, которые отягощали вину обвиняемого, а не такие, которые ее облегчали или снимали с него незаслуженное обвинение, причем заключенному сообщались только первые,

¹⁴⁷ Le Manuel des Inquisiteurs, a l'usage des Inquisitions d'Espagne et de Portogale. Lisbonne, MDCCLXII, p, 36

¹⁴⁸ Llorca B. La Inquisicion en Espana. Madrid-Barcelona, 1936, p. 174

а не вторые. Необходимо отметить и то обстоятельство, что строптивный свидетель, действовавший вопреки интересам инквизиции, сам мог стать жертвой обвинения в ереси. Свидетель находился всецело во власти инквизиции, он давал клятвенное обещание, что будет хранить свои отношения с инквизицией в строгой тайне. Ему не у кого было искать помощи и защиты, инквизиторы при желании могли — под предлогом, что он нарушил обет молчания или пытался ввести следствие в заблуждение, — подвергнуть его пытке, чтобы добиться «правдивых», т. е. угодных им, свидетельских показаний. Строптивного свидетеля инквизиция могла обвинить в лжесвидетельстве и осудить на тюремное и даже пожизненное заключение или на ношение на одежде позорящих знаков в виде длинных кусков красного сукна в форме языков, нашивавшихся на спину и грудь.

Никаких ограничительных сроков для проведения следствия не существовало. Инквизиторы могли при желании держать обвиняемого в тюрьме до вынесения приговора и год, и два, и десять лет, и всю его жизнь. Это облегчалось еще и тем, что арестованный сам оплачивал свое пребывание в тюрьме из своих средств, секвестр на которые накладывался инквизицией при его аресте. Разумеется, если арестованный не представлял особого интереса для инквизиторов или у него не было состояния, позволяющего длительное время содержать его в тюрьме, то судьба его решалась без особых проволочек. Неверно утверждение защитников инквизиции, будто ее методы соответствовали обычаям эпохи. Достаточно указать на практику светских судов в Милане в первую половину XIV в. Истец был обязан дать подписку и представить ручательство, что в случае недоказанности обвинения он сам будет наказан и возместит обвиняемому убытки. Последний имел право взять себе защитника и потребовать сообщения имен свидетелей и их показаний. Начав дело, судья под угрозой штрафа в 50 ливров должен был окончить его в течение 30 дней.¹⁴⁹

ДОПРОС

Следующим этапом в инквизиционной процедуре являлся допрос обвиняемого, основная цель которого заключалась в том, чтобы добиться от него признания, а следовательно, и отречения от еретических воззрений и примирения с церковью. Вымогательство признания являлось основным звеном инквизиционной судебной процедуры, что оказывало, отмечает Ли, «огромное и печальное влияние на всю юридическую систему центральной Европы в течение целых пяти столетий».¹⁵⁰

Названный выше инквизитор Арагона Николас Эймерик поучал: «Хотя в гражданских делах обвиняемый может не свидетельствовать против самого себя и не раскрывать факты, которые могут служить доказательством его вины, такая обязанность существует в вопросах ереси».¹⁵¹

Инквизитор тщательно готовился к допросу арестованного. Он предварительно знакомился с его биографией, выискивая в ней места, ухватившись за которые он мог бы сломить свою жертву, заставить ее беспрекословно повиноваться своей воле.

Естественно, что подавляющее большинство обвиняемых в ереси в начале следствия клялись в своей невинности, в верности церковным канонам, выдавали себя за ревностных католиков. Одни это делали потому, что действительно ни в чем не были виновны, другие — потому, что скрывали свои подлинные взгляды. Инквизиторы пытались выколотить признания из тех и других.

¹⁴⁹ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 253

¹⁵⁰ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 259. 2 Le Manuel des Inquisiteurs... p. 34

¹⁵¹ Le Manuel des Inquisiteurs... p.34

Однако было бы ошибочным считать, что свою главную задачу инквизитор видел прежде всего в отправке еретика на костер. Инквизитор в первую очередь добивался превращения еретика из «слуги дьявола» в «раба господня». Инквизитор стремился вырвать у еретика раскаяние, отречение от еретических верований, заставить примириться с церковью. Но, чтобы такое превращение действительно произошло и не было бы очередным обманом лукавого, обвиняемый должен был, в доказательство искренности своего раскаяния, выдать своих единомышленников и их друзей и сообщников.

Бернар Ги приводит в своем «пособии» для инквизиторов следующий примерный текст клятвенного обещания, которое заставляли произнести раскаявшегося еретика его мучители в рясах: «Я клянусь и обещаю до тех пор, пока смогу это делать, преследовать, раскрывать, разоблачать, способствовать аресту и доставке инквизиторам еретиков любой осужденной секты, в частности такой-то, их «верующих», сочувствующих, пособников и защитников, а также всех тех, о которых я знаю или думаю, что они скрылись и проповедуют ересь, их тайных посланцев, в любое время и всякий раз, когда обнаружу их».¹⁵²

Допрос начинался с того, что обвиняемого заставляли под присягой дать обязательство повиноваться церкви и правдиво отвечать на вопросы инквизиторов, выдать все, что знает о еретиках и ереси, и выполнить любое наложенное на него наказание. После такой присяги любой ответ обвиняемого, не удовлетворявший инквизитора, давал повод последнему обвинить свою жертву в лжесвидетельстве, в отступничестве, в ереси и, следовательно, угрожать ей костром.

При допросе инквизитор избегал выдвигать конкретные обвинения, ибо не без основания опасался, что его жертва будет готова дать любые требуемые от нее показания, чтобы поскорей избавиться от своего мучителя.

Инквизитор задавал десятки самых разнообразных и часто не имеющих к делу никакого отношения вопросов с целью сбить с толку допрашиваемого, заставить его впасть в противоречия, наговорить с перепугу нелепостей, признать за собой мелкие грехи и пороки. Достаточно было инквизитору добиться признания в богохульстве, несоблюдении того или другого церковного обряда или нарушении супружеской верности, как, раздувая эти не столь тяжелые проступки, он вынуждал свою жертву признать и другие, уже более опасные и чреватые для нее серьезными последствиями «прегрешения».

Умение вести допрос, т. е. добиться признания у обвиняемого, считалось главным достоинством инквизитора. Со временем возникла необходимость в детальных инструкциях или руководствах для инквизиторов, в которых, так сказать, суммировался инквизиционный опыт и приводились варианты допросов, предназначенных для последователей различных сект. Составители этих инквизиционных «вадемекумов» исходили из предпосылки, что их жертвы являются бессовестными лжецами, хитрейшими лицемерами, «слугами дьявола», которых следовало разоблачить и заставить сознаться в своих «отвратительных преступлениях» любыми средствами и во что бы то ни стало.

Автор одного из таких «пособий», инквизитор Бернар Ги, отмечал, что невозможно составить раз навсегда данную схему допроса. В таком случае, писал Ги, сыны преисподней быстро привыкнут к единой методе и без труда научатся избегать расставляемые им инквизиторами капканы.¹⁵³

Вот примерный образец допроса, которым рекомендовал руководствоваться инквизитор Бернар Ги:

«Когда приводят еретика на суд, то он принимает самонадеянный вид, как будто он уверен в том, что невинен. Я его спрашиваю, зачем привели его ко мне. С вежливой улыбкой он отвечает, что он ожидает от меня объяснения этого.

¹⁵² Gui B. Manuel de l'Inquisiteur. Paris, v. 2, 1927, p. 29

¹⁵³ Gui B. Manuel de l'Inquisiteur. Paris, v. 1, 1927, p. 9

Я: «Вас обвиняют в том, что вы еретик, что вы веруете и учите несогласно с верованием и учением святой церкви».

Обвиняемый (поднимая глаза к небу с выражением энергичного протеста): «Сударь, вы знаете, что я невиновен и что я никогда не исповедовал другой веры, кроме истинной христианской».

Я: «Вы называете вашу веру христианской потому, что считаете нашу ложной и еретической, но я спрашиваю вас, не принимали ли вы когда-либо других верований, кроме тех, которые считает истинными римская церковь?»

Обвиняемый: «Я верую в то, во что верует римская церковь и чему вы публично поучаете нас».

Я: «Быть может, в Риме есть несколько отдельных лиц, принадлежащих к вашей секте, которую вы считаете римской церковью. Когда я проповедую, я говорю многое, что у нас общее с вами, например, что есть бог, и вы веруете в часть того, что я проповедую; но в то же время вы можете быть еретиком, отказываясь верить в другие вещи, которым следует верить».

Обвиняемый: «Я верую во все то, во что должен верить христианин».

Я: «Эти хитрости я знаю. Вы думаете, что христианин должен верить в то, во что веруют члены вашей секты. Но мы теряем время в подобных разговорах. Скажите прямо: веруете ли вы в бога-отца, бога-сына и бога-духа святого?»

Обвиняемый: «Верую».

Я: «Веруете ли вы в Иисуса Христа, родившегося от пресвятой девы Марии, страдавшего, воскресшего и восшедшего на небеса?»

Обвиняемый (быстро): «Верую».

Я: «Веруете ли вы, что за обедней, совершаемой священнослужителями, хлеб и вино божественной силой превращаются в тело и кровь Иисуса Христа?»

Обвиняемый: «Да разве я не должен верить в это?»

Я: «Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы верить, а веруете ли?»

Обвиняемый: «Я верую во все, чему приказываете верить вы и хорошие ученые люди».

Я: «Эти хорошие ученые принадлежат к вашей секте; если я согласен с ними, то вы верите мне, если же нет, то не верите».

Обвиняемый: «Я охотно верую, как вы, если вы поучаете меня тому, что хорошо для меня».

Я: «Вы считаете в моем учении хорошим для себя то, что в нем согласно с учением ваших ученых. Ну, хорошо, скажите, верите ли вы, что на престоле в алтаре находится тело господина нашего Иисуса Христа?»

Обвиняемый (резко): «Верую этому».

Я: «Вы знаете, что там есть тело и что все тела суть тела нашего господина. Я вас спрашиваю: находящееся там тело есть истинное тело господина, родившегося от девы, распятого, воскресшего, восшедшего на небеса и т. д.»

Обвиняемый: «А вы сами верите этому?»

Я: «Вполне».

Обвиняемый: «Я тоже верую этому».

Я: «Вы верите, что я верю, но я вас спрашиваю не об этом, а о том, верите ли вы сами этому?»

Обвиняемый: «Если вы хотите перетолковывать все мои слова по-своему, а не понимать их просто и ясно, то я не знаю, как еще говорить. Я человек простой и темный и убедительно прошу вас не придирайтесь к словам».

Я: «Если вы человек простой, то и отвечайте просто, не виляя в стороны».

Обвиняемый: «Я готов».

Я: «Тогда не угодно ли вам поклясться, что вы никогда не учили ничему несогласному с верою, признаваемой нами истинной?»

Обвиняемый (бледнея): «Если я должен дать присягу, то я готов поклясться».

Я: «Я вас спрашиваю не о том, должны ли вы дать присягу, а о том, хотите ли вы дать ее».

Обвиняемый: «Если вы приказываете мне дать присягу, то я присягну».

Я: «Я не принуждаю вас давать присягу, ибо вы, веря, что клясться запрещено, свалите грех на меня, который принудил бы вас к нему; но если вы желаете присягнуть, то я приму вашу присягу».

Обвиняемый: «Для чего же я буду присягать, раз вы не приказываете этого?»

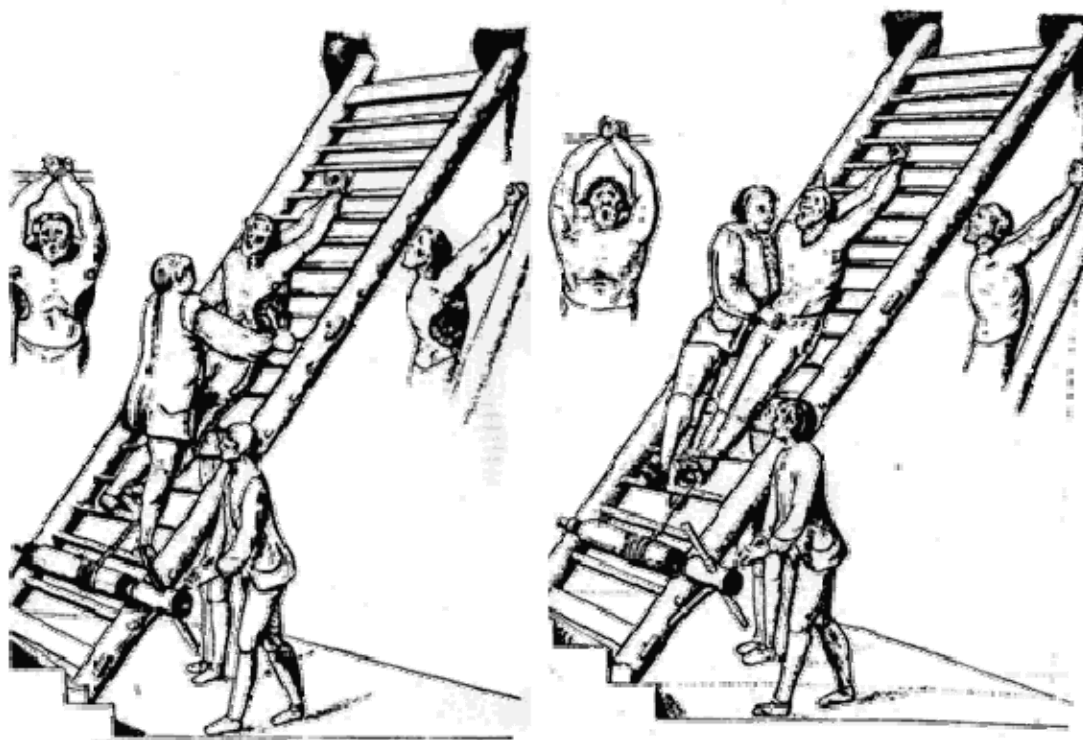
Я: «Для того, чтобы снять с себя подозрение в ереси».

Обвиняемый: «Без вашей помощи я не знаю, как приступить к этому».

Я: «Если бы мне пришлось приносить присягу, то я поднял бы руку, сложил бы пальцы и сказал: бог мне свидетель, что я никогда не следовал ереси, никогда не верил тому, что несогласно с истинной верой».

Тогда он бормочет, как будто не может повторить слов, и делает вид, что говорит от имени другого лица так, что не принося настоящей присяги, он в то же время хочет показать, что дает ее. В других случаях он обращает присягу в своего рода молитву, например: «Да будет мне свидетелем бог, что я не еретик»

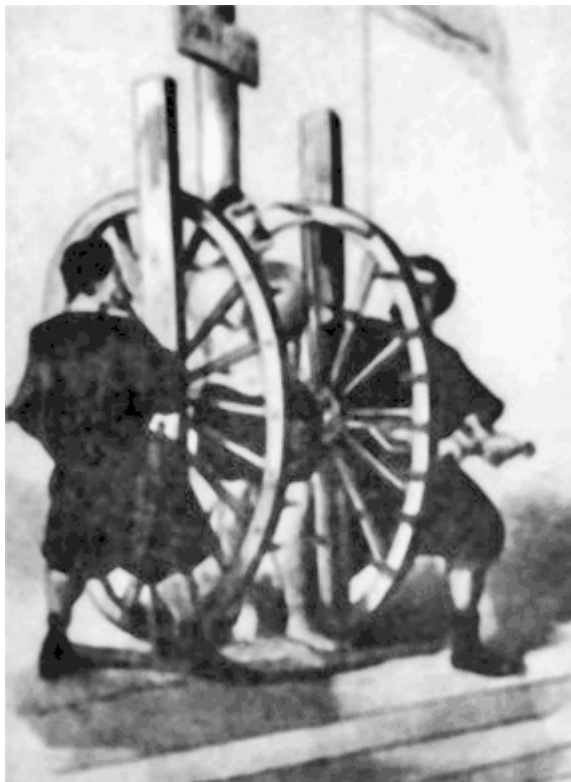
И если его после этого спрашивают: «Поклялись ли вы?», то он отвечает: «Разве вы не слушали?».

пытки при допросе

Прижатый к стене, обвиняемый обращается к милосердию судьи и говорит ему: «Если я согрешил, то я согласен покаяться; помогите мне смыть с себя несправедливое и недобросовестное обвинение». Но энергичный инквизитор не должен позволять останавливать себя подобным образом, он должен неуклонно идти вперед, пока не добьется от обвиняемого сознания в заблуждениях или, по меньшей мере, открытого отречения под присягой, так что если позднее обнаружится, что он дал ложную клятву, то его можно будет, не подвергая новому допросу, передать в руки светской власти. Если обвиняемый соглашается клятвенно подтвердить, что он не еретик, то я говорю ему следующее: «Если вы собираетесь дать присягу для того, чтобы избежать костра, то ваша присяга меня не

удовлетворит ни десять, ни сто, ни тысячи раз, ибо вы взаимно разрешаете друг другу известное число клятв, данных в силу необходимости Кроме того, если я имею против вас, как думаю, свидетельства, расходящиеся с вашими словами, ваши клятвы не спасут вас от костра. Вы только оскверните вашу совесть и не избавитесь от смерти. Но если вы просто сознаетесь в ваших заблуждениях, то к вам можно будет отнестись со снисхождением»». 154

п ы т к и п р и д о п р о с е

Естественно, что такая или подобная схема допроса могла сбить с толку и запутать как виновного в ереси, так и совершенно невинного человека, попавшего в инквизиторские тенета. Но все же добиться признаний только путем хитроумно и коварно построенного допроса инквизиторам далеко не всегда удавалось. Тогда пускались в ход другие, не менее действенные средства — ложь, обман, запугивание, рассчитанные на то, чтобы подавить личность обвиняемого, психологически загнать его в тупик, вызвать у него чувство обреченности. Чтобы добиться желаемого эффекта, инквизитор не останавливался перед прямой фальсификацией фактов. Не имея на то никаких оснований, он утверждал, что преступление обвиняемого доказано и подтверждено многочисленными свидетельскими показаниями, в том числе его сослуживцев, соседей, родных и знакомых, что обвиняемый может избежать костра и спасти от такой же участи своих родственников и друзей только путем полного и искреннего признания своей вины.

Для убеждения обвиняемого дать требуемые от него показания к нему в камеру подсаживались специально натренированные для этого провокаторы, которые, прикидываясь единомышленниками и доброжелателями обвиняемого, стремились или заполучить против него новые улики, или убедить его сознаться. Если это не давало результатов, то с этой же целью использовали жену и детей, слезы и убеждения которых могли сделать жертву более сговорчивой.

«После угроз, — пишет Г. Ч. Ли, — прибегали к ласкам. Заключение выводили из его смрадной тюрьмы и помещали в удобной комнате, где его хорошо кормили и где с ним

154 Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 260–261, Gui B. Manuel de l'Inquisiteur, v. 1, p. 65–71

обращались с видимой добротой в расчете, что его решимость ослабнет, колеблясь между надеждой и отчаянием». ¹⁵⁵

У инквизиторов было множество и других «гуманных» средств для того, чтобы сломить волю своей жертвы. Они могли держать узника годами в тюрьме без следствия и суда, создавая у него впечатление, что он заживо погребен. Инквизиторы не дорожили временем, они могли ждать. Они могли симулировать суд в надежде, что после вынесения ложного смертного приговора жертва в порыве отчаяния «заговорит». Они могли поместить свою жертву, как это делали в Венеции, в камеру с подвижными стенами, которые ежедневно сближались на вершок, угрожая неминуемо раздавить узника, или в камеру, которую постепенно заливала вода. Они могли морить узника голодом, мучить его жаждой, держать в сыром, темном и зловонном подземелье, где крысы и насекомые превращали жизнь его в сущий ад. Тюрьмы инквизиции, указывает Г. Ч. Ли, «были вообще невероятные конуры, но всегда была возможность, если это было в интересах инквизиции, сделать их еще более ужасными. *Durus carcer et arcta vita* ¹⁵⁶ — положение узника на цепи, полумертвого от голода, в яме без воздуха — считалось прекрасным средством добиться сознания». ¹⁵⁷

ПЫТКИ

Все эти многочисленные средства «гуманного» воздействия приносили свой результат, и многие узники инквизиции кончали тем, что признавали не только действительные, но и вымышленные преступления против веры. Многие, но не все: причем, как правило, чем серьезнее было обвинение, тем труднее было инквизиторам добиться признания. Но инквизиторам требовались, кроме признания, еще и выдача соучастников и, наконец, отречение от «греховных заблуждений» и примирение с церковью. А все это давалось с еще большим трудом, чем признание.

Когда инквизиторы приходили к заключению, что уговорами, угрозами, хитростью невозможно сломить обвиняемого, они прибегали к насилию, к пыткам, исходя из посылки, что физические муки просвещают разум значительно эффективнее, чем муки моральные.

¹⁵⁵ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 264

¹⁵⁶ Суровая тюрьма и тяжелая жизнь (лат.).

¹⁵⁷ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 265

Пытки, узаконенные инквизицией

Применение пыток инквизицией на протяжении многих веков и во многих странах — одно из ярчайших доказательств неспособности церкви одержать верх над своими идейными противниками чисто богословскими методами, силой убеждения, а не силой принуждения. Теперь церковники в свое оправдание говорят, что, дескать, пытки не были ими выдуманы, что они якобы с незапамятных времен применялись гражданскими властями, что церковь-де только следовала их примеру. Эти апологеты забывают, что их средневековые предшественники считали саму человеческую жизнь пыткой, наказанием за первородный грех Адама и Евы и поэтому истязание «бренного» тела во имя спасения души рассматривали как акт милосердия по отношению к еретикам.

Нынешние богословы, оправдывающие применение пыток инквизицией ссылкой на подобную же практику светских властей, по-видимому, не отдают себе отчета, что они развенчивают тем самым миф о божественном характере церковного института. Хороша «мать страждущих» (так богословы именуют церковь), если она вынуждена для поддержания своего авторитета прибегать к услугам палача, истязаниями и пытками убеждать противников в своей правоте. Когда в XVIII в. все передовые люди Европы осуждали пытки, церковь продолжала их защищать. Применение насилия против врагов церкви, а значит и пытки, защищал Пий IX в своем печально знаменитом «Силлабусе», о котором мы уже упоминали.

Хотя пытки применялись церковниками по отношению к подозреваемым в ереси и до установления инквизиционных трибуналов, узаконил их папа Иннокентий IV, предписав в булле «Ad extirpanda» «заставлять силой, не нанося членовредительства и не ставя под угрозу жизнь (какое проявление отеческой заботы о грешнике! — И. Г.), всех пойманных еретиков как губителей и убийц душ и воров священных таинств и христианской веры с предельной ясностью сознаваться в своих ошибках и выдавать известных им других еретиков, верующих и их защитников, так же как воров и грабителей мирских вещей заставляют раскрыть их соучастников и признаться в совершенных ими преступлениях». 158

Последующие папы подтверждали эту буллу. Александр IV (1260), Урбан IV (1262), Климент IV (1265) возлагали на инквизиторов все обязанности, связанные со следствием и осуждением еретиков, в том числе и пытки с целью получения у них признаний, выдачи сообщников и отречения от еретической веры, причем инквизиторам разрешалось лично «присутствовать» во время истязаний, т. е. руководить пытками и допрашивать пытаемого.

пытки при допросе

Если в некоторых делах по обвинению в ереси о применении инквизицией пыток не упоминается, это вовсе не значит, что пытка применялась только в исключительных случаях. Церковный историк инквизиции Е. Вакандар вынужден признать, что отсутствие во многих делах указаний на пытки объясняется тем, что показания, данные под пыткой, считались недействительными, если они не подтверждались обвиняемым «добровольно» сутки спустя. Это подтверждение регистрировалось в протоколе с указанием, что оно было сделано добровольно без применения угроз и насилия.¹⁵⁹ Часто в таких случаях предшествующие показания, данные под пыткой, просто уничтожались.

Пытки, применявшиеся инквизицией к своим жертвам, вызывали повсеместно ужас и возмущение, и церковь была вынуждена считаться с этим. Однако соборы и папы римские высказывались не за их отмену, а за пытки «с гарантиями справедливости».

Так, вселенский собор во Вьенне в 1311 г. постановил, что пытки могут производиться только с согласия епископа. Но это условие вовсе не облегчало участь жертв инквизиции. Власть «священного» трибунала была столь большой, а внушаемый им страх столь велик, что епископы смиренно одобряли все действия инквизиторов. К тому же разве инквизиторы не действовали в интересах церкви, т. е. тех же епископов, авторитет и власть которых они защищали, хотя и жестокими, но, как им казалось, действенными и поэтому оправданными средствами? Епископы могли быть только признательны инквизиторам за то, что те выполняли за них эту грязную работу. Они сотрудничали с инквизиторами самым тесным и

¹⁵⁹ Vacandard E. The Inquisition, p. 112–113

лояльным образом.

Другие постановления указывали на то, что пытки должны быть «умеренными» и применяться только однократно по отношению к обвиняемому. Но инквизиторы при помощи богословских казуистов и при молчаливом согласии самого папского престола без труда обходили такого рода ограничения. Так, например, чтобы не испрашивать согласия епископа на пытку, инквизиторы заявляли, что постановления собора от 1311 г. относятся к обвиняемым, а не к свидетелям. Подвергая свидетелей пытке по своему усмотрению, инквизиторы утверждали, что то же могут делать с обвиняемыми, которые при допросах превращаются в свидетелей по своему собственному делу или по делам других. О том, что понимать под «умеренной» пыткой, решали сами инквизиторы. Они считали, что обвиняемого правомочно пытать до тех пор, пока от него не будут получены необходимые показания. Только после этого пытка была бы «неоправданной» жестокостью.

Столь же просто обходилось и указание об однократном применении пытки. Инквизиторы просто объявляли пытку «незаконченной», «прерванной» и возобновляли ее по своему усмотрению до тех пор, пока жертва не давала нужных показаний или когда они убеждались, что пыткой нельзя сломить ее. Обвиняемый, отказывавшийся давать под пыткой нужные инквизиции показания, считался изобличенным, упорствующим и нераскаявшимся еретиком. В таких случаях обвиняемого ждали отлучение от церкви и костер.

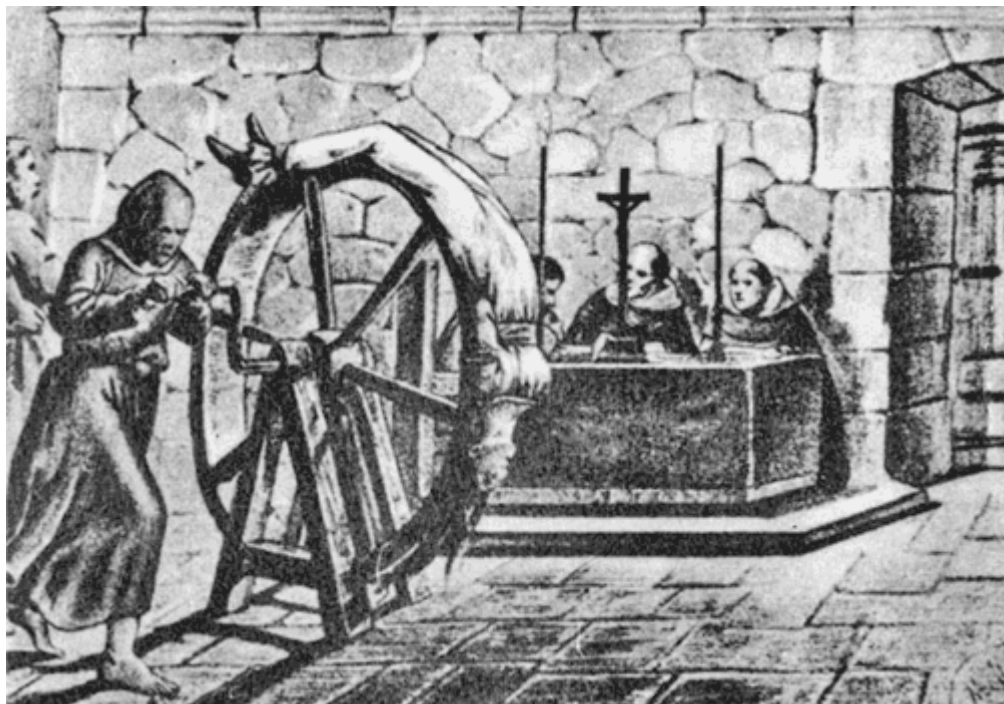
Не меньшее ожесточение вызывал у инквизиторов и тот обвиняемый, который давал под пыткой требуемые от него показания, а затем отказывался «добровольно» подтвердить их. Такой непокорный считался «вновь впавшим в заблуждение» и как таковой подвергался новым суровым пыткам с целью добиться от него «отречения от своего отречения».

Инквизиция стремилась окутать покровом тайны все свои преступления. Ее сотрудники давали строжайший обет соблюдать ее секреты. Того же требовали и от жертв. Если примиренный с церковью и отбывший свое наказание грешник, обретя свободу, начинал утверждать, что раскаяние было получено от него путем насилия, пыток и тому подобными средствами, то его могли объявить еретиком-рецидивистом и на этом основании отлучить от церкви и сжечь на костре.

п ы т к и

Прежде чем передать обвиняемого палачу, инквизитор зачитывал ему «предупреждение»: «Мы, божьей милостью инквизитор, имярек, внимательно изучив материалы дела, возбужденного против вас, и видя, что вы путаетесь в своих ответах и что имеются достаточные доказательства вашей вины, желая услышать правду из ваших собственных уст и с тем, чтобы больше не уставали уши ваших судей, постановляем, заявляем и решаем такого-то дня и в таком-то часу применить к вам пытку».¹⁶⁰

п ы т к и

Затем обвиняемого подвергали процедуре запугивания — знакомили с инструментами пытки, как бы психологически подготавливали к предстоящим испытаниям. Инквизиторы, перед которыми во время допросов всегда лежала Библия, обращались к жертвам, не повышая голоса, не подвергая оскорблениям; палачи призывали свои жертвы к покаянию, смирению, благоразумию, примирению с церковью, обещая взамен всепрощение и вечное спасение.

Инквизиторы, представлявшие церковь («мать всех страждущих!»), утверждали, что они действуют в интересах обвиняемых, в интересах спасения их душ. Именно исходя из этих благочестивых побуждений, они-де были вынуждены карать еретиков решительно, безжалостно, беспощадно. Но эти кары — не зло, а «спасительное лекарство», елей на душевные язвы — еретические воззрения обвиняемых. Инквизиция, утверждали богословы, не мстила, а спасала; не наказывала, а отвоевывала у нечистого человеческого душу; не преследовала, а врачевала души заблудших овечек церкви. Инквизиция в описаниях теологов — не мрачный застенок с палачами и палаческим инструментом, а некое подобие благотворительного института, церковной скорой помощи, спешившей спасти любого грешника, бросившего вызов единственно верному вероучению. «Сопровивлявшиеся ее благодетельным усилиям, — отмечает Г. Ч. Ли, — становились виновными в неблагодарности и непослушании, темного пятна которого ничто не могло изгладить. Это были отцеубийцы, недостойные снисхождения, и если их бичевали, то им же еще оказывали этим особую милость».¹⁶¹

¹⁶⁰ Le Manuel des Inquisiteurs... p. 78

¹⁶¹ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 291

Набор палаческих инструментов в камере пыток был весьма однообразный: дыба, кобыла, плети. Часто применялась пытка водой, жаждой, голодом. После пытки врач даже залечивал раны — возводить еретика на костер надлежало невредимым. Но от того, что пытательный «ассортимент» был ограничен, что пытка осуществлялась в «благопристойной» обстановке, положение узника инквизиции не являлось менее трагичным.

Чтобы спастись, подсудимый должен был сперва признать себя виновным в предъявляемом ему обвинении, затем выдать подлинных или воображаемых сообщников, и только тогда ему разрешали отречься от ереси и примириться с церковью. Если все это он проделывал охотно и со рвением, то мог отделаться сравнительно легким наказанием; если же инквизиторам удавалось его сломить только после длительной «обработки», то его ждала более суровая кара.

ПРИГОВОР

Итак, следствие закончено. Инквизиторы одержали победу или потерпели поражение. В первом случае обвиняемый дал требуемые от него показания, признал себя виновным, отрекся от ереси, примирился с церковью. Во втором случае обвиняемый решительно настаивал на своей невиновности или, признав себя еретиком, отказывался отречься и покаяться. Теперь трибуналу инквизиции предстояло вынести приговор, который соответствующим образом покарал бы и того и другого.

Создав инквизицию, церковь постоянно доказывала ссылками на Библию, Фому Аквинского и другие богословские авторитеты свое право карать не только духовными, но и «телесными» карами провинившихся в вопросах веры овечек. Иннокентий III в послании судьям г. Витербо от 25 марта 1199 г. так аргументировал необходимость жестокого преследования еретиков: «Светские законы наказывают предателей конфискацией собственности и смертью, из милосердия они щадят их детей. Тем более мы должны отлучать от церкви и конфисковывать собственность тех, кто является предателями веры Иисуса Христа; ибо куда более великий грех нанесение оскорбления божественному величию, чем величию суверена».¹⁶²

Правда, присваивая себе право расправляться с ослушниками, церковь лицемерно пыталась прикрыть его покрывалом милосердия, как о том говорит постановление Тридентского собора (1545–1563), призывавшее епископов беспощадно наказывать своих пасомых за отступничество от официального вероучения и в то же время относиться к ним с «любовью и терпением». Вот текст этого иезуитского по своему духу постановления, вошедшего составной частью в предпоследний канонический кодекс: «Да помнят епископы и прочие прелаты, что они пастыри, а не палачи, и да управляют они своими подданными, не властвуя над ними, а любя их, подобно детям и братьям; стремясь призывами и предупреждениями отделить их от зла, дабы не наказывать их справедливыми карами, если они совершат проступки; и если все же случится, что из-за человеческой бренности они совершат проступки, то их следует исправлять, как учил апостол, соблюдая доброту и терпение, при помощи убеждений и горячих просьб; ибо во многих подобных случаях приносит большую пользу благожелательство, чем строгость, призыв к исправлению, чем угроза, милосердие, чем сила; если же серьезность преступления требует наказания, тогда следует применить суровость с кротостью, справедливость с состраданием, строгость с милосердием, для того чтобы, не создавая резких контрастов, сохранилась дисциплина, полезная и необходимая народам, и для того, чтобы те, кто наказан, исправились бы; если же они не пожелают этого, то пусть постигшее их наказание послужит другим оздоравливающим

примером и отвратит их от греховных дел». ¹⁶³

Это писалось в середине XVI в., когда ярко пылали костры инквизиции в Испании, Португалии и в других странах, где католическая церковь сохраняла свои преобладающие позиции...

Собственно говоря, инквизитор, как и любой священник, отлучал нарушителей церковных законов от церкви и накладывал на них другие кары. И все же разница в данном случае между инквизитором и священником была весьма существенной. Последний не располагал средствами насилия и принуждения, и поэтому его осуждение не производило должного впечатления на вероотступников. Другое дело инквизитор, обладавший не только неограниченной властью над телом и душой своих жертв, но и мощными средствами, делавшими эту власть эффективной. Отлучение, провозглашенное инквизитором, пахло костром, в лучшем же случае — длительным тюремным заключением и потерей состояния, не говоря уж о моральных и физических пытках, при помощи которых мастера «святого дела» не только калечили тела, но и растлевали души своих многочисленных жертв.

Хотя обвиняемый формально не был лишен возможности нанять себе защитника, как утверждает Эймерик, на практике это исключалось, ибо защитник еретика сам мог быть заподозрен в ереси, арестован и осужден инквизицией. Он мог и навредить своему подопечному, так как его могли привлечь к суду в качестве свидетеля, заставив под пыткой рассказать о подлинных взглядах обвиняемого, его родственников и друзей и выдать имеющиеся у него компрометирующие его подзащитного документы.

В Испании защитник назначался самой инквизицией. Но по существу это был не защитник, а сотрудник инквизиции, помогавший засудить обвиняемого. Это вынужден признать даже иезуит Бернардино Льорка: «Вполне понятно, что, будучи казенным адвокатом, принадлежа по существу к числу сотрудников инквизиции, защитник действовал, исходя из тех же принципов, которыми руководствовался и св. трибунал, хотя и представлял интересы обвиняемого и использовал все, что могло бы облегчить его участь. Таким образом, как только выяснялась виновность преступника, адвокат прекращал его защиту, ибо в конце концов его целью, как и инквизиторов, было преследование ереси. Кроме того, и именно по той же причине, одним из первых его советов обвиняемому было дать правдивые показания, признаться в ереси, в которой его обвиняли». ¹⁶⁴

Невежество также не спасало обвиняемого от кары, потому что, как указывал Бернар Ги, невежда подлежал осуждению, являясь сыном «Отца лжи», т. е. самого дьявола. Несколько смягчали участь жертвы инквизиции умопомешательство или опьянение, но и в том и в другом случае обвиняемый был обязан согласиться с выдвинутым против него обвинением, иначе говоря, признать себя виновным, если хотел избежать костра. От обвинительного приговора жертва инквизиции не могла избавиться, даже покончив жизнь самоубийством; последнее считалось признанием вины. Еще меньше шансов было на оправдательный приговор у тех, кто судился инквизицией заочно или посмертно.

Вообще инквизиция никогда не оправдывала свои жертвы. В лучшем случае приговор гласил, что «обвинение не доказано». Это означало, что оно может быть доказано в будущем. Оправдательный же приговор не мог служить помехой для нового процесса против той же жертвы. Иногда таких «оправданных» выпускали под большой залог на свободу, обязуя ежедневно являться к дверям трибунала инквизиции и стоять там «от завтрака до обеда и от обеда до ужина» на случай, если инквизицией будут обнаружены новые улики и потребуется «оправданных» вновь водворить за решетку.

Прав был францисканский монах Бернар Делисье, публично заявивший в начале XIV в. в присутствии французского короля Филиппа Красивого, что инквизиция при существующей

¹⁶³ *Codigo de Derecho Canonico y Legislation complementaria*, p. 795–796

¹⁶⁴ Llorca B. *La Inquisicion en Espana*, p. 210

системе могла обвинить в ереси самих святых Петра и Павла, и они были бы не в состоянии защитить себя. Им не представили бы никаких конкретных обвинений, не ознакомили бы с именами свидетелей и их показаниями. «Каким же образом, — вопрошал Бернар Делисье, — могли бы святые апостолы защищать себя, особенно при том условии, что всякого, явившегося к ним на помощь, сейчас же обвинили бы в сочувствии ереси?» Приводя эту цитату, Г. Ч. Ли присовокупляет от себя: «Все это, безусловно, верно. Жертва была связана путами, вырваться из которых ей было невозможно, и всякая попытка освободиться от них еще только ту же затягивала узлы». ¹⁶⁵

Инквизиция действовала на основе зачастую противоречивых и туманных указаний римских пап и постановлений соборов. Как мы уже упоминали, некоторые инквизиторы составляли для своих коллег руководства, нечто подобное процессуальным кодексам. В Испании великие инквизиторы, начиная с Торквемады, издавали инструкции, регулировавшие деятельность «священного» трибунала, давали пояснения на запросы провинциальных и колониальных инквизиторов. Отсутствие четкого законодательства предоставляло большую свободу действий инквизиторам, что сказывалось и на их приговорах. В отличие от светских судов, приговоры инквизиции, если не шла речь об отлучении и, следовательно, костре, носили весьма неопределенный характер.

Инквизитор имел право смягчить, увеличить или возобновить вынесенное по приговору наказание. Такой угрозой заканчивался каждый приговор. Поэтому даже после вынесения приговора осужденный не был уверен в том, что его бедствия закончились, ведь инквизитор в любой момент мог присудить свою жертву к повторным епитимиям, к новому тюремному сроку или даже костру.

Приговоры инквизиции, как правило, отличались суровостью и жестокостью. Как отмечает Г. Ч. Ли, «ересь была столь тяжелым преступлением, что ее нельзя было загладить ни сердечным сокрушением, ни возвратом к добру. Хотя церковь объявляла, что она с радостью принимает в свои материнские объятия заблудших и раскаявшихся, но тем не менее обратный путь к ней был труден для виновного, и грех его мог быть смыт только ценою епитимий, достаточно суровых, чтобы свидетельствовать об искренности его обращения». ¹⁶⁶

К каким же наказаниям присуждал своих «подопечных» трибунал инквизиции? В первую очередь к епитимиям — от «легких» до «унизительных» (*confusibles*), затем к тюремному заключению, обычному или строгому, к галерам и, наконец, к отлучению от церкви и передаче осужденного светским властям для сожжения на костре.

Почти всегда эти виды наказаний сопровождались бичеванием осужденных и конфискацией их имущества.

Отличительной чертой инквизиторского суда было то, что для него не существовало других смягчающих вину обстоятельств, как полное подчинение обвиняемого воле его палачей. Нарбонский собор в 1244 г. указал инквизиторам, что они не должны мужа щадить ради жены, жену — ради мужа, отца — ради детей, единственным кормильцем которых он был; ни возраст, ни болезнь не должны были влиять на смягчение приговора. ¹⁶⁷

Другой чертой инквизиционного суда было то, что, кроме осужденного, несли наказание и его дети и потомки, иногда вплоть до третьего поколения, которые лишались не только наследства, но и гражданских прав.

Николас Эймерик обосновывал право инквизиции наказывать детей за преступления отцов следующими соображениями: «Жалость к детям виновного (в ереси. — И. Г.),

¹⁶⁵ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 284

¹⁶⁶ Там же, с. 292

¹⁶⁷ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 306

вынужденных заниматься нищенством, не может смягчить эту строгость, ибо, согласно божественным и человеческим законам, дети несут наказание за ошибки своих родителей. Дети еретиков, даже если они католики, не являются исключением из этого правила, и им не следует ничего оставлять (из имущества отца. — И. Г.), даже того, что им полагается согласно естественному праву». 168

Обычные епитимий, накладываемые инквизицией, — чтение молитв, посещение храмов, посты, строгое исполнение церковных обрядов, хождение по «святым» местам, пожертвования на благотворительные дела — отличались от такого же рода наказаний, накладывавшихся исповедниками, тем, что инквизиция применяла их к своим жертвам в «лошадиных» дозах. Строгое соблюдение церковных обрядов, чтение молитв (иногда предписывалось повторять в присутствии свидетелей десятки раз в день одни и те же молитвы), изнурительные посты, пожертвования на богоугодные дела, многократное посещение различных «святых» мест (все эти наказания накладывались к тому же на одно и то же лицо) превращались в тяжелую обузу, длившуюся иногда годами. При этом малейшее несоблюдение епитимий грозило новым арестом и еще более суровыми наказаниями. Такие епитимий превращались в подлинные «подвиги благочестия» и не только морально терзали наказуемого, но и приводили его и его семью к полному разорению.

В XIII в. довольно популярным наказанием было принудительное участие в крестовых походах, однако инквизиторы впоследствии отказались от таких епитимий, опасаясь, что бывшие еретики «заразят» крестоносцев.

Но если столь изнурительными были «легкие» наказания, можно себе представить, каким бременем ложились на плечи жертвы инквизиции «унизительные» наказания. В таких случаях ко всем перечисленным выше епитимиям прибавлялись еще следующие наказания — ношение позорящих знаков, введенных впервые св. Домиником в 1208 г. и «усовершенствованных» позднейшими инквизиторами, в виде больших холщовых нашивок шафранового цвета, имевших форму креста. В Испании на осужденного надевали желтую рубашку без рукавов с нашитыми на ней изображениями чертей и огненных языков из красной материи; на голову его напяливали шутовской колпак.

Позорящие нашивки осужденный должен был носить дома, на улице и на работе, чаще всего всю жизнь, заменяя их новыми, если они приходили в ветхость. Владелец таких нашивок был объектом постоянных издевательств со стороны обывателей, хотя соборы лицемерно призывали верующих относиться к носителям позорных знаков с «кротостью и сожалением». Таким образом, как отмечает Г. Ч. Ли, ношение «креста, этой священной эмблемы христианства, превратилось в одно из самых тяжелых наказаний». 169

В числе «показательных» наказаний, которым подвергались жертвы инквизиции, фигурировало публичное бичевание. Осужденного, обнаженного по пояс, бичевали священник при всем честном народе в церкви во время богослужения; его бичевали во время религиозных процессий; раз в месяц он должен был ходить после обедни полуобнаженным в дома, где «грешил», т. е. встречался с еретиками, и получать там удары розгой. Весьма часто осужденный подвергался таким экзекуциям в течение всей своей жизни. Снять с него такого рода епитимию, впрочем, как и другие, мог только один человек, тот же, кто и присудил его к этому наказанию, — инквизитор, и он делал это, как мы увидим ниже, на определенных условиях.

Следующим наказанием была тюрьма, причем пожизненное тюремное заключение считалось проявлением высшей степени милосердия. Тюремное заключение было трех видов: каторжная тюрьма (*mums strictissimus*), когда заключенного содержали в одиночной камере в ручных и ножных кандалах; строгое тюремное заключение (*mums strictus durus*

168 *Le Manuel des Inquisiteurs...* p. 109

169 Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 297

arctus), когда осужденный содержался в одиночной камере в ножных кандалах, иногда прикованный к стене; простое тюремное заключение, при котором заключенные содержались в общих камерах без кандалов. Во всех случаях заключенные получали в качестве еды только хлеб и воду. Постелью им служила охапка соломы. Узникам запрещались контакты с внешним миром. Эймерик считал, что заключенных могут навещать только ревностные католики, но не женщины и простые люди, ибо осужденные склонны возвращаться к ереси и легко «заражают» ею других.

Узник инквизиции, разумеется, мог, если располагал скрытыми от нее средствами, подкупить тюремщиков и обеспечить себе таким образом некоторые поблажки и льготы. Но это сравнительно редко удавалось, так как инквизиторы, зная продажность тюремщиков, зорко наблюдали за ними и сурово наказывали уличенных в недозволенных связях с узниками.

Правда, случалось, что инквизиторы взамен за предательство или другие оказанные им услуги, а иногда просто из-за недостатка тюремного помещения выпускали на свободу некоторые свои жертвы. Но это никогда не было амнистией или реабилитацией осужденных. Следуя указаниям, данным Иннокентием IV в 1247 г., инквизиторы, освобождая заключенного, предупреждали его, что при первом подозрении он будет немедленно возвращен в тюрьму и жестоко наказан без всякого суда и следствия.

Вся жизнь такого бывшего узника инквизиции, по словам Г. Ч. Ли, «принадлежала молчаливому и таинственному судье, который мог разбить ее, не выслушав его оправданий, не объяснив причин. Он навсегда отдавался под надзор инквизиционной полиции, состоявшей из приходского священника, монахов, духовных лиц... которым приказывалось доносить о всяком упущении, сделанном им в исполнении наложенной на него епитимий, о всяком подозрительном слове и действии, за что он подвергался ужасным наказаниям как еретик-рецидивист. Ничего не было легче для личного врага, как уничтожить подобного человека, и сделать это было тем легче, что доносчик знал, что имя его будет сохранено в тайне. Мы вполне справедливо жалеем жертвы костра и тюрьмы, но было ли их положение более печально, чем участь множества мужчин и женщин, ставших рабами инквизиции после того, как она пролила на них свое лицемерное милосердие?». 170

В XIII в. инквизиторы, осудив еретика, приказывали разрушить и сровнять с землей его дом. Однако со временем стремление завладеть имуществом осужденных взяло верх, и инквизиция отказалась от такого рода действий.

В испанских и португальских колониях инквизиторы, среди прочих наказаний, осуждали свои жертвы на каторжные работы, используя в качестве рабской силы в монастырях, или посылали в Испанию служить на галеры, где их приковывали к сиденьям и веслам.

В отличие от светских судов, для которых смерть обвиняемого смывала его вину, инквизиция судила и преследовала не только живых, но и мертвых. Вообще инквизиционный трибунал не признавал каких-либо смягчающих вину обстоятельств. Ни пол, ни возраст, ни давность совершенного проступка, ни, наконец, смерть не спасали еретика от осуждения. Инквизиция поступала столь же бесцеремонно с мертвыми, как и с живыми. Она могла обвинить в ереси не только недавно, но и давно — сто или двести лет тому назад — умершего человека. Основанием для дела могло послужить заявление любого фискала или сфабрикованный с этой целью «обличительный» документ. В подобных случаях выносился приговор: останки еретика сжечь и пепел развеять по ветру, имущество же изъять у наследников и конфисковать.

Чаще всего такие процессы возбуждались с единственной целью завладеть имуществом жертвы, ибо инквизиция проявляла не меньший, а часто даже больший интерес к состоянию своих жертв, чем к «спасению их душ». Деятельность инквизиции, как образно отмечает Г.

170 Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 313

Ч. Ли, протекала в «безумном вихре хищений».

Секвестр имущества подозреваемого в ереси автоматически следовал вслед за его арестом, причем конфисковывалось все — от недвижимости до домашней утвари и личных вещей арестованного. Вследствие этого семья жертвы инквизиции оказывалась лишенной крова и средств к существованию, ее ждало нищенство или голодная смерть — ведь за помощь, оказанную ей, грозило обвинение в сочувствии ереси...

В начале массового преследования еретиков на юге Франции часть конфискованных средств использовалась на строительство тюрем, которых явно не хватало для нужд инквизиции. В этот период еретики не только сами «финансировали» строительство своих темниц, но и участвовали непосредственно в их строительстве, что считалось особым знаком преданности церкви. Впоследствии конфискованные средства делились между инквизицией, городскими властями и епископом. Французская корона и Венецианская республика со временем стали присваивать в пользу своей казны награбленные инквизицией путем конфискации средства. В папских владениях львиная доля награбленного поступала в папскую казну. Значительная часть этих средств оседала и в карманах самих инквизиторов, их помощников, фискалов и «родственников». ¹⁷¹

Массовые аресты еретиков, сопровождаемые секвестром их имущества, быстро превращали цветущие экономические районы, каким была, например, Южная Франция в начале XIII в., в руины.

«Конечно, — отмечает Г. Ч. Ли, — было бы несправедливым говорить, что скупость и жажда к грабежу были главными двигателями инквизиции, но нельзя отрицать, что эти низкие страсти играли видную роль... Все, занимавшиеся преследованием, всегда имели в виду материальную выгоду. Не заинтересованная материально, инквизиция не пережила бы первой вспышки фанатизма, породившего ее; она могла бы существовать только в течение одного поколения, а затем исчезла бы и возродилась бы снова с возрождением ереси; и катаризм, против которого не было бы систематического и долгого преследования, мог избежать полного уничтожения. Но в силу законов о конфискации еретики сами сделались виновниками своего падения. Алчность и фанатизм подали друг другу руку и в течение целого столетия были сильными двигателями жестокого, непрерывного и неумолимого преследования, которое выполнило свои планы и прекратилось только за отсутствием жертв». ¹⁷²

Приговор «священного» трибунала считался окончательным и обжалованию не подлежал. Теоретически, конечно, осужденный мог обратиться к папскому престолу с просьбой о помиловании или пересмотре дела. Но такие обращения были чрезвычайно редким явлением. Сам осужденный, находившийся в руках инквизиции, был лишен физической возможности обжаловать ее действия. Его же родственники или друзья опасались делать это из-за боязни репрессий со стороны инквизиторов, считавших жалобы на их действия проявлением гордыни и чуть ли не доказательством еретических воззрений. К тому же жалобы подобного рода были совершенно бесполезны: папский престол, как правило, просто не принимал их во внимание.

«Уровень» инквизиторского террора не всегда был столь высок, как в XIII в. На протяжении своей многовековой истории инквизиция имела свои взлеты и падения, неоднократно меняла объекты террора и его формы. Но цель ее деятельности всегда оставалась неизменной: укрепление позиций церкви и господствующих эксплуататорских классов путем преследования инакомыслящих, реальных или вымышленных врагов церкви и опекаемого ею несправедливого социального порядка.

¹⁷¹ Shannon A. C. The Popes and Heresy... p. 98–99

¹⁷² Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 335–336

АУТОДАФЕ И КОСТЕР

Того из вероотступников, кто упорствовал в своих ошибках и не желал вернуться в лоно католической церкви, того, кто отказывался признать свои ошибки и примириться с церковью, того, кто, примирившись, вновь впадал в ересь, т. е. становился еретиком-рецидивистом, а также осужденного заочно, а затем пойманного еретика — всех их инквизиция, действовавшая от имени и по поручению церкви, отлучала от нее и «отпускала на волю».

Эта невинная на первый взгляд формулировка таила в себе смертный приговор обвиняемому. Осужденный «отпускался на волю» в том смысле, что церковь отказывалась впредь заботиться о его вечном спасении, что она отрекалась от него. Обретенная таким образом осужденным «воля» влекла за собой не только позорную смерть на костре, но, по учению церкви, и вечную муку в потустороннем мире. Наказание невообразимо жестокое, признавали богословы, но заслуженное для того, кто отказался от «материнской» опеки церкви, предпочитая служить дьяволу. Упорствующий еретик не мог рассчитывать на христианское сострадание, милосердие, любовь. Его должна была поглотить не в фигуральном, а в буквальном смысле геенна огненная. Но инквизиторы предпочитали, чтобы эту грязную работу за них выполняла гражданская власть. Разные авторы по-разному пытались объяснить такую их щепетильность, тем более что церковь — не только в далеком прошлом, но, как мы видели, и в наше время — провозглашает за собой право карать вероотступников всеми видами наказаний. Считать, что инквизиторы, применявшие изощренные пытки к своим жертвам, морившие их голодом и холодом, бичевавшие их публично и, наконец, сопровождавшие их на костер и понуждавшие верующих подбрасывать охапки хвороста для того, чтобы он «веселее» пылал, стеснялись самолично казнить еретиков, вряд ли обоснованно и логично.

Объяснение этому следует искать в желании церкви превратить светскую власть в соучастника своих преступлений и одновременно продемонстрировать видимость того, что сама она, церковь, не убивала никого, не проливала крови. И в этом проявились свойственные церковникам ханжество и лицемерие. Еще до учреждения инквизиции церковь стремилась обязать светскую власть преследовать еретиков. Добиться этого она смогла лишь частично и поэтому организовала свой собственный репрессивный орган — инквизицию. Однако зловещую привилегию официально выносить смертные приговоры, казнить и оплачивать палача церковь предоставляла светским властям.

Итак, если еретик не отрекался от своих «ложных и ошибочных» убеждений, то церковь отрекалась от него, отпускала его «на волю», передавая гражданским властям с предписанием наказать по заслугам (*debita animadversione puniendum*). В более поздние времена такого рода обращения сопровождалась просьбами проявить к осужденному милосердие. Оно проявлялось в том, что раскаявшегося смертника душили перед казнью или надевали на его шею «воротник», начиненный порохом, чтобы сократить мучения несчастного.

Нельзя сказать, чтобы светские власти в католических странах всегда охотно, беспрекословно и с усердием выполняли навязываемые им церковью карательные функции. Во многих местах, особенно в XIII и XIV вв., власти отказывались по различным причинам «поступать с еретиками, как принято с ними поступать», т. е. посылать их на костер. Главная причина этого заключалась в том, что слепое повиновение приказам инквизиции превращало светскую власть из ее союзника в ее вассала.

Там, где, как в Испании и Португалии, инквизиция была подчинена королевской власти, такого противоречия не возникало. Но во Франции, Германии, республиках и княжествах Италии, где церковь боролась за преобладание над светской властью, деятельность или, вернее, чрезмерное усиление влияния инквизиции постоянно вызывали сопротивление светских властей. В таких случаях папский престол реагировал решительно и без промедления. Виновные в невыполнении приказов инквизиции, в частности в отказе

посылать на костер еретиков, отлучались от церкви, на непослушные города накладывался интердикт, папский престол призывал верующих не платить налоги; не подчиняться таким властям.

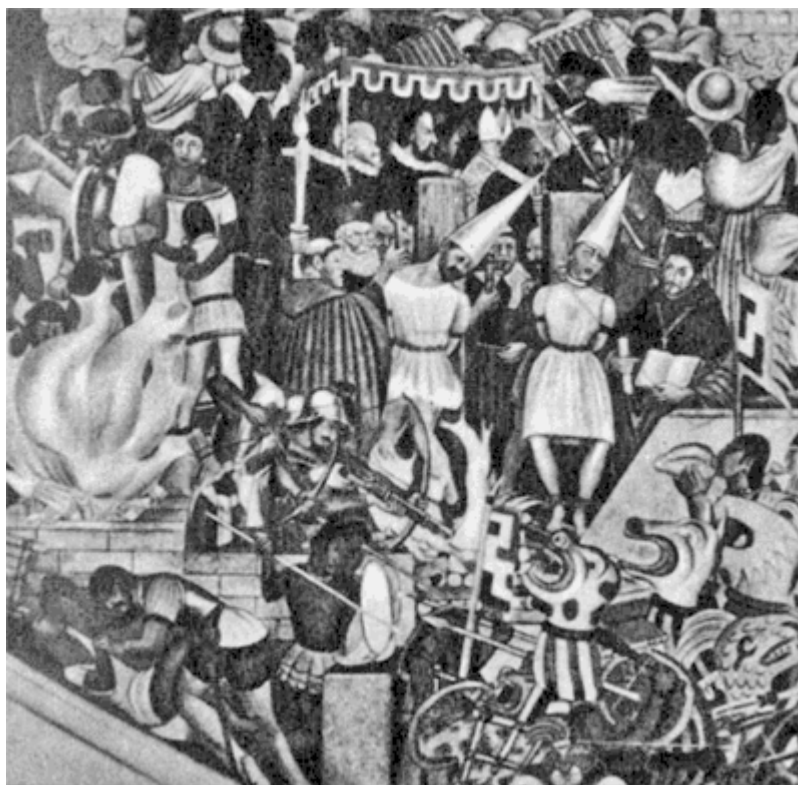
Утверждение, что церковь не полномочна выдавать еретиков светской власти и требовать от последней предания их смертной казни, было признано Констанцским собором еретическим и фигурировало в качестве 18-го пункта обвинения, выдвинутого против Яна Гуса.

Инквизиция, как уже мы отмечали, была более заинтересована в отречении еретика от своих воззрений, чем в его героической смерти на костре. «Оставим в стороне заботу о возможности спасения души, — пишет Г. Ч. Ли. — Обращенный, выдающий своих соумышленников, был более полезен для церкви, чем обугленный труп; поэтому не жалели усилий, чтобы добиться отречения. Опыт показал, что фанатически настроенные люди часто жаждали мучений и желали скорой смерти на костре; но инквизитор не должен был являться исполнителем их желаний. Он знал, что первый пыл часто уступал действию времени и мучений, поэтому он предпочитал держать упорствующего еретика, одинокого и закованного, в тюрьме в течение шести месяцев или целого года; к нему допускались лишь богословы и законоведы, которые должны были действовать на его ум, или его жена и дети, которые могли склонить его сердце. И только тогда, когда все усилия не приводили ни к чему, его «выпускали на волю», но даже и после этого казнь откладывалась на день, чтобы он мог отречься, что, впрочем, случалось редко, так как не уступившие до этого времени обыкновенно не поддавались никаким убеждениям».¹⁷³

О том, как совершалась казнь еретика, сохранилось большое число описаний современников. Постепенно выработался своеобразный ритуал, которого инквизиция повсеместно придерживалась. Обычно казнь назначалась на праздничный день, население призывалось присутствовать на ней. Уклонение от такого приглашения, как и проявления симпатий или жалости к казнимому, могло навлечь подозрение в ереси. Костру предшествовало аутодафе, устраиваемое на празднично убранной центральной площади города, где в присутствии церковных и светских властей и народа совершалось торжественное богослужение, а затем оглашался приговор инквизиции осужденным вероотступникам.

Аутодафе устраивалось несколько раз в год, и на нем иногда подвергались экзекуции десятки жертв инквизиции. За месяц до его проведения приходские священники оповещали верующих о предстоящем аутодафе, приглашая участвовать в нем и обещая за это индульгенцию на 40 дней.

¹⁷³ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 1, с. 341

Аутодафе в Мехико. Художник Д. Ривера (1886–1957)

Накануне аутодафе город украшали флагами, гирляндами цветов, балконы украшали коврами. На центральной площади воздвигался помост, на котором возводили алтарь под красным балдахином и ложи для короля или местного правителя и других светских, в том числе военных и церковных, нотаблей. Присутствие женщин и детей приветствовалось. Так как аутодафе длилось иногда весь день, то у помоста строились общественные уборные, которыми могли воспользоваться в случае нужды почетные гости.

Накануне устраивалась как бы генеральная репетиция аутодафе. По главным улицам города проходила процессия прихожан, возглавляемая членами конгрегации св. Петра Мученика (итальянского инквизитора-доминиканца из Вероны, убитого в 1252 г. за его злодеяния противниками инквизиции; был провозглашен патроном инквизиции). Члены этой конгрегации занимались подготовкой аутодафе — строили помост, подготавливали «рабочее место» — «жаровню», где предавали огню нераскаявшихся еретиков, и т. п. Вслед за ними шла «милиция Христа», т. е. весь персонал местной инквизиции с ее осведомителями-фискалами в белых капюшонах и длинных балахонах, скрывавших от людских глаз их физиономии. Два участника процессии несли зеленые¹⁷⁴ штандарты инквизиции, один из которых водружался на помосте аутодафе, другой — около «жаровни».

С зарей тюрьма инквизиции уже гудела точно улей. заключенных, понятия не имевших об уготовленной им участи, о степени наказания, к которому они присуждены, ибо только на аутодафе они узнавали об этом, стража готовила к предстоящему торжеству, а вернее, экзекуции. Их стригли, брили, одевали в чистое белье, кормили обильным завтраком, иногда для храбрости давали стакан вина. Затем набрасывали им на шею петлю из веревки и в связанные руки вкладывали зеленую свечу. В таком виде осужденных выводили на улицу, где их ожидали стражники и «родственники» инквизиторов. Особо злостных еретиков сажали задом наперед на ослов, привязывая к животным. заключенных вели к кафедральному собору, где образовывалась процессия. В ней участвовали те же, что и накануне, теперь они несли штандарты приходов, затянутые в знак траура черной материей.

¹⁷⁴ Зеленый цвет символизировал инквизицию

Фискалы несли санбенито и куклы, вернее манекены, изображавшие умерших, сбежавших или непойманных еретиков, осужденных на костер.

Позорящее одеяние — санбенито

Процессия, участники которой пели траурные церковные гимны, медленно направлялась к площади, где должно было состояться аутодафе. Монахи и «родственники», сопровождавшие заключенных, громко призывали их покаяться и примириться с церковью. Горожане наблюдали за процессией из окон домов или с мостовой. Следуя указаниям церковников, многие из них осыпали заключенных бранью. Однако запрещалось бросать в еретиков какие-либо предметы, так как практика показывала, что от такого метания могли пострадать не только жертвы инквизиции, но и сопровождавшие их солдаты из «милиции Христа».

Тем временем на месте аутодафе собирались светские и духовные власти и гости, занимавшие места на отведенных им трибунах, а также горожане, заполнявшие площадь. Любителей поглазеть на аутодафе всегда оказывалось предостаточно.

С прибытием процессии заключенных усаживали на скамьях позора, установленных на помосте, несколько ниже почетных трибун. Вслед за тем начиналась траурная месса, за ней следовала грозная проповедь инквизитора, которая кончалась оглашением приговоров. Приговоры зачитывались по-латыни, заключенные с трудом улавливали их смысл, были они длинными, начинались цитатами из Библии и произведений отцов церкви, читались медленно. Если осужденных было много, то на оглашение приговоров иногда уходило несколько часов.

Аутодафе венчалось экзекуциями: одних осужденных облекали в санбенито и шутовские колпаки, других стегали плетью, третьих стражники и монахи волокли на «жаровню».

«Жаровня» располагалась на соседней площади, куда вслед за смертниками переходили церковные и светские нотабли и рядовые горожане. Здесь накануне сооружался эшафот со столбом в центре, к которому привязывали осужденного; завозились дрова и хворост, которыми обкладывался эшафот. Сопровождавшие смертников монахи и «родственники» пытались в эту последнюю минуту вырвать у своих жертв отречение. О желании раскаяться осужденный мог дать знать только знаком, так как, опасаясь, что он будет агитировать перед

народом в пользу ереси, его часто вели на казнь с кляпом во рту.

Когда зажигался костер, особо уважаемым прихожанам предоставлялось почетное право подбрасывать в огонь хворост, чем они приумножали перед церковью свои добродетели.

Хотя палачи пытались так устроить костер, чтобы он пожрал осужденного, не оставив и следа от него, эта цель не всегда достигалась. В таких случаях обуглившиеся останки рвались палачами на мелкие части, кости дробились, и это ужасное месиво повторно предавалось огню. Затем тщательно собирался пепел и выбрасывался в реку. Подобной процедурой инквизиторы пытались лишить еретиков возможности заручиться останками своих мучеников и поклоняться им.

Если осужденный на костер умирал до казни, то сжигали его труп. Сожжению подвергались и останки тех, кто был посмертно осужден. В испанской и португальской инквизиции было принято сжигать на костре куклы, изображавшие осужденных (казнь *in effigie*). Такой символической казни подвергались осужденные на пожизненное заключение, а также бежавшие из тюрем или от преследований инквизиции ее жертвы.

Костер использовался инквизицией и для другой цели — уничтожения сочинений вероотступников, иноверцев и неугодных церкви писателей.

Считала ли инквизиция себя безгрешной, не способной осудить невиновного, бросить в костер ни в чем не повинного человека? Во все нет. Но «если невиновный несправедливо осужден, он не должен жаловаться на решение церкви, которая выносила свой приговор, опираясь на достаточные доказательства, и которая не может заглядывать в сердца, и если лжесвидетели способствовали его осуждению, то он обязан принять приговор со смирением и возрадоваться тому, что ему выпала возможность умереть за правду».¹⁷⁵

Возникает вопрос, продолжает рассуждать на ту же тему Николас Эймерик, вправе ли оговоренный лжесвидетелем верующий, пытаясь спастись от смертного приговора, признаться в несовершенном преступлении, т. е. в ереси, и покрыть себя в результате такого признания позором. Во-первых, объясняет инквизитор, репутация человека — внешнее благо, и каждый свободен пожертвовать ею с тем, чтобы избежать пыток, приносящих страдания, или спасти свою жизнь, являющуюся самым драгоценным из всех благ; во-вторых, потерей репутации не наносится никому вреда. Если же, заключает Эймерик, такой осужденный откажется «пожертвовать своей репутацией» и признать себя виновным, то исповедник обязан его призвать встретить пытки и смерть со смирением, за что ему будет уготовлена на том свете «бессмертная корона мученика».

Эти рассуждения Эймерика наглядно свидетельствуют о преступной морали инквизиторов и их покровителей. В конце концов, рассуждали адвокаты инквизиции, «священный» трибунал действовал с поущения божьего и за его поступки конечную ответственность нес сам бог.

Деятельность инквизиционного трибунала наложила зловещий отпечаток на теорию и практику гражданского судопроизводства, из которого исчезли под ее влиянием зачатки объективности и беспристрастности, свойственные еще римскому праву. Как справедливо отмечает Г. Ч. Ли, до конца XVIII в. в большей части Европы инквизиционное судопроизводство, развивавшееся в целях уничтожения ереси, сделалось обычным методом, применявшимся в отношении всех обвиняемых. В глазах светского судьи обвиняемый был человеком, стоящим вне закона, виновность его всегда предполагалась, и из него надо было во что бы то ни стало, хитростью или силой, вырвать признание.

Такова была порожденная церковью машина инквизиции, о «благодетельном» влиянии которой на судьбы общества все еще пишут некоторые церковные авторы.

¹⁷⁵ Le Manuel des Inquisiteurs... p. 151

Особая «м и л о с т ь»: удушение перед сожжением

ЕРЕТИКИ ПОДЛИННЫЕ, ЕРЕТИКИ МНИМЫЕ

РАСПРАВА НАД НИЩЕНСТВУЮЩИМИ ПРАВЕДНИКАМИ

Создав инквизицию, церковь и ее светские союзники — короли — получили мощное и грозное оружие для быстрой и решительной расправы со своими идейными противниками, политическими врагами и любыми другими негодными им лицами. Используя инквизицию, церковь и королевская власть подавляли не только различные оппозиционные народные движения, но одновременно успешно пополняли свою вечно пустующую казну, грабя под «благородным» предлогом преследования ереси свои жертвы и деля между собой награбленное.

Правда, в этом богоугодном и прибыльном деле, коим являлась деятельность инквизиции, церковь и королевская власть выступали не только союзниками, но и соперниками: Церковь стремилась использовать инквизицию для укрепления своих позиций, часто в ущерб королевской власти, последняя же не менее упорно добивалась превратить эту полицейскую машину, освященную церковным авторитетом, в инструмент своей абсолютистской политики.

В любом случае, однако, деятельность инквизиции была направлена против народных низов и народных движений, против всех тех, кто оспаривал сперва феодальный, а потом абсолютистский порядок, выступал против безграничного господства церкви.

В XIII — начале XIV в. во многих местностях Центральной Европы получило широкое распространение движение против феодального гнета, проходившее под знаком идеалов первоначального христианства. Участников этого движения называли по-разному — бегинами, бегардами, лоллардами. Их основную массу составляли крестьянско-плебейские элементы.

Это и подобные ему движения являлись революционной оппозицией феодализму и его институтам, церковь активно боролась против них и против них раньше всего пустила в ход инквизицию. Одной из таких ересей, на которую обрушились гонения инквизиции в XIII в., было амальриканство. Его придерживалась радикальная секта Братьев и сестер святого духа. Это движение возникло под влиянием осужденного церковью учения французского богослова Амальрика (Амари) Венского. Вероучение секты носило пантеистический характер. Бог — во всем сущем и живущем, проповедовали Братья и сестры святого духа.

Они отрицали церковную обрядность, осуждали церковные таинства, почитание святых и реликвий. Они отрицали частную собственность, утверждая, что все принадлежит всем, и требовали, чтобы церковная иерархия, подобно евангельским апостолам, отказалась от мирских благ.

Последнее требование больше всего раздражало римских пап и церковную верхушку. «Множество монахов и анахоретов были свободны истязать и морить себя голодом и дурачиться, как им вздумается, — писал итальянский историк прошлого столетия Мариотти. — Считалось, что они своими страданиями славили бога и церковь, которая наживалась на их скромности. Исходивший от них свет отражался на церкви лучезарным сиянием. Эти аскеты выполняли в интересах церкви «грязную работу»». ¹⁷⁶ Пока эти люди истязали себя, церковь не только не преследовала их, но всячески восхваляла и прославляла. Но как только они предлагали превратить свой образ жизни в общую норму поведения, обязательную если не для всех верующих, то по крайней мере для тех, кто провозгласил себя «солью земли», т. е. священников, церковная иерархия объявляла их еретиками. Учение амальрийкиан было осуждено при папе Иннокентии III на соборах в Париже в 1210 г. и Латеранском (вселенском) в 1215 г. Папство дало задание инквизиции стереть их с лица земли.

Учение амальрийкиан, покушавшееся на святую святых церковной веры — частную собственность и тем самым отрицавшее божественность феодального порядка, не могло не всполошить и не обеспокоить и светские власти, тем более что оно быстро привлекало на свою сторону массы обезделенных в городах и сельских местностях Франции. Машина инквизиции при поддержке светских властей обрушилась на Братьев и сестер святого духа своей тяжестью. Их ловили, пытали, сжигали.

Особенно зверствовал, преследуя еретиков, инквизитор Конрад Марбургский. Подвергая свои жертвы изощренным пыткам (за что он и был убит в 1233 г. несколькими рыцарями), этот палач в сутане добивался от них фантастических признаний в поклонении Люциферу. На этом основании церковники стали именовать сторонников многих сект «люциферианами», особенно в Германии.

Вот как изображался культ люцифериан инквизиторами. Посвящение в секту якобы начиналось с того, что неофит целовал жабу в зад. Таким же непристойным поцелуем наделял неофит человека-призрака с черными глазами, холодной кожей. Это был не то сам Люцифер, не то его полномочный представитель, перед ним неофит отрекался от католической веры. Следовала сатанинская трапеза с участием членов секты вместе с неофитом. Невесть откуда появлялась огромная кошка, величиной с собаку, и ее награждали присутствующие отвратительными поцелуями. Затем тушили свет и начиналась оргия.

Инквизиция обвиняла люцифериан и в том, что они пасхальное причастие уносили из церкви во рту, чтобы выплюнуть его в отхожее место, и в других не менее кощунственных профанациях церковных таинств. Собственно говоря, эти фантастические измышления ничего оригинального и нового в себе не заключали. Это было повторением уже ставших «классическими» обвинений, которые на протяжении столетий выдвигались церковью против еретиков всех школ и направлений.

С незапамятных времен церковная верхушка шельмовала своих противников, обвиняя их в половой распущенности, кровосмешении, убиении младенцев в ритуальных целях, профанации таинств, как бы говоря верующим: «Смотрите: эти праведники, обвиняющие нас в беспутстве и прочих смертных грехах, суть лицемеры, обманщики и лритворщики, они сами повинны в чудовищных извращениях!» Этот «метод» клеветы и шельмования своих противников был заимствован церковниками у римских язычников и римских властей, обвинявших первоначальных христиан в подобного же рода злодеяниях. Эта клевета, приукрашенная и пополненная необычайными подробностями и гнусными сценами, с

¹⁷⁶ Mariotti L. Historical Memoir of Fra'Dolcino and his times. London, 1853, p. 133–134

успехом применялась церковной верхушкой ко всем еретикам, а также к евреям и другим иноверцам на протяжении всей многовековой истории церкви.

В начале XI в. орлеанские еретики были обвинены, согласно свидетельству современника, в том, что они «собирались ночью с зажженными факелами, вызывали дьявола. Затем гасили свет и, отбросив всякий стыд и самые святые законы самой природы, предавались разнузданному разврату. Плоды этих ужасных сцен в восьмидневном возрасте убивались и сжигались, а пепел, добытый таким образом, составлял их чудодейственную пищу, которая была столь действенной, что любой, вкусивший ее, превращался в ревностного члена их секты, и только в редких случаях потом он обретал здравый рассудок».¹⁷⁷

Такого рода «разоблачения» пускались в ход против катаров, против различных течений спиритуалов, затем против тамплиеров, «ведьм», масонов, деятелей просвещения. Позже это испытанное оружие лжи мировая реакция использовала против большевиков в первые годы после победы Октября, когда их обвиняли в «общности жен», «отмене» стыда и прочих аморальных действиях.

Но вернемся к Братям и Сестрам святого духа. Упомянутые выше клеветнические подробности поведения, вызывающие отвращение и осуждение, должны были дискредитировать перед верующими участников этого движения и дать «законные» основания «священному» трибуналу для расправы с ними. И все же инквизиция оказалась не в состоянии покончить с народным брожением. Правда, Братья и сестры святого духа были истреблены, но вместо них возникли другие крамольные движения — Люди божьи, Друзья бога, Люди ума, тоже черпавшие свое вдохновение в легендарных эгалитарных традициях первоначального христианства. В народных низах, несмотря на террор инквизиции, ширилось недовольство погрязшей в мирской скверне церковной верхушкой, которым в период реформации воспользовались немецкие князья и богатые бюргеры...

Немало усилий тратила инквизиция и на подавление крамольных элементов в самой церковной организации, число которых росло по мере углубления кризиса феодального общества: Неблагоденственным оказался францисканский орден, влияние которого в конце XIII в. особенно сказывалось в Италии, Франции и Испании. К францисканцам сначала тянулись все те верующие, которые надеялись изнутри реформировать, оздоровить церковь. Францисканцы обязывались соблюдать обеты нищеты, повиновения и целомудрия, и это привлекало народные низы.

Однако францисканский орден не избежал судьбы своих предшественников. Он, как и они, быстро превратился, благодаря мирским дарениям и покровительству папского престола, в обладателя огромных богатств, а его руководители, извлекавшие немалую личную выгоду из этого обстоятельства, стали послушными и верными слугами церковных и светских князей. Естественно, что такое быстрое перерождение или вырождение ордена не могло не вызвать в нем глубоких трещин, не могло не встретить решительного сопротивления со стороны тех его членов, которые продолжали отстаивать необходимость строгого соблюдения обета нищеты.

Орден францисканцев не замедлил расколоться на два течения — конвентуалов и спиритуалов. Первые — сторонники монастырской жизни — представляли верхушку ордена, выступавшую за отмену строгого орденского устава. Это были политиканы, тесно связанные с церковной иерархией, жаждавшие власти, мирских почестей, богатств и наслаждений. Спиритуалы же продолжали желать неосуществимого — возврата к первоначальному порядку в ордене, выступали против богатств церкви и требовали превращения ордена и всей церкви в сообщество праведников. Особенно решительно за это боролось радикальное крыло спиритуалов — так называемые фратичелли (братцы), создавшие свою полутайную организацию Братьев бедной жизни (*Fratres de paupera vita*), и флагелланты (бичующиеся),

¹⁷⁷ Mariotti L. Historical Memoir of Fra'Dolcino... p. 191

которые, как отмечал Энгельс, продолжали революционную традицию в периоды, когда оппозиционное антипапское движение было подавлено.¹⁷⁸

Борьба между этими течениями длилась десятилетия, принимая временами весьма острые формы. Папский престол лавировал, хитрил, пытаясь приручить спиритуалов, а вместе с ними и их многочисленных последователей из мирян. Спиритуалы то подвергались строгим внушениям и цензурам, то на них сыпались различного рода поощрения и милости. В тех случаях, когда папству удавалось перетянуть на свою сторону влиятельных спиритуалов, это еще более ожесточало против церкви тех, кто продолжал отстаивать необходимость для членов ордена вести аскетический образ жизни и полного отказа от мирских благ. Бессилие спиритуалов добиться претворения в жизнь своей программы традиционными для церкви средствами в конечном счете привело их в стан еретиков.

В 1254 г. в Париже появилась книга «Вечное Евангелие», состоявшая из крамольных сочинений богослова (около 1135–1202) Иоахима Калабрийского (или Флорского), быстро взятая на вооружение спиритуалами. Иоахим предсказывал наступление тысячелетнего царства справедливости, которому должен был предшествовать «страшный суд над выродившейся церковью и развращенным миром». Учение Иоахима призывало к открытой борьбе со злом мира. Иоахим отрицал необходимость церковной обрядности, в том числе таинств, и проповедовал в качестве высшего идеала христианства — бедность. «Вечное Евангелие» стало библией спиритуалов. Хотя папство официально и не объявило эту книгу еретической, инквизиция преследовала верующих, уличенных в симпатиях к учению Иоахима Калабрийского.

Особенно жестоким преследованиям подверглись спиритуалы при папе Иоанне XXII (1316–1334), издавшем против них буллу «*Quoramdam*», которая кончалась следующими словами: «Бедность — вещь великая, но выше ее невинность, а выше всего — полное послушание». Эта булла предавала отлучению спиритуалов и грозила им казнь на костре, в частности, за то, что они осуждали ношение широкой одежды (тогда признак богатства) и накопление продуктов в житницах и погребах. Комментируя содержание буллы, Г. Ч. Ли писал: «Человеческая извращенность проявлялась в тысяче различных форм, но никогда, быть может, не принимала она более отвратительного и в то же время более смешного проявления, как в ту эпоху, которую мы рассматриваем. С трудом можно поверить, чтобы люди могли сжигать себе подобных на основании таких мотивов и чтобы находились непреклонные люди, готовые пренебречь пламенем костра, защищая подобные принципы».¹⁷⁹

И тем не менее факт остается фактом — именно за это сотни спиритуалов, отказавшихся, несмотря на пытки инквизиции, признать подобные убеждения еретическими, встретили смерть на костре. «Священному» трибуналу не представляло особого труда расправиться с ними. Достаточно было инквизитору спросить спиритуала, согласится ли он нарушить обет нищеты и целомудрия, если папа прикажет ему жениться или принять доходную должность. Отрицательный ответ влек за собой отлучение от церкви и передачу осужденного светским властям, которые его незамедлительно сжигали на костре.

О преследовании спиритуалов и других ересей сохранились далеко не все данные. Но и те, что имеются в распоряжении историков, свидетельствуют о том, что папство и инквизиция преследовали их с не меньшим рвением, чем катаров.

В 1318 г. папа Иоанн XXII вызвал в Авиньон 65 видных спиритуалов во главе с францисканцем Бернардом Делисье, открыто требовавшим отмены инквизиции. Папе удалось угрозами заставить 40 из них отказаться от своих взглядов и подчиниться церковной дисциплине. 25 во главе с Делисье остались на прежних позициях. Они были переданы на

¹⁷⁸ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 363

¹⁷⁹ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 213

расправу инквизиции, которая четырех сожгла в Марселе, а остальных, в том числе Бернара Делисье, осудила на пожизненное заключение.¹⁸⁰ Известно, что в Нарбоне были сожжены в 1319 г. три нераскаявшихся спиритуала, в 1321 г. — 17; в Каркассоне с 1318 по 1350 г. — 113.

Костры пылали в Тулузе и других городах Франции и Испании, причем с особой жестокостью инквизиторы преследовали спиритуалов, принадлежавших к течению фратичелли.

Еще больше кровавой работы прибавилось у инквизиции в XIII–XIV вв. в Италии, где оппозиционные движения народных низов, направленные против церковной иерархии и феодальной эксплуатации, принимали форму различных ересей. Среди них особую опасность представляли для церкви движения гиллельмитов и дольчинистов, или апостольских братьев.

Гиллельмитами называли последователей Гиллельмины, о которой нам известно лишь то, что она жила в 1260–1281 гг. в Милане, отличалась большой набожностью, помогала бедным и страждущим. Ее считали чудотворицей, женским воплощением св. духа, одновременно и богом и человеком. Среди приверженцев гиллельмитов инквизиция обнаружила спиритуалов. В конце XIII в. руководители гиллельмитов, отказавшиеся раскаяться, были брошены в костер, другие подверглись различного рода наказаниям, после чего секта прекратила свое существование.

Приблизительно в то же самое время, что и гиллельмитская секта, на севере Италии возникло, не без влияния иоакимизма и спиритуалов, другое еретическое движение — апостольских братьев. Апостольские братья проповедовали общность имущества и всеобщее равенство. Основателем движения считается проповедник Герардо Сегарелли из Пармы. Он призывал население жить в нищете, соблюдать целомудрие. Вначале церковные власти не обращали особого внимания на Сегарелли, но когда у него появились многочисленные последователи, называвшие себя апостольскими братьями, их стали преследовать. В 1294 г. четырех сторонников Сегарелли по приказу инквизиции сожгли в Парме. Сам Сегарелли, которого тоже схватила инквизиция, отделался на первых порах тюремным заключением. Преследования секты, по-видимому, не дали ощутимых результатов. Во многих городах Северной Италии ее сторонники продолжали пропаганду своих взглядов. В 1300 г. инквизиция возобновила процесс против Сегарелли. Он был обвинен в повторном впадении в ересь и брошен в костер.

Казнь Сегарелли, как обычно в таких случаях, сопровождалась шельмованием церковниками его памяти. Вот, например, что повествовал о его поведении в смертный час один церковный хронист-«ортодокс»: «Будучи на костре, Сегарелли громко воззвал: «Помоги, Асмодей!» — и тотчас пламя погасло. Это случилось трижды. Наконец, инквизитор догадался на место казни принести под туникой «тело Иисуса Христа» (гостию). Еретика вновь водрузили на костер и зажгли его. Еретик вновь призвал: «Асмодей! На помощь!» И было слышно, как носившиеся в воздухе демоны отвечали ему: «К сожалению, мы бессильны помочь тебе, ибо тот, кто теперь явился, сильнее нас!» Только так удалось еретика сжечь».¹⁸¹

В действительности же жители Пармы были так возмущены казнью Сегарелли, что разгромили дворец инквизитора. Движение апостольских братьев продолжало развиваться. Теперь его возглавил один из учеников Сегарелли — Дольчино, который «проповедовал простоту первоначального христианства, общность имущества, учреждение христианской республики, свержение светских насильников и богачей во имя бедных и угнетенных».¹⁸²

¹⁸⁰ См.: Hayward F. The Inquisition. New York, 1966, p. 89

¹⁸¹ Цит. по: Mariotti L. Historical Memoir of Fra'Dolcino... p. 103

¹⁸² Архив Маркса и Энгельса, т. VI. М., 1939, с. 5

Дольчино возглавил большое крестьянское восстание на севере Италии. По приказу папы Климента V против Дольчино было организовано три крестовых похода.

Кровопролитная борьба против дольчинистов продолжалась около 7 лет. Осажденным в горах «братьям» пришлось испытать огромные трудности. Безоружные, голодные, лишенные поддержки извне, косимые болезнями, они держались только фанатичной верой в свою правоту. «Если они, — замечает Мариотти, — были людьми дьявола, как утверждают их враги, то безусловно никогда и нигде сатана не сделал столь ничтожно мало в защиту своих слуг, как это он сделал в отношении последователей Дольчино». ¹⁸³

23 марта 1307 г. у реки Карнаскио крестоносцам удалось разгромить дольчинистов. «В этот день, — пишет современник, — более тысячи еретиков погибло в пламени, в реке или от меча самую ужасную смертью». ¹⁸⁴

Дольчино и два его ближайших сторонника, Маргарита и Лонджино Каттанео, были взяты в плен крестоносцами и переданы инквизиции, которая заточила их в темницу в г. Верчелли. Несколько месяцев их держали в каземате прикованными за руки, за ноги и за шею к стене. Несмотря на изощренные пытки, все трое предпочли костер отречению. Смертный приговор был вынесен инквизицией по личному указанию папы Климента V. Казнь произошла 1 июня 1307 г. Маргариту сожгли на медленном огне на глазах Дольчино. Затем его самого подняли на колесницу и весь день возили по улицам, вырывая раскаленными клещами мясо, кусок за куском. Дольчино вел себя геройски. Палачи не смогли исторгнуть из него ни одной жалобы. Он не молил их о пощаде. «Только когда они, — свидетельствует современник, — вырывали нос, заметили, что плечи его слегка вздрогнули, и во второй раз, когда перед воротами Верчелли, которые называют «Порта Пикта», другая, еще более существенная часть его тела была отсечена, то слабый вздох вырвался из его груди и слегка вздрогнули мускулы ноздрей». ¹⁸⁵ Подобной же жуткой казни подвергся Лонджино Каттанео в г. Бьелле.

Хотя инквизиции удалось жесточайшим террором искоренить апостольских братьев, несколько десятилетий спустя секта возродилась в среде францисканцев в Ассизе под новым названием — последователей Духа свободы. Ее наиболее видный представитель Доменико Сава из г. Асколи, автор многочисленных трактатов, был заточен инквизицией в тюрьму, под пытками отрекся от своих взглядов и таким образом временно сохранил свою жизнь. И все же секта, несмотря на преследования, продолжала набирать силу. Тогда инквизиция повторно обвинила Саву в ереси и, несмотря на его апелляцию, с согласия папы отлучила его от церкви. Доменико Сава был сожжен в Асколи в 1344 г., а его трактаты уничтожены.

В годы «авиньонского пленения пап» (1309–1377), когда резиденция папского престола была по требованию французского короля Филиппа IV перенесена в Авиньон (на юге Франции), папству и церкви пришлось вновь столкнуться с мощной внутренней оппозицией. Большую активность проявляли фратичелли, пользовавшиеся большим авторитетом среди францисканцев.

Инквизиция с трудом смогла расправиться с фратичелли. Причины тому были разные. С одной стороны, власть авиньонских пап распространялась в основном на Францию, с другой — в самой церковной иерархии, в особенности за пределами Франции, было не мало сторонников фратичелли или, во всяком случае, таких прелатов, которые считали применение террористических мер против фратичелли, пользовавшихся большими симпатиями в народных низах, неэффективным способом борьбы с ними. К этому следует

¹⁸³ Mariotti L. Historical Memoir of Fra'Dolcino... p. 208

¹⁸⁴ Цит. по: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 241

¹⁸⁵ Цит. по: Mariotti L. Historical Memoir of Fra'Dolcino... p. 296

добавить, что светские власти в Германии и Италии, стремившиеся высвободиться из-под опеки авиньонских пап — креатур французской короны, в пику им оказывали покровительство фратичелли.

Фратичелли покровительствовал император Германии Людовик Баварский, присвоивший себе этот титул силою оружия и вопреки воле папы Иоанна XXII, пытавшегося проташить на германский престол своего ставленника Фридриха Австрийского. Людовик использовал критику еретиками папского престола в своих интересах. Он обвинял авиньонских пап в том, что они погрязли в мирской скверне, предали апостольские традиции благочестия и бедности, ведут разнузданный образ жизни и т. п.

12 ноября 1323 г. Иоанн XXII издал буллу «Cum inter nonnullis», в которой объявлялось ложным и еретическим утверждение фратичелли, что Христос и апостолы не владели никаким имуществом. Вскоре после этого папа отлучил Людовика от церкви за неповиновение. В ответ на это последний обнародовал так называемый Саксенгаузенский протест, в котором опровергал положения вышеупомянутой буллы Иоанна XXII и, ссылаясь на мнение его предшественников, признававших нищету Христа, в свою очередь обвинил папу римского в ереси.

Людовик без особого труда нашел опытных теологов, которые со ссылками на церковные авторитеты доказывали его правоту. Один из них, Марсилио Падуанский, отрицал за папой право судить, прощать и осуждать, утверждая, что таким правом пользуется только бог. Другой богослов, Уильям Оккам, поддержал Людовика в его борьбе с папой. Он отрицал непогрешимость пап и соборов, а в одном из своих сочинений обвинил Иоанна XXII в 70 еретических ошибках.

Между тем Людовик короновался в Милане в 1326 г. и оттуда во главе своих войск направился в Рим, взял город и объявил о низложении Иоанна XXII, находившегося в Авиньоне. По его приказу римское духовенство избрало спиритуала Петра ди Корбаро новым папой, принявшим имя Николая V.

Фратичелли и их сторонники поддержали Людовика, оказывавшего им покровительство. Иоанн же XXII, там, где простиралась его власть, подвергал их жесточайшим преследованиям. Инквизиция во Франции и Испании бросала их в костер, если они отказывались произнести отречение, сформулированное инквизитором Эймериком: «Клянусь, что я верую в своей душе и совести и исповедую, что Иисус Христос и апостолы во время их земной жизни владели имуществом, которое приписывает им священное писание, и что они имели право это имущество отдавать, продавать и отчуждать».¹⁸⁶

Иоанн XXII не замедлил получить возможность обрушить свой гнев на фратичелли и в Италии, где население, возмущенное притеснениями и грабежами наемников Людовика, восстало и принудило его убраться восвояси. Вскоре смерть лишила фратичелли их могучего покровителя. Иоанну XXII удалось пленить своего соперника Николая V, который, спасая жизнь, публично покаялся и отрекся от своих «заблуждений». После всяческих унижений его заточили в одном из покоев папского дворца в Авиньоне, где он не замедлил отдать богу душу.

Теперь церковь могла беспрепятственно расправиться с неугодными ей проповедниками апостольских добродетелей. Преследования инквизицией фратичелли продолжались до конца XV в. Остатки этого движения были ассимилированы церковью при помощи новых монашеских Орденов, членам которых разрешалось жить в условиях строгого аскетизма и отшельничества, при условии полного и беспрекословного повиновения папскому престолу...

ДОЛГАЯ ОХОТА ЗА «ВЕДЬМАМИ»

¹⁸⁶ Цит. по: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 268–269

Откуда взялся и что из себя представляет дьявол? Библия не дает вразумительного ответа на эти вопросы.

Все знаменитые богословы, начиная с Иринея, занимались проблемой дьявола. Созданный ими образ великого искусителя олицетворяет Зло. Дьявол, как его рисуют идеологи церкви, он же сатана, он же царь тьмы, князь ада и великий искуситель — главный враг бога, его соперник и хулител. Дьявол — падший ангел, низвергнутый с небес богом за свои низменные пороки — зависть и гордыню, и с тех пор, вместе с ему подобными ангелами-изгоями, составляющими его многочисленное сатанинское воинство, неустанно и повсеместно стремится переманить на свою сторону верующих, завладеть их душами. Дьявол коварен, жесток, беспощаден, похотлив, безобразен, он, по словам св. Августина, «божья обезьяна». Одновременно он и соперник бога — величайший маг, волшебник и чародей, может перевоплощаться, принимать человеческое обличье, испаряться, преодолевать мгновенно огромные пространства, предоставлять «запродавшим ему душу» грешникам всевозможные земные блага и наделять их «вредительными» способностями. Он читает мысли людей, перемещает их тела с места на место, производит на свет монстров и занимается многими другими преступными и отвратительными делами.

Если бог, по учению церкви, трехлик, то дьявол многолик, его преступным ипостасям несть числа. Авторитетнейшие церковные специалисты по демонологии инквизиторы Шпренгер и Инститорис, авторы «Молота ведьм»¹⁸⁷ (1487) — печально известного руководства по истреблению ведьм, — утверждают, что человек, заключивший «пакт» (он может быть ясно сформулирован или подразумеваться — *pactum expressum, pactum implicitum*) с дьяволом, запродавший ему душу, становится дьявольским отродьем — колдуном или ведьмой, способным причинять вред окружающим, посылать на них всевозможную порчу.

Но это же «дьявольское отродье» способно не только на вредительские, но и на весьма приятные действия. Оно может обеспечить любовь, дать красоту, исцелить от бесплодия, обогатить чудодейственным способом тех, кто готов служить ему верой и правдой. Сатана строго соблюдает условия пакта не из благородства, а из расчета, иначе кто бы согласился вступать с ним в соглашение.

Дьявол, «доказывают» в «Молоте ведьм» Шпренгер и Инститорис, способен принимать вид мужчины (инкубус — сверху лежащий) и вступать в половую связь с женщиной или вид женщины (суккубус — лежащий снизу) и отдаваться мужчине. Как поясняет авторитетнейший католический богослов Фома Аквинский в «*Summa Theologica*», когда от совокупления дьявола с женщиной рождаются дети, то они произошли от семени, которое приобрел дьявол от другого мужчины. Хотя дьявол толкает верующих к блуду, одна из его специальностей — вызывать импотенцию мужчины.

Сексуальные козни дьявола — излюбленный сюжет средневековых богословов и инквизиторов. Всевозможными мерзостями на эту тему заполнена и книга «Молот ведьм», творчество двух папских инквизиторов, одобренная папской властью и рекомендованная как руководство в борьбе с колдунами и ведьмами. Только развращенный ум и садизм авторов мог породить это позорное сочинение. Некоторые из богословов утверждали, что бог разрешает дьяволу искушать человека и предоставляет последнему свободу выбора. Человек властен принять или отвергнуть посулы искусителя. Отсюда следовал важный

¹⁸⁷ («Молот ведьм» Шпренгера и Инститориса, опубликованный в конце XV в., это — по меткому выражению С. Г. Лозинского — «роковая книга средневековья», в которой даются подробные инструкции по истреблению ведьм и детальные описания их отвратительных «преступлений»). По сей день эта книга — памятник религиозного изуверства и мракобесия — считается некоторыми богословами кладезем знаний по колдовству и ведовству. Священник Монтэгю Соммерс пишет об этом «труде»: «Даже те, кому в настоящее время страницы этого энциклопедического учебника могут показаться фантастическими и крайне нереальными, должны признать глубину изложения, неустанную заботу и скрупулезность, с которыми этот необъятный сюжет трактуется и ясно прослеживается указанными авторами во всех ответвлениях и тончайших сложностях» (Summers M. *The Geography of Witchcraft*. Evanston and New York, 1958, p. 479)

«теоретический» вывод: дьявол не способен принуждать, а может лишь побуждать к греху.

Правда, во всей церковной истории о сатане и его могуществе, как, впрочем, и в других библейских сказаниях, критически настроенный ум мог найти немало уязвимых мест. Представлялось непонятным, как это всемогущий, вездесущий, всеведущий и мудрейший бог вообще мог допустить существование сатаны, как и почему бог не в состоянии совладать с ним, почему допускает существование ведьм и разрешает совершать им различные преступления и мерзости, почему ведьмы не используют связи с дьяволом в личных интересах, не богатеют. Эти и многие им подобные вопросы немало смущали самих церковников.

Шпренгер и Инститорис утверждали, что бог допускает околдовывание невинных для того, чтобы возбуждалась этим взаимопомощь в человеческом обществе и чтобы его члены больше заботились об уменьшении греха в своей среде.

На вопрос, почему ведьмы не богатеют, те же инквизиторы отвечали: потому что они, по воле демона, готовы за самую незначительную мзду осрамить и опозорить творца; а также чтобы своим богатством не обращать на себя внимания.

Колдуньи, поясняли авторы «Молота ведьм», лишены возможности уничтожить всех своих врагов потому, что добрый ангел препятствует им в этом; они не могут вредить инквизиторам и другим должностным лицам потому, что последние отправляют обязанности по общественному правосудию.¹⁸⁸

В целом же церковь не поощряла сомнений. Она предупреждала верующих, что «чрезмерная пытливость» не угодна богу, и требовала слепо верить в мудрость божественного провидения, пути которого неисповедимы...

Авторитет сатаны, благодаря его популяризации церковью, был особенно высок в средние века. Его укреплению всеместно способствовали церковники, без конца твердившие о его могуществе с амвона и в исповедальне. Само заклинание, произносившееся церковниками при «изгнании дьявола» из одержимого, не могло не вызвать суеверного ужаса перед отвратительной и порочной и тем не менее могущественной фигурой искусителя рода человеческого: «Изыди, злой дух, полный кривды и беззакония; изыди, исчадие лжи, изгнанник из среды ангелов; изыди, змея, супостат хитрости и бунта; изыди, изгнанник рая, недостойный милости божией; изыди, сын тьмы и вечного подземного огня; изыди, хищный волк, полный невежества; изыди, черный демон; изыди, дух ереси, исчадие ада, приговоренный к вечному огню; изыди, негодное животное, худшее из всех существующих; изыди, вор и хищник, полный сладострастия и стяжания; изыди, дикий кабан и злой дух, приговоренный к вечному мучению; изыди, грязный обольститель и пьяница; изыди, корень всех зол и преступлений; изыди, изверг рода человеческого...».¹⁸⁹

Слушая подобного рода заклинания, нуждающийся в помощи верующий мог подумать: «А не обратиться ли мне за поддержкой к этому могущественному персонажу, перед которым трепещет сама церковь?» Русский психиатр Н. Сперанский, автор интересного исследования о ведьмах и ведовстве, отмечал, что постоянное запугивание сатаной было чревато для церкви самыми бедственными последствиями. «Всякая сила, — писал Н. Сперанский, — вызывает перед собой преклонение, а средневековый католицизм сделал из образа сатаны такую силу, которой в конце концов стала страшиться даже сама создавшая его римская церковь».¹⁹⁰

Но без дьявола церковь не могла (и не может) обойтись, так же как и без бога. Наличие дьявола позволяло списать на его счет все человеческие слабости и мерзости, все недостатки

¹⁸⁸ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм. М., 1932, с. 162

¹⁸⁹ Цит. по: Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм, с. 44

¹⁹⁰ Сперанский Н. Ведьмы и ведовство. М., 1906, с. 71–72

и пороки церкви и самих церковников. Вот почему последние с пеной у рта всегда доказывали его существование.

Полемизируя со сторонниками здравого смысла, считавшими демонов и прочую чертовщину продуктом суеверия темных и невежественных людей (а таких здравомыслящих и во время оно было немало), Фома Аквинский упрекал их в безбожии, «доказывая», что демоны не только реально существуют, но и способны по «божьему попущению» вытворять с людьми самые невероятные и фантастические вещи, в том числе перемещать их в мгновение ока на огромные расстояния. «Некоторые утверждают, — писал этот «ангельский доктор» в одном из своих трактатов, — будто бы никакого волшебства в мире не существует, кроме как в представлениях людей, относящих на его счет естественные явления, причины коих непонятны. Это, однако, противоречит авторитету святых мужей, которые говорят, что демоны с божьего попущения имеют власть и над телом и над воображением людей, почему с их помощью волшебники и могут производить некоторые знамения.

Возникает же подобное мнение из корня неверия, ибо они не верят, чтобы демоны существовали где-нибудь, кроме народного воображения. Они толкуют, будто человек относит на счет демонов страхи, порождаемые собственной его головой, и так как при сильном возбуждении фантазии в чувствах являются те образы, о которых думает человек, то отсюда людям и кажется иногда, будто они видят демонов. Но истинная вера отвергнет это, и мы, следуя ей, веруем, что демоны — суть падшие с неба ангелы, что по тонкости своей природы они способны делать многое, чего мы не можем, и что есть люди, наводящие их на это, которые и называются вредителями». ¹⁹¹

Фома также утверждал, что «с божьего попущения демоны могут волновать воздух, поднимать ветры и вызывать падение небесного огня». ¹⁹²

Но что Фома Аквинский! Католическая церковь и во второй половине XX в. продолжает утверждать, что дьявол существует. «Дьявол-раскольник все еще продолжает сеять смуту среди христиан, — читаем мы в одном из номеров за 1966 г. журнала доминиканского ордена «Люмьер э ви». — Некоторые христиане считают, что дьявол смог убедить часть верующих в том, что он не существует, и это самый его хитрый обман». ¹⁹³

А в 1968 г. официальный орган Ватикана журнал «Чивильта каттолика» совершенно серьезно утверждал, что сомневаться в существовании ангелов и чертей — значит проявлять дерзость. «Разумеется, — писал журнал, — не все действия ангелов в священных книгах следует понимать текстуально... Но разве позволительно дойти до полного сомнения относительно существования ангелов и демонов? Большинство теологов ответило бы, что в таком случае подвергается сомнению одна из религиозных истин». ¹⁹⁴

Однако вернемся к средним векам. Ересь определялась церковниками как проповедь новых вероучений и настойчивое отстаивание ошибочных, ложных религиозных взглядов. Обвиненных в колдовстве никак нельзя было подвести под такое определение ереси. Ведь колдуны и ведьмы никаких еретических взглядов не отстаивали и не проповедовали, хотя и служили дьяволу.

С точки зрения церковной еретик тоже был «слугой дьявола» и действовал по его наущению. Как учил епископ св. Киприан еще в III в., дьявол является «созидателем» любого церковного раскола и любой ереси. Но в отличие от колдуна и ведьмы еретик, утверждали церковные идеологи, преследовал более грандиозные и опасные цели.

¹⁹¹ Цит. по: Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 105

¹⁹² Там же, с. 114

¹⁹³ *Lumiere et Vie.* 1966, N 78, p. 27

¹⁹⁴ *Civiltà Cattolica*, 7.XII 1968, p. 468

Он стремился ниспровергнуть господствующий порядок, господствующую церковь, заменить ее своей собственной — сатанинской — организацией, в то время как колдуны и ведьмы таких задач перед собой не ставили, они занимались, если можно так выразиться, мелким вредительством. Церковь их осуждала, наказывала, однако преследование колдовства вплоть до XIV в. никогда не носило массового характера. Дела о ведовстве подлежали как светским судам, так и церковным. Это были дела «смешанной юрисдикции» (*delictum mixti fori*). Более того, в первые два столетия существования инквизиции папы римские неоднократно пресекали ее попытки подчинить своей юрисдикции эти дела, подчеркивая их второстепенный характер и предупреждая, что такие дела только излишне загружат ее и воспрепятствуют выполнению непосредственных ее функций по преследованию ереси.

Так, в 1260 г. папа Александр IV предупреждал инквизиторов: «Порученное вам дело веры настолько важно, что вам не следует отвлекаться от него преследованием другого рода преступлений. Поэтому дела о гаданье и колдовстве надобно вести инквизиционным порядком только в тех случаях, когда они определенно отзываются ересью; во всех же прочих случаях их надо оставлять за учрежденными для того ранее судами». ¹⁹⁵

Чтобы колдовство и ведовство превратились в объект массового преследования и стали подсудными инквизиции, они должны были в свою очередь превратиться в ересь — «явно запахнуть ересью» (*haeresim manifeste sapis*). Наличие «пакта с дьяволом» еще не превращало колдуна или ведьму в еретиков, так как отсутствовал важнейший элемент, без которого церковь считала немыслимой ересь, — тайная, заговорщицкая организация. Ее не было, но ее создали, вернее, выдумали инквизиторы. Умудренные опытом, они знали, что еретиков без организации не бывает. Ведьмы и колдуны, утверждала церковь — воины сатаны, значит, принадлежат к «сатанинскому воинству», к «синагоге сатаны». Доказательством же существования «синагоги сатаны» для извращенного ума инквизиторов являлись мифические «шабашы ведьм». Раз была выработана эта «гениальная» схема, то подтвердить ее не представляло особого труда. Любой инквизитор с помощью палача мог заставить любую женщину признаться в принадлежности к «синагоге сатаны» и в участии в шабашах и на этом основании осудить ее за ересь и бросить в костер.

По мере укрепления инквизиции в различных странах христианского мира она все чаще начинает привлекать к суду «колдунов» и «колдуний», выколачивая из них угрозами и пытками все более чудовищные признания о сговоре с сатаной и в совершении кощунственных, еретических и позорнейших деяний и всякого рода гнуснейших преступлений. В 1324 г. в Ирландии францисканец Ричард Ледредом судил по обвинению в колдовстве 12 человек — семь женщин и пять мужчин. Они обвинялись в том, что отреклись от Христа, оскверняли таинства, приносили жертвы дьяволу, который являлся перед ними то в образе мавра, то черной собаки, то кота, распутничали с ним и его друзьями. Обвиняемые признались, что варили в черепе обезглавленного преступника из мозгов некрещеного младенца, особых трав и всякой неслыханной мерзости зелье, которым околдовывали правоверных христиан. Некоторые из обвиняемых бежали, остальных сожгли. В 1335 г. в Тулузе инквизитор Петр Ги судил несколько колдуний, которые «признались» ему под пыткой, что заключили пакт с сатаной, летали на шабаш, где поклонялись повелителю преисподней, принимавшему облик гигантского козла, предавались с ним блуду, ели мясо младенцев и пр. и пр. Хотя потом обвиняемые отказались от своих показаний, их предали сожжению.

Такого рода процессы вызывали всеобщий ужас и негодование, страх, недоверчивость и подозрительность среди верующих, чувство незащищенности и обреченности, убеждали их в том, что только церковь и инквизиция могут уберечь их от кошмарных козней сатаны и его гнусного воинства.

¹⁹⁵ Цит. по: Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 129

Не было таких мерзостей и преступлений, которые не приписывались бы инквизицией колдунам и ведьмам. Тут были и естественные бедствия — засуха, наводнения, град, падеж скота, бури и столь частые в средние века эпидемии чумы и других болезней, и несчастные случаи, пожары, нераскрытые кражи, «порча», бесплодие, преждевременные роды и пр. и пр. Инквизиция устраивала настоящую охоту за ведьмами. Любой недоброжелатель, маньяк, фанатик, злоумышленник мог обвинить соседа или знакомого в том, что тот, действуя по наущению дьявола, сглазил его, навредил ему или его семье, наслал «порчу» на его корову или петуха. Инквизиции не представляло особого труда, наложив свою руку на такого «колдуна» или «колдунью», добиться при помощи пытки полного признания в совершенных якобы ими злодеяниях.

Доносительство являлось неотъемлемой частью инквизиторской системы. Ведьму, впрочем, как и любого еретика, можно было обнаружить только через доносчика. Не удивительно, что доносительство всемерно поощрялось церковью, доносчики приравнялись к мученикам за веру, они получали отпущения грехов, денежные вознаграждения. Доносительство, пишет С. Г. Лозинский, нередко принимало эпидемический и совершенно сумасшедший характер, в особенности при наличии страха у доносителя, что он сам на подозрении у ревнителей религиозной чистоты. Так, некто Труа-Эшель, накануне своего ареста в 1576 г., донес, что он может выдать 300 тыс. ведьм и колдунов. Инквизиторы при всем своем желании не могли такое большое количество людей уничтожить, но все же 3 тыс. человек по доносам Труа-Эшеля было арестовано и понесло суровое наказание.

Во второй половине XIV в., как об этом можно судить по появлявшимся тогда демонологическим трактатам, церковники уже обладали весьма стройной концепцией наличия еретической секты колдунов и ведьм, созданной с «божьего поущения» сатаной на погибель христианам. Сатана вербует себе сторонников сам или через своих агентов. Агент-соблазнитель выискивает себе жертву, которой обещает «сладкую жизнь», и приглашает принять участие в тайном сборище — шабаше, где можно встретить могучих людей и удовлетворить власть самые низменные прихоти. Добившись согласия, вербовщик дает соблазненному магическую палку от помела и волшебную мазь, приготовленную из печени некрещеных детей, завернутую в тряпку, и обещает сам или с «приятелем» (дьяволом) зайти за ним, чтобы отправиться на шабаш. Этот «приятель» становится «личным наставником» (daemon fa-miliaris) вступившего в преступную колдовскую секту еретика. Затем наступает день или, вернее, ночь, когда вербовщик с «приятелем» являются к неофиту, намазывают палки мазью, садятся на них верхом и вылетают через окно или печную трубу в «поднебесную высь». Через окно еще можно вообразить, но как этой тройке вылететь через трубу? Инквизиторы и авторы таких нелепых измышлений давали ответ и на этот вопрос. «Приятель» в мгновение ока раздвигает и снова сдвигает кирпичи в трубе...

Развращенная и большая фантазия церковных авторов, благочестивых католиков, писавших обо всем этом, рисовала «детальную картину» шабаша ведьм. Здесь неофит или неофитка перед сатаной — волосатым чудищем с козлиными копытами, крыльями летучей мыши и длинным хвостом — отрекаются от бога, Христа, всех святых и клянутся ходить в церковь и исполнять христианские таинства только для виду, а втайне осквернять их; тут же они топчут крест и гостию, приносят сатане верноподданническую присягу, неофит целует сатану в зад, чем окончательно отдает свою душу лукавому. Взамен демон наделяет посвященного способностью совершать колдовские действия и исполняет какое-нибудь его заветное желание.

На шабаше, утверждали церковники, все происходит по-иному, чем у людей: дьяволу отвешивают низкие поклоны, повернувшись спиной; ведьмы пляшут, повернувшись друг к другу спинами. В полночь совершается традиционное пиршество, на котором пожираются такие излюбленные ведьмами деликатесы, как жабы, печень, сердце и мясо некрещеных детей. Следует оргия, во время которой ведьмы и черти предаются чудовищному блюду. Шабаш кончается «черной обедней». Ее ведет сам дьявол, кощунственно издевающийся над

христианской службой, плюющий на крест и топчущий его.

Такого рода мерзкими описаниями шабаша ведьм полна ведовская литература средневековой церкви. Все это, да еще в более гнусных вариантах, преподносилось верующим людям церковью, чтобы запугать их и держать в повиновении.

Жертвами обвинения в принадлежности к «чертовой шайке» были главным образом женщины — «ведьмы». Инквизиторы Шпренгер и Инститорис в «Молоте ведьм» утверждали: «Речь идет о ереси ведьм, а не колдунов; последние не имеют особого значения». Почему именно ведьм, а не колдунов? Это соответствовало церковной традиции, рассматривавшей женщину как виновницу «первородного греха». Шпренгер и Инститорис, в свою очередь, объясняли это тем, что женщины будто бы далеко превосходят мужчин в суеверии, мстительности, тщеславии, лживости, страстности и в ненасытной чувственности. Поэтому, заключили эти крупнейшие церковные «специалисты», по ведовству, «правильнее называть эту ересь не ересью колдунов, а ересью по преимуществу ведьм, чтобы название получилось от сильнейшего. Да будет прославлен всевышний, по сие время охранивший мужской род от такой скверны. Ведь в мужском роде он хотел для нас родиться и страдать. Поэтому он и отдал нам такое предпочтение». ¹⁹⁶

Значительное число погибших на кострах «ведьм» составляли женщины с нарушенной психикой, больные истерией, «одержимые». В средние века, пишет С. Лозинский, «численно превосходя мужчин, ввиду неучастия в войне, ни в междоусобицах, ни в опасных предприятиях, ни в изнуряющих занятиях, ни в тяжком, подрывающем силы труде, женщины оказывались в избыточном количестве и наполняли собой монастыри и всевозможные богоугодные и благотворительные учреждения.

Больные женщины оказались в роли самых сильных представителей дьявола, и церковь не щадила сил, чтобы вырвать с корнем этих наиболее опасных и упорных еретичек, и в этой кровавой расправе продолжала творить свое гнусное преступление. Она никогда и нигде не отрицала сношений женщины, идущей на костер, с дьяволом, она никогда не называла ее больной и слова обезумевших жертв выдавала как признание реальной связи преступницы с врагом человеческого рода.

Сожжение ведьм в XVI в. в Германии

Сжигая женщину как опаснейшую преступницу, церковь лишь укрепляла в обществе идею ведовства и дьявольщины и сеяла вокруг себя безумие, которое тут же делалось

¹⁹⁶ Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм, с. 132

жертвой всепожирающих appetитов церкви. Будучи источником опаснейшего суеверия, питая все слои населения губительным ядом фантазмагорий, церковь не могла, конечно, искоренить того дела, которое ею же возвращалось».¹⁹⁷

«Наставления по допросу ведьм», составлявшиеся в средние века инквизиторами — специалистами по борьбе с ведьмами, знакомят нас с преступлениями, совершавшимися этими «служками дьявола». Одно из таких «Наставлений», входящее в состав Баденского земского уложения 1588 г., советует добиться сперва у обвиняемой в ведовстве признания в том, что ей известно о существовании ведьм и об их «искусстве», а затем вести допрос согласно следующему эталону:

«Не делала ли и она сама каких-нибудь таких штучек, хотя бы самых пустячных — не лишала ли, например, молока коров, не напускала ли гусеницы или тумана и т. п.? У кого и при каких обстоятельствах удалось ей этому выучиться? С какого времени и как долго она этим занимается и к каким прибегает средствам? Как обстоит дело насчет союза с нечистым? Было ли тут простое обещание, или оно скреплено было клятвой? И как эта клятва звучала?

Отреклась ли она от бога и в каких словах? В чьем присутствии, с какими церемониями, на каком месте, в какое время, с подписью или без оной? Получил ли от нее нечистый письменное обязательство? Писано ли оно было кровью и какой кровью или чернилами? Когда он к ней явился? Пожелал ли он брака с ней или простого распутства? Как он явился? Как он был одет и особенно какие у него были ноги? (подразумевалось, что у нечистого конечности козла — «ноги с копытами». — И. Г.). Не заметила ли она и не знает ли в нем каких-нибудь особых чертовских примет?»

Следует подробнейший допрос предполагаемой ведьмы о том, как она себя вела и что вытворял бес на «брачном ложе». Далее идут такие вопросы:

«Давно ли праздновала она свадьбу со своим любовником? Как свадьба эта была устроена, кто на ней был и что там подавались за кушанья? Особенно, какие были мясные блюда, откуда было взято мясо, кто его принес, какой у него был вид и вкус, было ли оно кисло или сладко (подразумевалось, что это было мясо невинно убиенных младенцев. — И. Г.)? Было ли у нее на свадьбе вино, и откуда она его добыла? Был ли музыкант? И кто он был — человек или бес? Каков он был из себя? Сидел он на земле или на дереве или стоял? Какие на упомянутом собрании были их замыслы, и когда у них решено было собраться снова? Где они ночной порой учиняли свои пирушки — в поле, в лесу или в погребках, и кто, когда на них бывал?

Сколько малых детей съедено при ее участии? Где они были добыты? У кого были они взяты — или они были вырыты на кладбище? Как они их готовили — жарили или варили? На что пошла головка, ножки, ручки? Добывали ли они из таких детей тоже и сало, и на что оно им? Не требуется ли детское сало, чтобы поднимать бури? Сколько родильниц помогла она извести? Как это делалось, и кто еще был при этом? Не помогала ли она выкапывать родильниц на кладбище и на что им это надобно? Кто в этом участвовал, и долго ли они это варили? Не выкапывала ли она также выкидышей, и что они с ними делали?

Насчет мази. Раз она летала, то с помощью чего? Как мазь эта готовится, и какого она цвета? Умеет ли она сама ее готовить? Всякий раз, как им понадобится человеческое сало, они обязательно совершают столько же убийств; и так как они вытапливают или вываривают сало, то их надобно спрашивать: что они сделали с вареным или жареным человеческим мясом?.. Для мазей им всегда необходимо человеческое сало из мертвых или из живых людей? Туда идет еще человеческая кровь, папоротниковое семя и т. п., но сало непременно туда входит, тогда как другие вещи иногда и опускаются. При этом от мертвых людей оно идет для причинения смерти людям и скотине, а от живых для полетов, для бурь, для того, чтобы делаться невидимкой и т. п.

Сколько с ее участием напущено было бурь, морозов, туманов? Сколько времени это

¹⁹⁷ Лозинский С. Г. История папства, с. 245

продолжалось и какой был в каждом случае вред? И как это делается и кто в этом участвовал? Был ли ее любовник (сатана. — И. Г.) при ней на допросе или не приходил ли к ней в тюрьму?

Доставала ли она также освященные гости и у кого? Что она с ними делала? Являлась ли она также к причастию и потребляла ли его как следует?..

Как они добывают уродов, которых подкидывают в колыбели вместо настоящих младенцев, и кто им дает их? Как она вынимала у коров молоко и превращала в кровь? И как им можно от этого опять помочь? Может ли она также пустить вино или молоко из ивы?

Как они делали мужчин неспособными к брачному сожитию? Какими средствами? И чем им можно опять помочь? Точно так же, как она молодых и старых людей лишала потомства, и как им можно опять помочь?..».¹⁹⁸

«Сознаться» добровольно, ответить исчерпывающе, к удовлетворению инквизитора, на эти и многие другие умопомрачительные вопросы могла только психически больная женщина, действительно воображавшая себя ведьмой и готовая поэтому под диктовку инквизитора дать любые показания. В противном случае добыть их можно было только пыткой.

Как писалось в соответствующем «Наставлении к допросу ведьм», «служители Божественной юстиции могут рассчитывать на желаннейшие ответы, когда явится мастер Ой-ой, мальчик-щекотун и пощекочет стакнувшихся чертовых женок чистенько и аккуратненько по всем правилам искусства тисочками на ручки и на ножки, лестницей и козлом».¹⁹⁹

Инквизиторы, обвинявшие ведьм в колдовстве, сами колдовали, приступая к выколачиванию обличающих их показаний. Они служили перед началом пыток мессу за ее успех; поили несчастных жертв на тощий желудок «святой» водой, чтобы «дьявол во время пытки не мог связать им язык»; прикрепляли к голому телу «ведьм» ленту «длиной в рост Спасителя», которая якобы отягощала виновных «хуже всяких цепей»; произносили различного рода заклинания, чтобы «открыть уста» строптивых и непокорных «чертовых женок».

Перед пыткой палач сбрасывал все волосы с тела жертвы, чтобы она не могла спрятать «сатанинской грамотки», делавшей ее нечувствительной к страданиям. Палач тщательно осматривал тело «ведьмы» в поисках «ведовской печати», за которую сходило любое родимое пятно, любое пятнышко на коже. Наличие «ведовской печати» считалось «железным» доказательством виновности.

Палач начинал свой «богоугодный» труд с умеренных — «человечных» — пыток, переходя по мере надобности к более рафинированным, утонченным, «бесчеловечным», если говорить языком отцов-инквизиторов.

Инквизиторы призывали не церемониться с ведьмами, ссылаясь на то, что «исключительность этих дел требует исключительных (по своей жестокости. — И. Г.) пыток» (*singularitas istius casus exposcit tormenta singularia*).²⁰⁰

Есть ли необходимость доказывать, что все дела по обвинению в ведовстве, в принадлежности к «синагоге сатаны», были вымышленными и основывались только на показаниях обвиняемых, добытых инквизиторами при содействии палача? По-видимому, сказать об этом следует, ибо даже в наше время появляются «ученые» труды теологов, в которых на полном серьезе отстаивается традиционный церковный тезис о существовании дьявола и его земной агентуры — ведьм и колдунов. В качестве примера можно привести

¹⁹⁸ Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 13–14

¹⁹⁹ Там же, с. 17

²⁰⁰ Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 156

популярные на Западе «исследования» американского католического священника Монтэгю Соммерса «История ведовства и демонологии» и «География ведовства», появившиеся в свет в 20-х годах XX в. и неоднократно переиздававшиеся с тех пор.

Соммерс, пишет о нем американское университетское (!) издательство, выпускающее его книги, «вовсе не стыдится огромных эксцессов, совершенных церковью в XVII и XVIII вв., более того, он всемерно защищает все, что когда-либо сделала церковь для истребления ведовства и ереси». ²⁰¹

Для иллюстрации приведем всего лишь несколько примеров, приподнимающих завесу над инквизиторской техникой создания дел по обвинению в колдовстве и ведовстве.

В 1597 г. в г. Гельнгаузене (Германия) была арестована 67-летняя вдова поденщика Клара Гейслер, которую другая женщина, казненная за ведовство, обвинила в сожительстве с тремя чертями и тому подобных отвратительных преступлениях. На допросе Клара отрицала свою вину. Стали ее пытаться. Взяли в тиски пальцы, но, как повествует протокол допроса, «дьявол навел на нее упорство, и она крепко стояла на своем». Когда же стали ей «мозжить ноги и надавили посильнее», тогда она «жалобно завопила, что все, о чем ее допрашивают, сушая правда: она пьет кровь детей, которых ворует», и т. п. Однако, как только прекратили ее пытаться, Клара все вновь стала отрицать: «Все это-де сказала она от муки, все это — выдумка, где нет ни слова правды». Подвергнутая новым, на этот раз «бесчеловечным», пыткам, она дала, наконец, исчерпывающие показания: «Я более 40 лет распутничала с множеством чертей, которые являлись ко мне в виде кошек и собак, а то в виде червяков и блох. Я погубила жалкой смертью более 240 человек, старых и молодых; я родила от своих чертей 17 душ детей, всех их убила, съела их мясо и выпила их кровь. За 30 или 40 лет я много раз в широкой округе поднимала бури и девять раз сводила огонь на дома. Я хотела было спалить дотла и весь наш город, но демон, который зовется Бурсиан, мне не велел, говоря, что он еще много женщин сумеет тут обратить в ведьм и заставит служить себе, как богу».

На этом ее показания обрываются, ибо она скончалась, пока над ней манипулировал палач. «Дьявол, — говорится в протоколе следствия, — не захотел, чтобы она еще что-нибудь выдала, и ради того свернул ей шею». ²⁰²

А вот показания другой ведьмы, из Сересгейма (Вюртемберг), полученные в 1616 г. тоже, разумеется, под пыткой: «Я с незапамятного времени сделалась ведьмой. Я извела сотни четыре детей, в том числе и троих из собственных. Все они были потом вырыты из могил, сварены и частью съедены, частью же пущены на мази и на другие волшебные снадобья. Косточки ног пошли на дудки, У собственного родного сына я извела жену и двоих детей, обоих своих мужей я много лет изводила и под конец погубила насмерть. С чертом распутничала я бесконечно. За 40 лет я навела бесчисленное мяождество пагубных бурь на протяжении многих миль вдоль Гейхельбергских гор. На этих горах пять раз в году бывает шабаш. Туда собирается до двух с половиной тысяч всякого люда: бедных, богатых, молодых и старых, кое-кто и очень знатного рода». ²⁰³ Ее, естественно, сожгли.

В г. Бамберге, в центральной Германии, инквизиция особенно энергично искореняла ведовство. В 1609–1633 гг. там было публично казнено около 900 человек, обвиненных в колдовских действиях. Среди жертв инквизиции были не только простые жители, но и представители городских властей, в том числе пять бургомистров.

Обвинения в преступной связи с дьяволом были выдвинуты даже против самих судей. В 1628 г. был арестован городской советник Иоганн Юниус. Три свидетеля, в их числе его

²⁰¹ Summers M. The Georgraphy of Witchcraft, p. 625

²⁰² Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 21–22

²⁰³ Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 23

собственный сын, показали, что его видели на шабаше ведьм. Иоганн категорически отверг обвинения и был подвергнут пытке. Его восемь раз вздернули на дыбу и предупредили, что пытки будут продолжаться до полного его признания. Надеясь избежать дальнейших мук, Иоганн сделал «частичное признание». Однажды в поле к нему подошла девушка, которая внезапно превратилась в козла; козел бросился на него с возгласом: «Ты будешь мой!» и, угрожая перегрызть ему горло, потребовал «отказаться от бога». Иоганн согласился, его окрестили в «дьявольскую веру» и повезли на шабаш. Судьи потребовали, чтобы он назвал имена присутствовавших вместе с ним на шабаше жителей Бамберга. Под воздействием пытки арестованный назвал 30 человек. Палач заставил его признаться и в том, что он выступал в роли суккуба, получил от черта «белый порошок», которым хотел отравить сына, профанировал гостию. Пытки довели Иоганна до такого состояния, что он был готов выдать кого угодно и обвинить самого себя в чем угодно. На суде он подтвердил данные на следствии показания и был присужден к сожжению на костре. Однако своей дочери он сумел переправить письмо, в котором отрекся от своих показаний: «Все это ложь и выдумки... Они никогда не перестают пытать, пока не получают каких-либо показаний». ²⁰⁴

В 1645 г. в Меране (Тироль) был казнен за колдовство Михель Пергер. Его дело «стряпалось» таким образом. Кто-то донес, что Пергер ведет себя подозрительно, болтает об астрологах, кудесниках, хвастается, что может предугадывать бури и штормы. Попав в руки инквизиции, он под пыткой стал давать различного рода показания, уличающие его и других людей в сатанинских кознях. Пергер «признался», что сожительствовавал с демоном, который являлся ему в виде молодой девушки. Чем больше его пытали, тем больше он выдумывал подробностей о своих «преступных» деяниях. Он будто бы подписал своей кровью «пакт» с дьяволом, украл гостию, навел «порчу» на виноградники своих соседей и т. п. Когда пытки прекратились, Пергер отказался от своих показаний. Его вернули на дыбу и заставили вновь их подтвердить.

От обвинений в ведовстве и пыток не спасались и дети. В 1628 г. в Вюрцбурге были казнены две девочки 11 и 12-летнего возраста и два мальчика того же возраста. Они под пыткой признались в принадлежности к «синагоге сатаны». ²⁰⁵

В авторитетных инквизиторских руководствах по борьбе с ведовством, в частности в таких известных сочинениях на эту тему, как трактаты инквизиторов Жана Бодена «*De Magorum Daemonomania*» (1581) и Николаса Реми «*Daemonolatreia*» (1595), рекомендовалось казнить детей, уличенных в «преступных связях с ведьмами и дьяволом». ²⁰⁶ Дети, попавшие в руки палачей инквизиции, могли спасти себя только показаниями против своих родителей. Французский судья Анри Боге, автор демонологического опуса «*Discours des sorciers*» (конец XVI в.), описывает дело некоего Гилльома Вилльермоза, обвиненного в колдовстве на основе показаний его малолетнего сына Пьера: «Это было странное и ужасное переживание — быть свидетелем их очных ставок. Тюрьма превратила отца в развалину, на руках и ногах были кандалы, он стонал, кричал и бился об пол, доказывая свою невиновность. Я помню также, что когда он несколько успокаивался, то с нежностью обращался к сыну, говоря, что, несмотря на все содеянное сыном, он будет всегда считать его своим ребенком. И все это время сын держался стойко, точно лишенный чувств, казалось, природа вооружила его против самого себя, способствуя тому, что он стал повинен в постыдной смерти человека, давшего ему жизнь. Безусловно, я верю, что таким образом проявлялось справедливое и тайное суждение бога, который не мог допустить, чтобы столь отвратительное преступление, как колдовство, осталось бы не раскрытым и не

²⁰⁴ Williams Ch. *Witchcraft*. Cleveland and New York, 1961, p. 180

²⁰⁵ Williams Ch. *Witchcraft*, Cleveland and New York, p 185

²⁰⁶ *Ibid.*, p 255-257

выявленным». ²⁰⁷

Но если у мужчин, обвиненных в колдовстве, были ничтожные шансы на спасение, то у женщин таких шансов вовсе не было. Обвиняемую в ведовстве женщину, попадавшую в адскую машину инквизиции, никто и ничто не могли спасти. Ее участь была заранее предрешена. Иезуит Фридрих Шпе, исповедовавший сотни «ведьм», прошедших через застенки инквизиции в Вюрцбурге, писал в своем трактате «*Cautio criminalis*» (1631): «Если обвиняемая вела дурной образ жизни, то, разумеется, это доказывало ее связи с дьяволом; если же она была благочестива и вела себя примерно, то ясно, что она притворялась, дабы своим благочестием отвлечь от себя подозрение в связи с дьяволом и в ночных путешествиях на шабаш. Если она обнаруживает на допросе страх, то ясно, что она виновна: совесть выдает ее. Если же она, уверенная в своей невинности, держит себя спокойно, то нет сомнений, что она виновна, ибо, по мнению судей, ведьмам свойственно лгать с наглым спокойствием. Если она защищается и оправдывается против возводимых на нее обвинений, это свидетельствует о ее виновности; если же в страхе и отчаянии от чудовищности возводимых на нее поклепов она падает духом и молчит, это уже прямое доказательство ее преступности... Если несчастная женщина на пытке от нестерпимых мук дико вращает глазами, для судей это значит, что она ищет глазами своего дьявола; если же она с неподвижными глазами остается напряженной, это значит, что она видит своего дьявола и смотрит на него. Если она находит в себе силу переносить ужасы пытки, это значит, что дьявол ее поддерживает и что ее необходимо терзать еще сильнее. Если она не выдерживает и под пыткой испускает дух, это значит, что дьявол умертвил ее, дабы она не сделала признаний и не открыла тайны». ²⁰⁸

И все же палачи не всегда добивались желаемого результата. «Легче дрова колотить, чем вести дела об этих ужасных женщинах!», — восклицал один баварский судья XVII в. В протоколах инквизиции упоминается, что некоторые жертвы выносили пытки, не меняясь в лице и не издавая ни звука, «хотя в них били, как в шубу». И объяснялось такое мужество не только тем, что жертвы находились в состоянии шока или «истерической анестезии», но и подлинным героизмом многих женщин, предпочитавших принять всевозможные муки и смерть, чем ложными показаниями погубить и опозорить себя и своих близких. Разница в казни заключалась только в том, что раскаявшуюся и давшую показания ведьму сперва обезглавливали или душили, а потом сжигали, а «упорствующую» просто сжигали живьем или предварительно калечили, отрезая конечности или вырывая куски мяса раскаленными щипцами. Все эти жестокости производились публично, при огромном стечении народа, в присутствии детей, причем зрителя были обязаны выражать им одобрение!

Ответственность церковной инквизиции за неопишуемые жестокости и зверства, которыми сопровождался процесс против ведьм, вместе с инквизицией разделяют и папы римские и церковные соборы, освящавшие все эти чудовищные преступления.

Из многочисленных документов, подтверждающих это, мы приведем только один — буллу «*Summis desiderantis*» Иннокентия VIII, наделяющую неограниченными полномочиями инквизиторов Генриха Инститориса и Якова Шпренгера, завоевавших печальную славу самых кровожадных охотников за ведьмами и суммировавших свой богатейший палаческий опыт в известном уже читателю руководстве по искоренению «сатанинского племени» — «Молоте ведьм».

«Всеми силами души, — возвещал верующим в вышеназванной булле Иннокентий VIII, — как того требует пастьерское попечение, стремимся мы, чтобы католическая вера в наше время всюду возрастала и процветала, а всякое еретическое нечестие далеко искоренялось из среды верных. Не без мучительной боли недавно мы узнали, что в

²⁰⁷ Williams Ch. Witchcraft, p. 258–259

²⁰⁸ Цит. по: Сперанский Н. Ведьмы и ведовство, с. 17–18, 20

некоторых частях Германии, особенно в Майнском, Кёльнском, Трирском, Зальцбургском и Бременском округах, очень многие лица обоего пола, пренебрегши собственным спасением и отворотившись от католической веры, впали в плотский грех с демонами инкубами и суккубами и своим колдовством, чарованиями, заклинаниями и другими ужасными суеверными, порочными и преступными деяниями причиняют женщинам преждевременные роды, насылают порчу на приплод животных, хлебные злаки, виноград на лозах и плоды на деревьях, равно как портят мужчин и женщин, домашних животных и других животных, а также виноградники, сады, луга, пастбища, нивы, хлеба и все земные произрастания; что они нещадно мучат как внутренними, так и наружными ужасными болями мужчин, женщин и домашних животных; что они препятствуют мужчинам производить, а женщинам зачать детей и лишают мужей и жен способности исполнять свой супружеский долг; что сверх того они кощунственными устами отрекаются от самой веры, полученной при святом крещении, и что они, по наущению врага рода человеческого (т. е. сатаны. — И. Г.), дерзают совершать и еще бесчисленное множество всякого рода неслезанных злодейств и преступлений, к гибели своих душ, к оскорблению божеского величия и к соблазну для многого множества людей. И хотя возлюбленные сыны наши, Генрих Инститорис и Яков Шпренгер, члены ордена доминиканцев, профессора богословия, нашим апостольским посланием были назначены и до сего времени состоят инквизиторами, первый — в вышеназванных частях Верхней Германии, обнимающих, как надо понимать, и провинции, и города, и земли, и епархии, и другие такого рода местности, а второй — в некоторых областях вдоль Рейна; однако некоторые клирики и миряне в этих странах, не в меру высоко ставя свое разумение, не стыдятся упорно утверждать, что так как в полномочных грамотах не были поименованы и точно указаны эти епархии, города и местности, а также некоторые лица и их проступки, то поэтому вышепоименованным инквизиторам в вышеназванных провинциях, городах, епархиях, землях и местностях нельзя заниматься инквизицией и что их не должно допускать к наказанию, заключению в тюрьму и исправлению помянутых лиц за вышесказанные злодейства и преступления. Благодаря сему в вышесказанных провинциях, городах и епархиях, землях и местностях подобные провинности и преступления и остаются безнаказанными, к очевидной пагубе их душ и потере ими вечного спасения. Но мы устраним с пути все помехи, которые могут каким-либо образом препятствовать исполнению обязанностей инквизиторов; а дабы зараза еретического нечестия и других подобного рода преступлений не отравила своим ядом невинных людей, мы намерены, как того требует наш долг и как к тому побуждает нас ревность к вере, применить соответствующие средства. Посему, дабы названные местности не остались без должного обслуживания инквизицией, мы нашей апостольской властью постановляем: да не чинится никакой помехи названным инквизиторам при исполнении ими их обязанностей и да позволено будет им исправлять, задерживать и наказывать лиц, совершающих указанные преступления, как если бы в полномочных грамотах были точно и поименно названы округа, города, епархии, местности, лица и преступления. С великим попечением мы распространяем эти полномочия на названные местности и поручаем вышеназванным инквизиторам, чтобы они и каждый из них, при помощи нашего возлюбленного сына Иоанна Гремпера, магистра из Констанцской епархии, всякого из названных областей, кого найдут виновным в указанных преступлениях, исправляли, заключали под стражу и наказывали с лишением имущества, а также даем названным инквизиторам полную возможность во всех церквях, где они найдут то потребным, проповедовать слово божие и все иное совершать, что они найдут полезным и необходимым. Особым посланием мы повелеваем почтенному собрату нашему епископу Страсбургскому, дабы он, поскольку названным инквизиторам сие потребует, торжественно заявлял, чтобы никто и ни в чем не чинил им какой-либо помехи и не наносил никакого вреда; тех же, кои будут чинить препятствия, какого бы положения эти лица ни были, он должен без всякого прекословия карать отлучением, запрещением в священнослужении, лишением таинств и другими еще более ужасными наказаниями, а если потребует, то и привлекать к содействию против них руку светской власти. Никто не

должен нарушить это наше послание или дерзновенно поступить противно ему. Буде же кто-либо попытается это сделать, то пусть знает, что он навлечет на себя гнев всемогущего бога и апостолов Петра и Павла.

Дано в Риме, у св. Петра, от воплощения господина в 1484 г., нашего первосвященства 1-м году, 5 декабря». ²⁰⁹

Нелишне отметить, что папа Иннокентий VIII, издавший эту буллу, сам слыл как «невежественный и грубый развратник, мечтавший лишь о женщинах, вине и деньгах». ²¹⁰ Булла Иннокентия VIII характерна не только в том отношении, что она показывает, с какой настойчивостью и бессердечностью папский престол проводил политику истребления ведьм, но и тем, что свидетельствует о сопротивлении, которое эта политика встречала на местах. Было немало людей, в том числе и священников, сопротивлявшихся инквизиторам, считавших ведовские процессы сущим бредом. Но церковь жестоко преследовала таких «пособников» сатанинской секты. Ведь неверие в чары ведьм считалось ересью. Шпренгер и Инститорис в «Молоте ведьм» авторитетно провозглашали: «Не верить в деяния ведьм — величайшая ересь» («*Heresis maxima est opera maleficarum non credere*»). Основные положения буллы Иннокентия VIII, призывавшие к истреблению ведьм, были повторены 140 лет спустя, в 1623 г., в так называемой конституции «*Omnipotentis Dei*» папы Григория XV.

Протестантские церкви, отвергавшие многие суеверия, свойственные католицизму, и разоблачавшие преступления инквизиции, разделяли, однако, католическую демонологию и продолжали преследование ведьм с не меньшим рвением, чем это делали до них представители «священного» трибунала. В этом вопросе, отмечает современный историк ведовства Чарлз Уильяме, не было расхождений между католической и протестантской церквями. «Если наши отцы, — пишет Уильяме, — ошибались в этом вопросе, то они ошибались в одинаковой степени. Католики и протестанты спорили о небе; что касается ада, то у них было почти единое мнение». ²¹¹

²⁰⁹ Цит. по: Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм, с. 46–47

²¹⁰ Лозинский С. Г. История папства, с. 243–244

²¹¹ Williams Ch. Witchcraft, p. 176–177

Расправа над протестантами в Антверпене

Охота за ведьмами, процессы и казни женщин, обвиненных в ведовстве, продолжались со второй половины XV в. до второй половины XVIII в. Они прекратились только тогда, когда могущество средневековой католической церкви было резко подорвано.

Возникает вопрос, почему именно охота за ведьмами начинается на пороге Возрождения и продолжается в период абсолютизма, т. е. в относительно просвещенную по сравнению с глубоким средневековым эпоху? Некоторые исследователи объясняют это следствием 100-летней войны и эпидемии чумы, охватившей Европу в XIV в. Но войны и эпидемии случались и до этого.

На наш взгляд, преследование ведьм — следствие многовековой борьбы церкви с еретиками. Инквизиция своей террористической деятельностью создала атмосферу всеобщей подозрительности, заразила манией преследования многих церковных иерархов и богословов. Машина инквизиции не могла остановиться на истреблении только еретиков, она продолжала лихорадочно стряпать и явно вымышленные дела, найдя в охоте за ведьмами новую золотую жилу. Преступления, совершаемые ею в этой области, оправдывали ее существование еще на протяжении ряда столетий и способствовали укреплению влияния церкви на верующих.

Характерно, что в Испании и Португалии, где инквизиция была занята преследованием обращенных в христианство иудеев и мавров, почти не было преследования ведьм.

Охота за ведьмами, продолжавшаяся в христианских странах Западной Европы более двух столетий, привела к истреблению свыше ста тысяч ни в чем не повинных людей, в большинстве женщин. Если же учесть родственников и друзей казненных, которые в результате ведовских процессов лишались имущества и своего положения, то число пострадавших следовало бы исчислять миллионами.

Но зло не ограничивалось этим. Преследуя ведьм, церковь в действительности насаждала и укореняла среди верующих бесчеловечное отношение к женщине, дикие предрассудки, веру во всякую чертовщину, бредовую мистику, всеобщую подозрительность и недоверие, черствость, жестокость и безразличие к человеческим страданиям, предательство, наконец пресмыкательство перед всемогущим палачом. Таким образом создавался христианский «образ жизни», с таким энтузиазмом воспринятый впоследствии ревнителями буржуазного общества.

ГНУСНОЕ «ДЕЛО» ТАМПЛИЕРОВ

Наличие аппарата инквизиции позволяло власть имущим — светским и церковным князьям — преследовать не только подлинных еретиков, т. е. тех, кто действительно выступал против господствующей церкви или отступал от ее предписаний, но и расправляться под благовидным предлогом преследования ереси со всеми, кто по тем или другим причинам представлялся им неудобным или состоянием которого они хотели завладеть. Инквизиция при помощи угроз и пыток выколачивала у подобных псевдоеретиков, или еретиков поневоле, обличающие признания, служившие юридическим доказательством их «вины» и тем самым основанием для соответствующей над ними расправы.

Часто таких псевдоеретиков обвиняли в связях с дьяволом, в поклонении ему, в совершении сатанинских мерзко-пакостных церемоний, колдовстве и тому подобных вымышленных преступлениях, в которых обвинялись в известной степени уже и катары.

Такого рода обвинения были выдвинуты, в частности, против штедингских крестьян, отказавшихся в конце XII в. платить десятину и другие повинности бременскому архиепископу и отлученных за это от церкви. Папа Григорий IX провозгласил против них крестовый поход. В булле «Голос в Риме» от 13 июня 1233 г. глава католической церкви обвинил штедингских ослушников в «неслыханных и невиданных по своей гнусности деяниях». Папа писал: «Когда в эту школу отверженных вступает новый человек, ему является видение в образе лягушки, которую иные называют жабой. Некоторые гнуснейшим образом целуют ее зад, другие рот и тянут ее язык и слюну, вкладывая их в свой собственный рот. Иногда жаба принимает натуральную величину, иногда она разрастается до гуся или утки, а временами она величиной в кухонную печь. Далее новичку появляется удивительной бледности мужчина с поразительными черными глазами, худой и истощенный, без всякого мяса, из одних лишь костей. Новичок целует этого кашея и после поцелуя теряет всякое воспоминание о католической религии и из его груди совершенно уже вырвана мысль о вере. Затем садятся за трапезный стол, а по окончании трапезы из стоящей возле стола статуи вылезает черный кот, ростом с собаку, он плетется задом с опущенным хвостом. Кота целуют все наиболее достойные; те, которые не имеют права его целовать, получают, однако, прощение от старейшего учителя, который обращается к коту с просьбой о прощении, сопровождающейся заверениями других о готовности слушаться и покоряться всем приказам черного кота. После этого тушатся огни и начинаются отвратительнейшие оргии, невзирая ни на какое родство и т. д. Если мужчин оказывается больше, нежели женщин, то мужчины живут половой жизнью с мужчинами же, и отвратительные оргии принимают чрезвычайно противоестественное течение. Точно так же поступают женщины, если их больше, нежели мужчин. Удовлетворив временно свою похоть, они снова зажигают огни, из темного угла появляется человек, верхняя половина которого сияет солнечным светом, а нижняя половина темна, как знакомый уже нам черный кот, но комната освещается лучами верхней части этого человека. Старейший учитель отрывает кусок одежды новичка и передает его сияющему со словами: «Господин, я это получил, а теперь передаю тебе». Сияющий в ответ: «Ты хорошо мне служил и еще лучше и вернее будешь служить; твоему попечению передаю то, что я от тебя получил». Сияющий мгновенно исчезает».²¹²

Приписав штедингским крестьянам все эти мерзости, папа Григорий IX потребовал сурово наказать этих служителей «лягушаче-кошачьего» дьявола. В той же булле он, преисполненный «законного» возмущения, восклицал: «Кто может не разъяриться гневом от всех этих гнусностей? Кто устоит в своей ярости против этих исчадий подлости? Где рвение Моисея, который в один день истребил 20 тысяч язычников? Где усердие первосвященника

²¹² Шпренгер Я., Инститорис Г. Молот ведьм, с. 23–24

Финеса, который одним копьем пронзил и иудеев и моавитян? Где усердие Ильи, который мечом уничтожил 450 служителей Валаама? Где рвение Матфея, истреблявшего иудеев? Воистину, если бы земля, звезды и все сущее поднялись против подобных людей и, невзирая ни на возраст, ни на пол, их целиком истребили, то и это не было бы для них достойной карой! Если они не образумятся и не вернуться покорными, то необходимы самые суровые меры, ибо там, где лечение не помогает, необходимо действовать огнем и мечом; гнилое мясо должно быть вырвано».²¹³

И «гнилое мясо» было вырвано. 40 тыс. крестоносцев двинулись против непокорных штедингских крестьян и почти поголовно их истребили. От мечей крестоносцев погибло свыше 6 тыс. крестьян.

Подобного же рода фантастические обвинения были выдвинуты и против ордена тамплиеров, процесс против которых, состряпанный французским королем и инквизицией, французский историк М. Мишле считает самым громким из всех, имевших место в средние века.²¹⁴ В результате несметные сокровища этого ордена перекочевали в сундуки его судей, а признавшиеся под пытками в мифической ереси руководители ордена закончили свои дни на костре или в казематах инквизиции.

Орден тамплиеров, или храмовников, — официально он назывался Орденом бедных рыцарей Христа и Соломонова храма (*Pauperes Commilitones Christi Templique Salomonici*) — был основан в начале 1118 г. французскими крестоносцами в Иерусалиме. Это был рыцарский орден, в который вступали представители богатейших феодальных родов Франции. Хотя храмовники при вступлении в орден давали обет послушания, бедности и целомудрия, они, как и члены других монашеских орденов, занимались главным образом накоплением мирских богатств, эксплуатируя тысячи крепостных, работавших под видом братьев-служителей в их поместьях и замках. Орден был построен по военному принципу: младший по чину член ордена беспрекословно повиновался старшему. Глава ордена — гроссмейстер обладал неограниченной властью. Его приказания считались повелениями бога. Недисциплинированных членов ордена начальство сажало в темницы, заковывало в цепи, морило голодом. Щедрые дарения, поборы и обильная «милостыня», стекавшиеся в казну ордена со всех уголков христианского мира, превратили со временем тамплиеров в один из самых могущественных и богатых орденов католической церкви. Во Франции тамплиеры выполняли роль королевских банкиров, королевская казна хранилась в их резиденции — Тампле-Храме. В XIII в. орден владел 9 тыс. замков, ему принадлежал остров Кипр. Тамплиеров боялись и им завидовали церковные иерархи и светские правители.

Орден храмовников считался одним из самых «надежных» в католической церкви, его члены отличались слепой преданностью папскому престолу. Их можно было обвинить в чем угодно, только не в какой-либо ереси.

Некоторые современные апологеты католической церкви, стремясь задним числом оправдать разгром ордена, приписывают ему тайные намерения подчинить своей власти чуть ли не весь мир и делают намеки на будто бы имевшиеся тайные связи руководителей ордена с мусульманством, в частности с измаилитами и вождем секты ассасинов Гассаном, который в свою очередь якобы находился под влиянием гностицизма. Например, Фернан Хейуорд пишет: «Тамплиеры мечтали о мировой державе, в которой они бы играли выдающуюся роль; таким образом, не следовало бы удивляться, если бы они были сторонниками своего рода синкретизма, порожденного соединением христианского и мусульманского учений».²¹⁵ Хейуорд, как и ему подобные авторы, никаких доказательств в подтверждение

²¹³ Там же, с. 24

²¹⁴ *Proces des Templiers* publie par M. Michllet, Paris, v. 1, 1841, p. IV

²¹⁵ Hayward F. *The Inquisition*, p. 69

своих утверждений не приводят. Между тем имеются многочисленные доказательства обратного, а именно того, что тамплиеры были и оставались вплоть до упразднения их ордена во всех отношениях надежным оплотом папства.

Именно поэтому, как справедливо отмечает Ли, тамплиеры «стали любимцами св. престола, политика которого стремилась сделать из рыцарей войско, зависящее только от Рима, послушное орудие для распространения папского влияния и для порабощения местных церквей. Поэтому они были широко награждены привилегиями; их избавляли от пошлин на съестные припасы, от десятины и от всяких налогов; их церквам и домам было предоставлено право убежища, сами они пользовались неприкосновенностью личности наравне с лицами духовного звания; они были освобождены от всяких феодальных повинностей и присяг и были подсудны одному только Риму; епископам было запрещено отлучать их от церкви... Одним словом, папы не упускали ничего, чтобы помочь развитию ордена и прочно привязать его к кафедре св. Петра». ²¹⁶

В конце XIII в. тамплиеры были изгнаны из Палестины, многие из них вернулись во Францию, которой правил тогда король Филипп IV Красивый, стремившийся всемерно укрепить свою власть над феодальными сеньорами. Постоянные распри с ними и продолжительная война против фламандцев и англичан истощили королевскую казну. В поисках средств Филипп стал фальшивомонетчиком: он выпустил низкопробную монету. Он конфисковал имущество евреев и изгнал их из страны. Но всего этого ненасытному королю оказалось недостаточно: его расходы явно превышали доходы от налогов и грабежей. Филипп обратил внимание на орден тамплиеров, которому он задолжал полмиллиона ливров, что его особенно тяготило. Сперва Филипп пытался навязать ордену своего сына на пост гроссмейстера. Когда из этой затеи ничего не получилось, то король и его советники решились на более рискованную, но все же сулившую им успех операцию: обвинить храмовников в ереси, получить с помощью инквизиции у них соответствующие признания и на этом основании конфисковать в пользу королевской казны их богатства. Правда, чтобы грабеж носил характер законной операции, грабителям следовало заручиться благословением папы римского, которому тамплиеры непосредственно подчинялись. Филипп без особого труда преодолел это препятствие. Папа Климент V, бывший архиепископ Бордо Бертран де Гот, был креатурой Филиппа, получил папскую тиару при его поддержке.

Будучи отвергнут Римом, Климент V установил свою резиденцию в Авиньоне, где по существу находился под контролем французского короля. Хотя этот контроль и тяготил папу, он тем не менее, выполняя волю своего покровителя, согласился покрыть своим авторитетом расправу над орденом тамплиеров. Напомним, что речь идет о том самом Клименте V, который с таким ожесточением преследовал Апостольских братьев и по распоряжению которого были подвергнуты изуверской казни Дольчино и его последователи.

Вдохновленный идеей присвоить сокровища тамплиеров, Филипп Красивый начал осуществлять свой коварный план с того, что поручил своему приближенному — министру Ногарэ и инквизитору Франции Имберту тайно собрать компрометирующие орден данные.

И тот и другой ретиво и изобретательно принялись выполнять королевское поручение. Интересно отметить, что Ногарэ был внуком казненного в свое время инквизицией катара, что, возможно, способствовало тому энтузиазму, какой он проявлял в деле разгрома ордена тамплиеров, одного из оплотов католической церкви. Что же касается инквизитора Имберта, то, будучи личным исповедником короля, он был душой и телом предан своему повелителю.

Ногарэ и Имберт быстро раздобыли компрометирующий орден тамплиеров материал. Среди тамплиеров, как и в каждом монашеском ордене, имелись всякого рода проходимцы и авантюристы, готовые за соответствующее вознаграждение дать любые показания против кого угодно. Тем более выступить в роли обличителей ордена жаждали его бывшие члены,

²¹⁶ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 320–321

исключенные из ордена за различные провинности и преступления. Особенно утруждать им себя в этом отношении не приходилось, так как народная молва давно уже обвиняла тамплиеров в различных противоестественных деяниях, якобы имевших место во время приема новых членов в орден. Дело заключалось в том, что в отличие от других монашеских орденов, совершавших посвящение публично и днем, у тамплиеров церемония посвящения происходила на рассвете в глубокой тайне, в помещении, доступ в которое посторонним был запрещен. Противники ордена утверждали, что при вступлении в него совершались различного рода непристойности, что на заседаниях капитула совершались антихристианские обряды, введенные одним из гроссмейстеров — тайным агентом «вавилонского султана».

Инквизитор без труда нашел свидетелей, которые под присягой подтвердили все эти фантастические бредни, на основе которых было состряпано обвинение против ордена. Ему инкриминировались следующие пять еретических заблуждений: 1) при вступлении в орден неопита наставник уединялся с ним за алтарем или в другом месте, где заставлял его три раза отречься от спасителя и плюнуть на крест; 2) неопита раздевали донага, и наставник, по одной версии, три раза целовал его в заднюю часть, в пупок и в уста, а по другой — «во все восемь отверстий»; 3) неопиту внушали, что содомский грех достоин похвалы; 4) веревка, которую тамплиеры днем и ночью носили поверх сорочки как символ целомудрия, освящалась тем, что ее обвивали вокруг идола, имевшего форму человеческой головы с длинной бородой и почитаемого руководителями ордена; 5) священники ордена при совершении богослужения не освящали святых даров.²¹⁷

Из всех перечисленных обвинений только одно — обвинение в содомизме (мужеложестве) — возможно, соответствовало истине, да и оно вряд ли могло служить основанием для осуждения ордена, учитывая, что такого рода извращение было широко распространено вообще среди духовенства, многие папы и другие видные представители церкви отличились на этом поприще. Остальные же обвинения были явно высосаны из пальца и представляли собой плод далеко не буйной фантазии французского короля и его сообщников — министра Ногарэ и инквизитора Имберта. Тем не менее все обвинения были «доказаны» следствием по делу тамплиеров, проведенным инквизицией.

13 сентября 1307 г. Филипп Красивый, ссылаясь на просьбу инквизитора, отдал секретный приказ арестовать всех тамплиеров, проживающих во Франции, и наложить секвестр на все их имущество под предлогом, что они собирались покинуть страну, захватив свои сокровища.

Этот приказ был написан в высшей степени мелодраматическом тоне, соответствовавшем стилю эпохи. Он начинался следующими словами: «Событие печальное, достойное осуждения и презрения, подумать о котором даже страшно, попытка же понять его вызывает ужас, явление подлое и требующее всяческого осуждения, акт отвратительный; подлость ужасная, действительно бесчеловечная, хуже, за пределами человеческого, стала известна нам благодаря сообщениям достойных доверия людей и вызвала у нас глубокое удивление, заставила нас дрожать от неподдельного ужаса».²¹⁸

Нетрудно вообразить, какое впечатление написанный в таких выражениях приказ произвел на полицейские власти Франции.

Операция по поимке тамплиеров была проведена основательно, в застенки инквизиции попали почти все члены ордена во главе с гроссмейстером Жаком де Молэ (1244–1314) и его наместником (визитатором) Гуго де Перо. Только восемь тамплиеров избежали ареста, покончив жизнь самоубийством.

Король приказал держать арестованных в строгом одиночном заключении, комиссарии

²¹⁷ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 336

²¹⁸ Цит. по: Gilles R. Les templiers sont ils coupables? Leur histoire, leur regie, leur proces. Paris, 1957, p. 103

инквизиции должны были допрашивать их поодиночке и обещать им прощение взамен за признание; в случае отказа повиноваться арестованных следовало предупредить, что против них будут применены пытки, упорствующих же ждет костер. Показания тамплиеров, скрепленные печатью инквизиторов, должны были немедленно доставляться королю. Разумеется, засадить за решетку всех членов столь могущественного и заслуженного ордена, против которого никогда не выдвигалось никаких крамольных обвинений, было дело нешуточное даже для французского короля и всемогущей инквизиции. Поэтому делу тамплиеров сопутствовала необычайная для деятельности инквизиции пропагандистская кампания, которая должна была убедить общественное мнение в том, что арестованные действительно были повинны в ереси.

На следующий день после того, как почти все храмовники во главе с их гроссмейстером Жаком де Молэ оказались в застенках св. трибунала, инквизитор собрал в соборе Парижской богородицы магистров Парижского университета и членов соборного капитула и ознакомил их с предъявленными ордену обвинениями.

День спустя, 15 сентября, в саду королевского дворца доминиканские проповедники и королевские чиновники сообщили парижанам о раскрытии «чудовищного» заговора тамплиеров против католической церкви и веры. 16-го Филипп Красивый направил всем князьям христианского мира послания, в которых уведомлял о раскрытии ереси тамплиеров и просил принять против них соответствующие меры. Министр короля Ногарэ даже мобилизовал трубадуров, которые стали выступать с песнями, разоблачающими «преступления» тамплиеров. Писатель Франсуа де Рю с этой же целью написал роман.

Между тем инквизитор Имберт не терял даром времени. Он и его сотрудники с 19 октября по 24 ноября допросили 138 храмовников с таким успехом, что все, за исключением трех, сознались в предъявленных им обвинениях. Столь же эффективно велось следствие и в провинции.

О том, какими средствами пытались инквизиторы вырвать признание у арестованных, говорит большое число погибших во время следствия тамплиеров. В Париже таких жертв инквизиции было 36, в Сансе — 25 и т. д.

Комментируя роль инквизиции в преследовании тамплиеров, даже церковный историк Вакандар вынужден отметить, что, «возможно, никогда трибуналы инквизиции не применяли таких строгостей и насилий, как в деле тамплиеров».²¹⁹

Самым крупным успехом инквизитора Имберта было то, что ему удалось заставить главу ордена гроссмейстера Молэ не только «сознаться» в большинстве предъявленных ему обвинений, но и подписать письмо, адресованное всем членам ордена, в котором он уведомлял их о своем признании и призывал последовать его примеру, ибо и они-де повинны в тех же заблуждениях, что и он.

В протоколе показаний Молэ отмечается: «Обвиняемый заявил под присягой, что к нему не применялись ни угрозы, ни насилие», т. е. пытки. Но эта фраза была обычным инквизиторским трюком; правда заключалась в противном. Много лет спустя после расправы над тамплиерами было обнаружено письмо Молэ, в котором он сообщает друзьям, что во время пыток в застенках инквизиции палачи содрали кожу с его спины, живота и ног.²²⁰

Как только удалось вырвать у Молэ и других руководителей ордена «компрометирующие» показания, инквизиторы приволокли их в бывшую штаб-квартиру ордена Тамплъ, где заставили повторить эти показания перед магистрами и студентами университета.

По мере того, как раскручивалась пружина следствия, первоначальные пять пунктов

²¹⁹ Vacandard E. The Inquisition, p. 210

²²⁰ См.: Gilles K. Les templiers sont ils coupables? p. 110

обвинения обрастали новыми фантазмагорическими подробностями. Тамплиеров обвиняли в предательстве — они якобы заключили тайный договор с «вавилонским султаном», обязуясь в случае нового крестового похода предать ему всех христиан; их обвиняли в колдовстве — они якобы сжигали своих собратьев, умерших в ереси, делая из их пепла порошок, превращавший неопитов во врагов христианства; когда родился ребенок у девушки, соблазненной тамплиером, его якобы изжаривали, а из жира делали мазь, которой обмазывали уже упоминавшихся выше бородатых идолов, и т. д. и т. п.

Вздорность и нелепость выдвинутых против тамплиеров обвинений подтверждается самими же протоколами допросов обвиняемых. Хотя всем храмовникам задавали одни и те же вопросы, их ответы, как правило, не совпадали. Одни показывали, что руководители ордена внушали им деизм, другие, что их заставляли отречься от бога, третьи — от девы Марии, четвертые — от Христа и т. д. Столь же разноречивые показания были даны и об упоминавшемся выше «идоле».

«Среди тех, которые говорили, что видели его, с трудом можно найти двух, описывавших его совершенно одинаково, и то благодаря данным обвинения, представлявшим его в виде головы. Иногда голова эта — белого цвета, иногда она — черная, то у нее черные волосы, то с проседью, а то вдруг у нее является длинная седая борода. Одни свидетели видели ее шею и ее плечи, покрытые золотом; один показывал, что это был злой дух, на которого нельзя было смотреть без содрогания; другой говорил, что у нее было нечто вроде глаз из карбункулов... Один свидетельствовал, что у нее было два лица, а другой, что — три; один показывал, что у него было четыре ноги: две сзади и две спереди, а другой говорил, что это была статуя о трех головах. То идол этот представляется в виде картины, то в виде раскрашенной металлической бляхи, то в виде небольшой женской статуи, которую наставник держал спрятанной у себя под одеждой и показывал только верующим; иногда это — статуя юноши, высотой в локоть... А один свидетель показал, что идол этот не имел человеческой формы, а изображал быка. Иногда его называют Спасителем, иногда *Vafomet* или *Maquineth* — испорченное Магомет, — и ему поклоняются под именем Аллаха. Иногда это — бог, создатель всего мира, заставляющий цвести деревья и прозябать растения; иногда же это друг бога, который может ходатайствовать перед ним за молящегося. Иногда идол пророчествует; иногда его сопровождает или заменяет злой дух, принимающий форму черной или серой кошки или ворона и отвечающий на предлагаемые ему вопросы; церемония оканчивалась, как и шабаш ведьм, приходом демонов под видом невыразимо преле: красных женщин».²²¹

Подобного же рода противоречия встречаются в показаниях тамплиеров и по всем другим пунктам обвинения. Но это отнюдь не смущало инквизиторов и Филиппа Красивого. Они-то прекрасно знали, что все эти обвинения не стоят выеденного яйца и сочинены ими же самими с единственной целью — добиться осуждения ордена и завладеть таким образом его богатствами и сокровищами, накопленными в результате грабежей на Востоке и эксплуатации тысяч братьев-служителей. В данном случае грабитель более могущественный грабил грабителя менее сильного, обычное явление в классовом обществе. Новым являлось то, что этот разбой происходил под богоугодным предлогом искоренения ереси и с согласия римского папы.

Как всегда, когда церковь обнаруживала новую ересь, инквизиция, чтобы отяготить вину тамплиеров, не довольствовалась констатацией их собственных (сочиненных в данном случае ею же самою) еретических заблуждений, но приписывала им крамольные верования других еретических учений, осужденных ранее церковью. В частности, тамплиеры обвинялись в том, что они разделяли заблуждения манихеев, гностиков и других еретиков прошлого. Хотя некоторые из арестованных и в этом признались, вряд ли следует доказывать, что в их признаниях, полученных в результате деятельности палача, имелась

²²¹ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 340–341

хоть какая-то доля истины.

Различные церковные авторитеты на протяжении столетий пытались доказать недоказуемое — виновность тамплиеров в еретических заблуждениях.²²² Но если даже допустить, что тамплиеры действительно были еретиками, то это были еретики, ни в коей мере не похожие ни на своих предшественников, ни на тех, кто следовал за ними. Ни один из арестованных тамплиеров (а их были тысячи), «признавшихся» в инкриминируемых еретических заблуждениях, не отстаивал их, а с превеликой охотой отрекался от них, и если сгорал на костре, то только потому, что отказывался признать себя виновным. «Один случай упорства, — отмечает Г. Ч. Ли, — был бы для Филиппа и Климента дороже всякого другого свидетельства и стал бы гвоздем всего процесса; но случая такого не было. Все тамплиеры, шедшие на костер, были мучениками иного рода; это были люди, у которых пытка вырвала сознание [в еретических заблуждениях], от которого они затем отказались и предпочли смерть на костре позорному отстаиванию вырванных муками признаний. Тонкие историки, которые задались целью воссоздать тайное учение тамплиеров, по-видимому, не подумали, что им пришлось выдумать ересь, последователи которой вместо того чтобы страдать, защищая свою веру, соглашались десятками идти на костер, лишь бы им не приписывали ее».²²³

Если бы не было других доказательств, что обвинения против тамплиеров были чистейшим вымыслом, то обстоятельство, что среди них не оказалось ни одного «упорствующего» еретика, само по себе достаточно, чтобы реабилитировать их.

Папа Климент V одобрил действия французской инквизиции, потребовав только отдать их имущество под контроль двух кардиналов, надеясь, не без основания, урвать себе соответствующую долю. Филипп не возражал, учитывая, что предложенные папой кардиналы были, как и он сам, его креатурами.

Получив таким образом определенную гарантию, что он будет участвовать в разделе богатств тамплиеров, Климент V 22 ноября 1307 г., т. е. до окончания следствия по делу, издал буллу «*Pastoralis praeminentiae*», в которой брал под защиту действия Филиппа и утверждал, что обвинения против ордена доказаны, а его руководители сознались в совершенных преступлениях. Булла заканчивалась призывом ко всем государям Европы последовать примеру Филиппа и начать преследование ордена.

Однако несколько месяцев спустя Климент V, по-видимому опасаясь, что Филипп оставит его без обещанной награды, неожиданно запретил французским инквизиторам и епископам продолжать следствие по делу тамплиеров, присвоив лично себе дальнейшее его ведение.

Такое поведение папы, пытавшегося набить себе цену, вызвало ярость Филиппа. Он обвинил главу католической церкви в потворстве еретикам, что было равносильно обвинению в ереси.

Действуя через инквизитора Франции, Филипп заставил гроссмейстера Молэ и четырех других руководителей ордена выступить перед высшими церковными иерархами Франции с самообвинением в ереси. Молэ вновь подтвердил, что тамплиеры тайно отрекались от Христа и плевали на крест. Его заставили обратиться с новым посланием к тамплиерам, в котором он освобождал их от сохранения тайны и приказывал, в силу обета послушания, «чистосердечно» признаться инквизиторам в своих преступных еретических заблуждениях. Вслед за этим последовали новые переговоры Филиппа с Климентом V. Они согласились передать конфискованное у тамплиеров имущество в распоряжение папских и королевских комиссариев, до вынесения приговора. Филипп надеялся, что в конечном итоге ему удастся

²²² См., например, книгу современного демонолога, американского священника Соммерса: Summers M. *The Geography of Witchcraft*, p. 374

²²³ Ли Г. Ч. *История инквизиции в средние века*, т. 2, с. 337

окончательно присвоить сокровища тамплиеров. Папа же считал, что такое соглашение даст ему возможность получить немалую часть этих сокровищ. Соглашение предусматривало также, что арестованные королем тамплиеры поступят в распоряжение папы и их будут судить инквизиторы вместе с епископами; судьбу гроссмейстера Молэ и других иерархов ордена взялся решить сам Климент V. Осуждение и роспуск ордена было намечено осуществить на соборе, созвать который предполагалось в 1310 г. Кроме этого, Филипп разрешил, чтобы 72 «сознавшихся» обвиняемых во главе с Молэ были допрошены лично папой и кардинальской коллегией.

Вскоре после заключения соглашения по приказу Филиппа из Парижа были направлены папе, находившемуся в Пуатье, 72 арестованных храмовника. Папа побоялся личной встречи с Молэ и другими иерархами ордена: ведь они могли отречься от своих показаний и разоблачить как его действия, так и его покровителя Филиппа. Климент V отдал приказ задержать Молэ и других иерархов ордена на полпути, остальные же были доставлены в Пуатье. Здесь кардиналы — доверенные лица Филиппа подвергли узников предварительной обработке, угрожая в случае отказа от ранее сделанных признаний сжечь их как еретиков-рецидивистов. Только после того, как кардиналы убедились, что их жертвы хорошо усвоили предназначенную им роль, тамплиеров представили кардинальской коллегии во главе с папой, перед которой несчастные полностью подтвердили вырванные у них ранее инквизицией клеветнические показания.

Вслед за этим папа разразился новой серией булл, в которых орден тамплиеров всячески поносился и христианские князья призывались принять против него самые решительные репрессивные меры.

Однако преследование тамплиеров, по-видимому, встретило в среде церковной иерархии и феодалов значительное сопротивление. Поэтому папа был вынужден лавировать. 12 августа 1309 г. он создал под председательством Нарбонского архиепископа комиссию, перед которой арестованные тамплиеры получили возможность выступить в защиту своего ордена. Гроссмейстер Молэ и другие руководители тамплиеров, ссылаясь, что они подсудны только папе и недостаточно квалифицированы выступать в роли адвокатов своего ордена, отказались дать показания комиссии. Но среди рядовых тамплиеров нашлись более мужественные люди, чем их вожди. Многие из них отреклись перед комиссией от показаний, вырванных у них угрозами и пытками.

Один из них, Аймери де Вильер, заявил комиссии: «Если я должен буду погибнуть на костре, я не выдержу и уступлю, ибо слишком боюсь смерти. Я признал под присягой перед вами и признаю перед кем угодно все преступления, вменяемые ордену, я признаю, что убил бога, если от меня этого потребуют».²²⁴ Но напрасно тамплиеры клялись перед посланцами папы в своей невиновности. Это было все равно, что глаголати в пустыне. Церковные иерархи трепетали перед Филиппом и, чтобы самим не обжечься, готовы были бросить в огонь своих братьев по церкви — тамплиеров независимо от того, были ли они виновны или нет в инкриминируемых им преступлениях.

Между тем рассерженный вызывающим поведением некоторых арестованных, разоблачивших перед комиссией Нарбонского архиепископа преступные действия инквизиции, силой вырвавшей у них позорящие орден показания, Филипп решил прекратить дальнейшую возню вокруг дела тамплиеров. С папского согласия он приказал собрать поместные соборы для вынесения приговора тамплиерам. 10 мая 1310 г. открылся Санский собор в Париже (Париж входил в Санскую епархию). под председательством архиепископа Филиппа де Маринье, брата королевского министра Энггерана, доверенного человека короля. Собор объявил отказавшихся от своих прежних показаний и настаивавших на своей невиновности тамплиеров еретиками, повторно впавшими в ересь, и повелел комиссии Нарбонского архиепископа без промедления предать их огню. Хотя представители комиссии

²²⁴ Цит. по: Leclercq J. Vienne. Paris, 1964, p. 33

пытались отсрочить казнь, в тот же день 54 тамплиера, провозгласивших себя невиновными в ереси, были посажены на телеги и отвезены в поле рядом с монастырем св. Антонио, где их предали мучительной смерти на медленном огне. К чести казненных следует сказать, что ни один из них не пожелал ценой нового «признания» в ереси спасти себе жизнь. Через несколько дней собор предал огню еще четырех упорствовавших тамплиеров. Другие поместные соборы тоже не бездействовали: Реймский собор сжег девять тамплиеров, в Понде л'Арке сожгли троих, несколько «упорствующих» было казнено в Каркассоне.

Одновременно с этими казнями соборы примиряли с церковью и выпускали на свободу тех тамплиеров, которые, признавшись в ереси, отрекались от нее. Таких было подавляющее большинство.

Однако если Филиппу и его креатуре Клименту V удалось с помощью инквизиции во Франции пытками и террором «доказать» виновность ордена в ереси, в других христианских странах столь же «веских» доказательств добыть не удалось. Христианские князья с большой неохотой преследовали тамплиеров, прекрасно отдавая себе отчет в том, что орден неповинен в приписываемых ему преступлениях. В Англии первоначально не было собрано никаких изобличающих орден в ереси улик. Тогда Климент V настоял на применении пыток против тамплиеров. Король Эдуард II, которому предстояло жениться на сестре Филиппа Красивого, согласился на применение пыток, и хотя таким образом были собраны «улики» против ордена, его членам все-таки сохранили жизнь. В Германии и других странах только после угроз со стороны Климента V против тамплиеров применялись пытки, однако в очень редких случаях посылали их на костер.

В этих условиях в октябре 1311 г. во Вьенне близ Лиона собрался XV вселенский собор, которому предстояло окончательно решить судьбу тамплиеров. На нем присутствовало около 300 епископов из Франции, Италии, Венгрии, Англии, Ирландии, Шотландии и других католических стран. Обстановка на соборе была накаленной. Климент V, опасаясь, что на него может быть произведено покушение, окружил себя сильной охраной. Он предупредил и Филиппа, чтобы тот принял меры предосторожности.

К сожалению, акты Вьеннского собора, как заявляют представители Ватикана, утеряны. Тем не менее известно, что намерение Климента V добиться осуждения ордена тамплиеров натолкнулось на серьезное сопротивление участников собора. Только появление на соборе Филиппа Красивого в сопровождении внушительного военного отряда заставило соборных отцов подчиниться Клименту V, который в свою очередь был вынужден сделать существенную уступку. В булле «*Vox in excelso*», представленной им собору и излагавшей «дело» тамплиеров, папа, указывая, что на орден пало подозрение в ереси, признал, что собранные улики не оправдывали с канонической точки зрения его окончательного осуждения. И все же он потребовал запрещения ордена, который, по признанию его руководителей, запятнал себя неблагоприятными делами. Орден, утверждал папа, стал отвратительным и одиозным, и никто не пожелает теперь вступать в него.²²⁵

Собор согласился с требованием Климента V и запретил дальнейшую деятельность ордена. Судьбу его членов должны были решать поместные соборы, имущество же тамплиеров передавалось ордену госпитальеров. Многие тамплиеры закончили свою жизнь в тюрьмах инквизиции, другие — «рецидивисты» — погибли на кострах. Те же, кто остался на свободе, влачили жалкое существование, добывая себе пропитание милостынейю.

Во время следствия гроссмейстер Молэ и другие высшие чины ордена, опасаясь костра, по существу предали своих братьев, подтвердив все нелепейшие обвинения инквизиции.

Как уже было сказано, папа обещал судить их сам или через своих полномочных представителей.

Папского суда Молэ и его коллегам по несчастью пришлось дожидаться в заточении долгих семь лет. Суд над ними состоялся только 18 марта 1314 г. В этот день на эшафоте,

²²⁵ Lecler J. Vienner p. 188

возведенном перед собором Богоматери в Париже, заняли места гроссмейстер ордена Молэ, магистр Нормандии Жофруа де Шарнэ, визитатор Франции Гуго де Перо и магистр Аквитании Годфруа де Гонвиль. Учитывая, что все четверо сознались и раскаялись в своих еретических заблуждениях, церковный суд во главе с тремя кардиналами, представлявшими Климента V, осудил их на пожизненное тюремное заключение.

Но когда, казалось, на этом и завершится последний акт бесподобного дела тамплиеров, судьба распорядилась иначе. Не успел один из кардиналов зачитать приговор, как со своих мест поднялись Молэ и Жофруа де Шарнэ, одетые в шутовские одежды кающихся грешников, и громогласно заявили, что вовсе не признают себя еретиками, а считают себя виновными в позорной измене ордену, который они, спасая свои головы, обвинили в вымышленных преступлениях. Орден был чист и свят, утверждали они, обвинения же, возведенные на него, как и их прежние признания, — ложь и клевета.

Нетрудно вообразить, какой переполох вызвали среди судей эти заявления решившихся, хотя и с запозданием, на столь геройский поступок Молэ и Шарнэ. Аутодафе было тут же прервано, и оба «повторно впавших в ересь» преступника были переданы в руки парижскому прево с предписанием бросить их в костер. Спешно соорудили костер, и не успело зайти солнце, как от обоих «упорствующих» еретиков остался один только пепел. Филипп наблюдал за казнью из окна соседнего дворца. Гуго де Перо и Годфруа де Гонвиль пренебрегли славой мучеников и закончили свои дни в казематах инквизиции.

Что касается имущества и сокровищ тамплиеров, то хотя Вьеннский собор постановил передать их ордену госпитальеров, по существу они остались в руках французской короны и светских князей, завладевших ими.

Филипп не только завладел всеми сокровищами тамплиеров, но еще заставил госпитальеров в виде компенсации уплатить ему 200 тыс. ливров.²²⁶ Всего же, по подсчету некоторых историков, упразднение ордена принесло этому королю огромный куш в 12 млн. ливров.²²⁷ Этого показалось мало его преемнику Людовику X, который ухитрился получить с госпитальеров еще 50 тыс. ливров.

Авторы «дела» тамплиеров ненадолго пережили свои жертвы. Климент V умер от волчанки месяц спустя (20 апреля) после казни Молэ и Шарнэ, а 29 ноября того же года Филипп Красивый погиб во время охоты. Их смерть породила легенду о том, что Молэ вызвал обоих с того света на суд божий.

История сыграла еще более злую шутку над французским королевским домом. В революцию 1789 г. Людовик XVI был заточен в Тампле, где некогда помещалось руководство тамплиеров во Франции. Оттуда его отвезли на гильотину.

Это совпадение дало повод французскому историку Ренэ Жиллю сделать следующее замечание: «Процесс тамплиеров — это одно из тех исторических событий, последствия которого сказываются на протяжении столетий, причем невозможно предвидеть, чем оно закончится в конечном итоге. Костер, поглотивший Жака де Молэ, имел своим продолжением четыреста лет спустя эшафот, на котором закончил свои дни Людовик XVI столь же трагично, как в свое время их закончил гроссмейстер Храма».²²⁸

Ренэ Жилль в известной степени прав: запрет ордена тамплиеров способствовал укреплению французской короны, однако прошли столетия, монархия изжила себя, и Людовику XVI пришлось заплатить головой не только за свои преступления, но и за преступления своих предшественников.

Современным церковным апологетам приходится весьма туго, когда они касаются

²²⁶ Lecler J. Vienne, p. 95–96

²²⁷ Lobet M. La tragique Histoire du l'Ordre du Temple. Bruxelles 1954. p. 112

²²⁸ Gilles R. Les templiers sont ils coupables... p. 11

скандального дела тамплиеров, в истреблении которых такое активное участие принимали инквизиция и папство. Один из них, Марсель Лобэ, ссылается на неисповедимость путей господних. «Тамплиеры, — философствует Лобэ, — погибли подобно мученикам в огне костров, возможно, за интеллектуальные и «телесные» страсти, проявленные их многочисленными собратьями в левантийских походах». ²²⁹

«Сила» подобных аргументов заключается в том, что с их помощью можно списать любое преступление инквизиции и церкви на счет божественного провидения...

На Вьеннском соборе Климент V заявил, что «впредь под страхом отлучения название ордена тамплиеров не будет больше упоминаться, никто больше не станет в его ряды, никто больше не станет носить его одежду». ²³⁰ Этот приказ наместника божьего на земле оказался не выполнен. Орден тамплиеров, правда уже как полусветская организация, был восстановлен во Франции при Наполеоне I в 1808 г. Формально он продолжает существовать в виде аристократического клуба по сей день.

Прошло свыше шести столетий после процесса над орденом тамплиеров и казни его руководителей, а книги об этих событиях продолжают появляться. О них пишут, как будто они произошли только вчера. Мудрая богиня Клио, всевидящая и всезнающая, действительно никого и ничто не забывает, никому и ничего не прощает...

ЯН ГУС И ИЕРОНИМ ПРАЖСКИЙ — ЖЕРТВЫ СОБОРНОЙ ИНКВИЗИЦИИ

В начале XV в. католическая церковь представляла собой весьма печальное зрелище. В церкви все еще продолжался «великий раскол» — в Авиньоне находился один папа, в Риме — другой, и оба яростно враждовали между собой.

В 1409 г. собор в Пизе низложил авиньонского папу Бенедикта XIII и римского — Григория XII и избрал на их место Александра V. Но низложенные папы не признали решения собора, они прокляли всех его участников. Таким образом, вместо того, чтобы покончить с великим расколом, Пизанский собор только углубил его: теперь не два, а уже три папы претендовали на звание наместника бога на земле. Год спустя после Пизанского собора умер Александр V и его место занял бывший пират Бальтазар Косса, принявший имя Иоанна XXIII, — «циник и развратник с противоестественными похотями», — как его называет Маркс. ²³¹ Многие считали избрание Коссы на папский престол незаконным (В официальном церковном списке Б. Косса (Иоанн XXIII) числится как антипапа. Это позволило кардиналу Ронкалли после своего избрания на папский престол в 1959 г. принять имя Иоанна XXIII). Вскоре Иоанн, потерпев поражение в войне с неаполитанским королем, вынужден был оставить Рим и бежать во Флоренцию.

Ожесточенная грызня за папскую тиару была только одним из моментов кризиса, охватившего как верхи, так и низы католической церкви. Несмотря на костры инквизиции, в недрах церкви росла оппозиция к церковной иерархии, всюду раздавались требования ограничить ее власть, лишить колоссальных мирских богатств, в частности земельной собственности. В начале XV в. центром церковной оппозиции в Европе стала Чехия, где местное духовенство во главе с последователем Уиклифа, ²³² английский богослов, оспаривал принцип непогрешимости пап, отвергал культ святых, торговлю индульгенциями,

²²⁹ Lobet M. La tragique Histoire du l'Ordre du Temple, p. 122

²³⁰ Gilles R. Les templiers sont ils coupables... p. 168

²³¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, с. 215

²³² Джон Уиклиф (1320-1384)

требовал отказа церкви от земельной собственности. Католическая церковь осудила учение Уиклифа как еретическое. Однако сам Уиклиф, которому покровительствовал английский король, избежал участи других ересиархов и умер естественной смертью. Яном Гусом (1369–1415), поддерживаемое чешскими крестьянами, мелкой шляхтой, городской беднотой и бюргерами, выступало, с одной стороны, против роскоши и жадности высшего духовенства и продажи индульгенций, с другой — против немецких помещиков и дворян. Против гуситов объединились немецкие феодалы во главе с императором Сигизмундом и церковные иерархи во главе с папой римским.

Ян Гус

Чтобы покончить со смутой в церкви и расправиться с гуситской ересью, Сигизмунд и Иоанн XXIII созвали в Констанце XVI вселенский собор. Констанцкий собор открылся 5 ноября 1414 г. На нем присутствовали 3 патриарха, 29 кардиналов, 35 архиепископов, более 150 епископов, 124 аббата, 578 докторов богословия, множество других церковников, которых сопровождала огромная челядь — около 18 тыс. человек. Среди светских делегатов были император Сигизмунд, посланцы 10 королей, 100 графов и князей, 2400 рыцарей, 116 представителей городов. Вместе с участниками собора, их слугами и сопровождавшими военными отрядами, гостями, бродячими артистами (одних игроков на флейте было 1400) и проститутками в Констанцу съехалось около 100 тыс. человек.²³³ Это действительно был один из самых представительных соборов католической церкви.

На повестке дня собора было три основных вопроса: борьба с ересью, восстановление единства церкви, церковные реформы.

Констанцкий собор заседал три года. Дебаты на нем носили весьма бурный характер, острых моментов было много. Собору подчинился и представил свое отречение папа Григорий XII. Однако авиньонский папа Бенедикт XIII отказался признать авторитет собора; он укрылся в Испании, откуда продолжал, правда безуспешно, настаивать на своем праве носить папскую тиару. Обвиненный в различных преступлениях, сбежал с собора Иоанн XXIII. По дороге его поймали, возвратили в Констанцу (в 1415 г.) и заточили в замок. Из заточения он был освобожден только три года спустя папой Мартином V, избранным на

²³³ Gill J. Constance et Bale-Florence. Paris, 1965, p. 41–42

папский престол Констанцским собором.

Самым драматическим, «памятным», по словам хронистов, моментом собора был суд над выдающимся представителем реформационного движения в Чехии, мыслителем и гуманистом Яном Гусом и его казнь, являющиеся характерным примером деятельности соборной инквизиции.

Гус был вызван на собор Иоанном XXIII; до этого он был отлучен от церкви и предан анафеме, однако в Проле, поддерживаемый населением, продолжал свою реформаторскую пропаганду. Гус решил явиться на собор, тем более, что неоднократно сам требовал его созыва и получил охранную грамоту императора Сигизмунда, гарантировавшую ему неприкосновенность. Ответить в этих условиях отказом означало не только проявить трусость, что для борца за правое дело, каким являлся Гус, было невыносимо, но и заранее признать себя виновным в еретических проступках. Между тем Гус себя считал подлинным христианином, а несогласных с ним церковных иерархов винил в отступлении от «истинного» учения Иисуса Христа.

25 дней спустя после прибытия в Констанцу Гуса по приказу Иоанна XXIII и кардиналов заточили в подземелье доминиканского монастыря, в позорное помещение — в келью рядом с отхожим местом. Арестовав Гуса, папа и кардиналы нарушили охранную грамоту, данную ему императором Сигизмундом.

Последний, тоже присутствовавший на соборе, с присущей коронованным особам в таких случаях щепетильностью заявил, что его охранная грамота имела, так сказать, «целевое назначение», а именно: должна была обеспечить Гусу «справедливое разбирательство» его дела на соборе и дать ему возможность выступить перед соборными отцами в свою защиту, а вовсе не спасти его от наказания за еретические воззрения. «Если же, — заявил Сигизмунд, — кто-либо будет продолжать упорствовать в ереси, то я лично подожгу [костер] и сожгу его».²³⁴

Впрочем, напрасно Сигизмунд оправдывался перед Гусом: церковь считала, что нарушение любого обещания, договора или соглашения оправданно и законно, если оно в интересах папы и веры. Что касается еретиков, то, согласно существовавшей церковной доктрине, все верующие автоматически освобождались от каких-либо обязательств по отношению к ним. В данном случае Сигизмунд мог не испытывать никаких угрызений совести, ответственность за его действия ложилась на самого папу римского, наместника бога на земле...

Арестовав Яна Гуса, собор присвоил себе функции трибунала инквизиции. Он выделил следователей и фискалов, которые сострепали против чешского богослова обвинительный акт из 42 пунктов. Собор поручил специальным комиссариям произвести допрос арестованного. Допросы Гуса продолжались несколько месяцев. В этот период и произошло бегство Иоанна XXIII с собора, о котором мы уже упоминали.

С уходом Иоанна XXIII со сцены можно было ожидать освобождения Гуса, однако его всего лишь перевели из одного места заточения в другое — из доминиканского монастыря в замок Тотлебен, да заменили комиссариев, назначенных бежавшим папой, новыми.

В Тотлебене Гуса держали днем в ножных оковах, а ночью приковывали и его руки к цепи, вделанной в стену. Вскоре в тот же замок был посажен пойманный Иоанн XXIII, но его держали здесь со всеми удобствами. И это естественно, ведь Иоанн XXIII выступал в роли раскаявшегося грешника, он признал все выдвинутые против него собором обвинения; Гус же настаивал на своей невиновности, т. е., по мнению церковников, вел себя как упорствующий еретик.

Гус обличал продажность, распущенность, стяжательство и жадность церковников. Но в этом ничего еретического не было. Многие соборные отцы выступали против пороков духовенства, и сам собор был созван для того, чтобы найти этому какое-нибудь противоядие.

²³⁴ См.: John Hus at the Council of Constance New York and London, 1965, p. 180

Ересь Гуса заключалась в том, что он требовал от духовенства строго придерживаться провозглашенных церковью христианских добродетелей. «Церковные иерархи выдают себя за наследников апостолов Христа? — вопрошал Гус и отвечал: — Если они ведут себя соответственно, то таковыми являются; если же наоборот, то они лжецы и обманщики. И тогда светская власть вправе лишать их церковных титулов и бенефиций».

Слушая на соборе выступления Гуса, один венецианский кардинал отметил, что еретики примешивают долю истины к своим ложным доктринам, надеясь таким образом обмануть простых людей.²³⁵ Соборных отцов, ненавидевших Дольчино и его последователей, осудивших за подобную же проповедь Уиклифа, нельзя было на этот счет ввести в заблуждение цитатами из евангелия и трудов церковных авторитетов. Они прекрасно знали, что в лице Гуса перед ними выступает не мнимый, а подлинный, причем грозный и непримиримый противник.

Соборным отцам не представляло особого труда доказать это. Ведь Гус был не только магистром богословия, но и неутомимым сочинителем богословских трактатов. Даже будучи в заключении в Констанце, он с согласия тюремщиков продолжал писать на богословские темы. И каждая написанная им страница давала его врагам новые основания для его обвинения в ереси. «Дайте мне две строчки любого автора, и я докажу, что он еретик, и сожгу его», — не без основания похвалялся один средневековый инквизитор. Действительно, при желании можно было любой текст истолковать во вред автору, учитывая противоречивость Библии, многочисленных соборных постановлений и папских энциклик и булл. Тот же, кто пытался подвергнуть критике или сомнению канонические тексты или официальные папские высказывания и заявления, был подобен самоубийце: инквизиторы бросали смельчака в костер или заключали пожизненно в один из своих казематов, если нервы подобного «еретика» не сдавали и он в последний момент не отрекался от своих «отвратительных заблуждений». В руках же врагов Гуса были не «две строчки», а гора его сочинений, из которых при желании можно было без особого труда надергать ворох цитат, обличающих их автора в ереси.

Следует ли удивляться, что соборные отцы легко состряпали против Гуса обвинительный акт, напичканный цитатами из его сочинений. Но если написать такое обвинение было детской забавой для противников Гуса, то заставить его признать свои «омерзительные ошибки» оказалось для них совершенно недостижимой задачей.

Между тем именно в этом заключалась основная цель суда над Гусом. В начале июня 1415 г. дело по обвинению Гуса в ереси было закончено и его, закованного в цепи, перевели во францисканский монастырь в Констанце, где заседал собор. 6 июня Гус предстал перед собором. Епископ Лоди выступил с обвинительной речью.

Все попытки Гуса доказать необоснованность выдвинутых против него обвинений решительно пресекались соборными отцами. Ему попросту не давали возможности говорить. На него кричали, плевали, его поносили, ругали, осыпали проклятиями. Соборные отцы провозглашали, что он хуже, чем содомит, Каин, Иуда, турок, татарин и еврей. Они его сравнивали с «пресмыкающимся змием» и «похотливой гадюкой». Его выступления прерывались свистом, топаньем ног, воплями: «В костер его! В костер!»

Так продолжалось изо дня в день в течение месяца, но Гуса невозможно было запугать, сломить. Мужественно и настойчиво требовал Гус от собора разбирательства своего дела по существу. «Докажите, — говорил он своим судьям, — что мои воззрения еретические, и я от них отрекусь».

Император Сигизмунд и соборные отцы не жалели усилий, чтобы заставить своего узника принести повинную и отречься от приписываемых ему еретических заблуждений. Если бы им удалось вырвать у своей жертвы публичное покаяние, этим они нанесли бы удар по его сторонникам в Чехии. Гус отказался подчиниться их требованиям. Взамен он

²³⁵ The Council of Constance. The unification of the Church. New York — London, 1961, p. 284

согласился присягнуть, что никогда не разделял и не проповедовал приписываемых ему заблуждений и никогда не будет разделять или проповедовать их. Собор отверг эту формулу.

Гусу предложили заявить, что он никогда не разделял приписываемых ему заблуждений, но тем не менее отказывается, отрекается и отрешается от них и принимает любое духовное наказание, которое собор «по доброте своей» и во имя его же спасения найдет нужным наложить на него. Гус ответил, что не может выполнить требуемого, не согрешив против истины и не совершив клятвопреступления. Ему сказали, что, произнеся требуемое собором отречение, он перенесет на собор ответственность за этот акт, что же касается клятвопреступления, то ответственность за него понесут те, кто составил формулу отречения. Гус остался непреклонным. Как и в большинстве подобного рода дел, в деле Гуса не обошлось без Иуды-предателя.

Врагам Гуса удалось перетянуть на свою сторону Стефана Палеца, единомышленника Гуса, выступившего против него в роли свидетеля обвинения. Были использованы и некоторые друзья Гуса, чтобы убедить его покориться воле собора. Этого же требовал от него и император Сигизмунд. Чешский богослов решительно отвергал какой-либо компромисс со своими врагами. Он предпочитал мученическую смерть на костре малодушному отречению от своих убеждений. Убедившись, что от Гуса не удастся добиться самообвинения и отречения, собор объявил его упорствующим еретиком, лишил священнического сана, отлучил от церкви и приговорил к сожжению на костре.

Казнь Гуса была назначена на 6 июля 1415 г. В этот день состоялось самое торжественное в истории инквизиции аутодафе.

На аутодафе явились все соборные отцы, император Сигизмунд в сопровождении блестящей свиты, князя, рыцари и другие почетные гости собора. Во время богослужения Гуса держали под охраной у дверей храма. Затем подвели его к алтарю и зачитали приговор собора. Гус громко отрицал свою виновность.

Гусу дали в руки так называемую чашу искупления, и один из епископов провозгласил формулу проклятия: «О проклятый Иуда! За то, что ты покинул совет мира и перешел в стан иудеев, мы отбираем от тебя этот сосуд искупления!» Но Гус не оставался в долгу: «Я верю во всемогущего господа бога, во имя которого я терпеливо сношу это унижение, и уверен, что он не отберет от меня его чашу искупления, из которой я надеюсь пить сегодня в его королевстве». ²³⁶

Ему приказали замолчать, а когда он отказался повиноваться, стражники зажали ему руками рот. Семь епископов сорвали с него священническое облачение и вновь призвали его отречься. Гус, повернувшись к присутствующим, заявил, что не может покаяться в заблуждениях, которых никогда не разделял. Присутствующие криками заставили его замолчать.

Прежде чем бросить осужденного в костер, следовало его соответствующим образом подготовить к этому «акту веры». Гусу обрезали ногти и остригли тонзуру. Затем увенчали его голову шутовской бумажной тиарой, разрисованной чертями, на которой красовалась надпись «Се ересиарх».

При этом возглавлявший эти колдовские действия епископ сказал Гусу: «Мы поручаем твою душу дьяволу!» Но Гус продолжал со стойкостью и упорством, вызывавшими уважение даже его врагов, отвечать на каждый удар контрударом: «А я посвящаю свою душу самому всепрощающему господу Иисусу Христу!». ²³⁷

Когда в возникшей сутолоке с головы Гуса упал шутовской колпак, один из стражников приказал службе: «Напяльте снова на него этот колпак, чтобы его сожгли с чертями, его повелителями, которым он служил здесь на земле» (Ibid., p. 232).

²³⁶ John Hus at the Council of Constance, p. 230

²³⁷ John Hus at the Council of Constance, p. 231

На этом церковная часть аутодафе закончилась. Теперь предстояло совершить казнь над отлученным, предать его «грешное» тело костру с тем, чтобы «спасти» его душу. Гусу предстояло испытать свою чашу искупления до дна...

Император Сигизмунд передал осужденного графу палатину Людовику, который приказал прево г. Констанцы Гансу Газену: «Возьмите этого человека, осужденного нами обоими, и сожгите его как еретика!»

С о ж ж е н и е Я н а Г у с а

Петр из Младеновиц (около 1390–1451), очевидец казни Гуса, оставил в назидание потомству ее детальное описание: «А место, на котором он был замучен, было нечто вроде луга среди садов констанцкого предместья. Итак, сняв с него верхнюю черную одежду, в рубашке, крепко привязали его веревками в шести местах к какому-то толстому бревну, руки скрутили назад, и заостривши бревно с одного конца, воткнули его в землю, а так как лицо Гуса было обращено к востоку, некоторые стоявшие тут сказали: «Поверните его лицом на запад, а не на восток, потому что он еретик».

Так и сделали. Он был привязан к этому бревну за шею черной закопченной цепью, на которой какой-то бедняк вешал свои котелки на огонь. И увидев эту цепь, он сказал палачам: «Господь Иисус Христос, мой милый искупитель и спаситель, был связан за меня более жесткими и тяжелыми путами, и я, бедный, не стыжусь за его святое имя быть привязанным этой цепью». А под ноги положили ему две вязанки дров, а на ногах у него были башмаки и одна колодка. Обложили его со всех сторон этими дровами, вперемежку с соломой, близко к телу, до самого горла. А до того, как поджечь, подъехал к нему имперский маршал Таппе из Попенгейма и с ним сын Клема, увещевая магистра отречься от своего учения и проповедей и подтвердить это присягой. А магистр Гус, подняв глаза к небу, торжественным и ясным голосом ответил: «Бог мне свидетель, я никогда не учил и не проповедовал всего того, что несправедливо приписали мне, используя лжесвидетелей. Первой мыслью моей проповеди, учения и писания и всех моих прочих поступков было желание спасти людей от греха. За эту правду закона божьего и толкований святых и ученых мужей, которой я учил, о которой писал и которую проповедовал, хочу сегодня с радостью умереть». Услышав это, маршал с сыном Клема хлопнули в ладоши и отъехали от него прочь. И тогда палачи подожгли костер. А магистр высоким голосом закричал: «Христос, сын бога живого, помилуй нас!»

Затем поднялся ветер, и повеявшие в его лицо огонь и дым заставили его замолчать. Палачи долго копошились в догоравшем костре. Голову мученика, повествует тот же Петр из Младеновиц, они разбили колыями на куски и забросали их головешками. Во внутренностях

нашли сердце, проткнули его острой палкой и старательно сожгли. Обуглившееся тело разорвали клещами, чтобы облегчить работу огню. В костер полетели и личные вещи пражского магистра. Когда же огонь потух, то палачи старательно собрали пепел и даже землю с места казни и бросили их в Рейн. От сожженного еретика не должно было остаться и помину.

На другой день после казни соборные отцы устроили благодарственный молебен, в котором участвовали Сигизмунд и королева, князья и вельможи, 19 кардиналов, 2 патриарха, 70 епископов и все духовенство, присутствовавшее на соборе.

Казнь Гуса вызвала волну гнева в Чехии, она оказалась пирровой победой для собора. Но в руках собора находился еще один еретик, правая рука и сподвижник Гуса — тоже чешский богослов, Иероним Пражский. Потерпев поражение с Гусом, соборные отцы решили взять реванш с Иеронимом: заставить его отречься и подчиниться их воле.

Иероним Пражский

Иероним, как и Гус, был последователем Уиклифа, идеи которого он блестяще пропагандировал и защищал в университетах Германии, Польши, Франции и Англии. Возвратившись после долгих странствований по Европе в Прагу, Иероним примкнул к Гусу, сделавшись его восторженным поклонником. Страстный оратор, непревзойденный полемист, превосходный знаток богословских текстов, Иероним Пражский был грозой папистов, которые ненавидели его больше, чем Гуса.

Когда Гус отправился в Констанцу, Иероним оставался в Праге. Арест, суд и нависшая над его учителем угроза смертной казни побудили Иеронима покинуть Прагу и тайно явиться в Констанцу в надежде вырвать Гуса из рук соборных отцов или оказать ему какую-либо помощь.

Двухнедельное пребывание в Констанце убедило его в тщетности таких надежд. Иероним решил вернуться в Чехию, но по дороге в Прагу его схватили и в цепях доставили на собор, где ему предъявили те же обвинения, что и Гусу. Иероним отказался покаяться, и его заточили в башню на кладбище св. Павла, где держали скованным по рукам и ногам в согнутом положении, на хлебе и воде.

Расправившись с Гусом, инквизиторы принялись за соответствующую обработку Иеронима. Потрудились они основательно и небезуспешно. Их угрозы и запугивания, казнь его соратника и друга, ужасные условия заключения — все это, по-видимому, надломило волю Иеронима, и он 11 сентября 1415 г. заявил соборным отцам, что готов осудить учение

Уиклифа и Гуса, а также свои собственные еретические ошибки, отречься от них и подчиниться воле собора. 23 сентября Иероним перед собором подтвердил свое отречение. Соборные отцы присудили его к ссылке в один из монастырей в Швабии, потребовав написать своим единомышленникам в Чехию письмо, осуждающее учение Гуса и свои собственные еретические ошибки. Иероним вновь подчинился и требуемое от него письмо написал.

И тем не менее соборные отцы продолжали держать Иеронима в заключении. Это дало повод его друзьям, присутствовавшим на соборе, требовать его освобождения, а врагам, которых было большинство, настаивать на более строгом осуждении последователя Гуса. Последние добились назначения новой следственной комиссии, что было равносильно отмене уже принятого по делу Иеронима соборного решения.

Когда инквизиционные комиссарии начали новый допрос обвиняемого, они были поражены: перед ними предстал прежний Иероним — беспощадный обличитель язв и пороков церковной иерархии, антипапист, друг и последователь Уиклифа и Гуса. Момент слабости прошел, и обвиняемый вновь «впал в ересь».

23 мая 1416 г. Иерониму на соборе был зачитан новый обвинительный акт, на который он под улюлюканье, злобные выкрики и брань соборных отцов ответил, что берет обратно свое отречение, вырванное у него под угрозой костра. Передаем слово официальным актам собора: «Что касается отречения, прочитанного публично и высоким голосом, подписанного рукой самого Иеронима, этот Иероним сказал, что действительно по-белому подписался под отречением, но, однако, совершил это из страха пред наказанием огнем. Однако сказал, что обманывался, как безумный, когда подписывал вышесказанное отречение, о котором чрезвычайно скорбит. И прежде всего о том, что отрекся от учения Я. Гуса и Дж. Уиклифа и согласился с осуждением Я. Гуса, который, как верит, был справедливым и святым человеком. Совершил самое скверное...».²³⁸ Выступление Иеронима было столь впечатляющим, что даже его враги прониклись к нему уважением. Секретарь папской курии Поджио Браччиолини (1380–1459), участник собора, писал своему другу Леонардо Аретинскому: «Никогда я не видел столь красноречивого человека, столь близко стоящего к ораторам древности, как этот Иероним. Враги его выставили против него целый ряд обвинений, чтобы уличить его в ереси, а он защищался так красиво, скромно и умно, что я не могу тебе выразить... Иероним тронул все сердца; если бы он хоть чем-нибудь попытался оправдаться, хоть раз попросил о милости, то, конечно, его выпустили бы на свободу. Но он говорил о Гусе и называл его благочестным и святым человеком, который был осужден и казнен невинно, так как он боролся только с пороками церкви, с гордостью и высокомерием прелатов, с их роскошью, расточающей достояния бедняков, с их блудом, чревоугодием, пьянством, игрой и охотой. Иероним просидел в тесной и сырой башне 340 дней — и после этого он смог произнести столь блестящую и убедительную речь, полную примеров из жизни знаменитых мужей и положений из трудов отцов церкви. Имя его достойно бессмертной славы...».²³⁹

30 мая рано утром собор после обедни заслушал обвинительную речь епископа Лоди против Иеронима, этого еретика-рецидивиста, отплатившего собору за «снисходительное» к нему отношение «черной неблагодарностью». «Тебя не подвергли пытке, — воскликнул в порыве священного негодования епископ, обращаясь к обвиняемому, — а я очень желал бы, чтобы ты испытал ее: это заставило бы тебя изрыгнуть все твои заблуждения; подобное

²³⁸ Цит. по: Руколь Б. М. Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица как источники об Иерониме Пражском. — Ученые записки Института славяноведения. М., 1948, т. 1, с. 357

²³⁹ Цит. по: Розенов Э. Против попов (Очерки религиозной борьбы XVI–XVII веков). М., 1923, ч. 2, вып. 4, с. 32

обращение открыло бы тебе глаза, которые ослепило преступление».²⁴⁰ Епископ Лоди потребовал от Иеронима, чтобы тот подтвердил свое прежнее отречение. Иероним отказался. Это отречение, заявил он, было вырвано у него под угрозой костра. Тогда главный комиссарий, константинопольский патриарх Иоанн, зачитал приговор инквизиции, согласно которому Иероним объявлялся еретиком-рецидивистом, отлучался от церкви и предавался анафеме. Собор единодушно подтвердил приговор. Иероним сам надел на свою голову шутовскую тиару, разукрашенную чертями. Так как он не был священником, то расстригать его не полагалось. Оставалось только передать «отторгнутого» от церкви еретика в руки светской власти, чтобы она, отнесясь к нему с «чувством христианского милосердия», т. е. без членовредительства и кровопролития, отравила бы его на тот свет...

Приготовления к казни были закончены еще накануне. Инквизиторы знали, что на этот раз Иероним не испугается костра. Сразу же после зачтения приговора Иеронима увели с собора на то самое место, где был сожжен 10 месяцев тому назад Гус и где предстояло теперь принять мученический венец его ученику и последователю.

Было 10 часов утра 30 мая 1416 г., когда палач раздел Иеронима Пражского донага, обернул вокруг его бедер кусок белой материи и привязал осужденного к столбу, обложенному сухим хворостом и соломой. Согласно легенде, когда сердобольный палач предложил своей жертве зажечь огонь за его спиной, то Иероним отказался от такой «услуги»: «Пойди сюда, зажги перед лицом моим, если бы я боялся твоего огня, то никогда бы не явился сюда!».²⁴¹

Иероним держался мужественно и стойко до последнего вздоха. Инквизиторы сожгли все его личные вещи и тюремную постель, а пепел бросили в воды Рейна.

Собор не удовлетворился казнями Гуса и Иеронима, так как гуситская ересь продолжала распространяться, несмотря на гибель вождей.

Соборная инквизиция решила разделаться еще с одним видным гуситом — Яном Хлумским, прибывшим вместе со своим учителем в Констанцу. Он тоже был схвачен, заточен в темницу, подвергнут допросам с пристрастием. Хлумский не выдержал выпавших на его долю испытаний и отрекся от своих воззрений. Собор сохранил ему жизнь. Но после героической гибели гуситских вождей вырванное силой; раскаяние Хлумского не могло оказать какого-либо влияния на ход событий. Гуситы продолжали стойко держаться в Чехии, борьба против них только начиналась... (В 1420–1431 гг. папа Мартин V и император Сигизмунд предприняли против непокорных гуситов пять крестовых походов и не смогли их одолеть. Папство и император вынуждены были пойти на уступки правому крылу гуситского движения — чашникам, представлявшим бюргеров и шляхту. Заключив союз с зажиточными участниками движения, церковники разгромили таборитов — радикальное крыло гуситов, представлявшее крестьянско-плебейский лагерь).

Расправившись с гуситскими вождями, Констанцкий собор занялся «реформаторской» деятельностью, которая оказалась весьма скудной. Собор несколько ограничил права пап и поднял значение кардинальской коллегии, без согласия которой папа не мог впредь устанавливать новые налоги на церковные доходы или низлагать и перемещать прелатов. Папа также был лишен права присваивать себе имущество умершего духовного лица. Кроме этого, было принято по существу еретическое с точки зрения ортодоксальной католической доктрины решение о том, что собор стоит выше папы, который обязан подчиняться его постановлениям. Чтобы подвергнуть папу более строгому контролю со стороны высшего духовенства, Констанцкий собор обязал папский престол периодически созывать соборы (следующий собор должен был собраться через пять лет, затем через семь лет, остальные через каждые 10 лет).

²⁴⁰ См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 124

²⁴¹ См.: Руколь Б. М. Письмо Поджио Браччиолини к Леонардо Аретинскому, с. 345

Однако Мартин V и следовавшие за ним понтифики всемерно отстаивали свои права на неограниченную власть и уклонялись от выполнения принятых Констанцским собором решений и постановлений, в какой-либо степени ограничивавших власть папы. Немаловажную роль в укреплении папского абсолютизма продолжала играть инквизиция, полномочия которой своей расправой над Гусом и Иеронимом Констанцкий собор только подтвердил и расширил, сведя тем самым на нет попытку ограничить всевластие «наместников божьих» на земле...

История инквизиции показывает, что споры вокруг ее кровавых «актов веры» не утихают столетиями даже в лоне самой католической церкви. Дело Гуса не является исключением. По сей день вокруг него бушуют богословские страсти.

Как же сегодня оценивают церковники или процерковные историки расправу над Гусом, учиненную Констанцским собором? В основном по этому вопросу имеются две точки зрения. Одна из них оправдывает казнь Гуса под разными предлогами. Уже цитированный нами историк инквизиции Хэйуорд объявляет Гуса опасным бунтарем, проповеди которого угрожали социальному порядку, освященному католической церковью, а значит, и самим богом. Церковь не могла допустить этого, а посему правильно поступала инквизиция, расправляясь с Гусом и ему подобными ересиархами и их последователями. Хэйуорд пишет: «Разумеется, содрогаешься от ужаса при мысли, что человека сжигают за его идеи, даже если они ошибочны; но с другой стороны, невозможно отрицать зло и беспорядки, порождаемые распространением таких идей, в особенности среди легко воспламеняемых масс».²⁴²

Итак, цель оправдывает средства, такова точка зрения этого современного защитника инквизиции.

Таких же взглядов придерживается и французский иезуит Жозеф Жилль. С чисто иезуитской изворотливостью он утверждает: «Призывы Гуса противопоставить св. Писание церкви, практически ограничить церковь, превратив ее в невидимый корпус избранных (праведников), отсутствие в его проповеди уважения к юрисдикции и авторитету церкви, его упрямая защита осужденного церковью Уиклифа — все эти и другие соображения делали необходимым прекращение его проповеди в Богемии и возможным его осуждение и передачу в распоряжение светских властей. Его искренность и набожность делали это осуждение более жестоким и достойным всяческого сожаления, но эти его свойства не превращали вынесенный ему приговор в нечто принципиально несправедливое по отношению к критериям эпохи».²⁴³

Кто же виновен в гибели Гуса? Сам Гус, отвечает иезуит Жилль. Знакомый тезис средневековой инквизиции, сваливавший на ее же жертвы всю ответственность за ее преступления, за то, что происходило с ними в ее застенках...

Другой точки зрения придерживается, например, бенедиктинский монах бельгиец Поль де Воогт. Он утверждает, что Гус был правоверным католиком, еретиком же, национальным героем, мятежником, первым мучеником будущей идеи протестантизма он стал «вопреки самому себе», в результате стечения ряда неблагоприятных для него обстоятельств и случайностей. Гус — католик, ортодокс, утверждает бенедиктинский монах, и только по недоразумению он может сойти за противника католической церкви. И если все же Гус кончил свою жизнь на костре, то в меньшей степени такого же наказания заслуживали и его судьи, участники Констанцкого собора, «торжественно провозгласившие в качестве символа веры еретический, безбожный и скандальный догмат их превосходства над суверенным понтификом».²⁴⁴

²⁴² Huyward F. The Inquisition, p. 98

²⁴³ Gill J. Constance et Bale-Florence, p. 87–88

²⁴⁴ Vooght P. De. L'heresie de Jean Huss. Louvain, 1960, p. 470

Почему с таким пылом защищает Гуса от него самого Поль де Воогт? Из симпатии к пражскому ересиарху? Вовсе нет! Он считает, что в нынешние времена католической церкви выгодно реабилитировать Гуса, ибо существует опасность «увидеть в один прекрасный день Гуса возведенным в роль почетного стахановца большевистской пропаганды» (Ibid., p. XII).

Поль де Воогт, судя по его книге, рассуждает «вопреки самому себе» приблизительно так: католическая церковь казнила Гуса, значит, он принадлежит ей и только ей одной. Правда, Гус — это блудный сын католической церкви, но теперь (т. е. 500 лет спустя!) пора вернуть его в ее всепрощающее материнское лоно.

Де Воогт не одинок, у него имеются последователи. Архивариус г. Констанца Отто Фегер обратился в 1965 г. к папе Павлу VI с официальным призывом не только реабилитировать Гуса, но и причислить его к лику святых.

Времена ведь изменились, в том числе и для католической церкви. И еще как! II Ватиканский собор, осуществивший так называемую католическую реформу, поставил крест на некоторых решениях и постановлениях не только Констанцкого, но и Тридентского соборов. Действительно, доживи Гус до сегодняшнего дня, он стал бы героем собора, созванного по инициативе «красного» папы Иоанна XXIII. Может быть, здесь и кроется разгадка, почему Джованни Ронкалли, став папой, избрал себе имя того самого пирата Бальтазара Коссы, который затеял Констанцкий собор и превратил в его узника Яна Гуса. Не хотел ли Ронкалли, приняв имя Иоанна XXIII, вычеркнуть тем самым из истории католической церкви Коссу, а созвав II Ватиканский собор, отменить одиозные решения Констанцкого собора по отношению к Гусу и Иерониму Пражскому?

И невозможное становится возможным, когда ладья св. Петра дает течь...

ЖАННА Д'АРК — ГЕРОИНЯ, «КОЛДУНЯ», СВЯТАЯ

Пожалуй, ни одна из жертв инквизиции не удостоилась такого внимания со стороны историков и богословов, как знаменитая национальная героиня французского народа Орлеанская дева, погибшая на костре в Руане по решению инквизиционного трибунала 30 мая 1431 г.

Вольтер, Ф. Шиллер, Анатолий Франс, Марк Твен, Бернард Шоу, Анна Зегерс и другие известные писатели посвятили ей много вдохновенных страниц. Живописцы, скульпторы, композиторы, артисты театра и кино запечатлели ее образ, каждый по-своему. До нас дошли многие документы ее процесса, в том числе протоколы допросов, которым она подвергалась со стороны инквизиторов. В данном случае богиня Клио действительно позаботилась сохранить для грядущих поколений все факты, проливающие свет на историю Жанны д'Арк. Эта история, пишет один из современных американских философов, Б. Данэм, «поразительна потому, что при всей своей кажущейся невероятности действительно произошла; прискорбна потому, что тогда люди уничтожили то, пред чем должны были преклоняться; поучительна потому, что учит нас сомневаться во всем, чему мы верим, — во всем, за исключением великой силы основных человеческих идеалов».²⁴⁵ Это писал человек, сам прошедший сквозь горнило инквизиционного судилища — комиссию сенатора Маккарти, которую роднит с трибуналом, осудившим Жанну д'Арк, то, что обе эти «инстанции» судили и наказывали тех, кто выступал и отстаивал интересы нации, интересы народа.

Жанна д'Арк была сожжена живой. В день казни ей едва исполнилось 19 лет. Ее осудили якобы за ведовство и ересь, в действительности же это была расправа над патриоткой, единственное «преступление» которой заключалось в том, что она подняла французский народ на защиту своей родины против англичан, захвативших тогда значительную часть французской территории. Орлеанская дева была «верной дочерью господина», и тем не менее она погибла на костре.

²⁴⁵ Данэм Б. Герои и еретики. Политическая история западной мысли. М., 1967, с. 280

Инквизиционный трибунал, судивший ее, находился на службе англичан, которые добивались смерти Жанны, надеясь, что этим они нанесут чувствительный удар своим французским противникам. Таким образом, процесс над лотарингской крестьянской девушкой носил ярко выраженный политический характер, хотя обвиняемую и судили за мнимые преступления против церкви и католической веры.

С точки зрения судебной процедуры, дело Жанны д'Арк представляется весьма типичным для инквизиции. В нем представлены все, за исключением пыток, характерные для св. трибунала элементы — ложные обвинения, лжесвидетели, допросы с ловушками и пристрастием, осуждение на смерть обвиняемого, его раскаяние и замена смертного приговора тюремным заключением, повторное впадение в ересь (рецидив) и, как следствие этого, сожжение «еретика» на костре.

Однако прежде чем перейти к процессу над Жанной д'Арк, напомним, хотя бы вкратце, кем она была в действительности и что привело ее на скамью подсудимых св. трибунала в Руане.

Жанна д'Арк родилась около 1412 г. (Точно год рождения Жанны д'Арк не установлен). в крестьянской семье в деревне Домреми в Лотарингии (Восточная Франция).

Когда ей исполнилось 17 лет, эта неграмотная пастушка решила, что богом на нее возложена высокая миссия освободить ее родину от англичан и помочь претенденту на престол Карлу стать королем Франции. Положение Карла и его сторонников в ту пору представлялось безвыходным и безнадежным. Англичане с их союзниками-бургундцами захватили почти всю Францию, за исключением Орлеана и его окрестностей. В их руках был Париж, их поддерживало большинство церковных сановников. Казалось, дело Карла могло спасти только чудо. Поэтому, когда в его лагере, где царил уныние и растерянность, появилась решительная, горящая фанатичной верой в победу молодая, да к тому же и обаятельная крестьянская девушка, утверждавшая, что «голоса» святых, которые якобы она слышала, призвали ее возглавить французские войска и изгнать англичан из страны, Карл и его советники после долгих колебаний и интриг решили доверить в ее хрупкие руки свою судьбу. Расчет был прост: это непорочное дитя, молодая воительница-девственница («...Среди поразительных качеств Жанны ее девственность казалась самым необычным. Это был сам по себе исключительный факт, так как крестьянские девушки рано выходили замуж или дарили какому-либо первому счастливому любовнику то, что с помощью поэтического эвфемизма именуется бутоном юности. Но девственность Жанны представляла собой нечто большее, чем социальную редкость. Тесно связанная с сознанием высокой миссии, которой Жанна преданно служила, эта девственность сближала ее вопреки ее собственным намерениям (так как Жанна была очень скромна) с богородицей Девой Марией»²⁴⁶), имевшая таинственную связь с могучими представителями потустороннего мира — святыми, могла своим примером воодушевить таких же простых, как и она сама, крестьян Франции и поднять их на борьбу против англичан. Последующие события показали, что этот расчет полностью оправдал себя.

И все же следует отметить, что Карл и его двор в отношении девушки из Домреми проявили известную перестраховку. Они доверились ей только после того, как она прошла соответствующую проверку, иначе говоря, после того, как была подвергнута исчерпывающему допросу для выяснения, не колдунья ли она. В течение месяца в г. Пуатье ее допрашивали с пристрастием на этот предмет богословы, юристы и советники Карла. Они пришли к единой душному мнению, что Жанна правоверная христианка, достойная доверия, и что, следовательно, надо дать ей возможность сражаться за дело французского короля. И она возглавила 10-тысячное войско, которое под Орлеаном нанесло поражение англичанам, осаждавшим этот город. Англичане были вынуждены отступить. Вслед за этим французы под водительством столь необычного не только в те времена полководца освободили Реймс,

²⁴⁶ Данэм Б. Герои и еретики... с. 282–283

где претендент на престол после торжественной коронации стал Карлом VII.

Народ и окружение Карла воспринимали эти неожиданные победы как чудесные явления, как результат того, что бог, доверяющий Жанне и действующий через нее, поддерживает французов против англичан. Король и его двор заискивали перед своей спасительницей, в народе слава Орлеанской девы, как стали ее именовать, росла не по дням, а по часам. Разумеется, совершенно иной эффект имели победы французского оружия в лагере англичан и их союзников-бургундцев. Англичане приписывали победы французского оружия колдовским чарам Жанны д'Арк, утверждали, что она связана с сатаной и действует при его поддержке и по его наущению. Они угрожали пастушке из Домреми, превратившейся в героиню Франции, жестокой расправой. Они даже не подозревали, как быстро смогут осуществить свои угрозы...

Не прошло и года после победы под Орлеаном, как 23 мая 1430 г., в одной из стычек под Парижем, который французские войска безуспешно пытались освободить от англичан, бургундцы взяли в плен Жанну д'Арк. Разумеется, при желании, согласно существовавшим тогда обычаям, Карл VII мог свою избавительницу выкупить у неприятеля.

Но благодарные короли бывают только в сказках. Карл VII ничего не сделал, чтобы выволить свою спасительницу из плена. Не проявил никакого интереса к судьбе Жанны и другой французский вельможа — архиепископ Реймский Ренье де Шартр. А ведь бургундцы предлагали в первую очередь им выкупить Жанну д'Арк. Почему же они предали Орлеанскую деву? Жанна, боготворимая народом, представляла угрозу их классовым интересам. Теперь само провидение устраняло эту помеху с их пути. Если действительно у нее связь со святыми, то пусть они и спасают ее, коли найдут нужным сделать это.

Зато англичане не пожалели дать бургундцам 10 тыс. ливров за их пленницу. Жанна должна была заплатить жизнью за нанесенные англичанам поражения. Но англичане эту грязную работу сделают руками французов, а точнее — продажного французского духовенства.

Впрочем, сами церковники жаждали не меньше англичан расправиться с «колдуньей». Три дня спустя после взятия Жанны в плен доминиканец Мартин Биллорини, генеральный викарий инквизиции в Париже, обратился к герцогу Бургундскому с посланием, в котором писал: «Как подлинный католик, вы обязаны выкорчевать ошибки и покончить со скандалами против веры. Между тем из-за действий некоей женщины, именуемой Девственницей, было посеяно изрядно ошибок, вызвавших гибель множества душ. Поэтому данной нам римским святым престолом властью мы призываем вас, под угрозой применения всех положенных наказаний, препроводить в наше распоряжение указанную пленницу Жанну, решительно подозреваемую в совершении многочисленных еретических преступлений, для привлечения ее к ответственности, как положено. Дано в Париже и скреплено официальной печатью св. инквизиции». ²⁴⁷

Как ни улыбалось англичанам передать парижской инквизиции Жанну и устроить ей «красивое» аутодафе на одной из площадей Парижа, они, опасаясь возмущения парижан, решили не рисковать и устроить расправу над ней в более надежном и удаленном от фронта месте — в столице Бретани Руане, где пребывал малолетний король Англии Генрих VI и его двор. Руководить же процессом было поручено члену английского королевского совета епископу г. Бовэ, носившему фамилию Кошон — однозвучную с французским словом «свинья».

Жанна попала в плен у г. Компьена, входившего в епархию г. Бовэ, и, таким образом, формально подпадала под юрисдикцию Кошона. Правда, Пьер Кошон, ярый сторонник англичан, был вынужден бежать из Бовэ, занятого французами, но это не помешало ему выступить в роли инквизитора и начать дознание по делу Жанны д'Арк, обвиненной в колдовстве, идолопоклонстве, связях с демоном и других преступлениях против веры. Чтобы

²⁴⁷ Цит. по: Fabre J. Les bourreaux de Jeanne d'Arc et la fête national. Paris, 1915, p. 35–36

ни у кого не возникло сомнений по поводу права Кошона на роль инквизитора в деле Жанны д'Арк, его полномочия были подтверждены богословами Парижского университета, считавшегося высшей инстанцией в области церковного права. Парижский университет именовался «светочем всех наук, искоренителем ереси, цитаделью католической веры и старшим сыном королей». Мнение Парижского университета поддержали все церковные иерархи и теологи, находившиеся в стане англичан и выступавшие против Карла VII.

Кошон был весьма авторитетным церковным чином. Одно время он преподавал в Парижском университете и даже числился его ректором. Он участвовал в Констанцском соборе и обладал почетным титулом папского референдаря. Англичане высоко ценили его услуги, он был членом королевского совета Англии, доверенным лицом опекуна малолетнего Генриха VI — его дяди герцога Бедфорда. Жадный на деньги и всякого рода почести, коварный и беспощадный, Кошон решил использовать в карьеристских целях дело Жанны д'Арк, тем более что англичане обещали ему в награду митру архиепископа руанского.

Кошон ревностно приступил к исполнению инквизиторских обязанностей. Он назначил инквизиционный трибунал из 12 известных богословов (по числу апостолов), кроме того, привлек участвовать в судебном разбирательстве в качестве экспертов 16 докторов и 6 бакалавров богословия, членов капитула Руанского собора, 2 лиценциатов по каноническому праву, 11 юристов руанского суда, 2 аббатов и ряд других церковников — всего около 125 человек. Пять месяцев, пока длился суд над Жанной, эта свора французских прелатов кормилась за счет англичан. По подсчетам историков, англичанам этот суд обошелся в 10 тыс. ливров, что вместе с ранее выплаченным за Жанну выкупом составляло 20 тыс. ливров. Эти деньги англичане получили с населения оккупированных ими областей Франции.

Сопредседателем судилища над Жанной являлся руанский инквизитор доминиканец Жан ле Метр, полномочия которого были подтверждены инквизитором Франции Жаком Гравераном. Только один из этого блистательного созвездия церковных иерархов и богословов, аббат Николай Гуперланд, высказал сомнения, полномочен ли суд, состоящий из заведомых противников Карла VII, судить его сторонницу Жанну д'Арк. Чтобы отбить охоту у других оспаривать полномочия Кошона, Гуперланда исключили из состава трибунала, засадили в Руанский замок и пригрозили утопить, если он станет настаивать на своих сомнениях. Впрочем, остальные участники судилища ревностно выполняли свои инквизиторские обязанности, следуя указаниям Кошона и ле Метра.

«Священный» трибунал заседал в Буврейском замке, в одном из подвалов которого под английской стражей содержалась Жанна. Этот же замок служил резиденцией малолетнему королю Генриху VI и его двору.

Трибунал провел шесть пленарных заседаний, и девять раз Кошон и его сподручные допрашивали Жанну.

Инквизиторы обвиняли Орлеанскую деву во всех смертных грехах. Она слышала «голоса» — значит, это были голоса дьяволов. Она пыталась бежать из темницы — значит, признавала свою вину. Она носила мужское платье, не по повелению ли дьявола она это делала? Она утверждала, что является девственницей. Ее подвергли унижительной процедуре освидетельствования, которую совершила лично жена английского наместника леди Бедфорд. На нее кричали, ей угрожали земными и небесными карами, пугали орудиями пыток, требовали признаний...

В камере ночью вместе с Жанной постоянно находились трое английских солдат, что заставляло ее не расставаться с мужской одеждой, а это «доказывало», что она колдунья. Наконец, ей подставили священника-provokatora Никола Луазелера, который, выдав себя за ее земляка и друга, вел с ней в застенке «откровенные» беседы и давал советы, как отвечать на вопросы инквизиторов, а в соседней камере, приложив ухо к отверстию, слушали Жанну Кошон и английский военачальник Уорвик.

Эта страшная инквизиционная машина, смонтированная беспощадным Кошоном и его

английскими покровителями, казалось, должна была сломить Жанну, заставить ее подчиниться воле ее мучителей, осудить дело, за которое она боролась, и отречься от него. Но молодая неграмотная лотарингская крестьянка, «ослабленная муками жестокого тюремного заключения и вынужденная ежедневно отвечать на ловкие коварные вопросы, придуманные отборными судьями, никогда не теряла ни присутствия духа, ни чудесной ясности ума. Ей расставляли ловушки, которые она угадывала верным инстинктом. На нее дождем сыпались вопросы, которые затруднили бы ученых богословов; с полдюжины ожесточенных спорщиков нападали на нее одновременно и прерывали ее ответы; беспорядок временами достигал таких размеров, что нотариусы, [писавшие протокол], заявляли, что они не в состоянии ничего понять».²⁴⁸

Жанна парировала провокационные вопросы инквизиторов с искусством, вызывавшим удивление ее мучителей.

Вот некоторые их вопросы и ее ответы:

— Считаешь ли ты, что на тебе почит божья благодать?

— Если на мне нет благодати, да ниспошлет мне ее бог; если же есть, да не лишит он меня этой благодати!

— Как выглядел архангел Михаил, когда он появился перед тобой?

— Я не видела у него нимба и не знаю, как он был одет.

— Он был голый?

— Что же вы думаете, нашему господу не во что его одеть?

— Были ли у него волосы?

— А почему же, скажите на милость, его остригли бы?

— Почему на коронации в Реймсе несли твое знамя, а не знамена других полководцев?

— Это знамя разделяло тяготы борьбы, оно было вправе разделить и славу!

Инквизиторы пытались обвинить Жанну в колдовстве! на том основании, что она разрешала женщинам из народа целовать свои украшения. Она им ответила:

— Да, многие женщины касались моих колец, но я не знаю ни их мыслей, ни намерений.

Инквизиторы пытались уличить свою жертву в богохульстве:

— Разве ты не говорила под стенами Парижа: «Сдавайте город — такова воля Иисуса»?

— Нет! — отрицала Жанна. — Я сказала: «Сдавайте город королю Франции!»

Она отказалась присягнуть, что ответит без оговорок на все вопросы инквизиции:

— Я не знаю, о чем вы будете меня допрашивать; быть может, вы будете допрашивать меня о таких вещах, о которых я не желаю говорить.

Ей задали вопрос:

— Убежит ли она, если к этому представится удобный случай?

Она ответила, что, если бы дверь была открыта, она ушла бы, хотя бы только для того, чтобы убедиться, угодно ли господу, чтобы она бежала.

Жанну спросили, согласна ли она подчиниться папе?

— Отведите меня к нему, и я скажу ему, — последовал весьма хитрый ответ.²⁴⁹

Кошон стал угрожать Жанне пытками. Он повел свою пленницу в камеру пыток, где заявил ей:

— Жанна! В вашем деле имеются многочисленные пункты обвинения, на которые вы отказались ответить или ответили лживо. Мы вас предупреждаем говорить нам правду, или вы будете подвергнуты пытке. Посмотрите, инструменты пытки наготове, перед вами палачи, которые ожидают только нашего приказа, чтобы подвергнуть вас пыткам. Они будут вас пытаться с тем, чтобы направить вас на путь истины, которую вы не признаете, и чтобы

²⁴⁸ Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 407

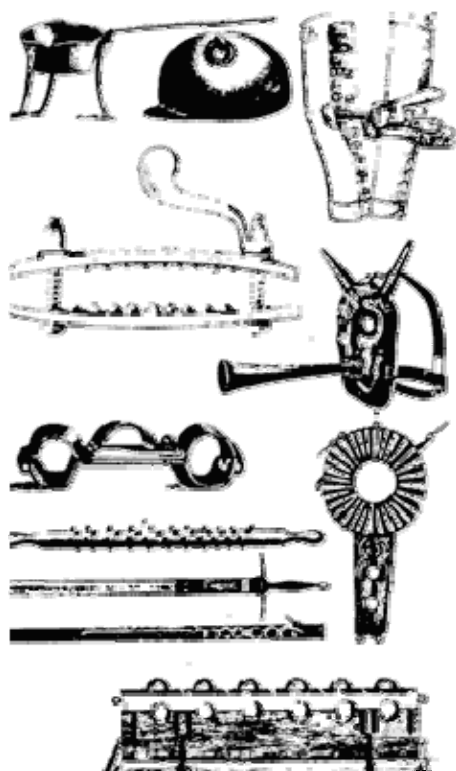
²⁴⁹ См.: Doncoeur P. Paroles et lettres de Jeanne la Pucelle. Paris, 1960, p. 130

обеспечить вам таким образом двойное спасение — вашей души и вашего тела, которые вы подвергаете столь серьезным опасностям из-за ваших лживых выдумок.

Жанна ответила Кошону:

— Говоря правду, если вы мне вырвете мои члены и выбьете мою душу из тела, даже тогда я не изменю своих показаний, если же я скажу вам другое, то затем я всегда буду утверждать, что вы силой заставили меня сделать это.²⁵⁰

Пытки к Жанне не были применены, ибо Кошону и его сотрудникам в конце концов удалось ее запутать хитроумными вопросами и заполучить от нее таким образом желанный материал для обвинительного приговора.

Орудия пыток

Жанна настаивала, что она находилась в непосредственной связи с «торжествующей», т. е. «небесной», церковью, что она выполняла только указания ангелов, святых, блаженных, бога.

«А как со сражающейся, т. е. земной, церковью?» — задали ей коварный вопрос инквизиторы. Считает ли она себя ее послушной дочерью? Ее ответ гласил: «Я готова подчиниться сражающейся церкви, но только в том случае, если церковь действует согласно велениям бога».

Этого было достаточно для того, чтобы в «последнем милосердном предупреждении перед вынесением приговора» ее обвинили в злостной ереси: «Ты сказала, что если бы церковь приказала тебе поступить вопреки тому, что, по твоему утверждению, исходит от бога, то ты не повиновалась бы ни за что на свете. По этому пункту ученые мужи считают, что ты являешься раскольницей, злоумышляющей против единства и авторитета церкви, отступницей и вплоть до настоящего момента закоренелой упорной еретичкой в отношении веры».²⁵¹

²⁵⁰ Fabre J. Les bourreaux de Jeanne d'Arc... p. 92

²⁵¹ Данэм Б. Герои и еретики... с. 293

В начале мая 1430 г. инквизиторы, руководимые Кошоном и ле Метром, сформулировали свои обвинения против Жанны д'Арк.

Суд признал, что ее видения ангелов и святых исходили от злых духов и дьявола.

Утверждение обвиняемой, что она вручила Карлу VII корону, якобы полученную ею от св. Михаила, было признано пустой выдумкой, делом тщеславным, лживым, губительным и посягающим на достоинство церкви.

Суд признал «безрассудным» утверждение Жанны д'Арк, что она узнавала святых и ангелов по получаемым от них наставлениям и ободрениям и верила в эти явления как в веру Христову.

Утверждение обвиняемой, что она могла при посредстве «голосов» узнавать незнакомых людей, суд счел суеверием и чародейством, тщеславным и пустым хвастовством.

Суд обвинил Жанну д'Арк за ношение мужской одежды и коротких волос в богохульстве, оскорблении таинств, нарушении божеского закона, священного писания и канонических постановлений. Кошон заявил Жанне: «Ты запятнана преступлением против веры, ты виновна в простом хвастовстве и подозреваешься в идолопоклонстве; ты сама осуждаешь себя, не соглашаясь носить одежды твоего пола и следуя обычаям язычников и сарацин».

По поводу ссылок в письмах Жанны на Иисуса, Марию и крест, угроз, если не послушаются ее писем, показать силою оружия, на чьей стороне действительное право, суд заявил Жанне: «Ты убийца и бесчеловечная, ты ищешь пролития крови; ты мятежница и ведешь к тирании; ты хулишь бога, его повеления и откровения».

Жанна была обвинена в самовольном уходе из дома, что довело ее родителей почти до сумасшествия от горя, и в том, что обещала Карлу VII восстановить его королевство якобы по велению бога.

Этот пункт обвинения вызвал такой комментарий суда: «Ты была зла к своим родителям, ты нарушила повеления бога, приказывающего почитать родителей. Ты произвела соблазн, ты возвела хулу на бога, ты погрешила в вере и дала своему королю безрассудное и тщеславное обещание».

За попытку бежать из плена, несмотря на запрещение «голосов» и хотя это грозило ей смертью, суд обвинил Жанну в малодушии, отчаянии и стремлении к самоубийству; говоря, что бог простил ей эту вину, она якобы совершила заблуждение в вопросе о свободной воле человека. Заявление Жанны, что св. Екатерина и св. Маргарита обещали ей рай, если она сохранит девственность; уверенность в этом и утверждение, что если бы она совершила смертный грех, то эти святые не являлись бы ей, по мнению суда, свидетельствовали, что она «заражена заблуждением, затрагивающим христианскую веру».

Утверждение Жанны, что св. Екатерина и св. Маргарита говорили по-французски, а не по-английски, так как они не принадлежали к партии англичан; заявление, что, узнав о том, что «голоса» расположены к Карлу, она перестала любить бургундцев, означали, по мнению суда, безрассудное богохульство на этих святых, нарушение божественной заповеди «люби ближнего твоего!».

Почитание нисходивших к Жанне святых и вера в то, что они посланы богом, не посоветовавшись по этому вопросу с лицом духовным; такая же уверенность в этом, как вера в Христа и его страсти; отказ открыть без повеления бога, какое чудесное знамение было дано Карлу, доказывали, согласно суду, что Жанна — идолопоклонница, призывала демонов, заблуждалась в вере, безрассудно дала запрещенную клятву.

Отказ Жанны повиноваться приказаниям церкви, если они противоречат мнимым повелениям бога, доказывал, утверждал суд, что обвиняемая схизматичка, придерживается мнений, идущих вразрез с истиной и авторитетом церкви, и губительно заблуждается в вере бога.²⁵² Суд, прежде чем обнародовать и сообщить Жанне обвинительное заключение,

²⁵² См.: Ли Г. Ч. История инквизиции в средние века, т. 2, с. 410–411

послал его на утверждение 58 богословам, находившимся на занятой англичанами территории, а также руанскому капитулу и Парижскому университету. Все запрошенные эксперты и инстанции одобрили сформулированные «священным» трибуналом обвинения против Орлеанской девы. Правда, университет сделал это с оговоркой: обвинения против Жанны считать правильными, будь они «доказаны». Кошон и его коллеги-инквизиторы не сомневались, что они полностью доказали вину подсудимой.

23 мая 1431 г. Жанну вызвали в трибунал, и Кошон зачитал ей эти документы, уговаривая ее признать себя виновной, раскаяться и отречься от своих преступных заблуждений, иначе она загубит свою душу и погибнет на костре. Жанна, однако, не поддавалась уговорам и угрозам и категорически отказалась признать себя виновной в каком-либо прегрешении. Учитывая ее «закоснелость» в ереси, трибунал постановил отлучить ее от церкви и сжечь.

На следующий день, 24 мая, состоялось в Руане аутодафе в присутствии кардинала Бофора и других высокопоставленных церковных властей, а также высших английских чинов. Кошон вновь прочел Жанне постановление трибунала и призвал ее к раскаянию и отречению. И тут произошло нечто неожиданное: машина инквизиции, наконец, сработала, и Жанна, уступив бесконечным увещаниям и угрозам, заявила, что готова отречься, но при условии, что ее переведут в церковную тюрьму, где она, наконец, избавится от присутствия английских солдат, не покидавших ее даже в камере. Кошон, обещав выполнить ее просьбу, зачитал ей формулу отречения, под которой чуть ли не силой принудил ее вывести знак креста — подпись. В этом отречении был пункт, в котором она признавала, что совершила тяжкий грех, «нарушив божественный закон, святость писания, канонические права, надевая одежду развратную, неестественную, бесчестную, противоречащую природному приличию и подстригая волосы кругом подобно мужчине, вопреки всякому приличию женского пола».²⁵³

Вслед за этим Жанне был зачитан новый приговор: она присуждалась к пожизненному тюремному заключению на хлебе и воде. На этом аутодафе закончилось. Однако вместо того, чтобы отвести осужденную в церковную тюрьму, как это ей было обещано, Жанну возвратили англичанам, которые заковали ее в цепи и вернули в подвалы Буврейского замка.

Если раскаяние Жанны и ее подчинение авторитету церкви инквизиторы могли считать для себя победой и наградой за свои черные дела, то англичане вовсе не были в восторге от такого финала процесса против их смертельного врага — Орлеанской девы. Живая Жанна д'Арк, даже осужденная, раскаявшаяся и находящаяся под стражей их солдат, все же представляла для английского претендента на французский трон большую опасность. Меньше чем на ее казнь они не желали согласиться, в недвусмысленной форме заявив об этом Кошону и другим инквизиторам. Дальнейший ход событий показал, что инквизиторы охотно пошли навстречу пожеланиям своих патронов-англичан.

В тот же день, когда с аутодафе Жанну вернули в тюрьму, ее посетил Жан ле Метр и другие инквизиторы. «Святые отцы» продолжали угрожать ей суровыми карами за неповиновение. Они уговорили Жанну переодеться в женское платье, однако интересна деталь: ее мужская одежда была оставлена в мешке у нее же в камере.

Что произошло с ней в последующие дни в тюрьме, где она находилась во власти англичан, с точностью трудно сказать. Если верить заявлению доминиканского монаха Мартина Лавеню, сделанному им во время процесса по пересмотру дела Жанны д'Арк в 1450 г., то над пленницей после аутодафе пытались надругаться английские солдаты, что заставило ее вновь надеть мужское платье.²⁵⁴ Свидетельство доминиканца Лавеню

²⁵³ Les proces de Jeanne la Pucelle. Manuscrit inedit legue par Be-noit XIV a la Biblioteque de PUniversite de Bologne et public Andre Du Bois de la Villerabel. Saint Brieno, 1890, p. 32

²⁵⁴ La rehabilitation de Jeanne la Pucelle. L'enquete ordonne par Charles VII en 1450 et le Codicille de Gillaume

заслуживает доверия, так как он был в те дни исповедником Жанны.

Когда инквизиторы 28 мая вернулись к Жанне в тюрьму, она им заявила: «Я не совершила ничего греховного против бога или против веры. Я буду, если вы желаете, снова носить женское платье, но во всем остальном — я останусь прежней». Это были слова, несущие смерть! — *responsio mortifera* — согласно инквизиторской терминологии.

Факт рецидива был налицо, и Кошон заявил пленнице угрожающе: «Мы сделаем из этого соответствующие выводы».²⁵⁵

На следующий же день Кошон сообщил «священному» трибуналу, что Жанна «вновь обольщена была князем тьмы и — о горе! — снова пала как пес, возвращающийся на свою блевотину».²⁵⁶ Трибунал постановил: Жанну д'Арк, как повторно впавшую в ересь, отлучить от церкви и «освободить» ее, передав светским властям «на их усмотрение».

Казнь Жанны д'Арк состоялась 30 мая 1431 г. на площади Старого рынка в г. Руане, куда ее привезли на позорной колеснице из тюрьмы в сопровождении английской стражи.

Сожжение Жанны д'Арк. Художник Ж. Э. Ленепье (1819–1898)

«На площади, — повествует Жюль Мишле, — были воздвигнуты три помоста. На одном из них помещались королевская и архиепископская кафедры, трон кардинала Англии, окруженный сидениями его прелатов. Второй предназначался для действующих лиц мрачной драмы: проповедника, судьи, бальи и, наконец, самой осужденной. Отдельно виднелся громадный оштукатуренный помост, заваленный дровами. Ничего не пожалели для костра, и он пугал своей высотой. Это было сделано не только для придания торжественности обряду сожжения, но и с определенной целью: палач мог достать только снизу до костра, расположенного на большой высоте, и зажечь его; таким образом, он не был в состоянии ни

Bouille. Paris, 1956, p. 44–45

²⁵⁵ См.: Данэм Б. Герои и еретики... с. 293–294

²⁵⁶ См.: Мишле Ж. Жанна д'Арк. Пг., 1920, с. 160

ускорить казнь, ни покончить с осужденной, избавив ее от огненных мук, как обычно делал с другими... Жанна должна была заживо сгореть. Поместив ее на вершине горы из дров, над кругом копий и мечей, на виду у всей площади, можно было предположить, что, долго и медленно сжигаемая на глазах любопытной толпы, она проявит, наконец, некоторую слабость, у нее вырвется если не признание, то по крайней мере несвязные слова, которые легко истолковать в желанном смысле; быть может, даже тихие молитвы или униженные моления о пощаде, естественные для павшей духом женщины». ²⁵⁷

На казни Жанны присутствовали все ее мучители — Кошон, ле Метр, Уорвик, провокатор Луазелер... Кошон зачитал новое решение «священного» трибунала:

«Во имя господ аминь... Мы, Пьер, божьим милосердием епископ Бовэский, и брат Жан ле Метр, викарий преславного доктора Жана Граверана, инквизитора по делам ереси... объявляем справедливым приговором, что ты, Жанна, в народе именуемая Девой, повинна во многих заблуждениях и преступлениях. Мы решаем и объявляем, что ты, Жанна, должна быть отторжена от единства церкви и отсечена от ее тела, как вредный член, могущий заразить другие члены, и что ты должна быть передана светской власти... Мы отлучаем тебя, отсекаем и покидаем, прося светскую власть смягчить свой приговор, избавив тебя от смерти и повреждения членов». ²⁵⁸ Просьба к светским властям сохранить Жанне жизнь соответствовала стилю инквизиционных приговоров. Инквизиторы знали, что их просьбы подобного рода отклоняются. Более того, смягчение приговоров инквизиции светскими властями угрожало последним обвинением в потворстве ереси.

Затем на голову Жанны надели бумажную митру с надписью «Еретичка, рецидивистка, вероотступница, идолопоклонница» и повели на костер. Хронисты отмечают, что во время казни Жанны инквизитор Кошон рыдал, по всей вероятности от радости. Теперь ему была обеспечена митра архиепископа Руанского! Когда огонь уничтожил ее одежды, то раздвинули охваченный пламенем хворост, чтобы толпа могла видеть обгорелый труп и, таким образом, убедиться, что Жанна была женщиной. После этого ее тело обратили в пепел, который выбросили в Сену.

Мы не сказали о том, как вела себя Жанна в день своей казни потому, что восстановить эти подробности не представляется возможным. Ее сторонники свидетельствовали, что она мужественно и гордо взшла на костер, а противники утверждали, что она каялась и рыдала. Кошон и англичане даже после сожжения Орлеанской девы продолжали клеветать на нее, обвиняя свою жертву во всевозможных преступлениях против веры, жестокостях и бесчестных поступках.

Кошон, будучи ученым богословом, прекрасно понимал, что расправа над Жанной была не только мстью французской патриотке, возглавившей борьбу против англичан, но и ударом по простому народу, видевшему в ней, а не в феодалах и церковных иерархах, свою избавительницу.

Вскоре после казни Жанны Кошон от имени инквизиционного трибунала обратился к папе римскому и католическим властелинам с посланием, в котором оправдывал свои действия под тем предлогом, что они якобы способствовали укреплению авторитета церкви. «Если мы дошли до такого состояния, — писал Кошон, — когда прорицательниц, пророчествующих от имени господ, как некую девицу, арестованную в пределах епархии Бовэ, народ по своей легковёрности будет лучше воспринимать, чем пастырей и докторов [богословия], то тогда погибнет религия, порядок рухнет, церковь окажется сбитой с ног, и сатана со своей несправедливостью станет господствовать в мире». ²⁵⁹

²⁵⁷ См.: Мишле Ж. Жанна д'Арк. Пг., 1920, с. 157–158

²⁵⁸ Цит. по: Райцес В. И. Процесс Жанны д'Арк. М.-Л., 1964, с. 123

²⁵⁹ Цит. по: Grisel R. Presence de Jeanne d'Arc. Paris, 1956, p. 124

Это понимал не только Кошон и англичане, но и Карл VII, который спокойно взирал, как его противники расправлялись с Жанной. Но мертвая Жанна уже не представляла для Карла той потенциальной опасности, которую он видел в живой крестьянке из Домреми. Поэтому, когда в 1449 г. французы завладели Руаном, Карл, ничего не сделавший для ее спасения, теперь отдал приказ пересмотреть дело Жанны д'Арк. Хотя и с опозданием, но король решил снять ярлык колдуньи с той, которой был обязан своей короной.

Однако пересмотр дела продвигался медленно. Сжечь Жанну было куда проще, чем реабилитировать. Несколько лет спустя по просьбе родных Жанны папа Каликст III назначил комиссию в составе нового архиепископа Руанского, епископов Парижа и Кутанса и нового инквизитора Франции Жана Брегаля, которой поручил пересмотр дела за счет просителей.

К тому времени Кошон, достигнув всевозможных почестей, умер и был торжественно погребен в кафедральном соборе в городе Лисье, где его прах пребывает и по сей день. Ле Метр же скрылся. Многие другие участники расправы над Жанной д'Арк, стремясь реабилитировать себя и сохранить свои прежние прибыльные посты, принялись ее восхвалять, сваливая ответственность за ее казнь на англичан. «Следует ничего не знать о человеке, — комментирует их показания современный церковный историк Поль Донкёр, — чтобы удивляться тому, что самыми рьяными панегиристами Жанны выступали те, которые сами нуждались в прощении за свои многие акты и нуждались в забвении многих своих действий». ²⁶⁰ Впрочем, папские комиссарии вовсе не были заинтересованы в их осуждении. Ведь это создало бы опасный прецедент, ссылаясь на который можно было бы требовать осуждения любого инквизитора. Церковь не могла допустить подобного подрыва своего авторитета, она не могла высечь самое себя. Поэтому папская комиссия в своем решении от 7 июля 1456 г. ограничилась только тем, что признала несостоятельность выдвинутых против Жанны обвинений и на этом основании отменила ранее вынесенный против нее приговор. Таким образом, церковь реабилитировала Жанну д'Арк, не осудив ее палачей.

В 1894 г. республиканец Жозеф Фабр предложил французскому парламенту учредить в честь Жанны д'Арк национальный праздник в день 5 мая — освобождения Орлеана. Дебаты в парламенте по этому вопросу носили исключительно острый характер. Антиклерикалы припомнили церковникам их ответственность за казнь Жанны. Церковники в свою очередь обвиняли своих противников во всех смертных грехах. Архиепископ Э. Ж. Суляр в исступлении взывал, обращаясь к республиканцам: «Берите Кошона и положите его в Пантеоне рядом с Вольтером!» Ж. Фабр ему ответил: «Пьер Кошон — это ваш человек, как вашими являются множество других представителей церкви — его сообщников. Держите его!». ²⁶¹

Опасаясь превращения Жанны в республиканскую героиню и желая использовать ее популярность в народе в интересах церкви, Ватикан в 1897 г. начал процесс ее беатификации. В 1909 г. папа Пий X провозгласил ее блаженной, а в 1920 г. Бенедикт XV приобщил ее к лику святых. Среди многих тысяч жертв инквизиции Жанна д'Арк пока что единственная, посмертно удостоенная столь великой чести...

Теперь церковники не жалеют чернил, чтобы доказать святость Жанны. С редким апломбом современный французский богослов Руиссен укоряет «неверующих историков» в том, что, дескать, они не способны понять «божественное естество» Орлеанской девы, объясняя — о невежды! — все ее поступки естественными причинами, в то время как они диктовались волею всевышнего... ²⁶²

²⁶⁰ Doncoeur P. De la condamnation a la rehabilitation. 1431–1456. Realite et Legende. — Memorial de Jeanne d'Arc 1456–1956. Paris, 1958, p. 41

²⁶¹ Fabre J. Les bourreaux de Jeanne d'Arc... p. 10

²⁶² Ruysen R. P. France religieuse du XII au XV siecle. Paris 1958 p. 257–258

Позволительно спросить Руиссена, почему в таком случае всевышний разрешил Кошону бросить свою избранницу в костер?

Апологеты инквизиции пытаются всю вину за трагическую судьбу Жанны свалить на одного Кошона. Так, например, Фернан Хэйуорд пишет: «Если бы Пьер Кошон, епископ Бовэ, не превратился в послушного слугу Генриха VI, короля Англии, то церковь по своей собственной воле никогда не обвинила бы Девственницу в ереси и колдовстве, и она никогда не превратилась бы в мученицу, героиню из Домреми». ²⁶³ Хэйуорд «забывает», что Жанну судили не только Кошон, а еще 125 выдающихся богословов, в том числе «цитадель католицизма» во Франции — Парижский университет.

Мы уже отмечали, что инквизиция сразу же после пленения Жанны бургундцами затребовала ее для суда и расправы над нею. Можно только добавить к сказанному, что после казни Жанны инквизитор Франции Граверан в проповеди, произнесенной им 4 июля 1431 г. в церкви Сан-Мартин де Шон в Париже, с радостью отметил, что «эта дочь непослушная, еретичка, дьяволица была сожжена во имя величайшей славы ортодоксальной веры». ²⁶⁴ Но не только церковники — сторонники англичан приветствовали казнь Орлеанской девы. Ее одобряли и церковники-«патриоты». Архиепископ реймский Ренье де Шартр, которому по церковной линии был подчинен Кошон, ибо Бовэ входило в его епархию, писал вскоре после гибели Жанны, что ее казнь — «свидетельство божественной справедливости» (Ibid., p. 13–14). По существу вся французская церковь одобрила решение инквизиционного трибунала в Руане. Не возражал, а значит, одобрял его и папский престол. Не возражал против него и Карл VII.

Пусть же церковники перекраивают, дописывают, искажают историю. Им все равно не скрыть того факта, что их собратья бросили в костер национальную героиню Франции — Жанну д'Арк, суд над которой был и остается одной из самых позорных страниц омерзительной деятельности инквизиции...

КРОВАВАЯ ЭПОПЕЯ ИСПАНСКОЙ СУПРЕМЫ

«НОВАЯ» ИНКВИЗИЦИЯ ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Испанская инквизиция! Ее мрачная слава затмила злодеяния инквизиторов в других странах. О ее кровавых деяниях написаны сотни книг, о ней пишут и будут писать как испанские историки, так и историки других стран, пытаясь не только рассказать в назидание потомству о ее жестокостях, но и объяснить их, разобраться в сложных корнях, породивших и питавших этот репрессивный орган на службе церкви и испанской короны.

В Испании инквизиция достигла своей «высшей» степени развития. Испанская инквизиция стала примером, эталоном для учреждений такого же рода во всем христианском мире.

И действительно, нигде инквизиция не действовала столь жестоко и всеобъемлюще, нигде она не соединяла в себе в такой «совершенной» форме черты церковной и политической (государственной) полиции, как это было в Испании, управляемой католическими монархами.

Заслуживает внимания то обстоятельство, что в Кастилии до второй половины XV в. инквизиции как постоянного института вообще не существовало. Это объясняется тем, что Кастилия, возглавлявшая на протяжении столетий борьбу за освобождение Испании от

²⁶³ Hayward F. The Inquisition... p. 101

²⁶⁴ Цит. по: Fabre J. Les bourreaux de Jeanne d'Arc... p. 50

мавританского владычества, не могла позволить себе иметь «священный» трибунал, кровопускательные операции которого не только не укрепили бы, но значительно ослабили бы ее позиции по отношению к противнику. Что касается Арагона, то первый инквизиционный трибунал был в нем учрежден епископом Бернардом в Лериде в 1233 г. В 1238 г. папа римский официально учредил инквизицию в Арагоне, которая особенно энергично действовала в примыкавших к Франции епархиях — Ургеля, Барселоны, Хероны и упомянутой выше Лериды,

Во второй половине XIV в. в роли арагонского инквизитора подвизался доминиканец Николас Эймерик, беспощадно преследовавший спиритуалов, еретиков различных оттенков, иудействующих, ведьм и прочих подлинных и вымышленных врагов церкви. Эймерик вошел в историю как автор одной из отвратительнейших книг, когда-либо созданных богословами, — «Руководства для инквизиторов» («Directorium inquisitorum»), ставшей второй библией для сотрудников и «родственников» «священного» трибунала. Усердие Эймерика вызвало волну возмущения среди населения, что заставило арагонского короля Иоанна I не только отказаться от его услуг, но и незамедлительно выслать его из страны.

В XV в. деятельность арагонских инквизиторов вновь активизировалась. Они весьма энергично вылавливали последователей Уиклифа и других еретиков и расправлялись с ними соответствующим образом. Однако в Арагоне и тем более в Кастилии ересь в указанную эпоху не принимала массовых размеров. По-видимому, это объясняется своеобразным характером испанского феодализма, отсутствием крепостничества, ограниченностью королевской власти, могуществом знати, вольностями городов и многовековой войной с маврами, поглощавшей всю энергию испанского средневекового общества, в том числе и его беднейших слоев.

Положение кардинальным образом изменилось в последней четверти XV в., в основном под влиянием трех событий: объединения Арагона с Кастилией в Испанское королевство, к которому была присоединена сицилийская корона и Наварра; освобождения от мавританского владычества южной части Иберийского полуострова с центром в Гранаде и воссоединения этих земель с Испанией; и, наконец, открытия и завоевания Америки и превращения Испании в результате этого события в первую в мире и крупнейшую колониальную державу, владычицу морей и обладательницу несметных сокровищ.

Как это ни парадоксально, но результаты столь фантастического взлета оказались весьма плачевными для испанского народа. Интересы управления этой новой державы, неожиданно и молниеносно возникшей из столь разнородных и разбросанных по всему миру земель, требовали укрепления королевской власти, а этого можно было достигнуть, только принеся в жертву традиционные сословные вольности и привилегии.

Испанская корона отождествляла свои интересы с интересами церкви, доктрина которой использовалась ею для укрепления своих позиций. После отделения от мавров Гранады к титулам испанского монарха прибавился титул «католический». С открытием Америки и восшествием на испанский престол Карла V, императора германского, Испания становится сильнейшей державой западного мира. На папский престол избираются испанцы (во второй половине XV в. — дважды), а испанские войска хозяйничают в Риме. Теперь не папские владения, а Испания претендует превратиться в своего рода идеальную модель христианского государства, осуществляющего на практике церковные идеалы и распространяющего их среди языческих народов мира, в частности на открытых и завоеванных территориях Америки. Об этом мечтают испанские католические короли, считающие себя не только равными папам, но даже выше их. Испания становится вдохновительницей и застрельщицей контрреформы, спасающей папский престол и католический мир руками иезуитского ордена.

Для осуществления этих задач испанская монархия не останавливалась перед применением любых средств. Таким идеальным средством, таким «чудодейственным» инструментом, освященным авторитетом церкви и доказавшим на протяжении веков свою действенность, оказалась инквизиция.

В условиях предельного обострения идеологической борьбы с протестантизмом деятельность инквизиции приобретала особенно актуальное значение для церкви. А так как фактическим лидером контрреформы в Испании был король, то инквизиция продолжала преуспевать, разя и врагов церкви, и врагов короля. Королевская власть в Испании, открыв в инквизиции надежное орудие подавления и устрашения своих противников, уже не расставалась с нею вплоть до середины XIX в.

Католическая средневековая идеология, взятая на вооружение испанской монархией, не допускала веротерпимости. Господствующая церковь требовала абсолютного подчинения себе всего населения, считая любое отклонение от официальной религиозной доктрины — «подрывом основ». Она обрушивала на виновных и подозреваемых в ереси весь свой могущественный арсенал репрессивных средств. Только после религиозных войн, последовавших за Реформацией, папский престол согласился на относительно мирное «сожительство» с протестантами и то только в тех странах, где католическая партия не смогла одержать военной победы над своими идейными противниками.

Инквизиция, действовавшая в интересах королевской власти, истребляла и грабила иудеев и мавров и походя лишала испанские города и сословия их средневековых вольностей...

«Это было время, — как образно писал о нем К. Маркс, — когда Васко Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции».²⁶⁵

«Новая» инквизиция была учреждена в Испании в 1478–1483 гг. Этому предшествовали следующие события. В 1474 г. королевский трон Кастилии заняла в связи со смертью брата Энрике IV — Изабелла I, супруга Фердинанда V, короля Сицилии и сына и престолонаследника короля Арагона Хуана II. В 1479 г. Хуан II умер, и его владения перешли к Фердинанду V. Таким образом эта супружеская чета объединила под своим скипетром Кастилию, Арагон и Сицилию, а в 1492 г. после отвоевания Гранады — и весь юг Испании.

В 1477 г. сицилийский инквизитор Барберис явился в Севилью, где получил подтверждение своих привилегий и полномочий от Изабеллы и Фердинанда. Барберис советовал королевской чете создать инквизицию в Испании, доказывая, что ее деятельность послужит укреплению их власти. Его предложение поддержал Альфредо де Охеда, приор доминиканского монастыря в Севилье, который требовал учреждения инквизиции для борьбы в первую очередь с марранами (т. е. с иудеями, принявшими христианство. Их также именовали «новыми христианами».) За введение инквизиции горячо ратовал и папский нунций в Испании Николас Франко, который надеялся на этом деле погреть себе руки.

1 ноября 1478 г. папа римский Сикст IV, жадный на деньги и развратник, в пользу которого, как отмечал испанский историк Кастеляр, можно сказать, что он не имел позорных сношений только лишь со своими сыновьями,²⁶⁶ специальной буллой уполномочил Фердинанда и Изабеллу учредить инквизицию в Кастилии с правом арестовывать и судить еретиков, под которыми подразумевались в первую очередь «новые христиане», конфисковывать их собственность в пользу испанской короны, папского престола и инквизиторов. В сентябре 1480 г. были назначены инквизиторами доминиканцы Мигель Морильо и Хуан де Сан-Мартин.

2 января 1481 г. «священный» трибунал обосновался в доминиканском монастыре в

²⁶⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 431

²⁶⁶ См.: Кустодиев К. Последнее аутодафе в Севилье. — Русский вестник, 1863, октябрь, с. 482

Севилье и приступил к работе. К тому времени среди «новых христиан» распространилась паника. Многие меняли фамилии и места жительства, скрываясь у друзей или родственников. Другие спешно ликвидировали дела и спасались бегством за границу.

Первым распоряжением св. трибунала был приказ, повелевающий всем светским властям в течение 15 дней арестовать мавров и иудеев, сменивших местожительство, доставить их в Севилью и конфисковать их собственность. Осуществить этот приказ помогали члены св. братства (эрмандады) — вооруженные отряды наподобие опричнины, созданные в 1476 г. и непосредственно выполнявшие королевские приказы (ими командовал брат короля Фердинанда).

Арестованных «новых христиан» доставляли со всех концов Кастилии в Севилью, где их помещали в монастырях и в замке Трианы. Вскоре последовали массовые казни. Тех из арестованных, кто отказывался признать себя виновным, отлучали от церкви и посылали на костер. Те же, кто отрекался, отделялись поркой, тюремным заключением, конфискацией имущества и лишением всех прав.

Обилие казней заставило инквизиторов усовершенствовать технику смерти. В поле, за городом, где происходили казни, был построен помост (таблада), давший название тому месту, с которого произносились приговоры, поблизости же для костра было воздвигнуто из камня лобное место. Этот эшафот назывался кемадеро — жаровня или крематорий, отличавшийся от современного одноименного сооружения тем, что он служил местом сожжения не трупов людей, умерших естественной смертью, а еретиков, которых сжигали там живыми или после того, как в качестве особой милости инквизиторов их душили — гарротировали.

На кемадеро возвышались четыре большие каменные статуи библейских пророков, к которым привязывали еретиков, приговоренных инквизицией к сожжению. Статуи были сооружены на пожертвования ревностного католика Меса; однако, когда вскрылось, что сам Меса — «новый христианин», этот «благодетельный» жест инквизиция расценила как доказательство его вины. В результате ревностный Меса был сожжен на том же кемадеро, которое, не жалея средств, так великолепно разукрасил.

В Севилье от скученности в тюрьмах разразилась эпидемия чумы. Инквизиторы вынуждены были оставить город и разрешить покинуть его «новым христианам», но без имущества. Этим воспользовались свыше 8 тыс. марранов и иудеев, бежавших от террора севильской инквизиции. Когда эпидемия прошла, инквизиторы вернулись в город и продолжили свою кровавую работу, и так как их «клиентура» сильно сократилась, то они выкапывали мертвых, судили их останки, отбирали у родственников осужденных наследство.

Вскоре инквизиторы пустили в ход известный уже нам набор испытанных коварных средств, с помощью которых тысячи невинных жертв — «лисиц», согласно инквизиторской терминологии, попадали в капканы «священного» трибунала, заканчивая свой крестный путь на костре.

Стремясь заполучить состоятельных «новых христиан», ушедших в связи с первой террористической волной в начале 1481 г. в подполье, инквизиторы в том же году опубликовали «льготный» указ, согласно которому всем «новым христианам», повинным в отступничестве, за добровольную явку в «священный» трибунал, сознание и отречение было обещано прощение и сохранение имущества. Те, кто попадался на эту удочку, должны были купить свое спасение ценой гнусного предательства, сообщая своим палачам имена, положение, местожительство и прочие приметы всех известных им «вероотступников» или подозреваемых в вероотступничестве лиц. Эти показания в конечном итоге не спасали малодушных от костра, так как, расправившись с упорствующими вероотступниками, инквизиция расправлялась также с этими своими пособниками, обвиняя их, согласно традиционной формуле, в повторном впадении в ересь, что неминуемо влекло за собой смертный приговор, конфискацию всех ценностей и собственности осужденного и передачу его светским властям.

Когда истек «льготный» срок, севильские инквизиторы издали новый указ, повелевавший всем жителям королевства под угрозой отлучения в трехдневный срок донести о лицах, подозреваемых в иудейской ереси. В указе для «просвещения» доносчиков перечислялись 307 различных признаков, позволяющих уличить в вероотступничестве «новых христиан».

Эти указы принесли обильную кровавую жатву инквизиторам. Тысячи «новых христиан» добровольно отдавали себя в руки «священного» трибунала, по их показаниям новые тысячи попадали в застенки инквизиции, тысячи были арестованы по доносам «старых христиан». Работа инквизиции принимала все более широкий размах. С нею явно уже не справлялись назначенные в 1480 г. два инквизитора. 11 февраля 1482 г. Сикст IV назначил несколько новых инквизиторов в Испанию, среди которых впервые мы встречаем имя доминиканского монаха Томаса Торквемады, исповедника королевской четы, решительного сторонника искоренения «иудействующей» ереси.

Между тем на папский престол оказывалось противоречивое давление, с одной стороны, «новыми христианами», пытавшимися богатыми дарениями (подкупом) склонить папу римского и его ближайшее окружение ограничить власть испанской инквизиции, установив при папском престоле нечто вроде независимой апелляционной инстанции, к которой могли бы обращаться несправедливо осужденные св. трибуналом, с другой стороны — испанской короной, требовавшей полного подчинения себе св. трибунала и невмешательства со стороны папского престола в его дела и обещавшей папе в качестве компенсации часть награбленного у «еретиков» имущества.

Домогательства испанской короны, превращавшейся на Западе в почти единственный оплот прогнившего до своих основ папства, возымели на Сикста IV соответствующее действие. 2 августа 1483 г. Сикст IV издал декрет, создававший постоянный «священный» трибунал в Кастилии во главе с генеральным (верховным) инквизитором, назначаемым по представлению испанской короны папой, но во всех своих действиях подотчетным только короне.

Генеральный инквизитор получил право назначать с согласия короны провинциальных инквизиторов.

Генеральный инквизитор. Художник Эль Греко (1544?-1614)

На должность генерального инквизитора был назначен Томас Торквемада. Он себя титуловал так: «Мы, брат Томас Торквемада, монах ордена братьев проповедников, приор монастыря святого Креста в Сеговии, духовник короля и королевы, наших государей, и

генеральный инквизитор во всех их королевствах и владениях против еретической испорченности, назначенный и уполномоченный святым апостолическим престолом».²⁶⁷

Как следует из этого текста, Торквемада был назначен на свой пост папским престолом, который разделяет с испанской короной ответственность за его кровавые деяния.

Таким образом, испанская корона обрела в инквизиции, освященной высшим церковным авторитетом, террористический инструмент, используя который она могла впредь эффективно подавлять всех своих противников.

17 октября 1483 г. папа римский распространил полномочия кастильского генерального инквизитора также на Арагон, Валенсию и Каталонию. В этих областях инквизиция была известна с XIII в., но к концу XV в., в связи с развитием городов и ростом самоуправления, она пришла в упадок и практически бездействовала. Местные кортесы только под большим давлением короны согласились распространить полномочия Торквемады на свои области, население которых весьма враждебно встретило его представителей и не скрывало своих симпатий к жертвам «священного» трибунала.

В том же году Фердинанд V создал Верховный совет инквизиции под председательством генерального инквизитора. В задачу совета входило главным образом решение вопросов, связанных с конфискацией имущества еретиков. Этим было завершено создание Верховного инквизиционного трибунала — Супремы (Верховный трибунал инквизиции именовался по-испански Supremo Tribunal de la Santa Inquisición, сокращенно — Супрема). — в Испании, кровавая деятельность которого продолжалась три с половиной столетия.

* * *

Как уже было сказано, первыми жертвами испанской инквизиции стали «новые христиане» — марраны.

Буржуазные и церковные исследователи исписали немало страниц, пытаясь доказать — одни, что марраны были лицемерами и обманщиками, поклонявшимися публично Иисусу Христу и втайне — Моисею; другие, наоборот, что марраны были лояльные и правоверные христиане, раз и навсегда порвавшие с иудейством. Подобного рода изыскания и споры бесполезны, тем более что из них делаются совершенно ошибочные выводы. Те, кто утверждает, что марраны были неискренними и тайно исповедовали иудейскую религию, оправдывают этим действия инквизиции. В данном случае ответственность за гибель марранов переносится с палачей на их жертвы. Те же, кто утверждает обратное, обвиняют инквизицию в том, что она преследовала неповинных людей, как будто, если бы марраны действительно были тайными иудеями, их преследование было бы оправданным. Ведь марраны появились на свет вследствие жесточайших преследований иудейского населения. Их заставили террором отказаться от своей веры и перейти в другую веру, теперь же с ними расправлялись якобы за то, что они это сделали неискренне.

Проблема морисков (мавров, обращенных насильственно в христианство) не носила столь «универсального» характера, как проблема иудеев. Это была локальная, чисто испанская проблема. Хотя арабы, как и иудеи, были семитами, католическая церковь не приписывала им ни ответственности за распятие Христа, ни других подобных преступлений, за исключением того, что они были иноверцами, последователями «лжепророка» Мухаммеда. Их нельзя было обвинить и в том, что в их руках скопились сокровища. Ведь мавританское население Испании в основном состояло из ремесленников и крестьян. И тем не менее они тоже были осуждены на преследования.

Официально мориски, как и марраны, обвинялись в том, что являются «неискренними» христианами и тайно исповедуют свою старую веру, иначе говоря, они обвинялись в ереси,

²⁶⁷ См.: Льюренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции

что угрожало им повальным истреблением.

В чем, однако, заключались скрытые — подлинные причины геноцида, которому испанская корона и церковь подвергли иудейское и мавританское население своих владений?

Что касается иудеев, то в первую очередь их преследование имело весьма конкретную цель — завладеть их имуществом. Кроме того, наличие инквизиции позволяло короне, как уже было сказано, использовать этот смертоносный инструмент против любых своих противников. Преследование мавров — крестьян и ремесленников, работавших на влиятельных грандов, подрывало могущество последних, что также было в интересах короны.

Современные апологеты испанской инквизиции задним числом выдвигают более «благородное» объяснение. Они утверждают, что целью преследования иудеев и мавров было достижение и укрепление национального единства Испании, которое подрывалось будто бы этими людьми, грозившими распадом испанскому обществу. Но где доказательства, что иудеи и мавры стремились к этому? Таких доказательств нет, ни один из их противников в XV–XVI вв. таких доводов не выдвигал.

Испанский абсолютизм, напомилавший по своей жестокости восточные деспотии, хотя и покончил с иудеями и маврами, так и не добился ни национального единства страны, ни ликвидации всех городских вольностей. Как отмечает К. Маркс, абсолютная монархия, впервые из всех феодальных государств возникшая в Испании, «сделала все от нее зависящее, чтобы не допустить возникновения общих интересов, обусловленных разделением труда в национальном масштабе и многообразием внутреннего обмена, которые и являются единственно возможной основой для установления единообразной системы управления и общего законодательства».²⁶⁸ Проводить такую антинациональную политику помогала инквизиция, беспрекословно служившая испанской абсолютной монархии.

ДЕТИЩЕ ТОМАСА ТОРКВЕМАДЫ

Итак, как писал Г. Лонгфелло в своей поэме, посвященной первому испанскому великому инквизитору.

В Испании, от страха онемелой,
Царили Фердинанд и Изабелла,
Но властвовал железною рукой
Великий инквизитор над страной...
Он был жесток, как повелитель ада,
Великий инквизитор Торквемада.

Перевод Б. Томашевского

Томас Торквемада считается подлинным творцом и идеологом испанской инквизиции. Он возглавлял инквизиционный трибунал в течение первых 18 лет после его создания. Фанатик, видевший основную цель своей жизни в истреблении марранов, которых он считал виновными в вероотступничестве, Торквемада отличался жестокостью, коварством, мстительностью и колоссальной энергией, что вместе с доверием, которое питали к нему Изабелла и Фердинанд, превратило его в подлинного диктатора Испании, перед которым трепетали не только его жертвы, но и его сторонники и почитатели, ибо он, как и надлежит «идеальному инквизитору», любого, даже самого правоверного католика мог заподозрить в ереси, заставить признать себя виновным и бросить его в костер. Судя по всему, Торквемада не любил людей, не доверял им и, считая себя инструментом божественного провидения, со спокойной совестью лишал их жизни. Хотя внешне Торквемада отличался скромностью и

²⁶⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 432

простотой нрава, но под этой лицемерной оболочкой скрывалось неограниченное честолюбие, жажда славы и почестей, неумная страсть к власти.

Для методов, применявшихся Торквемадой против «новых христиан», характерен сфабрикованный им в 1491 г. процесс по делу об убийстве «святого дитяти» из Ла-Гуардия, процесс, ставший с тех пор своего рода эталоном для подобного рода провокационных спектаклей, периодически повторявшихся в разных странах и при разных режимах. В июне 1490 г., находясь во власти инквизиции, «неохристианин» Бенито Гарсия, подвергнутый пыткам, показал, что вместе с другими пятью марранами и шестью иудеями замыслил «заговор» против христианства. Чтобы обеспечить успех своим преступным планам, заговорщики будто бы решили убить некоего христианского мальчика из селения Ла-Гуардия. Они якобы похитили этого мальчика, мучили его, а затем вырезали у него сердце, и один из заговорщиков пытался изготовить из него волшебный напиток, при помощи которого можно было бы уничтожить инквизицию и все христианство. Названные Гарсией «заговорщики» были арестованы. Подвергнутые пыткам, они признались в своих «преступлениях». 16 ноября 1491 г. все «заговорщики», за исключением трех, погибших от пыток, были казнены в Авиле, причем иудеи были сожжены живьем, марранов, примирившихся с церковью, задушили перед сожжением, а трое погибших под пытками были сожжены «в изображении».²⁶⁹

За восемнадцать лет своей «работы» Торквемада, по данным Льоренте, «десять тысяч двести двадцать жертв сжег живыми, шесть тысяч восемьсот шестьдесят сжег фигурально после их смерти или по случаю их отсутствия и девяносто семь тысяч триста двадцать одного человека подверг опозорению и исключению из службы на общественных и почетных должностях. Общий итог этих варварских казней доходит до ста четырнадцати тысяч четырехсот навсегда погибших семейств. Сюда не включены те лица, которые по своим связям с осужденными разделяли более или менее их несчастье и горевали, как друзья или родственники, о строгостях, постигших несчастные жертвы».²⁷⁰

Разумеется, апологеты церкви оспаривают данные Льоренте, утверждая, что они «завышены», что Торквемада послал на костер не 10 тыс. человек, а 5 или 4 тыс. Но у Льоренте имеется перед ними одно немаловажное преимущество: как-никак, а он все же был секретарем испанской инквизиции и писал, опираясь на материалы ее архивов. Но даже если данные Льоренте преувеличены, разве это меняет преступный характер инквизиции?

Преследования еретиков продолжались вплоть до начала XIX в. По неполным данным, только за четыре года (с 1721 по 1725 г.) одна кастильская инквизиция осудила 902 еретика, из них было сожжено на костре 165 человек.²⁷¹ Последним же привлеченным инквизицией по обвинению в иудействе был Мануэль Сантьяго Вивар в Кордове в 1818 г.

Но Торквемада был не только организатором террора, он являлся к тому же и его «теоретиком». Под его руководством был составлен кодекс инквизиции, включавший 28 статей («инструкций»). В выработке кодекса участвовали виднейшие испанские богословы того времени, а также Изабелла и Фердинанд. В этом документе, датированном 1484 г., были суммированы директивы папского престола по преследованию еретиков и прошлый опыт инквизиционных трибуналов в Испании и других странах.

Основные положения кодекса Торквемады сводились к следующему: инквизиция объявлялась тайным судилищем, первой и последней инстанцией, рассматривавшей дела еретиков. Ее решения считались окончательными и пересмотру не подлежали. Лица, обвиненные инквизицией в ереси и не признавшие себя виновными, подлежали отлучению и

²⁶⁹ См.: Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании, с. 144

²⁷⁰ Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 2, с. 250

²⁷¹ Kamen H. The Spanish Inquisition. London, 1965, p. 228

передаче светским властям для сожжения. Обвиняемый в ереси мог спасти себя от костра только полным признанием своей вины, выдачей сообщников, отречением от еретических воззрений и полным подчинением воле «священного» трибунала.

Кодекс Торквемады не устанавливал какого-либо срока для проведения следствия и суда над обвиняемым. Инквизиция была властна держать свои жертвы в предварительном заключении неограниченное время. Были случаи, когда узники томились в застенках инквизиции десятки лет до вынесения им приговора. Священник Хосе Бунон де Вертис был арестован в 1649 г. и умер в заключении в 1656 г. По его делу так и не было вынесено никакого решения. Доминиканский монах Габриэль Эскобар 15 лет (с 1607 по 1622 г.) томился в заключении, где умер, так и не дождавшись приговора инквизиции.

Кодекс Торквемады неоднократно пополнялся новыми инструкциями, но суть его от этого не менялась. Кодекс наделял инквизиторов неограниченной властью, в своих действиях они отчитывались только перед генеральным инквизитором и Супремой, которые в свою очередь несли ответственность только перед короной.

Кодекс Торквемады расширил организационную структуру инквизиции. Кроме Верховного совета инквизиции во главе с генеральным инквизитором, кодекс предусматривал создание местных постоянных трибуналов (их было создано 17) и чрезвычайных трибуналов, которые могли создаваться в любой местности и на любой срок, смотря по необходимости.

Важным звеном в инквизиторской иерархии были так называемые фамилиарес («родственники») и фискалы — ее светские сотрудники, выполнявшие обязанности осведомителей, доносчиков и провокаторов, а также помощников при организации аутодафе, на которых они появлялись в капюшонах. Фискалы получали долю с конфискованного у жертв инквизиции имущества, не подлежали юрисдикции светских судов и по существу действовали совершенно безнаказанно. Большинство из них составляли уголовные элементы, однако наряду с ними в этом «сословии» были представлены все слои населения. Среди фискалов фигурировали и известные писатели и государственные деятели. Число «родственников» было весьма велико. Так, например, при трибунале в Толедо имелось 805 «родственников», в Гранаде — 554, в Сантьяго — 1009, в Сарагоссе — 1215, в Барселоне — 905.²⁷² Их общее число, судя по имеющимся данным, превышало 15 тыс. человек.

Одна из составных частей инквизиторского судопроизводства — доносительство всемерно поощрялось церковью в проповедях и в исповедальне. Церковь упорно внушала верующим, что доносительство — богоугодное дело, что доносы — это своего рода пропуск в райскую обитель. Особенно ценились доносы на родственников и друзей, слуг — на хозяев, подчиненных — на начальников. Инквизиция сохраняла имена доносчиков в тайне, щедро награждала их из средств, конфискованных у еретиков.

Инквизиция не стеснялась вербовать доносчиков и среди иудеев. Еще в 1485 г. инквизиторы приказали раввинам в Севилье предавать в синагоге анафеме тех иудеев, которые, зная о марранах, исповедующих втайне иудейство, не доносят об этом «священному» трибуналу.

Церковная проповедь, превращавшая доносительство в христианскую добродетель, и страх перед инквизицией порождали огромное число доносчиков, разоблачения и показания которых против мнимых или подлинных еретиков никогда не оставляли «священный» трибунал без дела. Приведем несколько примеров.

В 1530 г. доносчик сообщил инквизиции Канарских островов, что местная жительница Альдонса де Варгас «загадочно улыбнулась», когда упомянули в ее присутствии имя «непорочной» девы Марии. Эта «загадочная улыбка», отмечал доносчик, свидетельствует о кощунственном отношении Альдонсы к богоматери.

Гонсалес Руис попал в инквизицию по доносу проигравшегося партнера по карточной

²⁷² Katen H. The Spanish Inquisition, p. 145–146

игре, обвинившего его в том, что во время игры он сказал: «Даже если бог будет тебе помогать, ты все равно не сможешь выиграть эту игру».

В 1581 г. два прихожанина донесли на самих себя, что заявили своим женам — «совокупление не грех», а ведь подобное утверждение считалось чистой воды ересью. Мужья самообвинили себя, опасаясь, что жены донесут на них инквизиции.

В 1635 г. в Барселоне был сделан донос на некоего Педро Хинесту, подозреваемого в протестантстве на том основании, что доносчик видел, как Хинеста ел в пост «ветчину с луком». В том же году был арестован некий Алонсо из г. Хаена за то, что, согласно донесению доносчика, «мочился на церковную стену», что могло сойти за сознательное желание еретика осквернить католический храм.

Сколько исписано церковниками и их апологетами бумаги с целью оправдать или по крайней мере затушевать применение пыток испанскими инквизиторами! Применялись ли пытки инквизицией? Да, сквозь зубы признают церковники, применялись, но редко, но по-божески — умеренно, но в присутствии врача, чтобы не дай бог еретику не повредили бы косточки, не пролили бы его драгоценной крови, ибо церковь относится к пролитию крови с ужасом, с возмущением. Пытки, конечно, применялись, не отрицают апологеты инквизиции, но ведь это было в обычае эпохи, а раз так, то при чем тут церковь, при чем тут «священный» трибунал, — виновата-то эпоха! Пытки применялись, да, но признавались только те показания, которые обвиняемый добровольно подтверждал после пытки.

Оказывается, какой благородной, справедливой, умеренной, гуманной была инквизиция в применении пыток и вовсе не такой кровожадной и жестокой, какой ее рисуют антицерковные «клеветники» — разные там просветители и иже с ними!

Увы! Документы, тысячи документов — протоколов допросов — изобличают инквизиторов как беспощадных палачей-садистов, систематически пытавших свои жертвы, независимо от их пола и возраста, ибо среди тех, к кому применялись пытки, мы встречаем как малолетних детей, так и старух вплоть до 90-летнего возраста.

Из большого числа опубликованных такого рода документов приведем самый заурядный, повествующий сухим канцелярским языком о том, какими средствами добывали испанские инквизиторы признания у своих жертв:

«Протокол пытки над Франсиско Робертом.

На суде святой инквизиции в Толедо утром 17 августа 1569 г. пред сеньорами инквизиторами лисенсиатом Хуаном Бельтраном де Геварой и доном Педро Веларде, в присутствии лисенсиата Уркисы, главного викария, замещающего иногда судью, предстал Франсиско Роберт, и когда он явился, ему сказали, что ввиду единогласия в его деле он должен сознаться и покаяться для облегчения совести.

Тогда он сказал, что согласен, и попросил их милость поскорее закончить его дело.

Ему сказали, что по его признаниям относительно святых, и обедни, и насмешек над монахами, как подтвердили также свидетели, есть основание считать его лютеранином и разделяющим заблуждения Лютера и что из любви к богу и пресвятой богородице ему советуют сказать и объявить правду относительно всего, что он сделал и сказал против нашей святой католической веры, и назвать лиц, внушивших ему это. Но после этих убеждений из него не могли вытянуть больше того, что он сказал на исповеди; причем он добавил, что хотя и сказал многое, но не верит этому.

Ему ответили, что его дело рассмотрено вышеназванными сеньорами инквизиторами, и судьей, и советниками, и они вынесли впечатление, что он говорит неправду, вследствие чего они пришли к убеждению, что необходимо пытать его. Однако его предупредили, что, из любви к богу, ему предлагают до начала пытки сказать правду, ибо сие необходимо для облегчения его совести.

Он ответил, что уже сказал правду.

Ввиду сего... по рассмотрении документов и данных процесса, мы вынуждены присудить и присуждаем сего Франсиско Роберта к пытке водою и веревками по установленному способу, чтобы подвергался пытке, пока будет на то воля наша, и

утверждаем, что в случае, если он умрет во время пытки или у него сломается член, это случится по его вине, а не по нашей, и, судя таким образом, мы так провозглашаем, приказываем и повелеваем в сей грамоте, заседа в суде.

...И тогда приказали отвести его в комнату пыток и отвели.

Затем, находясь уже в комнате пыток, сии сеньоры инквизиторы и судья спросили сего Франсиско Роберта, не хочет ли он сказать правду до раздевания. Он ничего не ответил и стал раздеваться.

И когда он был раздет, сего Франсиско Роберта стали увещевать сказать правду до начала пытки. Он ответил: «Я не знаю, что угодно вашей милости».

Тогда его посадили на скамью и стали вязать руки веревками и прежде, чем прикрутить их, его увещевали сказать правду. Он ответил, что ему нечего говорить.

Тогда было приказано прикрутить и дать один поворот веревке. И так было сделано. Он произнес: «О, господи!»

Тогда приказали дать второй поворот, и дали, и ему предложили сказать правду. Он сказал: «Скажите, чего вы желаете от меня, и я готов служить вашей милости».

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили и сказали ему, чтобы сказал правду из любви к богу. Он ничего не ответил.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и он ничего не сказал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали, чтобы сказал правду из уважения к богу. Он ответил: «Я сказал правду, я говорю правду». И застонал.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и он ничего не ответил, а только застонал.

Тогда еще раз прикрутили веревку и сказали, чтобы сказал правду. Он простонал и ничего не сказал.

Тогда приказали потуже прикрутить веревку, и прикрутили и сказали, чтобы сказал правду. Он ответил, что не знает, чего от него хотят.

Ему сказали, что желают услышать от него правду. Он ничего не ответил.

Приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили, и сказали ему сказать правду. Он ничего не ответил. Затем сказал: «Я был сумасшедшим, я был пьяным, не знаю, как и когда».

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку, и прикрутили веревку, и сказали ему, чтобы сказал правду ради бога. Он простонал.

Тогда приказали еще раз прикрутить веревку и сказали ему, чтобы сказал правду. Он ничего не ответил.

Ему еще прикрутили веревку, и он ничего не сказал.

Ему еще раз прикрутили веревку, и он только простонал.

Ему еще раз прикрутили веревку, и он только простонал: «Ох, ох!»

Ему еще раз приказали прикрутить веревку, и прикрутили, и он ничего не сказал.

Приказали еще раз прикрутить, и прикрутили. Он сказал: «Сеньор инквизитор! Да, я обвиняю одного фламандца, работавшего там, где я».

Его спросили, в чем он обвиняет сего фламандца. Он ответил, что не знает этого.

Приказали привязать к станку веревку, стягивавшую ему руки.

Тогда его привязали к станку и сказали ему, чтобы, из любви к богу, сказал правду прежде, чем приступят к пытке.

Он ответил, что отец и мать научили его тому, что говорят их милости.

Ему сказали, чтобы сказал, чему его научили, и что он верит в это. Он ответил, что Малтес, заключенный в этой же тюрьме, говорит много дурного про испанцев, утверждая, что они — иудеи и негодяи, и много добра про фламандцев.

Затем сказал, что не знает, что говорить.

Затем приказали привязать его к станку за каждую руку одною веревкою и за каждое бедро одною веревкою, по веревке сверху и над коленями, и еще за ступню, по веревке на каждой.

Затем в каждую веревку вставили палку, к рукам и бедрам и ступням, и привязали ему голову, и тогда сказали ему, что его просят, из уважения к богу, сказать правду до начала пытки.

Он ответил: «Я готов служить богу» и заплакал. И за нежелание сказать правду приказали прикрутить веревку у правой руки, и прикрутили. Он плакал, молчал.

Тогда ему прикрутили палку у левой руки и сказали, чтобы он сказал правду. Он закричал, плача: «Прощай, пресвятая дева Мария!»

Тогда приказали прикрутить палку от левой ноги и попросили сказать правду. Он закричал, затем сказал, что работал во Франции с одним.

Ему сказали, чтобы сказал про этого *maestre publico*, что тот заставлял его делать и говорить. Он ответил, что ничего.

Тогда приказали прикрутить палку от правой ноги и сказали, чтобы сказал правду. Он крикнул несколько раз: «Иисус, Мария!»

Тогда было приказано прикрутить палку с правого бедра. Он крикнул много раз: «Иисус, Мария!»

Тогда его попросили сказать правду из любви к богу. Он сказал: «О, господи и пресвятая дева! О, господь и пресвятая дева!» И больше ничего не могли вытянуть из него.

Тогда приказали прикрутить палку у левого бедра. Он застонал и закричал.

Тогда было приказано прикрутить палку от нижней части ноги. Он ничего не сказал.

Тогда было приказано прикрутить палку от правой ноги. Он ничего не сказал.

Тогда приказали поднести к его лицу чашу и сказали ему, чтобы сказал правду, пока не начнется пытка. Он ничего не сказал.

Тогда приказали облить его кувшином воды, и облили, и он сказал: «О, господи, чего же от меня хотят!»

Тогда его облили из второго кувшина воды.

Тогда ему сказали, чтобы лучше сказал правду прежде, чем его будут пытать еще. Он сказал: «Что же хотят ваши милости, чтобы я сказал?»

Ему ответили, что хотят, чтобы он сказал правду.

Он сказал, что отрекается от отца и матери.

Когда его спросили, почему он отрекается от отца и матери, он прочитал «Отче наш» и сказал, что больше ничего не знает.

Тогда приказали облить его еще из одного кувшина, и облили, и сказали, чтобы сказал правду. Он сказал: «Отпустите меня. Я уйду в монастырь молиться богу за вашу милость».

Потом он сказал, что бросится в колодец в Мадриде с горя, что ему нечего есть.

Тогда сеньоры инквизиторы сказали, что его довольно пытали, и пытку прекратили, и ушли из комнаты, и сего Франсиско Роберта отвязали.

В присутствии меня, Хуана де Вергара (секретаря)». ²⁷³

Инквизиторы и их сотрудники по трибуналу кормились за счет жертв. Они получали жалованье из фонда конфискации имущества еретиков. Эти фонды делились на три части: одна из них поступала непосредственно в королевскую казну, другая — в церковную, третья — в казну инквизиции.

По имеющимся данным, Фердинанд и Изабелла выручили от ограбления «новых христиан» баснословную для тех времен сумму в 10 млн. золотых дукатов, или 60 млн. долларов в современном исчислении. ²⁷⁴

В 1629 г. генеральный инквизитор получал 3870 дукатов в год, а члены Супремы половину этой суммы каждый. В 1743 г. генеральный инквизитор получал 7 тыс. дукатов, а 40 членов Супремы 64 100 дукатов в год.

²⁷³ Цит. по: Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании, с. 475–477

²⁷⁴ Там же, с. 151

В 1636 г. инквизиция обвинила банкира Мануэля Фернандеса Пинто в ереси. Король был должен Пинто 100 тыс. дукатов. Арестовав Пинто, инквизиция вырвала у него еще 300 тыс. дукатов.²⁷⁵

Волна арестов еретиков на острове Майорка в 1678 г., обвиненных в заговоре, позволила инквизиции завладеть их имуществом стоимостью 2,5 млн. дукатов.²⁷⁶

Эти разрозненные данные свидетельствуют, насколько прибыльным делом было преследование еретиков как для инквизиции, так и для королевской казны.

Сторонники инквизиции, пытаясь как-то оправдать ее преступления, утверждают, что ее учреждение и деятельность якобы встречали единодушную поддержку всех кругов населения Испании.

Свидетельства современников опровергают эту легенду. Инквизиция была навязана испанскому народу.

Иезуит Хуан Мариана (1536–1624) в своей «Истории Испании» отмечает, что инквизиция вначале «представлялась испанцам крайне угнетающей. Больше всего вызывало удивление то, что дети несли ответственность за преступления их отцов и что имена обвинителей держались в тайне от обвиняемых, так же как имена свидетелей; все это противоречило процедуре, издавше практикуемой в судах. Кроме того, казалось новшеством, что подобного рода грехи должны караться смертью. И еще более серьезным было то, что из-за тайных расследований испанцы были лишены возможности свободно слушать и говорить, ибо во всех городах, селениях и деревнях находились люди, поставившие инквизиции сведения о происходящем. Некоторые считали такое положение самым гнусным рабством и равным смерти».²⁷⁷

Даже среди инквизиторов не все одобряли террористические методы преследования инакомыслящих. Об этом свидетельствует следующий отрывок из сочинения, посвященного принцу Астурийскому (будущему императору Карлу V), датированного приблизительно 1516 г., в котором анонимный инквизитор признавался королю:

«Некоторые из нас чувствуют это и плачут у себя дома, но не решаются об этом говорить, потому что такого снимут с должности и будут считать подозрительным в делах инквизиции. Те, кто так думает и добросовестен, покидают должность, если у них есть средства, чтобы питаться; другие остаются на службе, потому что не могут иначе жить, хотя мучаются совестью, что исполняют службу так, как это делается теперь. Другие говорят, что для них это безразлично, что так поступали их предшественники, хотя бы это было против божественного и человеческого права. Иные так враждебно относятся к обращенным, что полагают, будто сослужат великую службу богу, если всех их сожгут и конфискуют их имущество без всякого колебания. Придерживающиеся такого мнения не имеют другого намерения, кроме того, чтобы заставить их сознаться в том, в чем их обвиняют, всевозможными способами».²⁷⁸

Против введения инквизиции выступали и некоторые видные церковные деятели, среди них епископ Сеговии Давила и епископ Педро де Аранда, председатель королевского совета Кастилии. Оба они были вызваны в Рим, где умерли в опале.

Развязанный против «новых христиан» террор не мог не вызвать и с их стороны соответствующей реакции. В 1485 г. был убит в Сарагосе первый арагонский инквизитор Педро Арбуэс, возведенный впоследствии церковью в сан блаженного. Однако этот акт

²⁷⁵ Там же, с. 220–221

²⁷⁶ Там же, с. 252

²⁷⁷ Mariana Juan. de. Historia General de Espana. Madrid, 1950, v. 2, p. 202

²⁷⁸ Цит. по: Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 2, с. 512

вызвал только новую волну террора.

В отместку инквизиция казнила около 200 человек, которых обвинили в заговоре против короля и церкви. Главари «заговора» были пропущены через аутодафе, им отрубили руки и потом сожгли. Другие попытки расправиться с инквизиторскими палачами приводили к таким же массовым репрессиям.

Свидетельством сопротивления испанского общества инквизиции является и тот факт, что богословы — ее сторонники — вынуждены были сочинить не один трактат в ее защиту. Весьма показателен в этом отношении опус богослова Альфонсо де Кастро (около 1495–1558) «De justa haereticorum punitione», неоднократно издававшийся в Испании, в котором он, полемизируя с противниками инквизиции, «доказывает» право церкви преследовать и карать еретиков. Кастро утверждал: только еретики могут сомневаться в том, что искоренение ереси — справедливое и необходимое дело. Еретик, рассуждал Кастро, оскорбляет бога, а это большее преступление, чем кража или убийство. Если воров и убийц строго карают, то еретики заслуживают еще более строгого наказания.

Противники инквизиции утверждали, что преследования инквизиции порождают «ложных христиан», способствуют распространению среди верующих лицемерия и двуличия, на что Кастро отвечал: «Лучше еретик тайный, чем явный, бросающий вызов верующим». Противники инквизиции заявляли: «Богу не угодны верующие по принуждению, ибо их вера не имеет ценности». Кастро им возражал: «Еретик, получивший крещение, обязан выполнять то, что обещал». Противники инквизиции настаивали: «Следует обращать еретиков убеждениями, а не карами». Кастро придерживался на этот счет иного мнения: «Убеждать следует, но, как сказал св. Исидор, кого не излечишь лаской, излечишь болью. Когда нападает волк, то пастух пытается его отпугнуть воплями, если же это не поможет, то пастух станет защищаться любым насильственным средством».

Критики инквизиции указывали, что «противоречит евангельской морали обращаться к светской руке за поддержкой для наказания еретиков». Кастро им ответил: «Священное писание не прямо, а косвенно разрешает это, ибо еретики — самые опасные нарушители социального порядка. Властелины, исповедующие христианство, поддерживают церковь. Если же государство враг церкви, то оно лишает ее поддержки».

Эти рассуждения Кастро и сегодня повторяют сторонники инквизиции, например уже упоминавшийся нами современный испанский богослов Н. Лопес Мартинес.

ТЕРРОР ПРОДОЛЖАЕТСЯ

Несмотря на сопротивление, которое встречала инквизиция, в первую очередь в городских слоях Испании, королевская власть продолжала преследовать «новых христиан», постепенно расширяя полномочия «священного» трибунала.

К 1492 г. испанская корона решила пополнить клиентуру «священного» трибунала, а заодно и свою казну, просто «гениальным способом». 31 марта 1492 г. был опубликован королевский указ, предписывавший всем иудеям в трехмесячный срок принять католическую веру или покинуть Испанию, причем в последнем случае все их имущество подлежало конфискации в пользу испанской короны.

Точных данных о количестве иудеев, покинувших страну или принявших христианство после королевского указа 1492 г., нет. Разные источники указывают, что из Испании было изгнано от 105 до 800 тыс. иудеев и приняло христианство около 50 тыс.²⁷⁹

Многие «новые христиане», в особенности обладавшие состоянием, обращались к папе римскому за защитой, выражая согласие на любые формы примирения с церковью и готовность уплатить любую цену за получение охранной грамоты, которая спасла бы их от произвола инквизиторов. В первые десятилетия существования испанской инквизиции,

²⁷⁹ Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 24

пишет Х. А. Льоренте, «всякий, кто являлся в апостолический пенитенциарный суд с деньгами, получал просимое прощение или поручение другому лицу даровать ему это прощение. Это разрешение в то же время воспрещало кому-либо тревожить того, кто его получил». ²⁸⁰

Просьбы «новых христиан» к папе, сопровождаемые солидными подношениями, о рассмотрении их дел непосредственно в пенитенциарном трибунале римской курии, так же обращения в Рим о пересмотре приговоров испанской инквизиции, в тех редких случаях, когда они положительно решались, не достигали своей цели, ибо папские решения отклонялись или попросту не признавались испанской короной и инквизицией. Более того, папский престол по требованию испанской короны неоднократно отменял свои же решения, хотя, разумеется, не возвращал полученных за них денег.

В 1484 г. папа Сикст IV в личном послании Торквемаде, передавая похвалу в его адрес кардинала Борджии (будущего Александра VI), присовокуплял от себя: «Мы слышали этот отзыв с большой радостью, и мы в восторге, что вы, обогащенные познаниями и облеченные властью, направили свое усердие на предметы, возвеличивающие имя господне и полезные истинной вере. Мы ниспращиваем на вас божье благословение и побуждаем вас, дорогой сын, продолжать с прежней энергией и неутомимостью способствовать укреплению и упрочению основ религии, и в этом деле вы всегда можете рассчитывать на нашу особую милость». ²⁸¹

Двойная игра папства по отношению к судьбе «новых христиан» продолжалась до начала XVI в., когда папа Александр VI Борджиа, сам испанец по происхождению, получивший немалую долю от награбленных испанскими конкистадорами сокровищ аборигенов, окончательно прекратил «вмешательство» Рима в дела испанской инквизиции и запретил ее жертвам обращаться к нему с жалобами на нее. Благодаря этому решению испанская инквизиция получила право расправляться с кем угодно и какими угодно средствами.

Беспощадно преследуя марранов и морисков, инквизиция и испанская корона в то же самое время всячески мешали их ассимиляции. Одним из препятствий к ассимиляции было требование сертификата «чистоты крови», который предъявлялся при назначении на государственную должность, при присвоении офицерского чина, вступлении в духовное звание и монашеский орден, в университеты и на преподавательские должности, при выезде в заморские владения — одним словом, всякий раз, когда житель сталкивался с необходимостью получить у властей какое-либо и на что-либо разрешение.

Отметим, что Лойола, создатель иезуитского ордена, желая использовать в своих целях «новых христиан», разрешил им вступать в орден, не требуя от них сертификатов чистоты крови, которые он называл «национальным (испанским) предрассудком». В 1608 г., однако, орден под давлением испанской короны был вынужден сделать оговорку в том смысле, что членство в нем разрешалось «новым христианам» только в пятом поколении.

Хотя во время правления Филиппа IV (1623–1665) была несколько упрощена процедура получения сертификатов «чистоты крови» и, в частности, был уничтожен индекс семейств «новых христиан», так называемая «Зеленая книга Арагона», служившая главным источником информации при определении «чистоты крови», институт сертификата просуществовал в Испании вплоть до второй половины XIX в. и был окончательно отменен только в 1865 г.

После того как инквизиция разделалась с иудеями и «новыми христианами», она принялась за арабов. Как уже было сказано, в 1492 г. была отвоевана испанцами Гранада. Тогда Фердинанд и Изабелла обещали маврам, что они будут уравнены с испанцами в правах

²⁸⁰ Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции т I с. 176

²⁸¹ Цит. по: Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании, с. 70–71

и смогут свободно исповедовать мусульманскую веру. Но это обещание было дано, чтобы его не выполнять. Первый гранадский архиепископ Эрнандо де Талавера, не проявлявший особого рвения в обращении мавров в католичество, был арестован инквизицией и обвинен в ереси. Год спустя после смерти Торквемады, в 1499 г., кардинал Сиснерос, исполнявший обязанности генерального инквизитора, начал кампанию за принудительное обращение мавров в католичество. В Гранаде у них отобрали главную мечеть и превратили ее в католический храм. Ищейки Сиснероса отбирали у жителей Гранады книги на арабском языке и сжигали их на торжественных аутодафе.

Естественно, что подобного рода насилия вызвали возмущение среди мавританского населения. В Гранаде вспыхнуло восстание. Этого только и ждали испанцы. Подавив сопротивление, Сиснерос от имени короны поставил маврам ультиматум: перейти в католичество или покинуть Испанию, оставив на месте все свое имущество и уплатив еще выкуп. Часть мавров приняла христианство, часть покинула Испанию, а часть продолжала вооруженное сопротивление, которое было окончательно подавлено в 1501 г. Теперь мавры бывшего Гранадского королевства были полностью обращены в христианство. Год спустя корона в ультимативной форме обязала и остальных мудехаров (мавров-мусульман), проживавших в других областях Испании, перейти в католичество или покинуть Испанию. Но на этот раз практически власти препятствовали мудехарам уехать из страны. Большинство из них были ремесленники и крестьяне, испанские власти были не прочь их обобрать, лишить прав, превратить в послушную челядь. Это было подкреплено в 1525 г. указом Карла V, согласно которому в Испании могли исповедовать мусульманскую веру только рабы.

Насильственное окатоличивание мудехаров, не говоривших в своем большинстве по-испански, священниками, не владевшими арабским, носило чисто формальный характер и давало инквизиции тысячу поводов обвинить любого из новообращенных в тайной приверженности к мусульманской вере, т. е. в ереси. Морискам запрещалось говорить по-арабски, носить арабскую одежду, именоваться арабскими именами.

Преследование властей и жестокости инквизиции вызвали в 1568 г. новое восстание мавров в Гранаде, которое было подавлено только два года спустя. В Арагоне мориски обрабатывали землю грандов и находились от них в зависимости. Естественно, что гранды без особого восторга воспринимали преследование своих крепостных инквизицией. Им удалось заключить с нею в 1571 г. соглашение (конкордат), согласно которому мориски обязались ежегодно выплачивать «священному» трибуналу 2500 дукатов, а последний обещал при привлечении их к суду не конфисковывать их собственности и в качестве максимального наказания налагать на виновного штраф в 10 дукатов.²⁸²

Однако инквизиция не соблюдала условий соглашения. И после него мы встречаем обвиненных в отступничестве морисков почти во всех аутодафе, имевших место в Испании. Вот для примера перечень осужденных морисков на аутодафе в Севилье 3 мая 1579 г.:

Хуан де Колор, чернокожий, из Рафео, раб Хуана де ля Ромо, 25 лет. Он позорил имя святой девы и других святых, когда эти имена назывались в его присутствии. Он презирал также знамения. Он причастился и наказывается отлучением и двумя годами тюремного заключения. По истечении таковых он снова должен быть возвращен к своему господину.

Фернандо Мориско, 22 лет. Он бежал с галер к берберам и изменил своей святой вере. Вопреки господним заповедям он грабил, находясь на пиратском галионе, и пойман как корсар. Он причастился и наказывается пожизненной тюрьмой. Первые годы он отбудет на галерах.

Луис Морино вместе с другими хотел уехать к берберам, но раскаялся. Он наказывается четырьмя годами тюрьмы. Он должен быть наставлен в делах веры и подвергнуться ста ударам розгами.

²⁸² См.: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 110

Альфонсо Мориско из королевства Гранады. То же преступление, та же кара.

Форрор Моро, раб Хуана Маттиаса, подстрекал названных выше. Наказывается ста ударами розог.

Томас Моро. То же преступление, та же кара.

Лоренсо Мартин, 30 лет. Он сказал, что исповедоваться надо только перед богом и что смешно исповедоваться перед священником. Он говорил также, что вера и проповедь христиан и мавров одинакова. На него наложено покаяние, и он должен три месяца просидеть взаперти.

Хуан Коринео — мориск. Хотел уехать в Берберию. Наказывается ста ударами розог.

Хуан де Монтис, мавр, дважды состоял в браке. Сто ударов розгами и 10 лет на галерах.²⁸³

По-видимому, такие «легкие» наказания не устрашали морисков. Опасаясь, как бы мориски не перешли на сторону турецких или марокканских султанов или других противников Испании, испанская корона решила в начале XVII в. изгнать всех морисков из Испании, предварительно обобрав их до нитки, как столетием раньше она это сделала с иудеями. В 1609–1614 гг. 275 тыс. из 300 тыс. испанских морисков покинули страну. Их изгнание нанесло непоправимый ущерб испанской экономике. В Валенсии, где четверть населения составляли мориски, после их изгнания пришли в упадок зерновые культуры, культуры сахарного тростника, ремесла. «Кто же теперь будет шить нам башмаки?» — с недоумением спрашивал архиепископ Ривера после изгнания морисков. Значительно упали даже доходы самой инквизиции, и теперь, чтобы поправить свои дела, ей приходилось выискивать новые, хотя и не столь «жирные» жертвы.

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ИНАКОМЫСЛЯЩИХ

Машина инквизиции, раз запущенная, напоминала сорвавшегося с цепи бешеного пса, кусающего без разбора своих и чужих. Ведь дьявол пытался совратить не только марранов и морисков, не только простолюдинов, а и самых могущественных, самых преданных вере христиан. Так рассуждали инквизиторы, относясь с подозрением и недоверием не только к низам, но и к верхам — королевскому окружению, к университетским кругам, к богословам, писателям, т. е. к среде, к которой принадлежали сами инквизиторы. Их произвол и власть росли пропорционально тому, как они «пропалывали», очищали эту среду от ненадежных, сомневающих элементов, действовавших «по наущению дьявола».

Пример Торквемады показал, что мог натворить наделенный неограниченной властью энергичный, тщеславный, самолюбивый, мстительный, неразборчивый в средствах инквизитор, а ведь большинство испанских инквизиторов были именно такими. Этим объясняется, что в жернова инквизиции попадали наряду с виновными не только невиновные, но и наиболее преданные церкви люди.

Испанский философ Х. Л. Вивес в начале XVI в. писал Эразму Роттердамскому: «Мы живем в столь тяжелые времена, когда опасно и говорить, и молчать».²⁸⁴ И в том, и в другом случае любому ученому мужу инквизиция могла приписать тайные симпатии к иудаизму, наличие еретических высказываний и поступков, критику действий инквизиции, тысячу всяких других больших и малых, действительных или вымышленных проступков. Инквизиция могла обвинить свою жертву в чем угодно, и она не была обязана доказывать свое обвинение, ибо, согласно ее юриспруденции, само наличие обвинения служило доказательством его обоснованности. Обвинение в ереси означало, что жертва обречена на тот или другой вид наказания, спасти от которого ее могло только какое-либо из ряда вон

²⁸³ См.: Хрестоматия по истории средних веков. М., 1950, т. 3, с. 203–204

²⁸⁴ Цит. по: Bataillon M. Erasme et l'Espagne. Paris, 1937, p. 529

выходящее обстоятельство.

Примером тому может служить дело толедского архиепископа Бартоломе де Каррансы, бывшего исповедника Филиппа II, участника Тридентского собора, который имел несчастье написать весьма посредственный богословский трактат «Комментарии на христианский катехизис», изданный в 1558 г. в Антверпене и признанный папой на Тридентском соборе вполне ортодоксальным.

Несмотря на это, инквизиция, придравшись к некоторым фразам из этого трактата, обвинила Каррансу в протестантской ереси и добилась от папы разрешения арестовать его. После ареста его словно проглотила земля. Филипп II и все его друзья отказались от него.

В течение многих лет папский престол, считая суд над епископами своей прерогативой, добивался от испанской инквизиции выдачи Каррансы. В 1565 г. в Испанию с этой целью были направлены Пием IV специальные легаты, один из которых докладывал папе: «Здесь никто не решается выступить в защиту Каррансы из-за боязни инквизиции. Ни один испанец не отважился бы оправдать архиепископа, даже если бы верил в его невиновность, ибо это означало бы выступить против инквизиции. Авторитет последней не позволил бы ей признать, что она арестовала Каррансу несправедливо. Самые страстные защитники справедливости здесь считают, что лучше осудить невинного человека, чем страдала бы инквизиция».²⁸⁵

Карранса семь лет находился в застенках инквизиции. Только после того как папа обещал признать его виновным, он был выдан Риму, где девять лет просидел в крепости св. Ангела. Наконец, папский престол признал его «Комментарии» еретическим сочинением, заставил его отречься от еретических ошибок и сослал в один из монастырей в Орвьето. Каррансе было тогда 73 года. Вскоре он умер.

С превращением Испании в первой половине XVI в. в оплот католической контрреформации инквизиция проводит основательнейшую чистку испанских интеллектуальных кругов, университетов от всех элементов, заподозренных в симпатиях к эразмизму, протестантизму, гуманизму. Преследованиям подвергаются в этот период сторонники католического мистицизма Франсиска Эрнандес и Мария Касала, сестры епископа Хуана Касалы, философ Хуан Луис Вивес, библиист и крупнейший знаток греческого и латыни Хуан Вергара, личный исповедник императора Карла V бенедиктинец Алонсо де Кируз, профессор университета Алкалы Матео Паскаль, ректор того же университета Педро де Лерма, профессора Саламанского университета августинец Луис де Леон, Гаспар де Грахаль, Мартин Мартинес де Канталапьедр, Франсиско Санчес и сотни других ученых мужей. Многие из них, чтобы сохранить жизнь, вынуждены были отречься от приписываемых им еретических заблуждений, пройти через позорную церемонию аутодафе, ходить в санбенито, замаливать свои подлинные или воображаемые «ошибки» до конца дней своих, живя в нищете и опасаясь ежечасно за свою судьбу.

Инквизиция ввела с 1526 г. строжайшую цензуру на книги и прочие печатные издания. С 1546 г. инквизиция стала периодически издавать индексы запрещенных книг, значительно более обширные, чем это делала папская инквизиция. В эти индексы включались все произведения так называемых «ересиархов», книги, «восхваляющие» иудеев и мавров, переводы Библии на живые языки, молитвенники на живых языках, произведения гуманистов, полемические трактаты протестантов, книги о магии, картины и изображения, «неуважительные» по отношению к религии.

Практически это выглядело так, что в Индекс заносились произведения Бартоломе де Лас Касаса, Рабле, Оккама, Савонаролы, Абеяра, Данте, Томаса Мора, Гуго Греция, Овидия, Бэкона, Кеплера, Тихо де Браге и многих других выдающихся писателей и ученых; за распространение, чтение и хранение их книг инквизиция грозила костром.

Опубликование каждого нового Индекса влекло за собой чистку всех публичных и

²⁸⁵ Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 161

частных библиотек, причем не делалось исключения и для самых высокопоставленных лиц. Так, в 1602 г. Супрема подвергла чистке книги духовника королевы. Не избежала той же участи даже королевская библиотека в Эскориале, как это явствует из заявления, сделанного Супреме в 1612 г. духовником короля приором Сан-Лоренсо о том, что король просил не удалять из его библиотеки вновь запрещенных книг и не исключать отдельных страниц из подлежащих частичному уничтожению книг. В ответ на это великий инквизитор постановил 12 ноября 1613 г.: книги светских авторов, включенные в Индекс, должны храниться отдельно с пометкой, что автор их осужден, причем их разрешалось читать приору, главному библиотекарю и профессорам богословия; теологические произведения, книги по истории церкви и папства должны были быть помещены в особую комнату, и их читать разрешалось лишь приору и главному библиотекарю с особого разрешения великого инквизитора и Супремы; ключи от этой комнаты и списки этих книг хранились у главного библиотекаря и у Супремы. Сочинения иудейских богословов и Библии на испанском языке должны были находиться в особом месте, и на них должна была иметься отметка, что они запрещены; их, однако, могли читать приор, главный библиотекарь и профессора богословия; наконец, медицинские сочинения, написанные авторами, книги которых признаны запрещенными, могли читаться монахом, заведовавшим аптекой в Эскориале. Бесцензурное печатание книг в Испании наказывалось смертью и конфискацией имущества виновных. Ввоз книг из-за границы находился под строгим контролем инквизиции, агенты которой следили за этим во всех портах Испании и пограничных с Францией городах.

Супрема. Художник Ф. Гойя

Сторонники испанской инквизиции утверждают, что ее цензура над мыслями не препятствовала развитию испанской культуры и литературы, в частности, они ссылаются на пример блестящей плеяды великих испанских писателей «Золотого века» (XVI в.) — Сервантеса, Кеведо, Лопе де Беге и др. Но они при этом забывают отметить, что величие этих писателей заключается в том, что, несмотря на террор инквизиции, они защищали великие гуманистические идеалы, прибегая к бесчисленным уловкам и рискуя очутиться в застенках «священного» трибунала, ибо над каждым из них постоянно висел «меч Супремы». Но если эти титаны «Золотого века» могли противостоять инквизиции, этого нельзя сказать о последующих поколениях писателей, большинство которых было сломлено террором «священного» трибунала и превратилось в бледные тени своих великих предшественников. Это отмечает даже Мариана, когда он пишет, что преследование инквизицией инакомыслящих привело к тому, что многие отказались от поисков правды и предпочитали плыть по течению. «Чего еще можно было ожидать от них? — вопрошал этот иезуит. — Ведь величайшей глупостью является бесполезный риск и принесение себя в жертву, когда наградой тебе только ненависть. Те, кто выражал согласие с господствующими идеями, теперь это делали с еще большим энтузиазмом; было менее опасным поддерживать

апробированные идеи, чем искать правду».286

М. Менендес-и-Пелайо заявляет, что «никогда так много не писалось и не писалось так хорошо, как в два золотых века инквизиции» (имея в виду XVI и XVII вв.), как бы давая этим понять, что много и хорошо писалось тогда благодаря инквизиции. Но утверждать подобное столь же нелепо, как доказывать, что великие русские классики Толстой, Достоевский, Чехов были великими благодаря царизму и охранке, господствовавшим тогда в России.

Нет, современники и единомышленники Сервантеса и Лопе де Беги отнюдь не разделяли восторженного отношения к инквизиции М. Менендеса-и-Пелайо. Например, Родриго, сын генерального инквизитора Алонсо Манрике, живший в добровольном изгнании в Париже, писал Хуану Луису Вивесу в 1533 г.: «Вы правы. Наша страна является примером гордости и зависти. Вы могли бы еще добавить, что она страна варварства. Теперь ясно, что у нас никто не может обладать культурой без того, чтобы его не подозревали в ереси, ошибках и иудаизме. Таким образом, на ученых надет намордник. Те же, кто ищет спасения в эрудиции, как вы отмечаете, испытывают великий страх».287

Но в таком страхе жили не только ученые мужи, не только «новые христиане» и мориски, но все классы общества, ибо инквизиция, по собственной инициативе или повинувшись королевским указам, могла обрушиться на них, если считала, что их действия угрожают интересам церкви или короны. Приведем только одну иллюстрацию к сказанному: события в Сарагосе в 1591 г. В указанном году бежал в Сарагосу, столицу Арагона, под защиту местных фуэрос, опальный министр и секретарь Филиппа II — Антонио Перес. Король приказал инквизиции расправиться с ним. Генеральный инквизитор Кирога не нашел ничего умнее, как обвинить Переса в некоей бадиянской ереси, согласно которой бог обладает телесной оболочкой, на том основании, что якобы Перес говорил нечто о «божьем носе»!

Арагонцы отказались выдать беглеца королю. Тот приказал инквизиции арестовать его и обвинить в преступлениях против веры. Возмущенные горожане добились от властей перевода Переса из застенков инквизиции в городскую тюрьму. Вскоре во время возникших беспорядков был убит маркиз де Альменора, правитель Сарагосы. Это был открытый бунт. Филипп II бросил на его подавление кастильские войска, приказав инквизиции расправиться с Пересом, верховным судьей Арагона Хуаном де Луной и другими виновными в неповиновении его приказам, хотя ни один из них не имел никакого отношения к преступлениям против веры. Перес бежал за границу, однако инквизиция расправилась с его покровителями. О результатах ее рвеня нам известно по следующему письму одного очевидца:

«19 октября в 3 часа пополудни [1592 г.] здесь предали казни Хуана де Луна, дона Диего де Эредиа, Фран-сиско де Айербе, Дионисио Перес де Сан-Хуан и Педро де Фуердес...

На рыночной площади соорудили деревянный помост с небольшим возвышением посередине, перед которым предаваемые казни должны были стоять на коленях. Весь помост был обтянут черным сукном. Дону Хуану де Луна отрубили голову ударом спереди, дану Диего — ударом сзади. Двум другим перерезали горло и бросили на помост, на котором они, корчась, агонизировали и умерли. Дона Педро де Фуердес удавили веревкой. Когда он был мертв, его четвертовали на помосте, и все четыре части тела затем вывесили на разных улицах Сарагосы...

20-го на упомянутой рыночной площади состоялся допрос, учиненный инквизицией. Он длился с 7 часов утра до 8 часов вечера. Перед инквизицией предстало 8 человек, которые были приговорены к смерти за участие в восстании. Их казнили 24-го. Во время

286 Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 88

287 Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 75

допроса был выставлен портрет Антонио Переса и предан затем, наряду с другими, сожжению по обвинению Переса в ереси и безнравственности. Помимо этого, от 20 до 25 человек было удалено из города, наказано розгами и сослано на галеры». ²⁸⁸

С полным основанием мог Филипп II похвалиться: «Двадцать служащих инквизиции держат мое королевство в покое». ²⁸⁹

Испанская корона использовала инквизицию и для подавления освободительного движения в Нидерландах, где сторонники независимости приравнивались к еретикам и соответственно казнились. В Нидерландах в период испанского господства инквизиция тесно сотрудничала с военными и церковными властями. Это явствует из текста изданного испанцами в духе инквизиционного кодекса Торквемады «Кровавого указа» от 25 сентября 1550 г. о преследовании еретиков в Нидерландах, выдержки из которого приводятся ниже:

«Воспрещается печатать, писать, иметь, хранить, продавать, покупать, раздавать в церквях, на улицах и других местах все печатные или рукописные сочинения Мартина Лютера, Иоанна Эколампадия, Ульриха Цвингли, Мартина Бусера, Иоанна Кальвина и других ересиархов, лжеучителей и основателей еретических бесстыдных сект, порицаемых святой церковью... Воспрещается разбивать или оскорблять иным способом образа пречистой девы и признаваемых церковью святых... Воспрещается допускать в своем доме беседы или противозаконные сборища, а также присутствовать на таких сходках, где вышеупомянутые еретики и сектанты тайно проповедуют свои лжеучения, перекрещивают людей и составляют заговоры против святой церкви и общественного спокойствия... Воспрещаем сверх того всем мирянам открыто и тайно рассуждать и спорить о святом писании, особенно о вопросах сомнительных или необъяснимых, а также читать, учить и объяснять писание, за исключением тех, кто основательно изучал богословие и имеет аттестат от университетов... Воспрещаем тайно или явно проповедовать, защищать, повторять или распространять учения вышеупомянутых еретиков; в случае нарушения одного из этих пунктов виновные подвергаются наказанию как мятежники и нарушители общественного спокойствия и государственного порядка.

Такие нарушители общественного спокойствия наказываются: мужчины — мечом, а женщины — зарытием заживо в землю, если не будут упорствовать в своих заблуждениях; если же упорствуют, то предаются огню; собственность их в обоих случаях конфискуется в пользу казны...

Чтобы лишить судей и начальников повода смягчать наказание под предлогом, что оно слишком строго и тяжело и имеет целью только внушить страх виновным, чтобы виновные подвергались всей силе вышеисчисленных наказаний, воспрещаем судьям изменять или смягчать каким бы то ни было образом положенные наказания; воспрещаем всем лицам, какого бы они ни были звания, просить нас или кого другого, имеющего власть, о помиловании, а также подавать просьбы за еретиков, изгнанников или эмигрантов под страхом лишения навсегда права занимать гражданские и военные должности и сверх того иного наказания, которое определяют судьи». ²⁹⁰

Основываясь на «Кровавом указе» и при тесном содействии инквизиции, испанские власти истребили десятки тысяч нидерландцев, боровшихся за независимость страны.

ПРИМЕРНОЕ АУТОДАФЕ

²⁸⁸ Хрестоматия по истории средних веков, т. 3, с. 206 — 207

²⁸⁹ Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 236

²⁹⁰ Хрестоматия по истории средних веков, т. 3, с. 227–229

Заключительным актом инквизиционного процесса являлось аутодафе, достигшее в Испании поистине грандиозных по своим размерам, пышности и театральности форм. Испанское аутодафе было одновременно и судебным заседанием, и казнью, и религиозной церемонией, и зрелищем. Оно приурочивалось к большим церковным праздникам или торжественным государственным актам — восхождению на престол нового монарха, его женитьбе, именинам или рождению королевского сына. В нем участвовали инквизиторы, королевский двор, высшие церковные, военные и гражданские чины, а также население столицы или города, в котором оно имело место. Как правило, на аутодафе объявлялись приговоры осужденным по многочисленным процессам.

Подобного рода «праздничные» аутодафе в честь особ королевского дома стали традицией испанской инквизиции. В 1560 г. в Толедо было проведено аутодафе, посвященное королеве Елизавете Валуа, а в 1632 г. в Мадриде таким образом было отпраздновано рождение принца, сына Елизаветы Бурбон.

В 1680 г. в Мадриде состоялось аутодафе в честь женитьбы Карла II на французской принцессе Марии-Луизе Бурбон, дочери герцога Орлеанского и племяннице Людовика XIV.

Х. А. Льоренте отмечает по этому поводу, что «суровость инквизиторов была так велика и народное чувство было так испорчено, что думали угодить новой королеве и оказать ей достойную ее почесть, присоединив к брачным торжествам зрелище большого аутодафе из ста восемнадцати жертв, значительное число коих должно было погибнуть в огне и осветить последние моменты этих торжеств».²⁹¹

Вот как аутодафе 1680 г. описывается в официальном отчете, точно передающем изумительную атмосферу этого «богоугодного» спектакля:

«Все великолепие сие выступило в достойном восхищения порядке, так что не дрогнул ни один человек, не образовалось ни одного пустого места, не выделился никто в толпе. И, казалось, небо и земля сговорились способствовать тому, чтобы шествие сие появилось во всем своем блеске, небо — даруя ясный день, без оскорбительной пыли, без изнурительной жары, а земля — почтительно предоставляя пространство столь великому стечению народа; итак, безо всяких препятствий шествие следовало по своему пути, а поклонение и благочестие находили себе достойнейшее применение в созерцании всего величия Испании, считая для себя честью служить св. трибуналу и сопровождая хоругвь с достоинством и уважением, подобающим высокому званию столь важных особ и вместе с тем столь великому и столь согласованному множеству монахов и лиц духовных и светских, каковые, в количестве семисот, проходили со свечами в руках, со сдержанностью, в коей отражалась умеренность, соблюдаемая св. трибуналом во всех его действиях.

²⁹¹ Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 2, с. 304

Хоругвь испанской инквизиции

Венцом всей славы сей и в чем собственно заключается торжество генерального аутодафе, являлась величественная пышность, с коей выступил трибунал, появившись пред обвиняемыми, дабы судить их у светлейшего трона, на великолепнейшем театре, и сумев привлечь к себе людские взоры, дабы заставить бояться и почитать себя, ибо зрелище сие можно было сравнить с тем, каковое предстанет в великий день всеобщего страшного суда: если, с одной стороны, оно будет внушать ужас — мерзость виновных, запечатленная в отличительных знаках их преступлений и наказаний, то с другой, будет веселить сердца — слава праведных и верховное величие Христа и апостолов, кои, следуя за хоругвию, в сопровождении ангельских хоров, направлятся к долине Иосафата, где верховный судия воссядет на свой высокий трон, а те, кто за ним следовал, — на обетованные места, и пред лицом всего мира прочтены будут улики и дела, и, лишая силы всякое ходатайство и заступничество, приговоры будут приведены в исполнение.

Для соблюдения столь великого порядка необходимо было, чтобы ночью стража была весьма бдительной, и посему преступники, кои раньше были размещены по домам добровольных помощников инквизиции, были уведены в тайные застенки, ввиду большого скопления их при трибунале, а равно, дабы держать каждого из них в отдельности, так, чтобы они не могли сообщаться и переговариваться; и, собрав всех их к десяти часам вечера, дав им сначала поужинать, сеньор дон Антонио Сам-брана де Боланьос, старейший инквизитор двора, в сопровождении дона Фернандо Альвареса де Вальдеса, секретаря сицилийского трибунала, вошел в затворы, где содержались отпущенные преступники, и каждому в отдельности объявил приговор в следующей форме:

«Брат, ваше дело было рассмотрено лицами весьма учеными и великих познаний; ваши преступления являются столь тяжкими и столь дурного свойства, что, в видах примерного наказания, решено и постановлено, что завтра вы должны умереть: вы предупреждены и приготовлены и, дабы вы могли исполнить сие, как подобает, здесь останутся два духовника». И, объяснив каждому сии слова, приказал он войти двум монахам и поставил двух служителей на страже, у дверей каждого застенка, и в сем порядке и последовательности выслушали двадцать три осужденных свои смертные приговоры; принимая же во внимание бессонницу и скорбь осужденных, а равно работу и усталость духовников и служителей, предусмотрительность трибунала приготовила запасы печений, шоколада, пирожных и прохладительных напитков для подкрепления и ободрения тех, кои в сем нуждались.

Всю ночь трибунал готов был допустить к себе тех осужденных, кои испросят аудиенцию, и когда две женщины, осужденные, как отпущенные, испросили ее, трибунал, по обычному своему милосердию, допустил их к себе, причем принимал их заявления сеньор дон Антонио Самбрана, занятый этим большую часть ночи и утра.

Настал столь желанный для народа день 30 июня, и в три часа ночи осужденным начали раздавать одежду, с таким расчетом, чтобы до пяти часов утра закончить распределение завтраков. Тем временем алькальдам трибунала дону Педро Сантосу и дону Хосе дель Ольмо вручили каждому два двойных пакета с именами осужденных. Первый заключал указание о порядке, в коем надо было вывести осужденных из их затворов и построить их для шествия, второй — список, по коему надо было вызывать их на помост, когда они должны будут выслушать приговор. Приказ, по коему шествие должно было начаться в шесть часов утра, был оглашен, и с того часа начали прибывать бесчисленные толпы как живущих при дворе, так и приезжих, привлеченных сюда сим известием; однако сей приказ не мог быть выполнен столь точно, как того хотели, ибо аудиенции продолжались так долго, что замедлили предустановленную быстроту.

Промедление сие дало возможность народу разместиться на помостах и запастись едой на столь длинный день, и в семь часов утра начали выходить солдаты веры, а за ними вынесли крест приходской церкви св. Мартина, одетый в черный покров, и вышли двенадцать священнослужителей в стихарях и вслед за ними сто двадцать осужденных, каждый — между двух служителей.

Тридцать четыре первых следовали в изображении, и мертвые и бежавшие, из коих тридцать два были отпущены и как таковые шли с коронами на голове, отмеченными пламенем... Другие две статуи шли в санбенито, и у всех на груди начертаны были большими буквами имена тех, кого они представляли. Алькальдам трибунала надлежало идти во главе осужденных, порученных их присмотру, но, работая в тайных застенках, они не могли занять свои места вовремя.

Из осужденных, представших во плоти, следовали одиннадцать покаявшихся и отрекшихся; одни — осужденные за двоеженство, другие — за суеверия, третьи — за лицемерие и ложь: все с потушенными желтыми свечами в руках. Лжецы и двоеженцы — с колпаками на голове, некоторые с веревками на шее и столькими узлами, сколько сотен плетей они должны были получить по приговору, дабы лучше можно было дать отчет о каждом осужденном в отдельности.

За ними следовало пятьдесят четыре еретика, примиренные, все в санбенито с полукрестами св. Андрея, а другие с целыми крестами и со свечами, как предшествующие.

Немедленно следовали двадцать один отпущенный, все с коронами на голове, в коротких плащах с пламенем, а упорствующие — с драконами среди пламени, и двенадцать из них с кляпами во рту и связанными руками. Все они шли в сопровождении монахов, увещевавших их, ободряя одних и приводя к вере других. Шествие осужденных замыкал толедский старший альгвасиль дон Себастьян де Лара...

Костер был шестидесяти футов в окружности и высотой — семи, и поднимались к нему по лестнице шириной в семь футов, сооруженной с таким расчетом, чтобы на соответственном расстоянии друг от друга можно было водрузить столбы и в то же время беспрепятственно отправлять правосудие, оставив соответственное место, дабы служители и священнослужители могли без затруднения пребывать при всех осужденных.

Костер увенчивали солдаты веры, коих часть стояла на лестнице, на страже, дабы не поднималось больше определенного необходимого числа лиц; но скопление народа столь увеличилось, что порядок не мог быть соблюден во всем и, таким образом, выполнено было если не то, что надлежало, то хотя бы то, что возможно было выполнить...

Засим приступлено было к казням: сначала удушены были гарротой возвращенные, засим преданы огню упорствующие, кои были сожжены заживо, с немалыми признаками нетерпения, досады и отчаяния. И, бросив все трупы в огонь, палачи поддерживали его дровами, пока окончательно не обратили трупы в пепел, что совершилось часам к девяти

ЗАКАТ СУПРЕМЫ

В XVIII в. деятельность испанской инквизиции была направлена в основном на борьбу с «новшествами», в первую очередь со сторонниками французского просвещения, английской материалистической философии, французской революции. Инквизиция запрещала и конфисковывала произведения энциклопедистов и им подобных «подрывателей основ». Как отмечал испанский сторонник просвещенного абсолютизма Ховельянос, «св. трибунал невозмутимо запрещает все новое, все, что выступает против прошлого, все, что говорит об эмансипации и свободе».²⁹³ Однако деятелей просвещенного абсолютизма, правивших Испанией при Карле III (1759–1788), хватило лишь на запрещение иезуитского ордена, а не на ликвидацию инквизиции. Они стремились «реформировать», «модернизировать» «священный» трибунал, лишить его карательных функций, но не сдать на свалку истории. Сам же Карл III говорил: «Испанцы желают инквизицию, а она меня не беспокоит». Инквизиция продолжала действовать, хотя уже и не столь часто, как в прежние годы, бросала еретиков в костер. Но «священный» трибунал все еще представлял из себя грозную силу.

Французская революция 1789 г. была встречена в штыки инквизицией. В декабре этого года Супрема особым декретом запретила ввоз в Испанию революционной литературы и осудила французских революционеров за то, что они «под привлекательной маской защитников свободы в действительности выступают против нее, разрушая политический и социальный строй и, следовательно, иерархию христианской религии... и претендуя построить на развалинах религии и монархии эту химерическую свободу, которую они ошибочно считают предоставленной природой всем людям и которая, как они нагло утверждают, сделала всех людей равными и независимыми друг от друга» (Ibid., p. 265).

В 1795 г. инквизиция осудила «Доклад об аграрном законе» Ховельяноса на том основании, что автор, требуя отмены майоратов, проповедует «идеи равенства в области собственности благ и земли».

Все это не помешало инквизиции, когда французские войска вторглись в Испанию, не колеблясь выступить в поддержку иностранных завоевателей в надежде, что таким образом она сможет удержаться на поверхности. Инквизиция осудила антифранцузское восстание в Мадриде 2 мая 1808 г. как «скандальный мятеж невежественных людей», утверждая, что злоба и невежество ввели в заблуждение неосведомленных «простаков, толкнув их на революционные беспорядки, под покровом патриотизма и любви к монархам».²⁹⁴

Но французы, выступавшие сами под маской либералов и преобразователей, не нуждались в поддержке ненавистной народу Супремы. Вскоре после захвата Мадрида французскими войсками 4 декабря 1808 г. Наполеон I издал декрет, отменявший «священный» трибунал как учреждение, «покушающееся на суверенитет и на гражданскую власть». Тем же декретом имущество инквизиции конфисковывалось «в пользу испанского государства».²⁹⁵

22 февраля 1813 г. Кадисские кортесы 90 голосами против 60 в свою очередь запретили

²⁹² Цит. по: Парнах В. Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции. М. — Л., 1934, с. 138–153

²⁹³ Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 258

²⁹⁴ Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 276

²⁹⁵ Цит. по: Lavalley J. Histoire des Inquisitions religieuses d'Italie, d'Espagne et de Portugal, t. 2. Paris, 1809, p. 335–336

деятельность инквизиции, передав, однако, ее функции епископам. 15 марта папский нунций при Регентском совете заявил протест против решения кортесов, утверждая, что оно нарушает права папского престола, единственной инстанции, могущей решить судьбу инквизиции. Решение кортесов о ликвидации Супремы вызвало сопротивление испанского духовенства, которое отказалось обнародовать его с амвона. Это привело к тому, что кортесы распустили Регентский совет и выслали папского нунция в Португалию.

Но испанская монархия не хотела расставаться со столь дорогим ее сердцу детищем Торквемады. Вернувшись в Испанию, Фердинанд VII поспешил возродить Супрему. «Из всех христианских королей, — говорил испанский монарх в декрете о восстановлении инквизиции, опубликованном в 1814 г., — одни лишь испанские монархи носят славный титул «католических королей» потому, что они никогда не допускали в своем государстве иной религии, помимо католической, апостолической, римской; этот великий титул служит для меня особым стимулом, побуждавшим меня употребить все средства, данные мне господом богом, чтобы заслуженно носить звание католического короля. Недавние беспорядки, шестилетняя война, истощившая все мои провинции, столь же продолжительное пребывание в них иностранных солдат, принадлежавших к различным сектам и почти поголовно относившихся враждебно к католической религии, беспорядок, являющийся неизбежным результатом подобных несчастий, безучастное отношение к религии в течение всего этого времени, — все это в сильной степени способствовало разнузданности страстей, дало возможность скверным людям жить так, как им хотелось, и вызвало появление в Испании испорченных и отвратительных взглядов, которые распространены в других государствах... Я решил, что при настоящих обстоятельствах крайне важно восстановить святой трибунал и дать ему возможность действовать в том объеме, в каком он действовал ранее. В этом смысле мною было получено много адресов от ученых и добродетельных прелатов, от корпораций и частных лиц, занимающих высокое положение как в духовном мире, так и в недуховном; все они без исключения заявляют, что Испания обязана инквизиционному трибуналу тем, что в XVI веке не была заражена тем злом, которое причинило столько несчастий другим европейским государствам. Инквизиции Испания, по мнению названных лиц, также обязана славной плеядой великих писателей и ученых, тем блеском, которым озарен путь святости и добродетели. Все согласны также с тем, что главнейшим средством, к которому прибег притеснитель Европы, чтобы сеять семена продажности, испорченности и беспорядка, было запрещение этого трибунала под лживым предлогом, будто прогресс и культура несовместимы с его дальнейшей деятельностью. Так называемые общие и чрезвычайные кортесы руководились теми же мотивами, что и чужеземный притеснитель, когда они отменили этот трибунал, беспорядочно прибегнув к голосованию конституции к крайнему огорчению народа. Вот почему меня усиленно и неустанно просят о скорейшем восстановлении инквизиции...».²⁹⁶

Фердинанд создал специальный орден для инквизиторов. 14 апреля 1815 г. он нанес визит «священному» трибуналу, присутствовал на его заседании, подписал приговоры инквизиции, посетил тюрьму и изволил вместе с инквизиторами откушать.

В 1820 г. вспыхнула в Испании буржуазная революция, восстановившая конституцию 1812 г. Возмущенный народ по всей стране нападал на инквизиционные трибуналы, громил и сжигал их. 9 марта напуганный Фердинанд поспешил отменить инквизицию. Теперь в декрете по этому вопросу король утверждал прямо противоположное тому, что он провозглашал в 1814 г.:

«Принимая во внимание, что трибунал инквизиции несовместим с конституцией монархии, выработанной в 1812 г. в Кадисе, вследствие чего он и был отменен после продолжительного и всестороннего обсуждения общими и чрезвычайными кортесами, согласно декрету 22 февраля 1813 г.; принимая также во внимание постановление хунты,

²⁹⁶ Цит. по: Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании, с. 445

которую призвал к жизни сегодня изданный мною декрет, и в согласии с мнением этой хунты я приказал, чтобы от сегодняшнего дня названный выше трибунал считался упраздненным на всем протяжении монархии, а вместе с ним должна исчезнуть также и Супрема; я распорядился также, чтобы немедленно были выпущены на свободу все лица, томящиеся в инквизиционных тюрьмах по обвинению в политических и религиозных преступлениях, и чтобы все дела относительно религии поступили в ведение епископов, были распределены по соответствующим епархиям, рассмотрены и решены епископами в согласии с декретом чрезвычайных кортесов». ²⁹⁷

Восстановленный три года спустя с помощью французских штыков в своих прежних правах, этот гнусный и лживый монарх вновь воскресил инквизицию, правда, на этот раз под новой вывеской — «хунт по делам веры», возглавляемых епископами.

Хунты по делам веры весьма энергично выполняли свои инквизиторские обязанности в духе «славных» традиций Торквемады. На их совести — два последних аутодафе в Испании, оба были совершены в 1826 г. 7 марта указанного года отлученный от церкви масон Антонио Каро был по приговору королевского суда публично повешен и затем четвертован в Мурсии. 26 июля погибла на эшафоте последняя жертва инквизиции — школьный учитель Каэтано Риполь. Участник освободительной войны испанского народа против Наполеона, Риполь попал в плен и несколько лет провел в заточении во Франции. После падения Наполеона он вернулся на родину, где в небольшом местечке близ Валенсии открыл начальную школу. Инквизиция арестовала Риполя, обвинив его в том, что он запрещал своим ученикам посещать церковь, молиться, причащаться и исповедоваться. На допросах Риполь заявил, что верит в бога, но не считает себя католиком и отрицает за инквизицией право судить его. В течение двух лет инквизиторы добивались от него отречения и «примирения» с церковью. Риполь, однако, мужественно отстаивал свои взгляды. Инквизиционный трибунал объявил его еретиком, «отторг» от церкви и передал его дело «светской руке» — королевскому суду, который приговорил учителя как «упорствующего и злобствующего еретика» к конфискации имущества, смертной казни через повешение и к символическому сожжению. Последнее выразилось в том, что после казни труп Риполя был брошен в кадущку, разрисованную языками пламени, и в таком виде захоронен на «неосвященной» земле.

Аутодафе над Каэтано Риполем и его казнь состоялись на одной из площадей Валенсии. Монахи, сопровождавшие осужденного на эшафот, пытались вырвать у него отречение обещанием отмены смертной казни, но Риполь предпочел виселицу сделке со своей совестью.

Это последнее преступление испанской инквизиции вызвало волну возмущения во всем цивилизованном мире, что заставило Фердинанда VII распустить хунты по делам веры. Но инквизиция продолжала формально существовать. Только после смерти Фердинанда она была окончательно и навсегда отменена в Испании. Это произошло 15 июля 1834 г.

Так бесславно закончила свои дни испанская инквизиция, преступная длань которой простиралась не только на Испанию, но и на ее владения — Нидерланды, Сицилию, Неаполь, Милан, Филиппины. На протяжении трех столетий она действовала в Испанской Америке, но об этом мы расскажем читателю в следующей главе.

Сколько же людей загубила Супрема? Первым, кто попытался подсчитать число ее жертв, был Хуан Антонио Льоренте. Вот приводимые им данные: сожжено живьем 31 912 человек, сожжено в изображении 17659, приговорено к другим видам наказания 291 450, всего — 341 021 человек. ²⁹⁸

Церковники и их сторонники всячески поносили Льоренте за эти цифры, утверждая, что они преувеличены, ничем не подтверждены. Действительно, Льоренте не дает разбивки

²⁹⁷ Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании, с. 153

²⁹⁸ Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 2, с. 426

по годам, не указывает всех использованных источников. И это естественно, ибо свой труд он заканчивал, находясь в эмиграции в Париже и не имея под рукой необходимой документации. Характерно, однако, что ни один из противников Льоренте не решился сделать свой подсчет, чтобы противопоставить его трагическому балансу автора «Критической истории испанской инквизиции».

Известны еще два подсчета, которые незначительно расходятся с данными Льоренте. Испанский историк Хоакин дел Кастильо-и-Магоне в своем труде «Трибунал инквизиции», изданном в Барселоне в 1835 г., дает цифры жертв с разбивкой на генеральных инквизиторов (их было всего 41), начиная с Торквемады до Херонимо Кастильон-и-Салас (1818). Общий итог его таков: сожжено живьем 36212 человек, сожжено в изображении 19 790, приговорено к другим видам наказания 289 624, всего — 345 626 человек.²⁹⁹

Х. Амадор дель Риос уточнил эти цифры сорок лет спустя: сожжено живьем 28540 человек, сожжено в изображении 16520, приговорено к другим видам наказания 303 840, всего — 348 900 человек.³⁰⁰

Следует отметить, что как Кастильо-и-Магоне, так и Амадор дель Риос свои таблицы подкрепляют ссылкой на многочисленные архивные источники, а так как их цифры почти совпадают с данными Льоренте, напрашивается вывод, что подсчеты последнего были обоснованны.

Современные исследователи отказались от подобных подсчетов. Ведь насколько бы полными они ни были, они все же не отразят всего того зла, которое принесла инквизиция населению Испании на протяжении своей 350-летней кровавой деятельности.

Испанская инквизиция умерла, но и поныне в Испании имеются адвокаты инквизиции, для которых эталоном христианских доблестей был и остается генеральный инквизитор Томас Торквемада.

Но мы знаем и другую Испанию, «Испанию людей, боровшихся против инквизиции, приносивших в жертву свою жизнь за свободу народа».³⁰¹

Этой — другой, подлинно народной и прогрессивной Испании принадлежит будущее.

КОСТРЫ В КОЛОНИАЛЬНОЙ АМЕРИКЕ

КОНКИСТА И ИНКВИЗИЦИЯ

В «классических» книгах по истории инквизиции клерикальных и буржуазных авторов лишь мельком, да и то не всегда, упоминается ее деятельность в колониях. И это вполне понятно.

Пожалуй, нигде не проявлялся с такой выпуклостью «священный» характер инквизиционных трибуналов, их «цивилизаторская» миссия, их «жертвенная» борьба за пресловутые «христианские ценности», как в колониях, где эти трибуналы служили надежным подспорьем колониального гнета и интересам эксплуататоров.

Новый Свет был открыт Колумбом в 1492 г. в самый разгар инквизиционного террора в Испании. Это открытие сулило, да и принесло, испанской короне баснословные богатства. Казалось, и так утверждали льстецы-богословы, что всевышний подарил католическим королям Новый Свет в награду за их неустанные труды по преследованию еретиков. Ведь в жизни ничего случайного не бывает, ни один волос не падает с головы человека без ведома

²⁹⁹ Лозинский С. Г. История инквизиции в Испании, с. 140

³⁰⁰ Там же, с. 127

³⁰¹ Диас Х. Под знаменем народного фронта. М., 1937, с. 54

господа, как учат теологи. Бог, утверждали они, все видит, все знает, он мудр и всемогущ. Подарив Западные Индии, как окрестили испанцы свои океанские владения, католическим королям Испании, он тем самым доказал, что инквизиция мила его сердцу, иначе этот небесный дар, конечно, достался бы не им, а их соперникам.

Завоевав Западные Индии, испанская корона ни на секунду не сомневалась в необходимости и там бороться против «еретической скверны» с помощью столь близкого ей богоугодного репрессивного органа — инквизиции.

П. Мойя — первый инквизитор Мексики

На первых порах функции инквизиторов выполняли монахи, сопровождавшие в разбойничьих походах захватчиков-конкистадоров, и первые епископы конкисты.

7 января 1519 г. генеральный инквизитор Испании Алонсо Манрике официально уполномочил первого испанского епископа в Америке Алонсо Монсо и вице-провинциала доминиканского ордена Педро де Кордобу выполнять по совместительству обязанности «апостолических инквизиторов во всех городах, селениях и местах островов Моря-океана» (Так вначале испанцы называли открытые ими земли), поручив им назначать нотариусов, приставов, следователей и других чиновников, необходимых для организации «святого дела».³⁰²

По мере того как расширялись испанские завоевания в Новом Свете и организовывались новые административные единицы, а соответственно неновые епархии, их руководители-епископы и другие церковные иерархи в свою очередь наделялись правами инквизиторов.

Эта так называемая примитивная эра в деятельности колониальной инквизиции, соответствующая периоду конкисты, завершается в 1569 г., когда создаются в заморских владениях Испании отдельные «священные» трибуналы во главе с особо назначенными короной и церковными властями инквизиторами, уполномоченными творить суд и расправу над еретиками.

Во время конкисты завоеватели и сопровождавшие их церковники — они же по совместительству инквизиторы — столкнулись с совершенно новой, неожиданной для них проблемой. Довольно быстро они убедились, что открытые Колумбом земли вовсе не были Индией или сказочным Катаем (Китаем), а индейцы вовсе не обитатели этих азиатских

³⁰² См.: Medina I. T. La primitive Inquisicion Americana. Santiago de Chile, 1914, p. 76–77

стран. Если же местные обитатели не были азиатами, то кем тогда они были? Такими же людьми, как и испанцы-христиане? Но ведь эти существа ходили нагишом и поклонялись идолам. Значит, хотя бы исходя из этого, приравнять их к испанцам никак нельзя было! Имели ли они вообще «душу»? Следовало ли считать их грешниками или безответственными младенцами? А может быть, они вообще не были людьми, хотя внешне и походили на них? Наконец, откуда они взялись, как появились на свет?

Испанские богословы лихорадочно листали Библию и труды отцов церкви, пытаясь найти в них какой-либо намек на Новый Свет и его странных обитателей, который позволил бы дать ответ на бесчисленные вопросы. Но вразумительного ответа не получалось. Одни церковники утверждали, что индейцы происходят от Каина, убившего Авеля, другие, что они потомки Хама, сына пророка Ноя, проклятого отцом за дерзость... Были и такие богословы, которые утверждали, что индейцы вовсе не люди, а животные.

О разное, который существовал в этом вопросе, можно судить по следующим двум диаметрально противоположным высказываниям, одно из которых принадлежит хронисту Овиедо-и-Вальдесу, другое — хронисту Бертоломе де Лас-Касасу. Первый писал в своей «Всеобщей и естественной истории Индии», изданной в Севилье в 1535 г.: «Индейцы по своей природе ленивы и порочны, меланхоличны, трусы и вообще бессовестные лжецы. Их брак лишен таинства, это святотатство. Они идолопоклонники, развратники и занимаются мужеложеством. Их главная забота — жрать, пить, поклоняться своим истуканам и совершать животные бесстыдства. Что можно ожидать от людей, черепа которых столь тверды, что испанцы должны оберегаться в сражениях с ними, не бить их мечами по голове, так как мечи тупеют от этого?»

Приблизительно в то же самое время Лас-Касас писал: «Бог сотворил этих простых людей без пороков и хитрости. Они очень послушны и преданны собственным господам и христианам, которым служат. Они исключительно послушны, терпеливы, миролюбивы, добродетельны. Они не драчуны, не мстительны, не злопамятны, не мелочны. Кроме того, они более деликатны, чем сама принцесса, быстро умирают от работы или болезней. Несомненно, они были бы самыми благословенными людьми в мире, если бы почитали истинного бога». ³⁰³

Конец этому спору положил сам папа римский, признавший, по крайней мере формально, в 1537 г. индейцев людьми (одухотворенными существами). К тому времени индейцы были в большинстве поработены и обращены в христианство. Одно было теснейшим образом связано с другим. Завоевание и поработение индейцев оправдывалось испанской короной и церковью необходимостью обращения аборигенов в «истинную» католическую веру, а их обращение в католичество неизбежно приводило к поработению, так как в большинстве случаев осуществлялось насильственным образом.

Следует отметить, что церковники (за немногими исключениями) с самого начала конкисты принимали активнейшее участие в казнях непокорных индейцев на том основании, что-де они отказывались перейти в христианскую веру. Церковники одобрили убийство Монтесумы, Каутемока и других правителей ацтекского государства, Атауальпы — правителя инков, Хатуэя — вождя кубинских индейцев, не говоря уж об их участии в массовых расправах над рядовыми индейцами.

Испанцы очень быстро убедились, что насильственное обращение индейцев в католическую религию вовсе не означало отречение туземцев от их «языческих» верований. Францисканский монах Херонимо де Мендиета (1525–1594) отмечает в своей «Церковной истории индейцев», что индейцы хранили изображения Христа среди своих «демонических идолов» и так как монахи заставляли их возводить кресты на всех перекрестках дорог, у входа в селения и на некоторых возвышенностях, то они прятали своих идолов под этими крестами и, поклоняясь кресту, в действительности поклонялись спрятанным изображениям

³⁰³ Las Casas B. de. Coleccion de tratados. 1552–1553. Buenos Aires, 1924, p. 7–8

демона.³⁰⁴

Знакомая картина! Оказывается, обращенные насильственно в католичество индейцы вели себя так же «двулично», как еретики, что открывало для деятельности инквизиции в заморских владениях Испании новые просторы.

Церковники поспешили применить к краснокожим «Отступникам от веры» те же средства воздействия, которые применялись Торквемадой в Испании к еретикам. Первая из известных нам жертв инквизиции в Америке — это индеец Мигель из местности Акольуакан (Мексика), арестованный по обвинению в отступничестве в 1522 г. О постигшей его каре подробностей не сохранилось, как нет данных и о многих других жертвах инквизиции, дела которых были утеряны, сожжены патриотами в период войны за независимость или же впоследствии уничтожены самими церковниками.

Нам больше известно о деятельности первого епископа и по совместительству инквизитора Новой Испании (Мексика) доминиканца Хуана де Сумарраги, действовавшего с 1535 по 1548 г. Сумаррага был наделен генеральным инквизитором Испании архиепископом Севильским Алонсо Манрике особыми полномочиями преследовать «всех и каждого, будь то мужчина или женщина, живых или мертвых, присутствующих или отсутствующих, любого положения и состояния независимо от занимаемого им поста или значения... постоянных или временных жителей или проживающих на территории мексиканской епархии, виновных, подозреваемых или уличенных в ереси или отступничестве и всех тех, кто им способствовал и помогал».³⁰⁵

По указанию Сумарраги вице-король этой колонии Антонио де Мендоса обнародовал указ от имени испанского короля, угрожавший расправой индейцам, повинным в отступничестве от католической веры. Мендоса приказывал объявить индейцам, живущим на землях Новой Испании, что они обязаны «почитать только одного истинного бога и должны забыть и забросить идолов, принимавшихся ранее за богов, должны перестать поклоняться камням, солнцу и луне или какому-либо другому существу. Запрещается совершать в их честь жертвоприношения и давать им обещания. Если кто-либо, вопреки данному указу, совершит, будучи христианином, нечто похожее, то в первый раз получит в качестве наказания публично сто ударов плетью и будет пострижен наголо, а во второй раз будет предан суду», что на деле означало аутодафе с последующим финалом на кемадере.

В том же указе Мендоса приказывал индейцев, принявших христианскую веру, а потом отказавшихся от нее и тем самым «подающих плохой пример другим индейцам-христианам или тем из них, кто желает стать таковыми», сечь плетью и остригать, а тех, кто «против нашей христианской веры станет говорить или проповедовать», арестовывать и доставлять суду, заводить на них дело и подвергать жестокому наказанию.³⁰⁶

Этот указ-предупреждение дал «юридическую» основу Сумарраге чинить суд и расправу над индейцами, которым приписывались различного рода отступления от католичества или отречение от него.

Из более ста опубликованных приговоров Сумарраги по делам таких «отступников» приведем для иллюстрации два. Первый касается индейца Такастекле и его дочери Марии, обвиненных в идолопоклонстве. Как сказано в приговоре, суд учел, что обвиняемые проявили на следствии податливость и раскаяние, а также то, что они впервые совершили свое преступление, и поэтому отнесся к ним с милосердием. Милосердие это состояло в том, что обвиняемых приговорили к сравнительно легкому для инквизиции наказанию: обнаженных до поясницы и привязанных к мулам, их возили по городу и нещадно секли

³⁰⁴ См.: Mendieta J. de. *Historia eclesiastica Indiana*. Mexico, 1870, p. 233, 234

³⁰⁵ См.: Jimenez Rueda J. *Herejias y supersticiones en Mexico*. Mexico, 1946, p. 1

³⁰⁶ См.: Carreno A. M. *Den Fray Juan de Zumarraga (Documentos ineditos)*. Mexico, 1950, p. 51–52

плетью. На одной из площадей г. Мехико «преступники» прошли через аутодафе, палач обстриг их головы под виселицей и сжег их идолов. Там они публично покаялись и были предупреждены, что в случае повторного подобного же преступления им нечего рассчитывать на такое же милосердие, в следующий раз власти отнесутся к ним «со всей строгостью», т. е. им не миновать костра.³⁰⁷

О том, что ожидало жертву инквизиции, не проявившую на следствии «податливости» и «раскаяния», рассказывает второй документ — приговор того же Сумарраги по делу индейца Карлоса Ометочтина, сына одного из ацтекских вождей. Дон Карлос, так он именуется в цитируемом документе, был арестован по приказу инквизитора Сумарраги и обвинен в распространении ереси. Подвергнутый жесточайшим пыткам, индеец отказался сознаться в своем «преступлении» и просить снисхождения, хотя, как сказано в приговоре, «мы (т. е. Сумаррага. — И. Г.) предупредили дону Карлоса, что его признание в идолопоклонстве, совершенных ошибках и эксцессах позволит нам отнестись к нему с милосердием». Мнение инквизиции гласило: признать индейца виновным в распространении ереси, имущество его конфисковать, а самого отлучить от церкви и передать светским властям для соответствующего физического наказания с просьбой «отнестись к вышеназванному дону Карлосу со снисхождением». Приговор верховного суда (аудиенсии) Новой Испании не замедлил последовать: предать обвиняемого за совершенные им «злодеяния» сожжению на костре, что и было исполнено в г. Мехико в присутствии всего населения — испанцев и индейцев (*Ibid.*, p. 54–55).

Последних силой заставили присутствовать при этом изуверском спектакле, поставленном им в назидание и устрашение. Это не мешает церковным апологетам рисовать Сумаррагу как великого гуманиста и друга индейцев. Такие же расправы с непокорными индейцами учиняли и другие церковники, наделенные инквизиторскими полномочиями. Особенно отличился своими зверствами в Юкатане и Гватемале провинциал ордена францисканцев Диэго де Ланда, истребивший в 60-х годах XVI в. под предлогом обвинений в ереси тысячи аборигенов этих областей.

Ланда проявил недюжинные способности палача, по его приказу обвиненных в отступничестве индейцев монахи подвергали изощренным пыткам: чтобы вырвать у своих жертв признания, палачи секли их плетью, подвешивали на вывернутых руках, обливали спину кипящим воском, жгли пятки каленым железом. Когда это «не помогало», пытали водой: лили через рог, вставленный в горло пытаемого, горячую воду, затем один из палачей бил по животу пытаемого, пока вода, смешанная с кровью, не выливалась у него изо рта, носа и ушей.

За неполных десять месяцев Ланда, по свидетельству современников, подверг истязаниям 6330 индейцев, мужчин и женщин, из которых 157 умерло от пыток, а большинство других остались калеками на всю жизнь. 12 июля 1562 г. Ланда отпраздновал в г. Мани торжественное аутодафе в присутствии испанских властей и индейских касиков (вождей). На кострах этого аутодафе погибли еще уцелевшие последние реликвии древней культуры майя — рукописи, написанные иероглифическим письмом, статуи, художественные сосуды с изображениями. Многие из схваченных индейцев повесились в тюрьме до аутодафе. Монахи вырыли из могил 70 трупов и бросили их в костер. Пока они горели, оставшиеся в живых жертвы инквизиции, одетые в санбенито, подвергались истязаниям и издевательствам.³⁰⁸

Цель этих зверств — внушить индейцам страх и повиновение перед новыми господами-испанцами и их белым «всемогущим» богом. Сам Ланда в своем сочинении

³⁰⁷ Carrero A. M. Don Fray Juan de Zumarraga, p. 103–104

³⁰⁸ См.: Кнорозов Ю. В. «Сообщение о делах в Юкатане» Диэго де Ланда как историко-этнографический источник. — В кн.: Ланда Д. де. Сообщение о делах в Юкатане. М. — Л., 1955, с. 31–32

«Сообщение о делах в Юкатане» пишет, что испанцы не смогли бы подчинить себе индейцев, если бы «не внушали им страх ужасными карами».³⁰⁹ И как бы в оправдание своих действий, он приводит описание усмирения восставших индейцев испанцами в провинциях Кочвах и Чектемаль. Там, пишет он, испанцы «совершали неслыханные жестокости, отрубая носы, кисти руки и ноги, груди у женщин, бросая их в глубокие лагуны с тыквами, привязанными к ногам, нанося удары шпагой детям, которые не шли так же (быстро), как их матери. Если те, которых вели на шейной цепи, ослабевали и не шли, как другие, им отрубали голову посреди других, чтобы не задерживаться, развязывая их». Описания таких жестокостей и расправ, напоминающих гитлеровские кровавые деяния, мы находим в трудах доминиканца Бартоломе де Лас-Касаса, записках конкистадора Берналь Диаса дель Кастильо и многих других участников и свидетелей завоевания Америки. Эти свидетельства опровергают легенду, созданную задним числом церковниками и колонизаторами, о якобы мирном покорении индейцев и их добровольной христианизации. Не оливковой ветвью, а огнем и мечом покоряли завоеватели Западные Индии, зверскими расправами над беззащитным коренным населением укрепляли свою власть. Оправданием же им служили ссылки на божественное провидение и на якобы отступничество от христианской веры «коварных» индейцев, губивших свои души упорным сопротивлением палачам и инквизиторам...

Впоследствии, когда эти суровые расправы, учиненные над беззащитными индейцами конкистадорами и их рясоносными прислужниками, стали известны в Европе, главным образом благодаря «Кратчайшему сообщению о разрушении Индий» — обличительному памфлету Бартоломе де Лас-Касаса, испанская инквизиция запретила его чтение и распространение. В решении по этому вопросу инквизиционного трибунала от 3 июня 1660 г. говорится, что знаменитая книга Лас-Касаса «содержит описание ужасных и диких преступлений, которых нельзя встретить в истории других народов, совершенных, по словам автора, испанскими солдатами, поселенцами и священниками католического короля в Индиях. Советуем запретить это повествование, как оскорбительное для испанского народа, ибо, даже соответствуя оно истине, было бы достаточно сообщить об этом его католическому величеству, а не обнародовать всему миру к удовлетворению еретиков и врагов Испании».³¹⁰

Между тем массовые расправы над непокорными и ненадежными индейцами убедили испанские власти в том, что такое сильное «лекарство» может в конечном итоге привести к полному истреблению новых подданных короля, как это действительно произошло на Антильских островах, где в середине XVI в. их осталось всего лишь считанные десятки. Ведь в отступничестве от христианской веры, в несоблюдении церковных обрядов, в поклонении идолам ретивые инквизиторы вроде Диэго де Ланды могли обвинить подавляющее большинство туземцев и под этим предлогом уничтожить их. Кто же тогда работал бы на короля, конкистадора и на самого инквизитора? На Антильские острова, где испанцы перебили почти всех индейцев, стали ввозить негров-рабов из Африки. Но это было дорогим удовольствием, ведь за рабов следовало платить, а индейцев конкистадор получал в «опеку» бесплатно; терять эту бесплатную рабочую силу в угоду инквизиторам было вовсе не в его интересах. Исходя из этих соображений, Филипп II декретом от 23 февраля 1575 г. лишил инквизицию права привлекать индейцев к суду и ответственности за преступления против веры.

Это решение Филиппа II не вызвало какого-либо решительного протеста ни со стороны инквизиции, ни со стороны церковной иерархии. Сопротивление индейцев к тому времени было сломлено, власть колонизаторов повсеместно утвердилась. Миссионеры же,

³⁰⁹ Там же, с. 132

³¹⁰ Цит. по: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 103

убедившись, что невозможно добиться от индейцев террором отречения от их прежних верований, стали довольствоваться формальным, чисто внешним, показным исполнением местным населением основных католических обрядов, закрывая глаза на то, что их подопечные одновременно продолжали почитать своих богов.

Однако были и исключения. Не в меру ретивые епископы продолжали и после 1575 г. карать индейцев «язычников». В 1690 г. епископ провинции Оахака (вице-королевство Новая Испания) устроил показательный процесс над большой группой индейцев, обвиненных в идолопоклонстве. 21 из обвиняемых был приговорен к пожизненному заключению. Для их содержания была выстроена по приказу епископа специальная тюрьма. Иезуиты в своей парагвайской вотчине, где им удалось поработить несколько десятков тысяч индейцев-гуарани, жестоко наказывали своих подопечных за малейшее отступление от католической обрядности и т. д.

Негры-рабы не вызывали особого интереса у инквизиции. Хотя законы обязывали обращать рабов в христианство и заботиться об их духовном благополучии, рабовладельцев интересовало, как бы выбить семь потов из раба и тем самым получить прибыль на вложенный в его покупку капитал, а вовсе не то, является ли он отступником от католической веры. В тех же случаях, когда раб отказывался повиноваться воле своего хозяина, в роли инквизитора выступали сам рабовладелец и его надсмотрщики, подвергавшие раба истязаниям и изощреннейшим пыткам. Если инквизиторам было запрещено по крайней мере формально проливать кровь своих жертв, то рабовладельцев не стесняли в этом плане какие-либо ограничения, и они непослушных рабов не только секли плетью, но и калечили, обрезали половые органы мужчинам, груди женщинам, уши, носы тем и другим или предавали мучительнейшим способам смерти, из которых быть заживо съеденным термитами не являлся наиболее жестоким. Так обращались со своими «подопечными» эти верные сыны церкви.

Мало интересовали колониальную инквизицию и свободные негры, мулаты и самбо (потомки негров и индейцев), ибо их, как и индейцев, можно было всех без исключения при желании отправить на кемадеро по обвинению в колдовской практике, вере в чары и предзнаменования и прочих отклонениях от «истинной» христианской веры. Но что толку? Ведь большинство из них было ремесленниками или слугами тех же испанцев, в том числе и инквизиторов, которые без их труда вряд ли могли бы вести праздную жизнь. К тому же у них не было состояния, которым могла бы воспользоваться инквизиция. Правда, инквизиторы, когда под рукой не оказывалось жертв «пожирнее», не брезговали и ими, но, как правило, в таких случаях ограничивались сравнительно «мягкими» наказаниями — поркой плетью и ссылкой на галеры.

РУКА СУПРЕМЫ В ЗАПАДНЫХ ИНДИЯХ

«Примитивная» инквизиция была не в состоянии преследовать крамолу в таких «грандиозных» масштабах, как это делалось в Испании. У епископов и руководителей монашеских орденов в колониях в первой половине XVI в. не было ни средств, ни авторитета для этого. Конкистадоры, первые поселенцы колоний, священники и монахи думали только об одном: как бы побыстрее обогатиться и насладиться жизнью. Они не считались с королевскими чиновниками, королевскими указами, церковными запретами и канонами. Вице-короли и епископы вынуждены были не очень раздражать эту буйную вольницу слишком строгими требованиями соблюдения церковных обрядов и принципов христианской добродетели. Стремясь укрепить свой авторитет, они непрерывно слали королю скорбные послания с просьбой официально учредить в колониях инквизиционный трибунал с тем, чтобы навести здесь порядок, наказать непокорных, буйных вероотступников и тех, кто незаконно присваивал «кинтореаль» — пятую часть доходов от колониального грабежа, шедшую в королевскую казну.

Франсиско де Толедо, вице-король Перу (1569–1584), жаловался Филиппу II, что не

может справиться с монахами и священниками, которые под видом обращения индейцев в христианство грабят их и насилюют, что повсюду раздается ропот на королевских чиновников, бродят шайки грабителей, возникают мятежи против королевских властей. Языки у всех распустились, никто не соблюдает закона и церковных заповедей. «Шлите инквизиторов!» — взывал вице-король.

Священник Мартинес писал генеральному инквизитору Испании Эспиносе 23 декабря 1567 г., что в «королевстве Перу столько свободы для извращения и греха, что если нам господь бог не придет на помощь, то опасаемся, что эти провинции станут хуже, чем Германия... И что если наш господь бог придет в это королевство судей священного трибунала инквизиции, то им не справиться с имеющимися многочисленными делами до самого дня последнего суда».

Педро дела Пенья, архиепископ Кито, в письме от 15 марта 1569 г. тому же Эспиносе отмечал, что повсюду распространены богохульство, ложные доктрины и порочные истолкования евангелия и что «как в светских делах наглеют все по отношению к королю, так и в вопросах веры наглеют по отношению к богу!». Он требовал установления в колониях «экстраординарной инквизиции». Об этом же писал королю августинский монах Хуан де Биверо из Куско и другие церковные и светские чины.³¹¹

Такие призывы не могли оставить равнодушным Филиппа II, мракобеса-фанатика, готового, по его собственному заявлению, не только предать костру родного сына, если бы он был уличен в ереси, но и лично для этого притащить дрова.

Следуя учению инквизиторов-экстремистов, Филипп II считал, что мелкие отступления от католической веры создают благоприятную обстановку для распространения лютеранской «заразы», и соответственно требовал беспощадно карать всех, кто был в них повинен. Тем более он не мог разрешить распространения этой «заразы» в своих заморских владениях. А о такой возможности ему постоянно сигнализировали его тайные осведомители в Англии и Германии, сообщавшие о реальных и вымышленных планах протестантских проповедников пробраться в Южную Америку и путем распространения там «ереси» отторгнуть эти владения от испанской короны. В последнее же время его смертельные враги — англичане, эти запродавшие дьяволу свои души отступники от истинной католической веры, настолько обнаглели, что стали под пиратским флагом нападать на его галеоны, груженные американским золотом, и вторгаться в пределы самих колоний, грабя и убивая его верных подданных. В 1568 г. один из этих пиратов, Джон Гавкинс, осмелился напасть на крепость Сан-Хуан де Улуа в Новой Испании (Мексике), а затем высадиться около Тампико. Филиппу II доложили, что большую группу пойманных пиратов доставили в кандалах в Мехико. Однако вместо того, чтобы предать этих висельников костру, что не преминул бы сделать любой мало-мальски грамотный в вопросах веры инквизитор, местные власти, учитывая острую нужду в опытных мастеровых и рабочих, чуть ли не с радостью встретили пойманных с поличным пиратов, определив их на работу в свои поместья. Подобная «политическая близорукость» и отсутствие религиозной бдительности, проявленные властями Новой Испании, не могли не возмутить Филиппа II, и он внял голосу тех из его верных слуг, которые вот уже много лет так настойчиво советовали ему официально установить трибунал инквизиции в заморских владениях. 25 января 1569 г. Филипп II издал декрет, официально устанавливающий трибунал инквизиции в заморских владениях Испании. Ниже мы приводим полный текст этого примечательного документа:

«Наши славные прародители (Изабелла и Фердинанд. — И. Г.), преданные и католические дети святой римско-католической церкви, принимая во внимание, что наше королевское достоинство и католическое усердие обязывает нас стремиться всеми возможными средствами распространять и возвышать нашу священную веру во всем мире,

³¹¹ Medina J. T. Historia del Tribunal de la Inquisicion de Lima (1569–1820), v. 2. Santiago de Chile, 1956, p. 29–37

основали в этих королевствах священный трибунал инквизиции с тем, чтобы он сохранил в чистоте и целостности, и, открыв и включив в состав наших королевских владений, благодаря провидению и милости божией, королевства и области Западных Индий, острова и материка Моря-океана и других районов, проявили всевозможное усердие в деле распространения имени истинного бога, охраны его от ошибок и ложных и подозрительных доктрин и укрепления среди их открывателей, поселенцев, детей и потомков наших вассалов верности, доброго имени, репутации и славы, с которыми, благодаря усердию и стараниям, стремились распространить и возвысить имя божие.

И так как те, кто не проявляет послушания и преданности святой римско-католической церкви, упорствуя в своих ошибках и ересь, всегда стремятся извратить нашу святую католическую веру и отдалить от нее верных и преданных христиан и со свойственными им хитростью, страстью и умением стремятся привлечь их к своим извращенным верованиям, сообщая им свои ложные взгляды и ереси, распространяя и восхваляя различные осужденные и еретические книги, а подлинное средство спасения заключается в том, чтобы затруднить и совершенно исключить подобную деятельность еретиков и подозреваемых в ереси лиц, наказывая и вырывая с корнем их ошибки, предотвращая и затрудняя нанесение столь великого оскорбления святой вере и католической религии в тех местах и не допуская, чтобы туземцы были извращены новыми, ложными и осужденными доктринами и ошибками, — генеральный апостолический инквизитор наших королевств и владений, по решению Совета генеральной инквизиции и с нашего согласия, приказал и принял меры к тому, чтобы в тех областях был учрежден и начал действовать священный трибунал инквизиции для успокоения нашей королевской, а также его (инквизитора — И. Г.) совести, и уполномочил и назначил апостолических инквизиторов против еретической скверны и отступничества и чиновников и министров, необходимых для работы и деятельности священного трибунала. И так как полезно, чтобы мы оказали им поддержку нашей королевской властью, то, выполняя долг католического властелина и стража чести бога и интересов христианского общества, мы разрешаем им свободно выполнять их обязанности священного трибунала. Соответственно с этим мы приказываем нашим вице-королям, президентам королевских судов и их членам и алькальдам, а также всем губернаторам, коррехидорам, старшим алькальдам и другим властям городов, селений и местностей Индий, испанцам и индейцам, как постоянно проживающим, так и тем, кто там поселится, чтобы все они в любом случае встречали апостолических инквизиторов с их чиновниками, министрами и сопровождающими их лицами, исполняющими в любом месте вышеназванных областей свои обязанности, с соответствующим почтением и уважением, учитывая священные обязанности, выполняемые ими, предоставляя им все возможности для свободного исполнения их священного дела, и по требованию инквизиторов приносили каноническую присягу, которую обычно дают на верность священному трибуналу, и всякий раз, когда их попросят, призовут их и потребуют от них, должны оказывать инквизиторам помощь и поддержку как для того, чтобы арестовать любого еретика и подозрительного в вопросах веры, так и в любом другом деле, относящемся к свободному выполнению их обязанностей, что по каноническому праву, порядку и обычаю следует делать и выполнять».³¹²

Так инквизиция получила неограниченные права и власть над всеми учреждениями и чиновниками колоний, включая вице-королей, что, конечно, не могло не вызвать их неудовольствия.

Ссылаясь на королевский декрет, инквизиторы требовали, чтобы им во время богослужения и других церемоний отводились самые почетные места, якобы соответствующие их рангу, в то время как вице-король и прочие колониальные чины сами претендовали на эти места. Отсюда — бесконечные жалобы друг на друга в Мадрид, на которые, как правило, королевская власть не реагировала.

³¹² Цит. по: Medina J. T. La Inquisition en el Rio de la Plata. Buenos Aires, 1945, p. 48–50

На основании декрета Филиппа II генеральный инквизитор кардинал Диэго де Эспиноса учредил два трибунала в американских владениях Испании: в Лиме и Мехико. В 1610 г. был образован такой же трибунал в Картахене, главном порту вице-королевства Новая Гранада. Юрисдикция лимского трибунала распространялась, кроме Перу, также на Чили, Ла-Плату и Парагвай, картахенского — на Новую Гранаду, включая Венесуэлу, а также Панаму, Кубу и Пуэрто-Рико, а трибунала в Мехико — на Новую Испанию и Гватемалу. Каждый из этих трибуналов возглавляли по два инквизитора с соответствующим персоналом следователей, писарей, приставов, палачей и т. д., предварительно прошедших тщательную проверку на предмет выяснения их «чистоты крови». «Почетную» инквизиторскую работу могли выполнять только «чистые» по своей крови христиане, не имевшие среди своих предков ни иудеев, ни мавров, ни тем более негров или индейцев.

Эспиноса снабдил инквизиторов подробнейшей инструкцией, списанной в основном со знаменитого кодекса Торквемады. Инструкция предписывала инквизиторам в первую очередь обзавестись тюремным помещением, в котором можно было бы содержать узников изолированно друг от друга, подготовить «секретные камеры» для допросов, пыток и хранения инквизиционных дел. Инквизиторам подробно указывалось, как организовать делопроизводство, как вести протоколы допросов, в какие книги заносить доносы; каким образом содержать личные дела служащих инквизиционного трибунала, как отчитываться перед Мадридом и т. д.

Согласно инструкции, в случае разногласий между двумя инквизиторами по поводу смертных приговоров дело пересылалось на окончательное решение в Мадрид, в случае же разногласий по другим вопросам кооптировался в трибунал местный епископ, и дело решалось большинством двух голосов против одного.

Особое внимание инструкция уделяла контролю над печатными изданиями. Инквизиторам предписывалось строжайше следить, чтобы в колонии не проникала крамольная «еретическая» литература, иметь во всех портах своих комиссариев, в задачу которых входило подвергать на этот предмет строжайшему контролю грузы кораблей, пришедших из Европы, периодически публично вывешивать списки запрещенных книг, сурово наказывать тех, у кого такие книги будут обнаружены.³¹³

Кроме этих инструкций, был выработан Генеральный эдикт веры, который раз в три года зачитывался в церквах всех населенных пунктов Испанской Америки при обязательном присутствии верующих с 10-летнего возраста. Этот эдикт являлся не чем иным, как призывом к верующим стать доносчиками. В нем инквизиторы, в частности, заявляли:

«Требуем и призываем вас сообщать нам в указанные здесь сроки о лицах, живущих, присутствующих или умерших, о которых вы знаете или слышали, что они сделали или сказали что-либо против нашей святой католической веры или против того, что приказывает и устанавливает священное писание и евангельский закон, святые соборы и общая доктрина отцов церкви, или против того, что представляют и чему учат священная римско-католическая церковь, ее порядки и обряды...

Приказываем вам в силу священного повиновения и под угрозой тройного отлучения, предписываемого каноническими законами, в течение ближайших шести дней со дня обнародования данного эдикта, который вы слышали или о котором узнали любым другим способом, предстать перед нами лично в приемном покое нашего священного трибунала и заявить и рассказать нам все, что вы знаете, сделали или видели, что другие делали или слышали от других о вещах вышеназванных и провозглашенных или о любом другом деле, какое бы значение оно ни имело, но относящемся к нашей святой католической вере, рассказать нам как о живых, присутствующих и отсутствующих, так и об умерших с тем, чтобы истина стала известной и виновные были наказаны, а добрые и преданные христиане проявили бы себя и были бы вознаграждены, а наша святая католическая вера укреплена и

³¹³ См.: Documentos ineditos y muy raros para la historia de Mexico v. 5. Mexico, 1906, p. 225–247

возвышена; и для того, чтобы весть об этом дошла до всех и никто не мог бы сослаться на свое незнание, приказываем публиковать это послание». ³¹⁴

На протяжении колониального периода текст этого «эдикта предательства», как его называли в народе, неоднократно менялся в деталях. Так, например, один из эдиктов перуанской инквизиции XVIII в. содержит подробный перечень иудейских, мусульманских и протестантских обрядов, что должно было помочь доносчикам выявлять отступников и тем самым облегчить их выдачу на расправу инквизиторам. В эдикте содержится призыв доносить инквизиции о тех, у кого имеются произведения Вольтера, Руссо, Вольнея, Дидро и других французских философов. ³¹⁵

Опубликование «эдиктов предательства» всегда приносило инквизиторам богатую жатву доносов. Так, например, вслед за чтением такого эдикта в церквях Мехико в 1650 г. поступило в инквизицию около 500 доносов, соответственно зарегистрированных в восьми пухлых томах. Четыре тома с записью 254 доносов сохранилось. Анализ этих документов показывает, насколько был широк диапазон «работы» инквизиторов: 112 доносов сообщало о колдовстве и предсказаниях, 41 донос «разоблачал» тайных иудеев, 14 доносчиков обвиняли священников в использовании исповедальни в развратных целях, 6 сообщали о еретических богохульниках, 5 — о несоблюдении религиозных обрядов, 7 — о противниках инквизиции, 6 — об оскорблениях, нанесенных изображениям святых, один донос сообщал о маленькой девочке, отломавшей руку Христа на распятии, другой — о 6-летнем мальчике, преступление которого заключалось в том, что он рисовал на земле крест, прыгал на нем и называл себя еретиком, и т. д. и т. п. ³¹⁶

Трибуналы инквизиции в действии

Процедура действий колониальной инквизиции мало чем отличалась от существовавшей в Испании. Основой для ареста, как правило, служил донос, вслед за поступлением которого собирались о предполагаемом преступнике показания других лиц или другие обличительные материалы. Свидетелей строго предупреждали, что за разглашение тайны их ждет суровая кара. Имена свидетелей заключенному не сообщали, очных ставок со свидетелями не устраивали. Арестованного заключали в один из казематов инквизиционной тюрьмы, где до вынесения приговора он содержался в полной изоляции. Если доносителей было двое, то обвиняемый считался виновным. Спасти от смерти в таком случае его могло только полное «добровольное» признание в совершенных им преступлениях, если же он «сознавался» под пыткой, то это считалось отягчающим его вину обстоятельством.

Пытки были обычным явлением в застенках колониальной инквизиции. Возьмем, например, дело 26-летней Менсии де Луны, обвиненной в участии в так называемом великом заговоре, раскрытом якобы инквизицией в Лиме в 1635 г. Вместе с нею было арестовано несколько десятков «португальцев», проживавших в то время в столице перуанского вице-королевства. Все они подозревались в ереси и были подвергнуты пыткам. Многие признали свою «вину», но некоторых истязания не сломили. Двое из арестованных, не выдержав пыток, покончили с собой в инквизиторских застенках. Менсия де Луна была арестована вместе с мужем, сестрой и племянницей. Муж Менсии под пыткой категорически отрицал обвинения в ереси как в свой адрес, так и в адрес своей жены. Сама Менсия тоже провозглашала себя невиновной. Учитывая обстоятельства дела, инквизиторы решили

³¹⁴ Цит. по: Medina J. T. La Inquisicion en el Rio de la Plata, p. 51–56

³¹⁵ См.: Lewin B. La Inquisicion en Hispanoamerica. Buenos Aires, 1962, p. 193

³¹⁶ См.: Lea H. Ch. The Inquisition in the Spanish Dependencies. New York, 1908, p. 228

подвергнуть ее пыткам «до тех пор, пока это сочтем необходимым с тем, чтобы получить от нее истинные показания по выдвинутому против нее обвинению, предупредив ее, что если во время указанных пыток она умрет или лишится частей своего тела, то повинными в этом будем не мы, а она сама, так как отказалась говорить правду...».

В ответ на это предупреждение Менсия де Луна заявила, что считает себя невиновной.

А теперь предоставим слово протоколу дознания.

«Тогда ее отправили в камеру пыток, куда последовали также господа инквизиторы и их советники... И уже находясь в камере, обвиняемая была вновь предупреждена, чтобы заявила правду, если не хочет пройти сквозь тяжелое испытание.

Ответила, что невиновна.

После нового предупреждения ей было приказано раздеться, однако она продолжала утверждать, что невиновна.

Снова предупредили, чтобы говорила правду, иначе привяжут ее к «кобыле».

Ответила, что не совершила ничего преступного против веры.

Тогда ее раздели и привязали к «кобыле». Ступни ног и запястья рук были связаны веревкой, которую укрепили на рычаге.

Она продолжала настаивать на своей невиновности и заявила, что если не выдержит пытки и начнет говорить, то сказанное ею будет неправдой, ибо это будет сказано под страхом упомянутой пытки...

Тогда было приказано начать пытку и был сделан первый поворот рычага...

Ей вновь сказали, чтобы говорила правду, иначе будет дан второй поворот рычага.

Ответила, что будет утверждать, что невиновна.

Тогда было приказано второй раз повернуть рычаг, и когда его поворачивали, она стонала и кричала «Аи, аи», а потом умолкла и около десяти часов утра (пытка началась в девять. — И. Г.) потеряла сознание. Ей выплеснули немного воды на лицо, однако она не приходила в себя. Обождав некоторое время, господа инквизиторы и их советник приказали прервать пытку, и она была прервана с тем, чтобы вновь ее повторить тогда, когда будут даны ими такие указания, и названные господа покинули камеру пыток, а я, нотариус, ведущий данный протокол, остался с другими чиновниками, присутствовавшими при пытке, а именно с алькальдом Хуаном де Утургойеном, палачом и негром — его помощником. После чего донью Менсию де Луну сняли с «кобылы» и бросили на стоящую поблизости от «кобылы» койку. Мы ожидали, что она очнется и ее вновь можно будет привязать к «кобыле». Однако она не приходила в себя. Потом вошел в камеру служащий этой секретной тюрьмы Хуан Риосеко, и мы развязали упомянутую Менсию де Луну, но она не приходила в себя. По приказу господ инквизиторов я остался в камере пыток вместе с вышеназванными в ожидании, что донья Менсия очнется, но хотя я оставался там до 11 часов дня, она не приходила в себя. Пульса у нее не было, глаза потускнели, лицо и ноги холодные, и хотя ей трижды прикладывали ко рту зеркало, поверхность его пребывала такой же чистой, как и до этого. Поэтому все признаки свидетельствовали, что упомянутая донья Менсия де Луна, по всей видимости, скончалась естественной (!?) смертью. Подтверждаю: все признаки скончавшейся были такими же, как сказано выше. Остальные части тела также постепенно похолодели. Со стороны сердца также не наблюдалось какого-либо движения, в чем я убедился, приложив к нему руку. Оно было холодным. При всем этом я присутствовал. Хуан Кастильо де Бенавидес». ³¹⁷

Редкий, исключительный случай? Нет, обычный, рядовой казус в повседневной практике истязателей-инквизиторов. Почти на каждом аутодафе сжигались на кемадеро останки жертв инквизиции, единственным «преступлением» которых являлось то, что они скончались от пыток. На аутодафе в Мехико 11 апреля 1649 г. было таким образом посмертно казнено (!) десять человек. Такими примерами можно было бы заполнить целую

³¹⁷ См.: Medina J. T. Historia del Tribunal de la Inausicion de Lima (1569–1820), v. 2, p. 94–104

книгу...

Менсия де Луна скончалась от пыток в присутствии трех чиновников инквизиционного трибунала, не считая двух палачей, которые и пальцем не пошевелили, чтобы оказать ей какую-нибудь помощь. Врача при пытке не было, как об этом свидетельствует приведенный выше протокол допроса.

Со смертью Менсии де Луны ее дело не было прекращено. Трибунал инквизиции отлучил ее от церкви, конфисковал ее имущество и приговорил к сожжению на костре «в изображении». 23 января 1639 г. в Лиме ее изображение («кукла») было предано костру, на котором нашли мученическую смерть 11 других «нераскаившихся грешников», осужденных на смерть по делу о «великом заговоре».

Вообще к женщинам «святые» палачи относились с таким же «христианским милосердием», как и к мужчинам. На большом аутодафе в Мехико 8 декабря 1596 г. из восьми сожженных еретиков пять были женщины. В анналах мексиканской инквизиции зарегистрирован такой случай: 24 сентября 1696 г. заключенная донья Каталина де Кампос, обвиненная в ереси, заболела и попросила инквизиторов разрешить ей по-христиански встретить смерть. Ее бросили в камеру и уморили голодом. Через несколько дней нашли ее разложившийся труп, изгрызенный крысами.

Так же «милосердно» относились инквизиторы к детям, попавшим им в лапы. В июле 1642 г. 13-летний Габриель де Гранада под пыткой «выдал» 108 человек, якобы повинных в ереси. Все они стали жертвами инквизиции, многие из них погибли на костре.

Возвращаясь к методам «работы» инквизиции, следует отметить, что служители «священного» трибунала использовали наряду с пытками и другие средства, не менее жестокие и коварные, для того чтобы добыть у своих жертв столь драгоценные для церкви «признания». В камеры подсаживали провокаторов (каутелас), которые, притворяясь единомышленниками арестованных, пытались выудить у них необходимые инквизиции сведения. С этой же целью тюремщики по указаниям инквизиторов предлагали свои услуги обвиняемым. Следователи на допросах шантажировали свои жертвы всевозможными угрозами, ссылаясь на вымышленные показания их близких и друзей, задавали каверзные вопросы с целью сбить с толку и запутать обвиняемых. В следственной камере на стене висело большое деревянное распятие Христа, голову которого один из служащих инквизиции через отверстие в стене мог поворачивать в разные стороны. Если обвиняемый давал ложные, по мнению следователей, показания, то Христос «мотал» головой в знак возмущения. Можно легко вообразить, какое впечатление производили эти и подобные им трюки на верующих людей.

Хотя по инструкции при пытке должен был присутствовать врач, что, по мнению апологетов инквизиции, свидетельствует о ее гуманности, он по существу был простым пособником палачей. Врач главным образом использовался для заключения о смерти обвиняемого.

Инквизиция не только калечила и убивала свои жертвы, она, как и в Испании, грабила их. Арест сопровождался секвестром всего движимого и недвижимого имущества жертвы, причем должники последней под угрозой наказания были обязаны выплатить инквизиции задолженные суммы. Вынесению сравнительно «мягкого» приговора — порки, поругания, тюремного заключения — сопутствовал крупный денежный штраф. Добытыми таким образом средствами инквизиторы распоряжались по своему усмотрению: они спекулировали, приобретали недвижимую собственность, ценные вещи, поместья. Из этих фондов выплачивали себе и чиновникам трибунала жалованье. Преследование еретиков было выгодным делом. Так, по данным трибунала Картахены, были годы, когда его доходы равнялись 400 тыс. песо.

О том, какими огромными средствами в результате такого ограбления своих жертв располагала инквизиция, говорят обнаруженные при ее ликвидации в Мексике в 1814 г. капиталы. По неполным подсчетам, они составляли 1775665 песо, в том числе «наличными в сундуках», как сказано в соответствующем акте, — 65 576 песо, капитал, инвестированный в

недвижимую собственность, — 1394 628, доход от различных предприятий — 181 482, доход от сдачи домов в наем — 125 тыс., прочее — 8 тыс. песо.³¹⁸

Кого же преследовали, с кем расправлялись эти инквизиторы в Западных Индиях?

Как уже было сказано, в период конкисты инквизиторы расправлялись с непокорным местным населением, его вождями — касиками, жрецами. Беспощадно преследовались колониальной инквизицией любые проявления симпатий к гуманистам периода Возрождения, в особенности к Эразму Роттердамскому, трудами которого зачитывалась просвещенная часть испанского общества, выступавшая против королевского абсолютизма.

Традиционным объектом преследования колониальной инквизиции являлись заподозренные в симпатиях к протестантизму. В основном это были иностранцы — купцы, пираты, лазутчики, всякого рода авантюристы, старавшиеся проникнуть в испанские заморские владения и попадавшие в руки испанских властей.

В XVIII в. инквизиция с особым рвением преследовала сторонников французских просветителей, гуманистов, патриотов, борцов за независимость, противников клерикального мракобесия, ученых, отрицавших авторитет средневековых теологов.

Время от времени подвергались преследованиям и «новые христиане», проникшие в колонии непосредственно из Испании или из Португалии (их именовали «португальцами»).

Через застенки инквизиции в Испанской Америке прошло немало французов, фламандцев, итальянцев, немцев — подданных испанского короля, владения которого в XVI в. охватывали почти половину Западной Европы.

Хотя въезд иностранцам в Западные Индии был строго запрещен испанскими властями, все-таки некоторые из них ухитрились различными способами преодолеть чинимые испанскими властями препятствия и проникнуть в запретную для них зону. По неполным данным, эти иностранцы составляли 5,5 % от общего числа европейцев (5481 человек), эмигрировавших в Америку в период конкисты Антильских островов (1493–1519), и 9 % (из 13262 человек) в период завоевания Американского континента (1520–1539). Среди последних установлены 192 португальца, 143 итальянца, 101 фламандец, 53 француз, 42 немца, 12 греков, 7 англичан, 3 голландца, 2 ирландца, 1 шотландец и 1 датчанин.³¹⁹ По всей вероятности, многие из них проникли в Западные Индии под видом матросов или пассажиров, подкупив испанских чиновников. Эти иностранцы считались колониальными властями и действовавшими по их указаниям инквизиторами ненадежными и враждебными элементами. Они огульно подозревались в лютеранских симпатиях, арестовывались, подвергались пыткам и кончали свою жизнь на каторге или кемадеро. Особенно беспощадно инквизиция расправлялась с попадавшими в ее руки англичанами — пиратами, контрабандистами или просто скрывавшимися в этих краях от английского правосудия авантюристами.

Иностранцев, обвиненных главным образом в симпатиях к протестантизму, до официального установления инквизиционного трибунала в 1569 г., т. е. в период действия так называемой «примитивной» инквизиции, и только в Новой Испании, по далеко не полным данным, было осуждено 19 человек. Среди них были итальянцы, французы, фламандцы, греки, англичане. Все они признали себя виновными в отступничестве и отделались сравнительно легкими наказаниями: публичным покаянием на аутодафе, тюрьмой или высылкой в Испанию. Среди осужденных был золотых дел мастер чех (богемец) Андрее Мораль, который, по-видимому, опасаясь преследований инквизиции, часто менял фамилию. В 1536 г. Сумаррага осудил его за симпатию к Лютеру на публичное покаяние в санбенито, конфискацию имущества и высылку в Испанию. Английский купец

³¹⁸ Lea H. Ch. The Inquisition in the Spanish Dependencies, p. 288

³¹⁹ Boyd-Bowman P. La emigration peninsular a America: 1520–1539. — *Historia Mexicana*, 1963, v. 13, N 2, p. 165–166

Роберт Томсон родом из Дувра, пробравшийся в Мексику в 1555 г., опасаясь пыток, отрекся от своей веры и принял католичество. В 1560 г. он был осужден на ношение в течение двух лет санбенито и на один год тюрьмы в Испании. Отсидев свой срок в Севилье, Томсон ухитрился бежать и вернуться в Англию, где впоследствии опубликовал свои воспоминания, являющиеся первым известным для нас документальным свидетельством о действиях инквизиции в испанских колониях.

Более строго судили по подозрению в протестантстве в вице-королевстве Перу, где по решению архиепископа Лимы был сожжен на костре фламандец Хуан Миллар.

В 1571 году, два года спустя после учреждения трибунала инквизиции, английские и французские корсары, взятые ранее в плен властями Новой Испании, были переданы в руки инквизиторов. Корсарам было предъявлено обвинение в принадлежности к лютеранской и другим «отвратительным сектам». Следствие по их делу велось около трех лет. Допросы арестованных сопровождались пытками, в результате в 1574 г. все, за исключением двух — англичанина Джорджа Раблея — матроса и француза Марино Корню — брадобрея, «сознались», раскаялись, приняли католическую веру и были приговорены к порке плетью и каторжным работам на галерах или к длительным срокам тюремного заключения. Раблей и Корню за проявленное во время следствия упрямство закончили свои дни на кемадеро. Сперва их гарротировали, а затем сожгли. Такая же участь постигла другого корсара — англичанина Роберта Баррета. Его отослали в Испанию на допрос и сожгли в Севилье. Годом позже был лишен жизни ирландец Уильям Корнелиус, скрывавшийся в Гватемале и пойманный уже после аутодафе 1574 г. Его сперва повесили, а потом сожгли. Так же погиб и француз Пьер Монфри.

Один из англичан, Майлс Филипс, осужденный по делу о пиратах, впоследствии бежал и вернулся в Англию, где выпустил в 1589 г. свои воспоминания. В них он оставил следующее описание аутодафе в Мехико, через которое прошел он и его товарищи по несчастью: «После того как инквизиторы смогли таким образом (при помощи пыток. — И. Г.) получить от нас самих заявления, дававшие им основания осудить нас, они приказали построить в центре рыночной площади напротив кафедрального собора огромный помост; четырнадцать или пятнадцать дней до аутодафе они призывали всех жителей при помощи труб и барабанов явиться на базарную площадь в день аутодафе с тем, чтобы присутствовать при оглашении приговора священной инквизиции против английских еретиков — лютеран и при его исполнении. Накануне жестокого события, ночью инквизиторы пришли в тюрьму, где мы находились, и принесли одежду сумасшедших, которая была нам предназначена. Это были санбенито — рубашки из желтой материи с пришитыми к ним спереди и сзади красными крестами. Инквизиторы с таким энтузиазмом примеряли нам эти рубашки и учили нас, как мы должны вести себя на аутодафе, что не дали всю ночь заснуть.

Утром следующего дня каждый из нас получил завтрак — чашку вина и кусок хлеба с медом, после чего около 8 часов мы вышли из тюрьмы. Каждый из нас шел отдельно от других, одетый в санбенито, с петлей из толстой веревки на шее, держа в руке потухшую зеленую свечу. Нас сопровождал стражник. На всем пути к аутодафе толпилось множество людей. Путь нам открывали «родственники» инквизиции, гарцевавшие на лошадях во главе нашей процессии. На площади мы вошли по двум лестницам на помост, где нас усадили на лавки в том порядке, в каком нас потом вызывали для объявления приговора. Вслед за этим по двум другим лестницам на помост вошли инквизиторы, вице-король и члены королевского верховного суда. Когда они заняли свои места под балдахином, каждый согласно своему рангу, на помост взобралось множество монахов — доминиканцев, августинцев и францисканцев — всего до трехсот человек, которые заняли надлежащие им места.

Затем наступил момент торжественного молчания, немедленно после чего стали зачитываться жестокие и строгие приговоры.

Первым вызвали некоего Роджера, артиллериста с корабля «Иисус». Он был осужден на триста ударов плетью и на 10 лет галер.

Затем вызвали Джона Грея, Джона Брауна, Джона Райдера, Джона Муна, Жоржа Колье и Томаса Броуна. Каждый из них был осужден на двести ударов плетью и на 8 лет галер.

Очередь дошла до Джона Кейса, приговор которому гласил: сто ударов плетью и 6 лет галер. За ним вызвали других, всего 53 человека. Приговоры были разные — сто или двести ударов плетью и 6, 8 и 10 лет галер.

Потом вызвали меня, Майлса Филипса, и приговорили к работе в монастыре сроком на пять лет, без плетей и на ношение санбенито все это время.

Наконец вызвали последних шестерых, получивших кто по 3, кто по 4 года работы в монастыре, без плетей, с обязательным ношением санбенито все это время.

После этого, когда спустилась ночь, вызвали Джорджа Раблея и брадобрея француза Марино Корню. Они были осуждены на костер. Их немедленно потащили на место экзекуции на той же базарной площади, вблизи помоста; там их быстро сожгли и превратили в пепел. Нас же, числом в 68 человек, приговоренных к другим видам наказания, вернули в ту же ночь в тюрьму на ночлег.

Утром следующего дня, это была страстная пятница нашего господина 1574 года, нас вывели во двор дворца инквизиторы, всех, кто был приговорен к порке и работам на галерах, всего 60 человек, раздели до половины тела, заставили сесть на ослов и погнали по главным улицам города на осмеяние народа. По дороге люди, специально предназначенные для этого, пороли нас длинными кнутами по голому телу и с огромной жестокостью. Впереди осужденных шли два глашатая, возвещавшие громким голосом: «Смотрите на этих английских собак, лютеран, врагов бога!» И на всем пути сопровождавшие нас инквизиторы и другие участники этого преступного братства кричали палачам: «Бейте крепче, крепче этих английских еретиков, лютеран, врагов бога!» После этого ужасного спектакля по улицам города осужденных вернули во дворец инквизиции. Спины несчастных были покрыты кровью и синяками. Их вновь посадили в тюрьму. Там они находились вплоть до отправки в Испанию, где их ждали галеры. Меня и других осужденных на каторжные работы в монастырях немедленно отправили в соответствующие места наказания.³²⁰

К сожжению на костре по обвинению в принадлежности к «дьявольской секте Лютера» присуждались инквизицией не только англичане и французы. В 1601 г. был сожжен живым 36-летний немец Симон де Сантьяго, мастер по производству селитры, признавший себя кальвинистом, но отказавшийся, несмотря на пытки, отречься от своей веры. Он пытался спасти себя, симулируя умопомешательство, однако отказался от этого, когда его приговорили к сожжению на костре. В инквизиторском отчете об аутодафе говорится, что Симон вел себя перед казнью вызывающе, все время улыбался и на призывы монахов покаяться «с великим бесстыдством отвечал: „Не утруждайте себя, отцы, это бесполезно!“» Его ядовитые реплики вывели из себя инквизиторов, и они приказали всадить ему кляп в рот. С возмущением отмечают в своем отчете инквизиторы, что Симон, когда его вели к костру, отказался нести распятие...

Из казненных испанцев особый интерес представляет Педро Гарсия де Ариас, бывший кармелитский монах, автор не дошедших до нас «еретических» произведений «Книга о грехе и добродетели», «Разочарованная душа» и других. Инквизиция объявила его «еретиком секты иллюминатов, сторонником еретических учений преступных ересиархов Пелагия, Нестора, Эразма, Лютера, Кальвина, Уиклифа, а также беггардов, бегинов и полупелагианцев и современных «еретиков». За отказ от покаяния его умертвили в 1659 г. гарротой, а потом сожгли на костре. В момент казни ему было 60 лет.

Францисканский монах Франсиско Мануэль Куадрос, родившийся в г. Сакатекас (Мексика), был объявлен инквизицией «упорствующим и мятежным еретиком, лютеранином, кальвинистом, догматиком и сектантом». Он был сожжен живым 20 марта

³²⁰ Цит. по: Corsarios franceses e ingleses en la Inquisition de la Nueva Espana. Siglo XVI. Mexico, 1945, p. XIX–XXI

1678 г. в присутствии вице-короля и колониальных властей. Куадрос был последней жертвой инквизиции в Новой Испании, казненной за принадлежность к протестантизму.

Инквизиторы не проходили мимо различного рода мечтателей, фантастов и правдолюбцев, осуждавших разнузданный образ жизни духовенства и жестокости колонизаторов с позиций первоначального христианства. При содействии опытных палачей их вынуждали признаваться в симпатиях к Эразму Роттердамскому и другим корифеям Возрождения, разоблачавшим преступления папства и испанской монархии с позиций гуманизма. Таких тоже ожидало кемадеро или в лучшем случае сечение плетью и галеры.

Наконец, различного рода богохульники, двоеженцы, приверженцы магии, оккультизма, колдовства, читатели запрещенных книг и им подобные «последователи дьявола» усердно вылавливались инквизицией, в особенности если у них имелось состояние.

Хотя добровольное обращение в инквизицию с самообвинением, как правило, сулило весьма легкое наказание, это правило не соблюдалось, если инквизиторы могли извлечь из «дела» какую-либо выгоду. История, приключившаяся с фламандским художником Симоном Перейнсом, попавшим в XVI в. в Мехико, весьма показательна в этом отношении. Перейнс, как следует из его дела, будучи пьян, заявил своему другу художнику Моралесу, что «обычное совокупление» не является грехом и что он предпочитает рисовать портреты вельмож, чем лики святых, так как за первые платят больше. Отрезвев и опасаясь доноса за такие «преступные» изречения, фламандец явился в инквизицию, где во всем честно покался. Но это ему не помогло. Фламандца заточили в тюрьму и подвергли пытке на предмет того, не является ли он еретиком. В действительности инквизиторы хотели таким образом заставить его писать для них бесплатно изображения святых! Когда пытка не дала результатов, инквизиторы присудили Перейнса к уплате издержек процесса и написанию большой картины богородицы. Художник мог считать, что он дешево отделался от своих мучителей.

Особенно жестоко расправлялись инквизиторы с теми, кто покушался на их авторитет. Мексиканский инквизитор Алонсо Гранеро, назначенный в 1574 г. епископом провинции Чаркас (обычно инквизиторы заканчивали свою карьеру в епископском сане), очутился проездом в Никарагуа, где местный нотариус Родриго де Эвора сочинил на него сатирические стихи. Разгневанный бывший инквизитор приказал Эвору заковать в цепи и подвергнуть пытке, в результате чего у бедного виршеплета оказались вывихнуты руки и ноги. Но этого было мало кровожадному Гранеро. Он присудил своего недруга к 300 ударам плетью, 6 годам каторжных работ на галерах и конфискации имущества. За свои «труды» инквизитор присвоил ценный китайский сервиз, принадлежавший его жертве, с трудом уместившийся, как отмечает соответствующий акт, в четырех больших ящиках!

При отсутствии «серьезных» дел инквизиторы не гнушались сочинять обвинения, буквально высасывая их из пальца, против ни в чем не повинных людей. Вот что пришлось испытать не в меру болтливому французу Франсуа Моиену, путешествовавшему по своим делам с попутным караваном мулов из Буэнос-Айреса в Чили в 1750 г. Погонщик мулов, с которым не поладил француз, донес инквизиции, что тот в пути вел «подозрительные» разговоры: называл мула «божьим созданием», говорил, смотря на ночное небо, что «такое обилие звезд — сплошная бессмыслица», критиковал духовенство за вольготный образ жизни. По приказу инквизиции француза арестовали и доставили в Лиму. Там инквизиторы принялись сочинять ему дело.

Ты обозвал мула «божьим созданием», значит принадлежишь к еретической секте манихеев. Говорил, что обилие звезд — бессмыслица. А их создал бог, значит обвинял бога в нерадивости и поэтому повинен в еретическом богохульстве. Критиковал вольготную жизнь духовенства? Признавайся, что ты член «заразной» секты Уиклифа. А уж заодно ему приписали принадлежность к сектам Кальвина, Янсения, Магомета и мало того — иудейство.

Напрасно убеждал бедняга француз инквизиторов, что инкриминируемые ему высказывания были бездумной болтовней, что он правоверный католик и понятия не имеет о

каких-либо сектах. Чем упорнее он отрицал свою вину, тем беспощаднее его пытали. Следствие по его делу длилось 13 лет! В конце концов палачи добились своего: француз покаялся в своих грехах и был присужден к 10 годам каторжных работ и 200 ударам плетью...³²¹

В задачи инквизиции входило наказание самозванцев-попов, беглых монахов, церковников-амансебадос — живших вместе со своими «незаконными» семьями. Однако инквизиция хотя и привлекала таких «нарушителей» к ответственности, но делала это в исключительных случаях, проявляя к ним, как правило, большое снисхождение. В редких случаях нарушителя заключали на несколько лет в монастырь, как это случилось в 1721 г. с монахом Франсиско Диэго де Сарате в Мехико, арестованным по обвинению в сожительстве с 56 женщинами — испанками, мулатками, метисками (по данным им самим показаниям число его любовниц равнялось 76). Сарате отделался всего лишь двумя годами заключения в монастыре, что, учитывая монастырские нравы того времени, было все равно, что бросить щуку в реку (Ibid., p. 243–244).

Отчеты вице-королей в Мадрид на протяжении всего колониального периода полны жалоб на распущенность церковников, на их корыстолюбие и пренебрежение христианскими добродетелями. Маркиз де Кастельфуэрте, вице-король Перу, отмечал, например, в 1725 г. в своем отчете королю, что монахи и священники публично сожительствуют со многими женщинами, развратничают, нарушая все церковные каноны.³²²

О распутном образе жизни инквизиторов и комиссариев инквизиции, об их ненасытной жажде власти и мирских богатств неоднократно сообщали вице-короли в Мадрид. Испанские монархи пересылали эти жалобы на проверку Верховному трибуналу инквизиции, который, как правило, оставлял их без последствий. В 1696 г. Верховный совет по делам Индий сообщал Карлу II, что инквизиция в колониях «превратилась в государство в государстве, что к ней повсюду самые простые и самые влиятельные люди относятся с одинаковой ненавистью и подобострастным страхом», однако испанская корона не обращала внимания на такого рода жалобы: ведь инквизиция верой и правдой служила ее интересам, способствуя закабалению и эксплуатации обширных колониальных владений...

Прав был историк колониальной инквизиции чилиец Хосе Торибио Медина, характеризуя инквизиторов как человеконенавистников, интриганов, склочников, заносчивых, мстительных, скупцов, честолюбцев, садистов и развратников. Несомненно, что их мрачная профессия накладывала на них соответствующий отпечаток. Таковыми были эти «судьи божьи», призванные стоять на страже христианских добродетелей и чистоты церковных догм в колониях.

ВРАГИ НЕЗАВИСИМОСТИ КОЛОНИЙ

Если в XVI и XVII вв. инквизиция главным образом охотилась за различного рода мнимыми или действительными отступниками от католической веры, колдуньями и богохульниками, то в XVIII в. ее деятельность была направлена в первую очередь на искоренение политической крамолы сначала в лице сторонников французских энциклопедистов, а затем сторонников французской революции и независимости колонии от испанской короны.

Первым борцом за независимость колоний, погибшим на костре инквизиции, был Гильермо Ломбарде Гусман. Он родился в 1616 г. в Ирландии. Его настоящая фамилия была Уильям Лампарт. Фанатик-католик Лампарт юношей бежал из Ирландии в Испанию.

³²¹ См.: Lea H. Ch. The Inquisition in the Spanish Dependencies, p. 441

³²² См.: Medina J. T. Historia del Tribunal de la Inquisicion de Lima (1569–1820), v. 2, p. 416–418

Изменив свою фамилию на Ломбарде Гусман, он в 1640 г. с разрешения благоволивших к нему испанских властей переезжает на постоянное жительство в Мехико, где у него зарождается смелый план провозгласить независимость этой колонии и объявить себя «королем Америки» и «императором» мексиканцев. Заговорщик пытался привлечь на свою сторону офицеров местного гарнизона, но был предан и арестован.

Судя по материалам заведенного на него инквизицией дела, Ломбарде Гусман предлагал даровать свободу рабам, разрешить им заниматься «почетными ремеслами» и уравнивать их, а также всех негров, мулатов, индейцев в правах с креолами. Кроме этого, он намеревался разрешить свободную торговлю с Францией, Голландией, Англией и Португалией.

Шесть лет держали инквизиторы Ломбарде Гусмана в тюрьме, подвергая изощренным пыткам, но им так и не удалось сломить этого, по всей видимости незаурядного по силе воли и стойкости, человека. Более того, на шестом году своего заточения Ломбарде Гусман не только ухитрился бежать из застенков инквизиции, но и пробраться сутки спустя в 3 часа ночи в спальню к вице-королю и вручить ему письменный протест против преступных действий инквизиторских палачей! Вскоре ищейки напали на след отважного ирландца, и он снова попал в лапы своих мучителей. Еще десять лет подвергали его мукам инквизиторы, так и не добившись от него отречения от «крамольных» взглядов. 19 ноября 1659 г. Ломбарде Гусман был выставлен на поругание на аутодафе, а затем сожжен на костре в г. Мехико.

В XVIII в. инквизиции приходится иметь дело уже не с одиночками, а с многочисленными противниками колониального режима в лице последователей французских энциклопедистов, произведения которых различными путями в сравнительно большом количестве проникали в заморские владения Испании. Инквизиция правильно уловила опасность, которую представляли для колонизаторов эти произведения. В различных эдиктах и постановлениях колониальной инквизиции произведения Руссо, Вольтера, Кондильяка, Рейналя, Д'Аламбера и других французских философов и просветителей именуется «противными спокойствию этих государств и королевств», «подрывными и раскольническими, направленными против всех королей и властей, в особенности против христианских католических монархов», они «способны» привести народы к самой «беспорядочной анархии», они повинны, наконец, в том, что провозглашают преступные «принципы о всеобщем равенстве и свободе всех людей». ³²³ В 1803 г. инквизиция в Новой Испании запретила испанский перевод «Общественного договора» Руссо под предлогом, что эта книга подстрекала «преданных вассалов его величества восстать и сбросить тяжкое господство наших королей, обвиняя их в ненавистном деспотизме и подстрекая вассалов разбить узы и кандалы духовного звания и инквизиции». ³²⁴

С особым рвением преследовала инквизиция литературу французских просветителей, разоблачавшую ее преступления. В решении, принятом в 1777 году и запрещавшем книгу анонимного французского автора «Краткая хронология истории Испании и Португалии», мексиканские инквизиторы, полемизируя с автором, заявляли: «Христиане вовсе не считают жестокими или чрезмерными огненные зрелища, карающие еретиков. Напротив: послушные и уважающие своих руководителей, они эти зрелища принимают, превозносят и радуются им, ибо видят в них не только инструмент, карающий ересь и еретиков, но и акт веры!...». ³²⁵ Авторы, утверждавшие противное, подвергались отлучению, а их произведения предавались

³²³ См.: Perez-Marchand M. L. Dos etapas ideologicas del siglo XVIII en Mexico a traves de los papeles de la Inquisicion. Mexico 1945 p. 122–123

³²⁴ Цит. по: Medina J. T. Historia del Tribunal del Santo Oficio de la Inquisicion en Mexico. Mexico, 1952, p. 293

³²⁵ Цит. по: Gonzalez Casanova P. El misoneismo y la Modernidad Cristiana en el siglo XVIII. Mexico, 1948, p. 77

огню.

В последней четверти XVIII в. освободительные идеи начинают проникать в среду колониального духовенства. Отдельные священники-креолы, представлявшие по существу местную интеллигенцию, под влиянием зарубежной «подрывной» литературы, войны за независимость английских колоний в Северной Америке и французской революции 1789 г. проникались патриотическими идеями и выступали за независимость колоний от Испании. Таких священников-патриотов инквизиция преследовала с особым ожесточением.

Один из патриотов, ставший жертвой инквизиции, был бывший иезуит Хуан Хосе Годой, родившийся в 1728 г. в Мендосе, вице-королевстве Ла-Платы. После роспуска иезуитского ордена в 1767 г. Годой бежал из Испанской Америки в Англию, откуда перебрался в Соединенные Штаты, где стал выступать за независимость испанских колоний. В то время вице-королем Новой Гранады был архиепископ Антонио Кабальеро-и-Гонгора. Ему с помощью провокатора удалось завлечь Годоя на испанскую территорию, где он был передан на расправу инквизиционному трибуналу в Картахене. Там он свыше пяти лет подвергался допросам и пыткам, а в 1787 г. был выслан в Кадис, где погиб в крепости св. Каталины (Екатерины).

Чудом избежал застенков инквизиции предтеча движения за независимость венесуэльский патриот Франсиско Миранда, служивший в чине подполковника адъютантом губернатора Кубы. Трибунал инквизиции в Картахене отдал приказ об его аресте в 1783 г., однако комиссарий инквизиции в Гаване сообщил, что «преступник бежал к американцам», по каковой причине нет надежды, что его постигнет «заслуженное наказание». ³²⁶

13 декабря 1789 г. инквизиция в Картахене запретила чтение и распространение «Прав гражданина и человека», провозглашенных французской революцией.

В 1794 г. инквизиция в Мехико арестовала французов — капитана Жан-Мари Мюрже и врача Жозефа Франсуа Мореля по обвинению в распространении революционной пропаганды. Оба были подвергнуты пыткам и покончили жизнь самоубийством.

В 1797 г. в том же городе был взят под стражу и заключен в застенки инквизиции 53-летний францисканский монах Хуан Рамирес Орельяно, обвиненный в том, что одобрял казнь французских короля и королевы, называл королей тиранами, а испанских монархов обвинял в нещадной эксплуатации колоний. «Французы, — утверждал францисканец, — пробудили нас ото сна и открыли нам глаза». На допросах обвиняемый заявил, как следует из сохранившегося протокола, что французы, совершив революцию, показали себя спасителями человеческого рода, что Вольтер — папа этого века, и, говоря о 40 тысячах священников, покинувших революционную Францию, воскликнул: «Смотрите, сколько моли было во французском королевстве!». ³²⁷

Приговор инквизиции по делу Рамиреса Орельяно не сохранился, и его дальнейшая судьба нам неизвестна.

Террор инквизиции и испанских властей, направленный на подавление патриотического движения, не смог, однако, предотвратить неизбежного взрыва в колониях. В 1810 г. повсеместно в испанских владениях начались освободительные восстания. В Мексике борьбу патриотов возглавил священник-креол Мануэль Идальго. Церковные и светские колониальные власти обвинили Идальго в том, что он провозгласил войну «богу, священной вере и родине». Эти же обвинения содержались в направленном против него эдикте инквизиции от 13 октября 1810 г., в котором этому патриоту приписывали всевозможные преступления против веры. Прокурор инквизиции объявил его «формальным еретиком, вероотступником, атеистом, материалистом, деистом, развратником, мятежником, раскольником, иудействующим, лютеранином, кальвинистом, преступником, повинным в

³²⁶ См.: Medina J. T. La Imprenta en Bogota y la Inquisition en Cartagena de Indias. Bogota, 1952, p. 351

³²⁷ См.: Lewin B. La Inquisition en Hispanoamerica, p. 253–254

нарушении божественных и человеческих законов, богохульником, беспощадным врагом христианства и государства». Инквизиторов мало смущало, что многие из перечисленных обвинений взаимоисключались. Цель эдикта заключалась в том, чтобы всемерно опорочить Идальго в глазах верующих. Предъявив ему вышеупомянутый набор обвинений, инквизиция провозгласила Идальго отлученным от церкви и угрожала ему всеми прочими карами, «установленными церковью против нарушителей общественного порядка, возбудителей гражданской войны и анархии в католическом обществе и тех, кто общается с ненавистными отлученными, против клятвопреступников, повинных в святотатстве, еретиков, каким является данный преступник» (Ibid., p. 258–259).

Идальго опроверг обвинения инквизиции в «Манифесте к нации», в котором утверждал, что он и его сторонники не являются врагами религии, признают только «римско-католическую апостолическую религию» и намереваются сохранить ее «во всех ее частях».

«Откройте глаза, американцы, — писал Идальго, — не позволяйте вашим врагам соблазнять вас. Они называют себя католиками только потому, что это им выгодно, их бог — деньги, их угрозы направлены на сохранение порабощения. Неужели вы поверите, что добрым католиком может быть лишь тот, кто подчиняется испанскому деспоту. Откуда взялась эта новая догма, этот новый символ веры?»

Ответ инквизиции не заставил себя долго ждать. В новом эдикте инквизиция обрушила на Идальго новый град проклятий, назвав его «двуличным, самозванцем, бесчестным еретиком, жестоким атеистом, агностиком».

В начале июля 1811 г. испанцам удалось захватить в плен мужественного патриота. Опасаясь народного гнева, они поспешили немедленно с ним расправиться.

На допросе церковные власти обвинили его в симпатиях к иудаизму, в принадлежности ко всевозможным «преступным сектам, в том числе несторианской, марцианской, якобитской, а также в том, что он является подлинным сектантом французской свободы, развратником, бунтовщиком, схизматиком и революционером, как это впоследствии доказал, став генерал-капитаном повстанцев».³²⁸ Идальго был лишен священнического сана и тайно расстрелян неподалеку от г. Чиуауа 13 июля 1811 г.

Расправа над Идальго и другими патриотами была отпразднована инквизиторами и членами церковного капитула в г. Мехико торжественным молебном в честь «безграничной божьей мудрости, спасшей королевство от преступных чудовищ, покушавшихся на драгоценную и достойную жизнь его превосходительства сеньора вице-короля».

Как уже было сказано ранее, в 1813 г. кадисские кортесы приняли решение о запрещении трибунала инквизиции и его роспуске как в Испании, так и в ее заморских владениях. Но это решение в колониях, где власть находилась в руках сторонников старого порядка, не было проведено в жизнь. Правда, решение кортесов заставило действовать инквизиторов более осмотрительно, но их опасения продолжались недолго. В 1814 г., возвратившись из Франции, Фердинанд VII отменил кадисскую конституцию и восстановил деятельность ненавистного трибунала, который в колониях вновь принялся за свои привычные злодеяния.

После гибели Идальго борьбу за независимость Мексики возглавил другой священник — метис Хосе Мария Морелос. Учитывая обвинения в безбожии, выдвигавшиеся инквизицией против патриотов, Морелос провозгласил господствующей религией Мексики католическую и особенно тщательно следил за выполнением церковных обрядов в армии патриотов. Но это не спасло его от тех же обвинений, которые были выдвинуты против его предшественника. Церковники, поддерживающие испанцев, и его объявили безбожником и антихристом, «с рогами и копытами».

2 ноября 1815 г. Морелос был взят в плен испанцами. Узнав об этом, генеральный инквизитор Флорес поспешил предложить свои услуги вице-королю Кальехе: «Участие

³²⁸ Los procesos militar e inquisitorial del Padre Hidalgo y de otros caudillos insurgentes. Mexico, 1953, p. 259, 262

трибунала инквизиции (в осуждении Морелоса. — И. Г.) могло бы быть очень полезным и способствующим чести и славе божьей, интересам короля и государства и, возможно, наиболее действенным средством для прекращения восстания и достижения неопределимого блага усмирения королевства и отречения восставших от своих ошибок».

Морелос был передан инквизиции. В течение трех дней прокурор «священного» трибунала состряпал против Морелоса пространное обвинение из 26 пунктов, в котором руководитель патриотического движения объявлялся «еретиком и распространителем ереси, гонителем и преследователем церковного начальства, осквернителем церковных таинств, раскольником, развратником, лицемером, неисправимым врагом Христа, поклонником еретиков Гоббса, Гельвеция, Вольтера, Лютера и им подобных прокаженных авторов, материалистов и атеистов, предателей бога, короля и папы».

23 и 24-й пункты обвинения против Морелоса прокурор инквизиции сформулировал следующим образом:

«Этот преступник, наподобие отвратительных животных, питающихся гнилыми отбросами, соответственно его сладострастию, честолюбию и безмерно надменен, тоже ел и пил из гнилых источников Лютера и других осужденных церковью еретиков с тем, чтобы разрушить законодательную власть церкви и присущую ей власть, претендуя тем самым свергнуть одновременно и алтарь, и религию. Но он преследовал не только эти цели, он стремился разрушить трон и поэтому в своей вредоносной конституции оправдывал восстания против законного властелина и объявил войну нашему монарху любимейшему сеньору дону Фердинанду VII (да сохранит бог его жизнь), обвиняя его в тирании и деспотизме, как проповедовали последователи Уиклифа, сторонником которого является данный преступник, такой же еретик, как и вышеназванные, осужденные за это заблуждение Констанцским собором, а также верховными понтификами Мартином V и Павлом V, следуя нормам четвертого толедского собора.

Этот преступник не только говорил и действовал, призывая к свержению священной персоны короля и его власти, не только пытался запятнать добродетели нашего любимого монарха, но он также порочил поведение и преданность королевских вассалов, испанцев и американцев, распространяя против них мятежные прокламации, поджигательные, ложные, беспредельно дерзкие, оскорбительные, лично им подписанные, которые он с помощью оружия стремился навязать народу и заставить его возмутиться против короля и подчиниться ему, этому чудовищу, желавшему возвести себя в арбитра и господина Америки и противопоставить себя богу и людям, церкви, королю и родине».³²⁹

Трибунал инквизиции осудил Морелоса на пожизненную каторгу. Это было отвратительным лицемерием со стороны инквизиторов: они знали, что Морелосу не миновать смерти. Переданный ими же военному суду, Морелос был приговорен к расстрелу и казнен 14 дней спустя после пленения испанцами. Всего две недели понадобилось инквизиции и военным властям, чтобы провести два процесса — духовный и светский и расправиться со своей жертвой.

В тех местах, где патриотам удавалось взять власть, они немедленно упразднили трибуналы инквизиции. Первым был закрыт трибунал в Картахене декретом Патриотической хунты от 12 ноября 1811 г.; на следующий же день после провозглашения независимости инквизиторы и другой персонал суда были высланы в Испанию.

Венесуэльский конгресс в 1812 г. постановил «навсегда и во всех провинциях Венесуэлы прекратить деятельность трибуналов инквизиции».³³⁰ Однако командующий испанским карательным корпусом генерал Пабло Морильо восстановил в 1814 г.

³²⁹ Цит. по: Medina J. T. Historia del Tribunal del Santo Oficio de la Inquisicion en Mexico, p. 384–385

³³⁰ Цит. по: Felice Cardot C. El Impacto de la Inquisicion en Venezuela y en la Gran Colombia (1811–1830). — Boletín de la Academia Nacional de la Historia, 1966, N 196, p. 481

инквизицию в Новой Гранаде и Венесуэле, где она просуществовала вплоть до окончательного освобождения этих стран от испанского гнета в 1821 г., когда конгресс Великой Колумбии окончательно ее отменил. Такая же участь постигла инквизицию и во всех других бывших испанских колониях Америки.

На Кубе и в Пуэрто-Рико инквизиторы прекратили свою деятельность только в 1834 г., когда были распущены трибуналы инквизиции в Испании. Так бесславно закончилась деятельность в колониях этого террористического учреждения, в застенках и на кострах которого нашли мученическую смерть тысячи неповинных жертв, в том числе многие лучшие сыны народов Латинской Америки.

Почти триста лет действовала, защищая интересы колониальных эксплуататоров, инквизиция в Америке. Она не только истребляла инакомыслящих, не только сжигала мужественных и достойных патриотов, но и в течение трех столетий растлевала души верующих, убеждая их, что предательство, шпионство, доносительство — доблесть, а пытка — законный атрибут правосудия.

Нанеся огромный вред духовному развитию колониального общества, она тем не менее потерпела полный провал даже с точки зрения тех интересов, во имя которых совершала свои бесчисленные преступления. Она не только не улучшила нравы, не искоренила «мелкое» отступничество от католической веры — богохульство, двоеженство, несоблюдение религиозных обрядов, веру в колдовство и тому подобное, но и не смогла предотвратить распространение в колониях освободительных идей. К концу колониального периода не только колониальная испанская верхушка, но и духовенство в целом, в том числе сами инквизиторы, окончательно разложились и погрязли во всевозможных пороках, о чем красноречиво свидетельствуют многочисленные рассказы современников, отчеты вице-королей и другие неопровержимые документы.

Но черное наследие инквизиции не отмерло вместе с нею. Преступным правилам инквизиторской «морали» продолжали и продолжают следовать реакционеры всех мастей и их зарубежные покровители, все еще терзающие душу и тело многих народов Латинской Америки. История давно уже пригвоздила их к позорному столбу. Этим современным инквизиторов ждет такой же бесславный конец, как и их предшественников, бесчинствовавших в колониальный период...

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПОРТУГАЛЬСКОЙ ИНКВИЗИЦИИ

КОРОНА УСТАНАВЛИВАЕТ «СВЯЩЕННОЕ» СУДИЛИЩЕ

Португалия принадлежит к тем немногим католическим странам Европы, которые, имея инквизиторов, не знали инквизиции в средние века. Может быть, причиной тому было то, что она находилась на самом «краю» католического мира, вдалеке от папского престола, вассалами которого считали себя португальские короли; может быть, потому, что в средние века ее не сотрясали еретические движения.

Фактически история португальской инквизиции начинается с 1492 г., когда происходил массовый исход в Португалию изгнанных из Испании иудеев и возникла проблема «новых христиан».

Некоторые реакционные историки пытаются оправдать преследование иудеев инквизицией тем обстоятельством, что они будто бы были ненавистны народу. Такого рода «объяснения» — лицемерная демагогия; как справедливо отмечает португальский историк Антонио Жозе Сараива, «если собрать все жалобы в кортесах против дворянства и клира, то наверняка их было бы значительно больше, чем их имелось против иудеев».³³¹

³³¹ Saraiva A. J. A inquisição portuguesa. Lisboa, 1956, p. 17

Когда в 1492 г. началось изгнание иудеев из Испании, десятки тысяч из них бежали в Португалию. Точная цифра бежавших в Португалию иудеев неизвестна. Современные историки считают, что в конце XV в. в Португалию их бежало из Испании около 120 тыс.³³² Король Жоан II вел войну в Африке и нуждался в деньгах. Он открыл португальскую границу испанским иудеям, взимая с каждого 8 золотых крусадо. Уплативший эту сумму получал право на восьмимесячное пребывание в Португалии. По истечении этого срока король обещал предоставить им корабли для бесплатного переезда в Африку.

Кроме того, за 4 крусадо с человека разрешался въезд кузнецов и оружейников. Деньги, полученные таким образом, корона хотела употребить на финансирование войны в Африке. С этой же целью был установлен специальный налог на иудеев.

Испанские иудеи стремились обосноваться в Португалии на постоянное жительство. Ведь в этой стране не было инквизиции, и их единоверцы не преследовались короной; кроме того, из Португалии было легче вернуться в Испанию, и многие лелеяли мечту возвратиться на родину.

Шестьсот богатых семейств, бежавших из Испании, сумели за 60 тыс. крусадо получить от короны разрешение остаться на постоянное жительство в Португалии. Такое же разрешение было дано ремесленникам. Остальные беглецы находились под угрозой высылки.

Такая массовая иммиграция чужеземцев в страну, население которой не превышало тогда 1 млн. человек, не могла не вызвать самые разнообразные конфликты и сложности. Под влиянием разгула инквизиционного террора в Испании обострились антииудейские настроения и в самых различных кругах Португалии. Одни требовали их высылки, считая, что наплыв кастильских иудеев, которых церковная традиция объявляла преемниками убийц Христа, приведет страну к гибели. Другие из корыстных побуждений или из религиозного фанатизма требовали установления инквизиции по образцу и подобию испанской.

Когда льготный срок пребывания испанских иудеев в Португалии истек, многие из тех, кто не уехал, а португальский король препятствовал их отъезду, были проданы в рабство, а их малолетние дети были высланы на африканский остров Санто-Томе, где большинство из них погибло от непосильного труда и перенесенных лишений.

В 1495 г. с вступлением на престол Мануэла II (1445–1521) положение испанских иудеев в Португалии сначала несколько улучшилось. Вскоре Мануэл женился на недавно овдовевшей принцессе Изабелле, одной из дочерей Фердинанда и Изабеллы, что в случае кончины испанских королей открывало ему доступ к испанской короне. Фердинанд и его супруга дали согласие на этот брак при условии присоединения Португалии к союзу против Франции и изгнания из пределов страны как португальских, так и испанских иудеев. Мануэл II принял эти условия.

В 1496 г. он запретил иудейский культ, приказал закрыть синагоги, сжечь иудейские молитвенники, а иудеям принять католическую веру или немедленно покинуть пределы Португалии. Но, не желая терять столь, на его взгляд, полезных подданных, Мануэл чинил всяческие препятствия к отъезду иудеев, насильственно обращал их в католичество.

В 1499 г. власти запретили португальцам и иностранцам переправлять за границу векселя, полученные в обмен за деньги или за товары. Запрещалось, кроме этого, покупать у «новых христиан» какую-либо собственность без особого на то королевского разрешения. «Новый христианин» мог выехать за границу по торговым делам только при условии, что в стране останутся его жена и дети, явно в качестве заложников.

Это вызвало огромное беспокойство среди «новых христиан», которые, опасаясь худшего, пытались любыми средствами спасти себя, своих близких и свое состояние. Подкуп королевских чиновников принял гигантские размеры, что только увеличивало их ненасытную жадность и создавало ложное впечатление о якобы безграничных финансовых

³³² Kamen H. The Spanish Inquisition... p. 215

возможностях их жертв.

В 1505 г. в Португалии вновь разразилась эпидемия чумы. Неурожай вызвал голод. В Лиссабоне вспыхнул антииудейский погром. Фанатики грабили и поджигали дома «новых христиан», бросали в костры иудействующих, считая их виновными в постигших страну несчастьях. В течение двух дней в столице погибло от рук погромщиков свыше 3 тыс. человек, в том числе 600 из них были сожжены.³³³ Женщин насильовали и сжигали. Детей убивали на глазах родителей.

По приказу короля против погромщиков были двинуты войска. Около 50 из них после молниеносного суда были четвертованы. Двух доминиканцев, зачинщиков погрома, также четвертовали, а трупы их сожгли. Лиссабон был лишен многих привилегий.

В 1507 г. дон Мануэл отменил все прежние ограничительные законы против «новых христиан» и торжественно обещал «никогда в будущем» не издавать подобных законов. Тем, кто бежал из страны, была обещана амнистия. Насильственно крещенным в 1496 г. было вновь обещано в течение 20 лет не преследовать их за невыполнение католических обрядов. В 1512 г. этот льготный срок был продлен до 1534 г. Всем был разрешен свободный выезд и вывоз ценностей из страны. Все эти изменения в политике дона Мануэла, пишет Эркулану, произвели неотразимое впечатление как на местных, так и на испанских иудеев, проживавших в Португалии. Предпочитая иллюзорную свободу, полученную благодаря временной волне терпимости, и таким образом жертвуя своим будущим во имя временных поблажек, никто или почти никто из них не покинул страны.³³⁴ Но можно ли винить в таком благодушии «новых христиан», которые фактически не имели другого выхода, как остаться в Португалии.

Справедливости ради следует отметить, что вплоть до смерти дона Мануэла в 1521 г. у них не было основания жаловаться на действия властей. Сам термин «новые христиане» вышел из употребления и был заменен «людьми из народа».

В 1521 г. умер дон Мануэл и на трон вступил его старший сын Жоан III, жадный на деньги, жестокий и коварный фанатик. Он был женат на Катарине — сестре испанского короля Карла V, ярого сторонника инквизиции. С ней в Лиссабон прибыли многочисленные доминиканцы. Сам же Карл V в свою очередь женился на Изабелле, дочери покойного короля Мануэла, которая должна была в качестве приданого принести своему мужу 800 тыс. крусадо. Это приданое должно было дать население Португалии. С этой целью Жоан III созвал кортесы, которые разрешили ему установить новые налоги на сумму в 150 тыс. крусадо. Остальное посоветовали взять с «новых христиан», а чтобы они были «покладистее», учредить инквизицию.

На этом же настаивали жена короля и ее многочисленные испанские «духовные советники», а также Карл V. Жоану III пришло в голову эта идея, тем более что, располагая инквизицией, можно было прибрать к рукам и дворянство, как это было в Испании. Но для того чтобы учредить «священный» трибунал, нужно было иметь веские основания. Какие? Испанский опыт подсказывал ответ на этот вопрос. Нужно было доказать, что «новые христиане» были лживыми лицемерами: внешне придерживались католической веры, а втайне исповедовали веру отцов своих, обманывая тем самым бога, короля и приютившее их новое отечество. А как же быть с торжественными обещаниями покойного короля Мануэла, даровавшего «новым христианам» амнистию до 1534 г. и торжественно обещавшего «никогда» не издавать карающих их за преступления против веры законов? Обещания, рассуждали благочестивые католики, даются для того, чтобы их не выполнять, а кроме того, обещания, даваемые еретикам, не имеют для правоверного христианина обязательного значения. Если же заручиться согласием папы на введение инквизиции, то кто посмеет

³³³ См.: Oliveira Martins J. Historia de Portugal. Lisboa, 1951, v. 2 p. 22

³³⁴ Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal. Stanford, 1926, p. 268

упрекать португальского короля в вероломных действиях против «новых христиан»? Самое главное — это добыть против них «улики», компрометирующие их данные, доказательства, уличающие их в богомерзких еретических заблуждениях.

Добыть эти улики Жоан III лично поручил некоему Энрике Нунесу. Кем был этот королевский шпион? Испанский «новый христианин», выдавший «священному» трибуналу своего собственного брата, служивший провокатором при кровожадном испанском инквизиторе Кордовы Диэго Родригесе Люсеро, прозванном в народе за свои бесчисленные жестокости «Вероломным». По-видимому, Нунеса «одолжили» Жоану III и рекомендовали использовать с этой же целью испанские исповедники королевы Катарины, а может быть, и сам Карл V. Нунес явился в Лиссабон, представился местным «новым христианам» как чудом спасшийся от преследований испанской инквизиции, втерся к ним в доверие и стал поставлять своему новому хозяину соответствующую «конфиденциальную» информацию. Что же сообщала сия продажная личность? А то, что хотел, чтобы она сообщала ему, португальский король: «новые христиане» — обманщики, еретики и вероотступники, втайне исповедуют иудаизм, оскверняют крест, гостию, священные дары, глумятся над христианскими обрядами, кощунствуют, совершают ритуальные убийства, поносят португальского короля, готовят против него заговор. Король был в восторге от энергии и талантов своего шпиона, которому он дал весьма выразительную кличку «Стойкого христианина» (Firme-Fe). Между тем «Стойкий христианин», видимо, действовал не очень осмотрительно, а поэтому был разоблачен как шпион и провокатор.

Опасаясь расправы, Нунес бежал в Испанию, не успев даже оповестить об этом своего нового повелителя. Но участь его уже была предрешена. Доверенные люди «новых христиан» настигли его близ Бадахоса и зарубили. Отметим, что выполнили этот более чем справедливый приговор два португальских францисканских монаха Диогу Ваз и Андрэс Биаш. Это подтверждает, что «новым христианам» был открыт тогда доступ в монашеские ордена. Убийц повесили, предварительно отрубив им руки. Но Жоан III не особенно горевал по поводу смерти своего шпиона. Теперь он мог утверждать, что убийство «Стойкого христианина» подтверждало правдивость его информации, которую можно было с «полным основанием» передать папскому престолу, затребовав от него разрешение на учреждение «священного» трибунала в Португалии.

Новым толчком, побудившим Жоана III перенести центр тяжести этого вопроса в Рим, послужило разразившееся в 1531 г. в Лиссабоне землетрясение, давшее повод противникам «новых христиан» утверждать, что оно «накликано» ими, является «карой божией» за якобы оказываемое им короной покровительство.

Но почему Жоану III пришлось целых 10 лет маневрировать и выжидать, прежде чем он обратился за разрешением к папскому престолу учредить инквизицию в Португалии? Разве папы римские сами не были ярыми инквизиторами, разве они не разрешили учредить инквизицию в Испании? Все это было действительно так, но во всем этом были и свои сложности, которые не мог не учитывать португальский король.

Дело в том, что папский престол стремился повсеместно превратить инквизицию в инструмент своего, т. е. папского, влияния, использовать ее для обеспечения преобладания церковной власти над светской, добывать с ее помощью золото только для своей казны. Испанская же инквизиция, возникшая с благословения папы Сикста IV в 1478 г., оказалась учреждением чудовищной мощи на службе интересов испанского короля, в карманы которого шла и львиная часть добываемого ею при помощи застенков и костров золота. Верно, испанский король был правоверным католиком и беспощадно истреблял ересь, но это он делал, не считаясь с папой, ставя себя над папой. Считая себя правовернее, чем сам папа, испанский король своим правоверием унижал и оскорблял достоинство папского звания. А кто сделал испанского короля таким заносчивым и гордецом, как не инквизиция, меч которой вложил ему в руки Сикст IV?

Насколько иной и более приемлемой для папского престола выглядела бы эта картина, если бы испанский генеральный инквизитор подчинялся только папе римскому, выполнял бы

только его приказания, слал бы только ему одному продукт грабежа «священного» трибунала. О, тогда бы не испанский король держал в своих руках папу римского, а последний был бы вершителем судьбы кастильского государя!

Испанская инквизиция кое-чему научила римских пап, а именно тому, что ее опасно выпускать из своих рук и отдавать на откуп светским государям.

Было и другое немаловажное обстоятельство, препятствовавшее осуществлению проектов португальской короны. Папы эпохи Возрождения, как никогда в прошлом, нуждались в деньгах, которые они могли получить от банкиров, но среди последних были и иудеи. Банкиров-христиан было труднее заставить давать деньги. Более покладистыми были иудеи. Естественно, нельзя было брать у них займы и одновременно бросать их в костер. Следовало выбрать одно из двух. И папы римские отдавали предпочтение займам, предоставив в своих владениях свободу действий иудейскому населению. Как отмечают историки, «первая половина XVI в. была самым счастливым периодом в истории иудеев в папских владениях».³³⁵

Но как ни ловчил и ни изворачивался папский престол, пытаясь за «веротерпимость» и «покровительство» сорвать побольше куш с иудейских банкиров и с «португальцев», как стали именовать «новых христиан», бежавших из Португалии и обосновавшихся в папских владениях, итальянских республиках, Нидерландах, в конце концов, как мы увидим, верх одержала португальская корона, хотя ей и пришлось дорого заплатить за свою победу.

В 1531 г. Жоан III направил своему представителю при папском престоле Брас Нету конфиденциальное досье, состоявшее в основном из фальшивок «Стойкого христианина», и поручил ему ходатайствовать на этом основании перед папским престолом о разрешении учредить трибунал; инквизиции в Португалии. Брас Нету вступил в переговоры с доверенным лицом папы Климента VII кардиналом Сантикуатро, у которого просьба португальского короля не вызвала особого энтузиазма. Кардинал прямо ответил послу Жоана III, что цель короля, по-видимому, заключается не столько в борьбе с ересью, сколько в желании ограбить «новых христиан» и завладеть их имуществом.³³⁶ Брас Нету, сообщая об этом своему государю, просил снабдить его деньгами для подкупа кардиналов и папских чиновников. Иного пути для достижения поставленной перед ним задачи он не видел. Тем более, что, как указывал Нету, в Риме находился представитель португальских «новых христиан» Диогу Пиреш, имевший доступ к папе и кардиналам и располагавший крупными средствами для их подкупа, что угрожало расстроить планы Жоана III.

Переговоры с папским престолом продолжались несколько месяцев. Нету удалось в конце концов склонить Климента VII на сторону Жоана III, и 17 декабря 1531 г. папа издал буллу, учреждавшую инквизицию в Португалии и назначавшую на пост инквизитора францисканца Диогу да Силву с той, однако, существенной оговоркой, что папа оставлял за собой право контроля над его деятельностью. Это не вполне отвечало намерениям Жоана III, но он сделал вид, что добился своего, и со свойственным ему коварством приступил к осуществлению намеченных планов. В глубокой тайне были составлены списки наиболее состоятельных «новых христиан», подлежащих аресту и ограблению. Выезд «новых христиан» и пересылка их капиталов за границу были запрещены. Когда же мышеловка захлопнулась, 14 июня 1532 г. была опубликована папская булла об учреждении инквизиции и начались повальные аресты и массовые конфискации имущества «новых христиан».

Но в разгар этих событий произошла неожиданная осечка. Диогу да Силва вдруг отказался от поста генерального инквизитора, не то под давлением «новых христиан», не то из-за угрызений совести.

Это заставило Жоана III вновь обратиться в Рим с просьбой назначить нового

³³⁵ Poliakov L. Les Banquiers Juifs et le Sain-Siege du XIII-e au XVI Ij siecle. Paris, 1967, p. 209

³³⁶ См.: Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal, p. 304

генерального инквизитора. Между тем лишённые какой-либо возможности оказать действенное сопротивление инквизиции на месте, «новые христиане» прибегли к единственному средству, которое, по их мнению, могло если не спасти, то облегчить их участь. Они собрали большую сумму денег и, снабдив ею своего нового поверенного Дуарте да Паз, направили его в Рим с поручением перекупить папских чиновников и добиться во что бы то ни стало отмены ненавистной инквизиции.

Дуарте да Паз являлся весьма характерным персонажем для Португалии того времени. Сын испанских иудеев, бежавших в Португалию, он был в детстве насильно отторгнут от своих родителей и крещен. Будучи внешне ревностным католиком, Паз сделал блестящую карьеру — стал судьей и даже рыцарем ордена Христа. Жоан III, питавший к нему большое доверие, послал его с тайной миссией в Африку, где он в одном из сражений с маврами был ранен и потерял глаз. Александре Эркулану характеризует его как хитрого, красноречивого, энергичного и неразборчивого в средствах авантюриста. Прибыв в Рим и получив охранную грамоту от папы римского, Дуарте да Паз развил в Вечном городе бурную деятельность. Перекупив нужных людей в римской курии, агент «новых христиан» добился 17 октября 1532 г. от Климента VII декрета, повелевавшего португальской инквизиции временно приостановить свою деятельность и назначавшего в Лиссабон нунция с поручением разобраться в ее действиях и доложить свои выводы папе для вынесения окончательного решения о судьбе «священного» трибунала в Португалии. Это было немаловажным успехом Дуарте да Пазы.

Забегая несколько вперед, скажем, что Дуарте да Паз, столь блестяще проявивший себя по прибытии в Рим, некоторое время спустя предал «новых христиан» и перешел на службу к Жоану III, выполняя на протяжении последующих 10 лет своего пребывания в Риме по существу роль провокатора. «Новым христианам» оказалось не так легко отделаться от его «услуг». Их агенты пытались даже его убить, нанеся ему 14 ударов кинжалом в присутствии самого папы римского. Но предателю везло, и после покушения он остался жив. Покинув Рим, он продолжал свою провокаторскую деятельность в Венеции и других городах Италии. Преследуемый «новыми христианами», авантюрист бежал в Турцию, где принял ислам и закончил свои дни на службе турецкого султана.

Но если с Дуарте да Паз «новым христианам» не повезло, то другим их агентам удавалось во вражеском стане иногда кое-кого подкупить и заставить работать на себя. Наибольшего успеха они добились с Мигелом да Силвой, братом влиятельного придворного графа Порталегре. Мигел да Силва, епископ Визеу — богатейшей епархии Португалии, был одно время главой правительства, личным секретарем Жоана III. Назначенный послом Португалии при папском престоле еще при Льве X, Силва мечтал получить кардинальское звание. Этому ему удалось достичь вопреки желанию Жоана III. Войдя в конфликт с последним, Силва отказался вернуться на родину и остался в Риме, где, будучи членом кардинальской коллегии, весьма стойко отстаивал интересы «новых христиан», препятствуя учреждению инквизиции в Португалии. К чему приведет эта его деятельность, увидим несколько позже.

Мы прервали наш рассказ на том, что 17 октября 1532 г. Климент VII приостановил «работу» португальской инквизиции и назначил нунция в Лиссабон для расследования ее деятельности. Когда Жоан III стал чинить всякие препятствия для въезда нунция в страну, Климент VII опубликовал 7 апреля 1533 г. новую буллу «*Sempiterno Regi*», в которой обвинил португальского короля в том, что тот обманным путем, скрыв от папы факт насильственного обращения в христианство иудеев в конце XV в., добился учреждения инквизиции. «Те, кто был насильственно подвергнут обряду крещения, — заявлял папа, — не могут считаться членами христианской церкви и имеют полное право жаловаться на то, что их осуждают и наказывают как христиан в нарушение принципов законности и справедливости».³³⁷ В этой же булле папа приказал амнистировать и реабилитировать всех

³³⁷ Цит. по: Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal, p. 330

обвиненных инквизицией в иудаизме, узников выпустить на свободу, вернуть им имущество и соответствующие посты. Кроме того, папа создал кардинальскую комиссию, поручив ей подробно разобраться в действиях португальской инквизиции.

Члены кардинальской комиссии подписали документ, с предельной точностью разоблачавший преступления португальской инквизиции. В нем говорилось: «Схватив, иногда на основе ложных показаний, любого из этих несчастных, за избавление которых умер Христос, инквизиторы бросают его в темницу, где ему заказан свет дневной и запрещена встреча с родными, которые могли бы оказать ему помощь. Обвиняют его тайные свидетели, и ему не указывают ни место, ни время инкриминируемых ему проступков. Если он в состоянии отгадать имя своего обвинителя, то тогда показания последнего не принимаются во внимание. Полезнее уж быть обвиняемому кудесником, чем христианином. Потом назначают ему адвоката, который чаще всего вместо того, чтобы защищать, помогает затащить его на эшафот. Если обвиняемый станет утверждать, что он подлинный христианин, и будет отрицать предъявленные ему обвинения, его, как упорствующего еретика, предадут огню, а имущество конфискуют. Если же он признает те или другие прегрешения, но будет объяснять это тем, что делал это без злого умысла, его накажут тем же способом, под предлогом, что его признание не искренне. Если он по простоте душевной признает себя во всем виновным, его превратят в нищего и осудят на пожизненное заключение. И это называется относиться к преступникам со снисхождением! А тот, кто доказывает вне всякого сомнения свою невиновность, наказывается хотя бы штрафом, чтобы не говорили, что его напрасно держали в заключении. И нечего говорить о том, что заключенные принуждаются при помощи всякого рода пыток признаваться в любом преступлении, в котором их обвиняют. Многие гибнут в тюрьмах, но даже те, кто выходит на волю, оказываются вместе со своими близкими опороченными клеймом вечного бесчестия. В итоге злоупотребления инквизиторов таковы, что любой, имеющий хоть какое-либо понятие о том, чем является христианство, сможет понять, что они министры сатаны, а вовсе не Христа».³³⁸

Кардиналы лучше не могли определить действий португальской инквизиции, в которых, впрочем, ничего оригинального не было. Ведь португальская инквизиция всего лишь поступала так, как это делали ее «сестры» во всех других странах христианского мира. Кардиналы прекрасно знали это. И если они осудили в данном случае только португальскую, то на это у них были весьма веские, так сказать «материальные», причины — золото, которым их щедро снабжал Дуарте да Паз. «Известные истории документы, — указывает А. Ж. Сарайва, — неопровержимо подтверждают, что золото новых христиан и в Португалии, и в Риме было тем горячим, которое держало этот вопрос открытым столь длительное время».³³⁹ Но процитированный нами выше документ представляет интерес еще и в том отношении, что опровергает один из излюбленных клерикальных доводов в пользу инквизиции, методы которой соответствовали-де «духу времени» и ни у кого, за исключением, разумеется, ее жертв, не вызывали возмущения. Даже папа и кардиналы должны были признать преступный характер португальского «священного» трибунала.

³³⁸ Цит. по: Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal, p. 345–346

³³⁹ Saraiva A. I. A inquisiQao portuguesa, p. 38

Хоругвь португальской инквизиции

Однако противники португальской инквизиции в Риме вскоре были вынуждены сдать свои позиции. В 1534 г. умер Климент VII и его место занял Павел III, которого немедленно атаковал португальский король с просьбами восстановить инквизицию. Новый папа и кардиналы опять ответили отказом и потребовали выпустить узников инквизиции, что португальские власти и вынуждены были сделать в 1535 г. Представитель лиссабонского двора в Риме рвал и метал от возмущения, советуя своему королю по примеру Англии порвать с папой. В одном из своих сообщений в Лиссабон он писал о кардиналах, что «они не князья и вообще ничтожества; они — торгаши и обманщики, не стоящие и трех медяков, они невежды, на них действует или страх, или мирской интерес, дела же духовные их не интересуют». ³⁴⁰

Решающее слово в этом споре сказал император Карл V, неутомимый поборник инквизиции, перед которым в то время трепетал сам наместник божий на земле. В 1536 г. войска Карла V заняли Рим. Под нажимом испанского короля Павел III согласился восстановить инквизицию в Лиссабоне. Правда, и на этот раз папа не дал полного удовлетворения португальскому королю. Буллой от 23 мая 1536 г. Павел III назначил трех инквизиторов в Португалию в лице епископов Коимбры, Ламегу и Сеуты, разрешив королю назначить четвертого. Кроме того, было запрещено инквизиции в течение 10 лет конфисковывать имущество ее жертв, в течение трех лет ей следовало придерживаться норм светского законодательства, наконец, осужденным давалось право апелляции в верховный совет инквизиции, назначаемый генеральным инквизитором (инквизитор-мор), на пост которого папа утвердил сторонника умеренных действий епископа Сеуты Диогу да Силву, того самого, который четыре года тому назад отказался от этого поста.

ТОРГ С ПАПСКИМ ПРЕСТОЛОМ

22 октября 1536 г. папская булла, учреждавшая инквизицию, была торжественно оглашена в Эворе, где пребывал королевский двор, и инквизиция вновь приступила к своей деятельности. Был опубликован соответствующий эдикт, призывавший население доносить

³⁴⁰ Saraiva A. J. A inquisigao portuguesa, p. 38

на иудеиствующих, протестантов и ведъм, гадалок и прочих «прислужниц дьявола». Доносчикам обещались разного рода награды, духовные и мирские.

Был зачитан в церквах и другой эдикт, дарующий льготный для самодоносов срок, после чего начались повальные аресты «новых христиан».

Спастись бегством могли лишь состоятельные люди, которым деньги открывали дорогу за границу. Куда же бежали жертвы португальской инквизиции? Большинство из них — в Италию, в папские владения, где никто их не преследовал. В одной Анконе их скопилось около 3 тыс. Сотни их добрались до Рима, где осаждали кардиналов стенаниями и жалобами на террор португальской инквизиции. Некоторые проникали даже в папские покои, бросались в ноги понтифику, умоляя его о защите. Многим из них удавалось за крупные суммы получить от папы охранные грамоты для своих родственников, оставшихся в Португалии. Напрасная трата денег, напрасные надежды! Португальская инквизиция этих грамот не признавала. Более того, наличие охранный грамоты свидетельствовало о наличии ресурсов у ее обладателя и часто служило поводом для его ареста.

Однако инквизитор-мор Диогу да Силва отнюдь не походил на Торквемаду и особого рвения в преследовании иудеиствующих не проявлял. В 1539 г. на дверях некоторых церквей в Лиссабоне были прибиты пасквилы с нападками на католическую церковь и в защиту иудеиствующих. Инквизитор-мор высказал мнение, что эти пасквилы дело рук провокаторов — врагов «новых христиан». Не исключено, что эти фальшивки были сфабрикованы самим королем. А. Эркулану опубликовал весьма красноречивый документ, собственноручно подписанный Жоаном III, в котором этот преданный сын церкви приказывает своему агенту в Малаге убить некоего Баштиаума Роиша, обещая убийце всяческие монаршие милости. «Человек, — отмечает по этому поводу Эркулану, — который пользовался кинжалом убийцы в качестве политического инструмента, вряд ли проявил бы нерешительность в использовании фальшивок с политической целью». ³⁴¹

Отказ Силвы воспользоваться провокационными пасквилями для усиления террора против «новых христиан» вызвал гнев короля. Жоан III уволил Силву с поста инквизитора-мора и назначил на его место более надежного и решительного человека — своего родного брата дона Энрике, архиепископа Браги. Новому инквизитору было всего лишь 27 лет, а согласно папской инструкции на этот пост назначались церковники не моложе 40 лет. Но пока папа слал протесты против назначения дона Энрике, последний охотился за «новыми христианами», вернее за их имуществом, с неослабной энергией. 20 сентября 1540 г. в Лиссабоне состоялось первое аутодафе с сожжением многих иудеиствующих. Затем костры запылали в Порту, Коимбре, Ламегу, Томаре и Эворе.

Однако полномочия нового инквизитора-мора Энрике не подтверждались папским престолом, вследствие чего деятельность инквизиции, с точки зрения канонического права, была незаконной. Португалия продолжала добиваться в Риме соответствующего мандата инквизитору-мору, и можно легко вообразить, как взволновался королевский двор, когда в 1541 г. совершенно неожиданно появился в Лиссабоне блестящий папский легат Хуан Перес де Сааведра, представивший папские буллы, уполномочивавшие его ознакомиться с деятельностью местной инквизиции и решить, быть ей или не быть.

Португальские власти и церковники с лестью и подобострастием принимали посланца папы, откровенно выражавшего свои симпатии к «священному» трибуналу. Сааведру возили по стране, устраивая в его честь пышные аутодафе, щедро одаривали подарками. Не исключено, что он получил и от «новых христиан», заинтересованных в его доброй воле, не одну тысячу крусадо. И вот, когда португальский двор был уверен, что папский легат решит дело в его пользу, выяснилось благодаря бдительности, проявленной агентами испанской инквизиции, следившими за событиями в этой стране, что вышеназванный Сааведра никакой не папский легат, а аферист, решивший погреть руки на деле инквизиции и использовать

³⁴¹ Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal, p. 505–506

благоприятную в этом отношении конъюнктуру, создавшуюся в Португалии вследствие конфликта с папским престолом. Будучи ловким фальсификатором, Сааведра сам сочинил папские буллы и разукрасил их папскими подписями и печатями.

Его «легатство» оказалось сказочно прибыльной аферой: при аресте у него была отнята сумма в 260 тыс. крусадо. Жулика передали в опытные руки испанской инквизиции, которая осудила его на 10 лет галер.³⁴² После освобождения Сааведры испанский король Филипп II заинтересовался колоритной фигурой авантюриста, принял его лично и выслушал с интересом рассказ о его приключениях или, вернее, злоключениях, так как самозванный папский легат пробыл на галерах не 10, а все 19 лет! Личность Сааведры привлекла внимание и тогдашнего генерального инквизитора Испании Диэго де Эспиносы, по указанию которого Сааведра составил свое жизнеописание.

В 1544 г. «новые христиане» направили папе мемориал с подробным изложением преследований, которым они подвергались в Португалии с 1498 г. (Его содержание излагается в книге Эркулану (с. 532–569).)

Мемориал указывает имена палачей и жертв, точные даты и места преступлений. Подлинность приводимых им фактов не вызывает сомнений.

Как реагировал Павел III на этот обвинительный акт против португальской инквизиции? Он послал легата в Лиссабон для проверки ее деятельности. Жоан III запретил въезд легата в страну. Тогда папа приостановил деятельность инквизиции. Но это был с его стороны всего лишь маневр. Папа Павел III уже решил раз и навсегда покончить с этим вопросом и окончательно утвердить португальскую инквизицию, он только стремился подороже продать это свое решение. Что именно такими были его намерения, показывает тот факт, что одновременно с приостановлением деятельности инквизиции он возвел инквизитора-мора инфанта Энрике в кардинальское звание! Жоан III разгадал весьма нехитрую игру главы католической церкви. Он предложил папскому наперснику — внуку Павла III кардиналу Фарнезе, который уже получал от него ежегодную пенсию в 2500 крусадо, епископство Визеу, приносившее ежегодный доход в 8 тыс. крусадо. Как было уже сказано выше, епископом Визеу был кардинал да Силва, но Жоан III лишил его доходов, считая кардинала инструментом влияния «новых христиан» в Риме. Предложив его епископство кардиналу Фарнезе, король убивал одним выстрелом двух зайцев — заручался поддержкой внука Павла III и тем самым его дедушки и изолировал окончательно своего врага кардинала да Силву.

Агенты «новых христиан» в Риме узнали об успехе португальского короля, но как они могли расстроить его коварные планы, что могли предложить папским вельможам взамен? Взятки? Но ведь взятки, хоть и очень крупные, не могли сравниться с пожизненной рентой, которую обеспечивал португальский король 26-летнему кардиналу Фарнезе (Кардинал Фарнезе прожил еще 40 лет. По подсчетам А. Эркулану, этот папский вельможа получил за эти годы от доходов епархии Визеу не менее 320 тыс. крусадо, не считая ранее установленной ему ренты, в счет которой он получил за свою жизнь еще 120 тыс. крусадо. Всего же этот слуга божий «заработал» на крови жертв инквизиции 440 тыс. крусадо.³⁴³ Фарнезе утверждал, что часть этих доходов он истратил на строительство собора св. Петра в Риме. Эркулану не без основания сомневается в этом. Но если допустить, что в этом есть хоть какая-то доля истины и стены этого храма действительно построены на крови «новых христиан», то нельзя смотреть на это великолепное творение Браманте, Рафаэля, Микельанджело и Бернини без содрогания.

Взятки португальского короля церковным властям в Риме на этом не ограничились. Кардинал Сантикуатро получил пожизненную ренту в 1500 крусадо в год, кардинал де

³⁴² См.: Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 1, с. 379

³⁴³ Herculano A. History of the Origin and Establishment of the Inquisition in Portugal, p. 625

Крешентис — 1000 крусато в год, многие другие папские вельможи тоже не были обойдены милостями португальского короля. В целом же эта сделка обошлась Жоану III приблизительно в 1 млн. крусато. Но заплатив столь высокую сумму за право грабить «новых христиан», португальская корона не прогадала. За двести лет кровавой работы инквизиции, как мы увидим, этот капитал принес португальской короне изрядную прибыль, покрывавшую с лихвой все издержки.

Такова была цена, за которую папский престол отдал на съедение португальской короне и инквизиции «новых христиан». Как только кардинал Фарнезе получил обещанный куш, папа Павел III подписал буллу, разрешающую деятельность инквизиции в Португалии по образу и подобию деятельности испанской инквизиции, т. е. под непосредственным контролем короля. Булла помечена 16 июля 1547 г.

Так закончилась трагическая игра «за» и «против» португальской инквизиции, длившаяся двадцать лет. В ней участвовали неравные силы: с одной стороны, папы римские, кардиналы, португальские и испанские короли, их агенты и провокаторы, с другой — «новые христиане». Последние игру, в которой ставкой была их жизнь и состояние, проиграли. И это было неизбежным в те времена и в том обществе, где под покровом христианского милосердия господствовали жестокие законы, диктовавшиеся интересами церковной иерархии и королевской власти.

Таким образом, португальской короне удалось заручиться своей собственной инквизицией, которая способствовала укреплению ее власти, ибо ставила под ее контроль церковную иерархию; создавала новые источники дохода для последней, представленной в Португалии вторыми детьми дворянских семейств; лишала власти и влияния торговую буржуазию в пользу королевской короны и феодалов; разрешала систематическое и постоянное преследование всех инакомыслящих или противников феодальной идеологии.

СИСТЕМА, ДОХОДЫ, ПОДАВЛЕНИЕ СВОБОДНОЙ МЫСЛИ

В Португалии слияние инквизиции с интересами короны было еще более тотальным, чем в Испании. Достаточно сказать, что на должность инквизитора назначались престолонаследники, незаконнорожденные сыновья королей, даже сами короли выполняли эти функции по «совместительству». В период же присоединения Португалии к Испании (1580–1640) функцию инквизитора-мора выполняли регенты и вице-короли. Это «сращение» короны и инквизиции было не только выгодно для короны, но одновременно имело и отрицательные для нее последствия. Используя инквизицию в своих узкоэгоистических интересах, корона наделяла ее столь широкими привилегиями и правами, что в конце концов сама попала к ней в зависимость, стала ее пленницей. Инквизитор Антониу де Соуза (XVII в.), автор руководства «*Aphorismi Inqui-sitorum*», писал: «Инквизиторы имеют право привлекать к ответственности императоров, королей и любых других представителей светской власти».³⁴⁴

Инквизиция восставала против действий короны, когда они угрожали, по ее мнению, ее «священным» правам. В 1567 г., когда король Жоан IV издал приказ, запрещающий конфискации, инквизиция в специальном эдикте предала отлучению всех тех, кто имел какое-либо отношение к публикации приказа и его осуществлению, и всех, кто осмелился бы уничтожить этот ее эдикт.

Инквизиция считала себя выше обычной церковной иерархии, требуя ее подчинения и повиновения.

Созданная по образцу и подобию испанской, португальская инквизиция мало чем отличалась от нее по своей структуре. Возглавлялась она, как уже было сказано, инквизитором-мором, при котором действовал совет (его члены назывались «депутатами»),

³⁴⁴ Цит. по: Saraiva A. J. *A inquisicao portuguesa*, p. 49

утверждавший приговоры местных трибуналов. На местах действовали три трибунала — в Лиссабоне с юрисдикцией на центральную Португалию, в Эворе — на ее южную часть и в Коимбре — на северную. Каждый из этих трибуналов возглавлялся тремя инквизиторами и располагал соответствующим штатом чиновников — прокуроров, следователей и т. д. В других городах имелись представители инквизиции — «комиссарии», организовывавшие слежку за населением и имевшие право подвергать подозрительных аресту и допросу, но не имевшие права выносить приговор. Была и особая портовая служба инквизиции (*visitadores dos portos e das paus* — контролеры портов и кораблей), в обязанности которой входил контроль за пассажирами и кораблями, главным образом с целью недопущения ввоза в страну недозволенной литературы.

Антонио Виэйра, жертва португальской инквизиции

Система инквизиции держалась на «родственниках» (*familiares*) — тайных сотрудниках и осведомителях, число которых в Португалии доходило до 2 тыс. (Saraiva A. J. *A inquisigao portuguesa*, p. 49) В 1699 г. королевским указом их число было сокращено до 604. «Стать родственником означало получить подтверждение законности дворянского происхождения, — пишет А. Ж. Сарайва. — Поэтому дворяне добровольно спешили предложить свои услуги инквизиции и выступать в роли ее шпионов и палачей. С другой стороны, инквизиция легко контролировала с их помощью некоторые ключевые позиции, как, например, генеральные кортесы, среди депутатов которых у нее имелось немало «родственников»» (*Ibid.*, p. 50).

Анонимные доносы имели такое же значение, как и подписанные. Там, где отсутствовал комиссарий инквизиции, доносы принимал приходский священник. Инквизиторы гарантировали доносчикам полную безнаказанность, имена доносчиков держались в строжайшей тайне от их жертв. Но «новому христианину» угрожали не только доносчики, но и шантажисты. Последних имелись целые организации, высасывавшие из своих жертв на протяжении десятилетий деньги под угрозой передать их в руки инквизиции.

Шантажисты пользовались успехом, так как вступающий с ними в сделку «новый христианин» терял лишь часть своего имущества и сохранял жизнь, в то время как инквизиция при аресте конфисковывала все его имущество и затем ставила перед дилеммой: или признать себя виновным и отделаться наказанием, или отрицать свою вину и закончить жизнь на костре. Конфисковав у подсудимого имущество, инквизиция была всячески

заинтересована доказать его виновность, так как в противном случае она должна была бы вернуть ему конфискованное. Но этого не случалось даже в тех редчайших случаях, когда подследственного признавали невиновным. Даже тогда он должен был оплатить свое содержание в застенках, которое, как правило, длилось годами, и все прочие расходы, превышавшие обычно его состояние.

Узники португальской инквизиции содержались в варварских условиях. В камерах лиссабонской инквизиции было сыро, холодно, душно и зловонно. Узников держали в заключении годами до вынесения приговора. Из сохранившегося списка заключенных XVII в. следует, что 57 заключенных содержалось в тюрьме под следствием свыше четырех лет, из них девять — семь лет, шесть — десять и одиннадцать лет, один — тринадцать лет, один — четырнадцать лет.

В инструкции «священного» трибунала от 1552 г. говорится, что только тот раскаявшийся еретик считается хорошим, который помогает раскрыть своих сообщников и выдает особенно дорогих ему близких родственников и друзей. У строптивых узников инквизиторы угрозами и пытками вырывали нужные им признания.

Аутодафе в Лиссабоне происходило на площади Торрейру ду Посу, на которой возвышались трибуны, вмещавшие около 3 тыс. зрителей. На специальном помосте восседали члены королевского двора, церковные иерархи и инквизиторы, напротив размещались жертвы — еретики, упорствующие, «отрицающие», которым после молебна и соответствующей проповеди зачитывались приговоры, осуждавшие их на различные кары, вплоть до передачи в руки светских властей для «достойного наказания» — сожжения на костре.

Еретиков сжигали на площади Рибэйра сразу же после аутодафе. Тем, кто выражал желание умереть в католической вере, оказывали особую «милость» — их предварительно гарротировали, а уж потом бросали в костер. Тех же, кто отказывался от католической веры, сжигали живьем, и для таких возводили костры четырехметровой высоты. Над костром устанавливался помост со столбом посередине. Туда взбирались по лестнице осужденный, палач и два проповедника-иезуита, не терявших надежды «образумить» еретика, пока его привязывали к столбу. Затем палачи спускались на землю.

Под истушенные крики толпы, фанатизм которой разжигали попы, палач и его помощники тыкали в голову осужденного длинными шестами с прикрепленной на концах горячей паклей. Гигантский костер горел иногда до двух часов, изжаривая в буквальном смысле слова осужденного. Во время «процедуры» окружавшие костер фанатики бросали камни в несчастного, норовя размозжить ему голову...

Португальская корона превратила инквизицию в одно из своих самых доходных предприятий. Если взять в качестве ориентира только суммы, уплаченные «новыми христианами» в качестве откупного за временное прекращение инквизиционного террора, то станет ясным, какую баснословную выгоду извлекала португальская корона из преследования еретиков. В 1577 г. «новые христиане» добились от короля Себастьяна за 225 тыс. крусадо разрешения на выезд в заморские колонии Португалии.³⁴⁵ В том же году они уплатили ему же еще 250 тыс. крусадо за запрет инквизиции производить конфискацию имущества в течение последующих 10 лет.

Однако два года спустя этот король, имевший также титул кардинала, отрекся от данных обещаний, не вернув, разумеется, полученных денег. В 1605 г. «новые христиане» заплатили короне астрономическую по тем временам сумму в 1700 тыс. крусадо за обещание, гарантированное папой, не подвергать их преследованиям за прошлые «преступления», что принесло им краткую передышку. В 1649 г. они «пожертвовали» королевской Генеральной компании по торговле с Бразилией 1250 тыс. крусадо. Это их спасло от установления инквизиции в Бразилии.

³⁴⁵ Acosta Saignes M. Historia de los Portugueses en Venezuela. Caracas, 1959, p. 17–18

Инквизиторы не испытывали особого восторга от подобного рода сделок, весь доход от которых поступал прямехонько в королевскую казну, минуя их бездонные карманы, а ведь свои доходы инквизиторы получали от конфискации и штрафов, накладываемых на их жертвы, включая даже тех, кого освобождали из-под ареста за недоказанность преступления. Инквизиторы, опасаясь сокращения своих доходов, убеждали королевскую власть, что они способны выколотить из «новых христиан» куда больше золота, чем король путем прямых сделок с ними.

В 1673 г. инквизитор Лейра предупредил короля Педру II: «Если новые христиане обещают дать 500 тыс. крусадо за всеобщую амнистию, то знайте, ваше королевское величество, что, применяя справедливые святые законы (т. е. инквизицию. — И. Г.), можно добиться значительно большего».³⁴⁶

Большинство «новых христиан», преследуемых инквизицией, принадлежало к различным слоям городского общества. Из списка иудействующих (мужчин) жертв инквизиции в 1682–1691 гг. 185 являлись торговцами, 69 — служащими: нотариусами, счетоводами, чиновниками налогового ведомства, а также адвокатами, врачами, аптекарями, 129 — собственниками различных предприятий, 195 — ремесленниками, 80 — рабочими, крестьянами и солдатами.³⁴⁷

Преследование этих людей подрывало влияние буржуазных слоев населения, тормозя развитие капиталистических отношений и городской культуры в Португалии.

Для португальских инквизиторов, в особенности в XVI в., существовали только два вида ереси — иудействующая и лютеранская. Под лютеранской подразумевались как лютеране и прочие протестанты, так и гуманисты и вообще любые критики церковных доктрин или действий папского престола.

Большую энергию проявляли инквизиторы, осуществляя цензуру над книгами и другими печатными изданиями, включая папские послания, церковные молитвенники и т. п. произведения, которые могли поступать в продажу только после одобрения «священным» трибуналом. В 1547 г. кардинал-инфант Португалии дон Энрике, он же по совместительству инквизитор-мор, переиздал опубликованный годом раньше первый испанский Индекс запрещенных книг, составленный по приказу Карла V. В 1551 г. вышло в Португалии переиздание второго испанского Индекса, в котором фигурировали 495 названий, в том числе несколько книг на португальском языке.³⁴⁸ Новый Индекс был опубликован в 1561 г. Он содержал уже свыше 1100 названий книг, в том числе более 50 на португальском и испанском языках. В 1565 г. в Лиссабоне вышел так называемый Тридентский индекс римской инквизиции, с добавлением ряда португальских книг. В Индексе, опубликованном в 1584 г., подверглись цензуре произведения выдающегося поэта Камозанса, писателей Жоржи Феррейра де Васконшелоса, Жоана де Барроса, драматурга Жиль Висенте, именуемого португальским Шекспиром, поэта Гарсия де Резенде, прозаика Бернарда Рибейры и многих других. Последний Индекс, подготовленный иезуитом Балтазаром Алваресом, был опубликован в 1624 г. Он состоял из трех частей: первая часть включала римский индекс, вторая — запрещенные книги на португальском языке, третья — выдержки запрещенных инквизиторской цензурой мест из различных португальских произведений.

Книжные лавки находились под строгим контролем инквизиции. В них периодически производились обыски, как правило, неожиданно, в один и тот же день и час во всех лавках, чтобы их хозяева не могли предупредить друг друга и скрыть «еретический» товар.

³⁴⁶ Цит. по: Oliveira Martins J. Historia de Portugal, v. 2, p. 51 -52

³⁴⁷ Moreira A. J. Historia des Principais Actos e Procedimientos da Inquisigao em Portugal. Lisboa, 1845, p. 184–185

³⁴⁸ Rol dos Livros Defesos por o Cardeal Infante, Inquisidor — geral nestes Reinos de Portugal. Lisboa, 1551

Переписка лавочников с зарубежными поставщиками и издателями книг, а также их счета подвергались строгому контролю инквизиции, в лавках на видном месте должен был находиться Индекс к сведению покупателей. За чтение и распространение недозволенных инквизицией рукописей также грозила суровая кара. Частные библиотеки периодически подвергались контролю чиновников «священного» трибунала, в случае же смерти владельца их можно было передавать наследникам только после соответствующей «чистки» инквизицией.

В целом цензура португальской инквизиции была даже более строгой, чем испанской или римской. Так, в «Дон Кихоте» Сервантеса португальская инквизиция сделала значительно больше купюр, чем испанская. Другое произведение Сервантеса — «Селестина», разрешенное в Испании, было запрещено в Португалии. В португальских индексах фигурируют сочинения астронома Кеплера, отсутствующие в испанских и римских списках, и т. п. Ряд ценнейших литературных произведений, запрещенных инквизицией, и вычеркнутые цензурой страницы книг навсегда или на несколько столетий исчезли для португальского читателя. Такой участи подверглись, в частности, многие произведения драматурга Жиль Висента. Кроме отдельных его произведений, запрещенных инквизицией, из его стихов было вымарано 1163 строфы. Потерянными навсегда оказались купюры, сделанные инквизицией в произведении «Улиссипу» другого классика португальской литературы — Жоржи Феррейра де Васконшелоса. Инквизиторы не останавливались перед прямой фальсификацией произведений, заменяя негодные места сочиненными ими же текстами.

Огромный урон понесла португальская культура от подобного рода «опеки» со стороны «священного» трибунала. Атмосфера страха, порожденная террором инквизиции, душила интеллектуальную жизнь страны. Поэт Антониу Феррейра (1528–1569) писал: «Я в страхе живу. Я боюсь, когда пишу и говорю. Я испытываю страх, даже когда говорю сам с собою, когда молчу или думаю».³⁴⁹ Трудно сказать, сколько талантливых произведений было загублено этим страхом в самом зародыше... Собственно говоря, это признавали сами панегиристы инквизиционной цензуры. Один из них, монах Франсиско де Сан-Агостињу, писал в XVII в.: «Строгость, направленная на выявление подозрительных доктрин, невообразима и всегда была такой в этом королевстве, где рукописи проходят столько контролен и требуют одобрения столь многочисленных квалификаторов, действующих с таким рвением, что это является одной из причин, почему у нас выходит так мало книг, да и те подвергаются самой строгой и детальной чистке» (Ibid., p. 104).

ИНКВИЗИТОРЫ В КОЛОНИЯХ

В XVI в. маленькая Португалия превратилась в могущественную колониальную империю. Васко да Гама и другие португальские завоеватели прорвались на Восток и огнем и мечом проникли в Индию, на Цейлон, в Китай. Их штаб-квартирой стало Гоа, богатейшее индийское княжество. Здесь обосновались верховные колониальные власти и католические миссионеры. Завоеватели варварски разрушали в покоренных землях индуистские, мусульманские и буддийские храмы и предметы культа и силой обращали в католичество массы «неверных». Сопротивлявшихся беспощадно истребляли. Особенно неистовствовали иезуиты во главе с одним из учеников Игнатия Лойолы — испанцем Франсиско Ксаверием, перешедшим на службу к португальской короне и причисленным впоследствии за свои «подвиги» папским престолом к лику святых.

В 1561 г. в Гоа был учрежден трибунал инквизиции. Инквизитором-мором стал местный епископ, его заместителем — представитель доминиканского ордена. Кого же преследовала эта колониальная инквизиция?

³⁴⁹ Цит. по: Saraiva A. J. A inquisicao portuguesa, p. 103

Под предлогом борьбы с ересью инквизиторы грабили все тех же «новых христиан», иностранных купцов. А так как княжество Гоа находилось за тридевять земель от Португалии и папского престола, то откупиться от местных инквизиторов практически было невозможно. Инквизиторы совершенно безнаказанно обирали свои жертвы, мучили их, бросали в костер. В тюрьмах инквизиции «святые отцы» насиловали своих узниц. Аутодафе в Гоа славились своим «великолепием». Как справедливо отмечал французский историк «священного» трибунала Ж. Лаваль, гоанская инквизиция превосходила по своей жестокости даже испанскую и португальскую.³⁵⁰

Колониальная инквизиция редко преследовала за ересь местных жителей, насильственно обращенных в католичество. Колонизаторы и без того лишили их всех прав и состояния. От туземцев требовалось только однопокорность и чисто внешнее соблюдение католических обрядов. Тех же, кто проявлял строптивость, попросту уничтожали без суда и следствия.

Кроме «новых христиан», другим излюбленным объектом инквизиции в Гоа были соперники португальцев по колониальному грабежу — англичане и французы. Чтобы отбить у них охоту совать свой нос в португальские владения, португальская колониальная администрация, если они попадались ей в руки, передавала их на расправу инквизиции, которая объявляла их еретиками со всеми вытекающими из этого последствиями. Один из таких псевдоеретиков француз Дилон, вкусивший сполна «прелести» гоанской инквизиции в XVII в., описал впоследствии свои испытания в трехтомных воспоминаниях.³⁵¹

Как это на первый взгляд ни покажется странным, Бразилию минула горькая чаша инквизиции. Причины тому были разные. Огромная территория Бразилии, населенная воинственными индейскими племенами, с трудом поддавалась завоеванию и колонизации. У маленькой Португалии явно не хватало ни сил, ни людей, ни средств, чтобы удержать за собой, кроме обширных владений в Азии и Африке, еще и эту далекую и бескрайнюю страну. Кроме того, в Азии и Африке сокровища были на виду и достаточно было протянуть руку, чтобы завладеть ими, в Бразилии же в XVI и XVII вв. еще не были обнаружены алмазные россыпи, сахарная культура еще не привилась, страна казалась дикой и бедной и поэтому не привлекала ни португальских негодяев, ни любителей пограбить и быстро разбогатеть. Чтобы как-то ее удержать под своим контролем и охранить от постоянных вторжений французов и голландцев, обойденных при колониальном разделе Америки и стремившихся поживиться за счет слабой Португалии, Лиссабон был вынужден принять услуги «новых христиан», которые в 1649 г. финансировали создание королевской Генеральной компании по торговле с Бразилией и получили благодаря этому право заниматься торговлей в этой колонии, что способствовало укреплению в ней позиций колонизаторов.

В тех же случаях, когда местные колониальные власти считали целесообразным избавиться от неудобных «новых христиан», они высылали их на суд и расправу инквизиции в Португалию.

ИСПАНСКОЕ ИНТЕРМЕЦЦО

В 1557 г. умер Жоан III. Регентшей стала его жена Катарина, сестра испанского короля Карла V. Последний стал строить планы захвата португальского трона. Для соответствующей обработки Катарину были посланы иезуиты во главе с кардиналом Франсиско Борхой (Борджией). Португальцы заменили Катарину новым регентом —

³⁵⁰ Lavalley J. Histoire des Inquisitions religieuses d'Italie, d'Espagne et de Portugal. Paris, v. 2, 1809, p. 5

³⁵¹ Voyages de Mr. Delon avec sa relation de l'Inquisition de Goa augmente de diverses pieces curieuses, et l'Histoire des dieux qu'adorent des gentile des Indes, v. 1–2, Cologne, MDCCXI

инквизитором-мором кардиналом Энрике, потом провозгласили королем малолетнего сына Жоана III — Себастьяна. Когда Себастьян погиб во время одного из походов в Африке, королем был провозглашен инквизитор-мор Энрике. Два года спустя, в 1580 г., он умер, не оставив прямых наследников. Испанский король Филипп II, следовавший заветам своего отца, немедленно двинул против Португалии войска во главе с герцогом Альбой, который захватил Лиссабон и провозгласил «добровольное» присоединение Португалии к Испании. «Уния» двух государств длилась 60 лет.

С приходом испанцев деятельность португальской инквизиции достигает своего апогея. Еще в 1544 г. дон Энрике — инквизитор-мор Португалии и Пардо де Тавера — генеральный инквизитор Испании договорились о взаимном обмене арестованными соответствующей национальности. Португальская инквизиция охотно отдавала испанской арестованных по подозрению в ереси испанских подданных, попадавших в ее сети. Испанская же инквизиция, как правило, отказывалась отвечать взаимностью, считая себя более квалифицированной и претендуя на контроль над своей португальской сестрой. Теперь она получила возможность осуществить этот контроль на деле. После «унии» испанская Супрема укрепила своими «опытными» кадрами португальский «священный» трибунал, вдохнув, так сказать, в него новую жизнь. Результаты не замедлили сказаться.

Если за 33-летний срок — с 1547 по 1580 г. — в Португалии состоялось 34 аутодафе, на которых было живьем сожжено 169 «еретиков», сожжен символически 51 и подвергнуто другим наказаниям 1998 человек, то с 1581 по 1600 г., т. е. за 20 лет, когда Португалия находилась под властью Испании и страной правил наместник испанского короля кардинал великий герцог австрийский Альберт, он же по совместительству с 1586 по 1596 г. великий инквизитор португальской инквизиции, в этой стране имели место 45 аутодафе, на которых были сожжены живьем 162 человека, сожжен в изображении 51 и подвергнуты другим видам наказания 2979 человек.³⁵²

С восшествием на престол Филиппа III «португальцы», как именовали испанцы португальских «новых христиан», предприняли новые усилия, чтобы с помощью единственного в их распоряжении средства — денег облегчить свою участь. Филипп III оказался весьма податливым на такого рода аргументы. В 1601 г. за 200 тыс. крусадо он разрешил «новым христианам» свободный въезд в колонии Испании и Португалии. А несколькими годами позже состоялась новая грандиозная сделка между «новыми христианами» и Филиппом III. Последний получил 1860 тыс. крусадо, генеральный инквизитор, его заместитель и секретарь испанской инквизиции — по 100 тыс., любимец короля министр Лерма — 50 тыс. крусадо. Такой ценой была куплена генеральная амнистия жертвам португальской инквизиции, из тюрем которой в 1605 г. было выпущено 410 узников.

В 1621 г. Филипп III умер и трон занял его сын Филипп IV. Он нуждался в деньгах не менее своего отца. Над «новыми христианами» вновь нависла угроза возобновления преследований, и вновь им пришлось платить своим гонителям. В 1627 г. семь крупных «португальских» банкиров во главе с Нуньесом Саравией предоставили королю заем в 2 159438 крусадо.

В 1628 г. Филипп получил еще 80 тыс. крусадо³⁵³ в виде «подарка». Но аппетит его не имел границ. Он решил возобновить преследования «новых христиан», соблазненный утверждением инквизиторов, будто они располагали капиталами в 70–80 млн. крусадо. Кроме того, возобновление террора освобождало короля от обязанности возратить полученные им и его отцом займы. Напрасно «португальцы» предлагали взять на себя все расходы инквизиции, выплачивать жалованье всем членам и служащим «священного»

³⁵² См.: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 216

³⁵³ См.: Kamen H. The Spanish Inquisition, p. 217

трибунала в Испании и Португалии, напрасно сулили новые займы. Такие посулы только разжигали аппетиты короля и инквизиторов и убеждали их в том, что с помощью «священного» трибунала можно взять с «португальцев» значительно больше, чем они сами предлагали.

В 1633 г. португальская инквизиция вновь приступила к своей «работе». За семь лет — до освобождения страны от испанского засилья — она осудила свыше 2 тыс. человек, из них 48 были сожжены на костре живыми.

13 декабря 1637 г. инквизиция судила в Толедо известного уже читателю банкира Хуана Нуньеса Саравию, его брата Энрике и других финансистов, которым Филипп IV таким образом «возвращал» предоставленный ему десять лет назад заем. Все подсудимые были объявлены иудействующими, признали себя виновными и уплатили за свою жизнь крупный штраф. Братьям Нуньес Саравиа это обошлось в 320 тыс. дукатов (Ibid., p. 220).

С не меньшим ожесточением, как уже было сказано, преследовала инквизиция «португальцев» и в испанских колониях Америки. Еще в 1571 г. Филипп II, учреждая инквизицию в Новой Испании (Мексике), вменял ей в обязанность «освободить страну от заразивших ее иудеев и еретиков, в особенности от представителей португальской нации».³⁵⁴

Самый громкий процесс против «португальцев» состоялся в Лиме (Перу), по так называемому делу о великом заговоре (*gran complicidad*). По нему инквизиция арестовала 99 человек, из них пять умерли или сошли с ума от пыток во время следствия, длившегося четыре года. 23 января 1639 г. состоялось аутодафе, на котором 68 «португальцев» были осуждены на разные наказания, из них 11 были сожжены живьем, 20 были сосланы на галеры сроком до 10 лет и пять навечно, 37 осуждены на тюремное заключение, из них 30 навечно.³⁵⁵ Позже были осуждены и остальные обвиняемые по делу о «великом заговоре».

КОГО ОНА СУДИЛА

Познакомимся с некоторыми конкретными делами португальской инквизиции, и мы увидим, кого и за что она судила. В этом отношении весьма характерным был процесс против Джорджа Бьюкенена, профессора Коимбрского университета. Шотландец по происхождению, видный гуманист, преподававший философию в различных французских университетах, Бьюкенен был приглашен Жоаном III в Коимбру. Здесь по доносу доминиканца Пинейру инквизиция сразу взяла его на заметку, стала следить за ним, а в 1550 г. арестовала вместе с двумя португальскими преподавателями: Тейве и Костой, обвинив всех их в «лютеранстве». Инквизиторы допрашивали Бьюкенена в течение года, приписывая ему, кроме протестантских симпатий, еще и иудаизм. Бьюкенен признался только частично. Да, он не верил, что гостия — «тело господне», сомневался в существовании чистилища, в необходимости соблюдать посты, но эти сомнения он испытывал лишь «временно», а находясь во Франции, отрекся от них перед францисканцем, имени которого не смог назвать. Кроме того, Бьюкенен ссылался на какую-то папскую буллу, якобы даровавшую ему прощение, буллу, которую инквизиторы искали и не смогли обнаружить. Чтобы доказать свою ортодоксальность, Бьюкенен выразил согласие еще раз раскаяться и примириться с церковью. Инквизиторы, не располагавшие уликами против него, удовлетворились тем, что заставили Бьюкенена вновь осудить свои «преступления», затем держали некоторое время в монастыре, проверяя ортодоксальность его веры. Португальцы Тейве и Коста отделились несколькими годами тюрьмы. Выйдя на свободу,

³⁵⁴ Acosta Saignes M. *Historia de los Portugueses en Venezuela*, p. 21

³⁵⁵ Friedlander G. *Los Heroes Olvidados*. Santiago, 1966, p. 57; Medina J. T. *Historia del Tribunal de la Inquisicion de Lima (1569–1820)*. Santiago de Chile, v. 2, p. 45–147

Бьюкенен вскоре покинул Португалию и вернулся в Англию, где он со временем стал видным деятелем англиканской церкви и написал воспоминания о своих злоключениях в застенках лиссабонской инквизиции.³⁵⁶

В лютеранстве был обвинен и выдающийся португальский гуманист Дамьян де Гоиш (1502–1574). Гоиш родом из аристократической семьи «старых христиан», воспитывался при дворе короля Мануэла. Затем одно время работал секретарем португальской фактории во Фландрии, путешествовал по Германии, где познакомился с Лютером. В Базеле Гоиш встретился с Эразмом, с которым подружился и поддерживал тесные отношения на протяжении многих лет. Одно время он пять месяцев жил в доме Эразма.

В 1548 г. Гоиш был назначен главным хранителем государственного архива в Торре ду Томбу, а десять лет спустя стал королевским хронистом. На этом посту Гоиш написал ряд исторических сочинений, прославивших его как на родине, так и за рубежом. Одна из его ранних книг о верованиях и обычаях эфиопов («Fides religio, moresque Aetiorum»), опубликованная в Лувене в 1540 г., а затем в Париже и Брюсселе, была запрещена португальской инквизицией, которая усмотрела в ней пропаганду веротерпимости. В 1545 г. португальский иезуит Симон Родригеш, один из выучеников Игнатия Лойолы, сделал на Гоиша донос, обвинив его в симпатиях к протестантам. С тех пор иезуитский орден вел неустанную слежку за Гоишем, собирая против него компрометирующие материалы. О характере этих материалов можно судить по предъявленным инквизицией обвинениям 69-летнему Гоишу после его ареста в 1571 г. Инквизиция обвиняла знаменитого хрониста в том, что в пост он ел свиное мясо, находился в связи с Эразмом, встречался с Лютером, читал запрещенные книги, высказывался непочтительно о римских папах, католических обрядах, принимал у себя дома многих иностранцев и распевал с ними «непонятные» песни.

После полутора лет заключения и непрерывных допросов «священный» трибунал провозгласил Гоиша «еретиком, лютеранином и отщепенцем веры». От костра Гоиша спасло только то, что он согласился покаяться и примириться с церковью. Чтобы склонить его к покорности, инквизиторы обещали ему вместо публичного позорища на аутодафе тайное примирение. В решении трибунала пояснялось, что так как «преступник известен в зарубежных странах, зараженных ересью, то это (т. е. публичное аутодафе) может принести ему только славу...».³⁵⁷ Гоиш отказался от славы мученика, признался во всем, что от него требовали его палачи, и был осужден на вечное заточение в одном из монастырей Лиссабона. Некоторое время спустя инквизиторы разрешили больному старику вернуться домой. Вскоре он умер. По одним сведениям, смерть наступила от разрыва сердца, по другим — его заколол слуга. Если последнее верно, то возникает вопрос: не был ли его убийца одним из «родственников», выполнявших поручение инквизиции?

23 августа 1606 г. в Лиссабоне инквизиция арестовала английского купца Гуго Горгени, обвинив его в лютеранстве. Подвергнутый длительным допросам, Горгени стойко отстаивал свое право исповедовать протестантизм и оспаривал право инквизиции судить его за это. Следствие по его делу длилось два года и девять месяцев. Инквизиция признала его виновным в ереси и приговорила к отлучению и выдаче светским властям. Покинутый английским правительством на произвол судьбы, Горгени, чтобы спастись от костра, согласился очистить себя от «еретической скверны». Он признал себя виновным, покался и принял католичество».³⁵⁸

Инквизиция после его отречения помиловала Горгени и через полгода выпустила на свободу. Он остался в Португалии, опасаясь, по-видимому, вернуться в Англию, где за свое

³⁵⁶ См.: Irving D. *Memoirs of life and Writings of George Buchanan*. London, 1817

³⁵⁷ Цит. по: Menendez y Pelayo M. *Historia de los Heterodoxos espanoles*, y. 2, p. 535

³⁵⁸ См.: Brearley M. *Hugo Gorgeny, Prisoner of the Lisbon Inquisition*. New Haven, 1948, p. 161

отречение мог также подвергнуться репрессиям. Испанские, а в то время и португальские власти выплачивали протестантам, перешедшим в католичество, небольшую пенсию, которую Горгени, возможно, и получал до конца своих дней.

После освобождения страны от испанского господства в 1640 г. и заключения оборонительного союза с Англией португальская инквизиция была вынуждена умерить свой «антилютеранский» пыл. Во всяком случае, проживавших в Португалии англичан уже больше не подвергали преследованиям за их религиозные взгляды.

19 октября 1739 г. по приговору инквизиции в Лиссабоне был гарротирован, а потом сожжен знаменитый автор популярных комедий 34-летний Антониу Жозэ да Силва, прозванный «португальским Плавтом». Он учился на факультете канонического права, когда инквизиция арестовала его и его мать по обвинению в ереси. Их обоих подвергли пыткам, примирили с церковью на аутодафе и отпустили.³⁵⁹ Некоторое время спустя по доносу служанки их снова арестовали. В застенки инквизиции на этот раз попала и беременная жена да Силвы — Леоноре-Мария Карвальо, испанка, подвергавшаяся ранее преследованиям испанской инквизиции в Вальядолиде. После двухлетнего заключения да Силва погиб на костре. Жена его разрешилась от бремени в тюрьме. Она и мать писателя были приговорены к длительным срокам заключения.³⁶⁰

БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ

«Новые христиане» приветствовали освобождение Португалии в 1640 г. от испанского владычества. Они надеялись, что с уходом Испании инквизиция если и не прекратит своей деятельности, то по крайней мере умерит свой пыл. Но их надежды не оправдались.

Инквизитор-мор Франсиско де Каштру и Жоан де Васконшелос, член совета инквизиции, остались верными испанскому монарху. Когда Жоану IV (1640–1656) папский престол, выжидавший решения конфликта между Португалией и Испанией, чтобы определить свою позицию, отказал в назначении епископов в Португалии, а Сорбоннский университет высказался за право короля назначать епископов без предварительного на то согласия папы, совет инквизиции осудил это мнение парижских теологов как еретическое.

Избавившись от «опеки» испанцев, португальцы не смогли освободиться от испанского детища — иезуитского ордена, этой мины замедленного действия, оставленной им в наследие родиной Игнатия Лойолы. Орден приобрел в Португалии огромную силу, он превратил страну, походящему тогда выражению, в «Парагвай Европы» (Парагвай — вотчина иезуитов в Испанской Америке, где они поработили индейцев-гуарани). Инквизиция находилась под контролем иезуитов, и они продолжали жаждать крови, а также денег традиционных «еретиков» — «новых христиан».

Правда, среди иезуитов были и исключения. Иезуит Антониу Визира (1618–1697), советник короля Жоана IV, убеждал своего повелителя прекратить преследования «новых христиан» и использовать их для укрепления португальской экономики. В 1646 г. в своей записке на имя короля «В поддержку людей из народа и об изменении поведения св. трибунала и налогового ведомства».³⁶¹ Визйра писал, что Португалия для борьбы с Испанией в интересах своей независимости нуждается в деньгах, а «деньги эти можно с успехом добыть как в Португалии, так и в других местах, только развивая торговлю, для торговли же нет более способных людей, чем те, кто обладает капиталами и проявляет трудолюбие, то есть «новые христиане».

³⁵⁹ Парках В. Испанские и португальские поэты — жертвы инквизиции, с. 98

³⁶⁰ Там же, с. 99–101

³⁶¹ Vieira A. A favor da "gente da nasao" sobre a mudanca dos esti-los do Santo Oficio e do fisco, 1646

В другой докладной записке — «Предложение, сделанное королю дону Жоану IV, в котором живописалось ему несчастное состояние королевства и необходимость привлечь на свою сторону иудейских купцов, кочующих по разным странам Европы»,³⁶² тот же Виэйра Доказывал королю, какие огромные выгоды получит Португалия, если договорится о совместных действиях с иудейскими купцами португальского происхождения, проживающими за рубежом и располагающими большими капиталами и разветвленными торговыми связями.

Жоан IV был не прочь последовать советам Виэйры, тем более, что «новые христиане», обосновавшиеся во Франции, Нидерландах, Англии, понимая, что уния с Испанией чревата для их португальских соотечественников террором инквизиции, дружно выступали в поддержку независимости Португалии. Именно поэтому португальская инквизиция, мечтавшая о повторном воссоединении с испанской, настаивала на продолжении преследований «новых христиан». Когда в 1647 г. Жоан IV пытался, пользуясь услугами «нового христианина» Дуарте да Силвы, купить у Нидерландов несколько военных кораблей, необходимых для защиты Португалии от Испании, инквизиция не преминула бросить в тюрьму Силву и тем самым провалить эту сделку. Силва содержался в застенках инквизиции, а затем был выслан в Бразилию. Инквизиция расправилась и с другим доверенным короля — Мануэлем Фернандесом Вила-Реалем, тоже «новым христианином», через которого Жоан IV поддерживал связь с кардиналом Ришелье, выступавшим за независимость Португалии.

Инквизиция арестовала Вила-Реала и, невзирая на протесты короля, бросила его в костер.

Королевская казна продолжала остро нуждаться в деньгах, когда в 1649 г. «новые христиане» предложили королю построить на 1250 тыс. крузадо 36 военных кораблей (галеонов) для защиты торгового флота Португалии, курсировавшего между Лиссабоном и Бразилией, взамен за отмену конфискации их имущества. Король согласился на эту сделку и специальным декретом запретил инквизиции конфисковывать у португальцев или иностранцев, обвиненных в ереси и иудаизме или осужденных за них, какую-либо собственность. Инквизиция отказалась подчиниться и апеллировала в Рим. Папа римский, все еще угодничавший перед Испанией и не признававший за короля Жоана IV, двумя решениями (бреве) в 1650 г. отменил постановление португальского монарха, который вынужден был подчиниться, опасаясь дальнейших осложнений с папским престолом. Впрочем, это ему не помешало прикарманить 1250 эскудо. «Новые христиане» еще раз были обобранны и жестоко обмануты португальской короной. Правда, инквизиция не простила королю столь великой «жертвы», она продолжала слать в Рим доносы, обвиняя его в потворстве иудействующим с таким успехом, что папа отлучил Жоана IV и всех тех, кто способствовал изданию королевского декрета 1649 г., от церкви. После смерти Жоана IV в 1657 г. инквизиция вновь обрела полную власть и возобновила преследования «новых христиан», а заодно и всех тех, кто до этого выступал в их защиту.

В 1663 г. был арестован по обвинению в потворстве иудействующим иезуит Антониу Виэйра, которому с большим трудом удалось вырваться четыре года спустя из застенков инквизиции и бежать в Рим, где он продолжал при поддержке португальского регента дона Педру II настаивать перед папским престолом на ограничении прав португальского «священного» судилища. «Новые христиане» щедро снабжали Виэйру деньгами, и ему наконец в 1674 г. удалось добиться от папского престола распоряжения, запрещающего португальской инквизиции впредь устраивать аутодафе, судить и осуждать кого-либо и повелевавшего впредь направлять в Рим все дела по обвинению в ереси. По существу это распоряжение папы римского означало прекращение деятельности инквизиции в

³⁶² Vieira A. Proposta feita a el rei D. Joao IV em que se representava o miseravel estado do Reino e a necessidade que tinha de admitir os judeus mereadores que andavam por diversas partes de Europa

Португалии. Однако к тому времени инквизиторам удалось договориться с регентом Педру II, которому они обещали поддержку в получении короны. Регент отказался подчиниться папскому приказу и запретил его обнародование в Португалии. Конфликт длился до 1681 г., когда папский престол отменил свое прежнее решение и вновь разрешил деятельность «священного» судилища. Португальская инквизиция отпраздновала свою победу грандиозными аутодафе в Лиссабоне, Коимбре и Эворе.

В первой половине XVIII в. среди «клиентов» инквизиции можно встретить также и различного рода умалишенных монахов, и священников, «запродавших свои души дьяволу». В 1725 г. в Лиссабоне инквизиция сожгла священника Мануэля Лопеша де Карвалью, провозгласившего себя возродившим Христа и призывавшего казнить инквизиторов. В 1740 г. была сожжена монахиня Тереза за «преступную связь с дьяволом». В 1741 г. на костре погиб священник Антониу Эбрэ Лурейру, выдававший себя за мессию. В 1741 г. огонь поглотил священника Педру де Ратес Энеким, утверждавшего, что он побывал в раю, жители которого «говорили по-португальски». В 1748 г. взошла на костер монахиня Мария Тереза Инация, также вступившая в «преступную связь с дьяволом». В 1748 г. инквизиция судила за «сожительство с дьяволом» монахиню Марию ду Розариу, которая, находясь под следствием, призналась, что прижила от дьявола семь детей — щенков, котят и монстров. Такого рода процессы занимали видное место в деятельности инквизиции, в особенности в XVIII в. Все эти «упорствующие еретики» были явно психически ненормальными людьми или жертвами религиозного экстаза, что одно и то же. Доказательством тому служит именно их «упорство»: никто из них, несмотря на пытки, не отрекся от своих бредовых утверждений, а «упорствующих» инквизиция, как известно, не щадила...

Казалось, нет такой силы, которая могла бы обуздать португальскую инквизицию, и террор ее будет продолжаться вечно. Народ привык к кострам, свыкся с мыслью, что все его беды происходят от козней еретиков и их покровителя — дьявола. Власть имущие находились в духовном плену иезуитского ордена, и только очень прозорливые люди из их среды могли по некоторым смелым голосам, раздававшимся во Франции и требовавшим «раздавить гадину», предвидеть приближающуюся гибель не только инквизиции, но и всего связанного с нею старого порядка.

Как это ни парадоксально, а история любит такого рода парадоксы, первый серьезный удар инквизиция получила от человека, который в молодости подвизался в роли ее «родственника» и был поэтому прекрасно осведомлен о всех ее секретах. Звали его Себастьяном Жозе Карвалью-и-Мелу (1699–1782). В историю он вошел под именем маркиза де Помбала. В 1739–1745 гг. он служил секретарем португальского посольства в Лондоне и Вене, где стал сторонником просвещенного абсолютизма, противником иезуитов. В 1750 г. со вступлением на престол короля Жозе I Помбал был назначен первым министром и оставался на этом посту вплоть до смерти короля в 1777 г. Помбал проявил себя как талантливый и смелый реформатор. Он ограничил власть церковников, поставил деятельность инквизиции под контроль правительства, всемерно способствовал развитию промышленности, осуществил реформу просвещения, помогал развитию наук. В 1755 г. Лиссабон был разрушен сильным землетрясением. Церковники, как обычно, использовали это стихийное бедствие в своих интересах. Они стали уверять верующих, что землетрясение — кара господня за действия безбожного первого министра. В 1758 г. состоялось покушение на короля. В 1760 г. Помбал разорвал отношения с папским престолом, арестовал и предал суду наиболее активного противника своего правительства иезуита Габриэла Малагриду.

Малагрида был итальянец, давно уже обосновавшийся в Португалии, где он превратился в наперсника аристократических семей, интересы которых всегда защищал, фанатично нападая на все прогрессивное и передовое своего времени. Он принадлежал к худшему типу «энтузиастов»-реакционеров, по выражению английского биографа Помбала прошлого столетия Джона Смита.³⁶³

³⁶³ Smith J. *Memoirs of the Marquis of Pombal*. London, v. 2, 1843, p. 16

Малагрида стал главным противником реформ Помбала, он использовал землетрясение для яростных нападков на премьер-министра. В 1756 г. иезуит опубликовал памфлет «Мнение о подлинных причинах землетрясения» (*Unizo da verdadeira causa do terremoto*), в котором писал: «Знай, о Лиссабон, что разрушителями наших домов, дворцов, церквей и монастырей, причиной смерти стольких людей и огня, пожравшего столько ценностей, — твои отвратительные грехи, а не кометы, звезды, пар, газы и тому подобные естественные явления». ³⁶⁴ Малагрида призывал не отстраивать столицу, а замаливать грехи. Все это делалось вопреки решению правительства, запрещавшего объяснять землетрясение сверхъестественными причинами. К тому же Малагрида в аристократических домах призывал к свержению правительства. Об этом же иносказательно он писал в другом своем памфлете: «Трактат о жизни и правлении Антихриста», подразумевая под последним Помбала.

Помбал приказал инквизиции судить Малагриду. Он прогнал инквизитора-мора Жозе, незаконного сына короля, назначив на его место своего брата Паолу де Кбрвалью. Между тем Малагрида в инквизиционной тюрьме продолжал предавать проклятьям Помбала и попутно писать весьма любопытное сочинение о «Героической и чудесной жизни славной святой Анны, матери святой непорочной девы Марии, продиктованной самой святой, при содействии, помощи и с согласия всемогущего суверена, ее святейшего сына» (т. е. Иисуса Христа), главный тезис которого заключался в том, что Анна стала святой, еще находясь в «утробе» своей матери. Инквизитор-мор поспешил воспользоваться столь очевидным еретическим утверждением и обвинил Малагриду в вероотступничестве.

В сентябре 1761 г. инквизиция вынесла приговор по делу Малагриды, в котором было сказано: «Отец Габриэл Малагрида был признан виновным в преступлении ереси, он утверждал, мыслил, писал и защищал положения и учения, противоречащие подлинным догмам и доктрине, предлагаемой и проповедуемой святой церковью. Являясь еретиком и врагом католической веры, он впал вследствие данного приговора в великое отлучение и другие установленные наказания, согласно закону против подобных преступников; инквизиторы таким образом приказывают, чтобы этот еретик и автор новых ересей, признанный виновным во лжи и двуличии, отстаивающий неоднократно и упорно свои ошибки, был лишен монашеского сана и прочих званий и, согласно правилам и формам святых канонов, передан, одетый в позорящий балахон (санбенито), светской власти. Инквизиторы страстно умоляют ее, чтобы к указанному преступнику были проявлены доброта и благожелательность и чтобы он не был казнен или не была пролита его кровь». ³⁶⁵

Разумеется, этот приговор был комедией, разыгранной согласно лучшим образцам инквизиционного судопроизводства, с той только разницей, что он был обращен против одного из самых ярких сторонников той же самой инквизиции.

21 сентября 1761 г. на площади Россиу 73-летний Малагрида был гарротирован, а потом сожжен.

Помбал использовал казнь Малагриды для широкой пропаганды своей политики за рубежом путем публикации памфлетов, брошюр и книг на французском и английском языках, в которых разоблачалась обскурантистская деятельность церковников в Португалии.

В 1768 г. Помбал приказал уничтожить все списки «новых христиан», на основе которых инквизиция фабриковала свои процессы. В 1771 г. были запрещены аутодафе, а несколькими годами позже инквизиция лишилась права цензуры и были отменены сертификаты «чистоты крови», запрещено употребление терминов «новые христиане» и «люди из народа». «Новые христиане» были полностью уравнены в правах с остальными

³⁶⁴ Цит. по: Kendrick T. D. *The Lisbon earthquake*. London, 1956, p. 89

³⁶⁵ Smith J. *Memoirs of the Marquis of Pombal*, v. 2, p. 13–14

португальцами. В 1774 г. было запрещено «священному» трибуналу применять пытку.

Согласно новому регламенту, инквизиция объявлялась независимой от папского престола. В процессуальном отношении впредь она должна была следовать практике светских судов. Подсудимые получили право на защиту, имена свидетелей обвинения теперь подлежали огласке.

Таким образом, хотя Помбал и не решился формально упразднить инквизицию, он своими реформами фактически свел ее деятельность на нет. Одним из последствий реформ Помбала было окончательное решение иудейской проблемы в Португалии. Уравнение в правах «новых христиан» и прекращение их преследования позволило им полностью ассимилироваться с остальной частью населения, к чему они, собственно говоря, и стремились на протяжении нескольких столетий и чему искусственно препятствовал террор инквизиции. Процесс ассимиляции произошел столь быстро, что несколько десятилетий спустя после реформ Помбала в Португалии исчезли всякие следы «новых христиан».

Власть Помбала кончилась со смертью короля Жозэ I в 1777 г. и с восшествием на престол его умалишенной дочери Марии, вернувшей католической церкви ее прежние привилегии.

Мария уволила Помбала в отставку, он был арестован, обвинен в злоупотреблении властью и приговорен к смерти. Однако реакция не решилась казнить великого реформатора. Смертный приговор был заменен ему пожизненным заключением. В 1782 г. Помбал умер.

После свержения Помбала и триумфа реакции инквизиция вновь ожила. Но теперь она преследовала уже не «новых христиан», а сторонников французских энциклопедистов. В 1778 г. инквизиция расправилась с Жозэ Анастасиу да Кунья, поэтом, профессором математики в Коимбрском университете, усмотрев в его пантеистических стихотворениях ересь. Его держали в заключении семь лет, и только раскаяние и примирение с церковью спасло ученого от более жестокого наказания. Ученый умер вскоре после освобождения из заключения.

Жертвами инквизиции стали писатель Франсиско Мельо Франку, поэты Антониу Диниш и Мануэл Мария Барбоза де Бокаже. Последний за свои «подрывные и безбожные» сочинения дважды подвергался репрессиям инквизиции — в 1797 и 1803 гг. Поэт и филолог священник Франсиско-Мануэл де Нашименту, спасаясь от преследований инквизиции, бежал в 1785 г. за границу. В 1792 г. он вернулся на родину, но инквизиция продолжала угрожать ему расправой, и он вскоре вновь вынужден был покинуть Португалию.

Террор «священного» трибунала продолжался вплоть до 1808 г., когда французские войска под командованием генерала Жюно оккупировали Португалию. Король Жоан VI со своим двором бежал в Бразилию, оставив на произвол судьбы оккупированную французами страну. Стремясь заручиться поддержкой передовых людей Португалии, французы отменили инквизицию.

После поражения Наполеона она была вновь восстановлена, но ненадолго. В 1821 г. временное правительство, возникшее в результате либеральной революции, навсегда упразднило португальскую инквизицию. Так закончилась в Португалии деятельность этого преступного учреждения, продолжавшаяся около 300 лет.

Историки инквизиции обычно пытаются подвести итог ее деятельности, сосчитав количество загубленных ею жизней.

Английская исследовательница Мэри Брирли приводит следующие частичные данные только по лиссабонскому трибуналу инквизиции: с 1536 по 1821 г. в столице Португалии было сожжено живьем 355 мужчин и 221 женщина, подвергнуто пыткам 6005 мужчин и 4910 женщин, умерло в тюрьме инквизиции 706 мужчин и 546 женщин. Итого — 12 743 человека, из них 5 727 женщин.³⁶⁶ Да, португальская инквизиция не представляла исключения из общего правила.

³⁶⁶ Brearley M. Hugo Gorgeny, Prisoner of the Lisbon Inquisition, p. 12

ПАПЫ В РОЛИ ИНКВИЗИТОРОВ

РИМСКАЯ И ВСЕЛЕНСКАЯ ИНКВИЗИЦИЯ

21 июля 1542 г. папа Павел III учредил буллой «Licet ab inicio» («Следует изначально») «священную конгрегацию римской и вселенской инквизиции, ее священное судилище» с правом действия «во всем христианском мире, по сю и по ту сторону гор (Альп. — И. Г.), во всей Италии, и подчиненную римской курии».³⁶⁷ Вскоре она получила титул «верховой» — главной конгрегации. В литературе это учреждение также называют «священным судилищем» или «священной канцелярией». Папская инквизиция — самая долговечная из всех, она существовала непрерывно вплоть до нашего времени. Только в 1965 г. она была реорганизована папой Павлом VI в конгрегацию вероучения. Не будем забегать вперед и посмотрим, чем было на протяжении более четырех столетий это «верховное» церковное учреждение.

Французский клерикал Шарль Пишон так объясняет появление на свет этой сверхинквизиции: «Св. канцелярия прежде всего была реакцией, часто грубой, как обычаи того времени, часто произвольной, как трибуналы всех времен, реакцией общества, которое защищается».³⁶⁸ Но что это было за «общество» и против кого оно защищалось?

С XIII в. уже свыше 300 лет во всех странах христианского мира шла охота за еретиками, неустанно трудились «во славу господню» инквизиционные трибуналы, пылали костры аутодафе. Казалось, что благодаря неутомимой деятельности «псов господних» католическая церковь расправилась со всеми своими врагами. Были почти полностью уничтожены катары, подавлены спиритуалы, флагелланы, беггарды и многочисленные другие бюргерские и крестьянские ереси. Истреблены были десятки тысяч «ведьм». Преданы огню, ограблены, рассеяны по белу свету «строптивые» иудеи, отброшены в Африку мавры. В награду за столь богоугодные дела, за преданность «истинной» римско-католической вере всевышний «даровал» именно католическим государям Испании и Португалии необъятные земли с несметными сокровищами в Азии, Африке и в сказочных и таинственных антиподах — в Западных Индиях, или, как их стали потом именовать, — в Америке.

И вот теперь, когда, казалось, римско-католическая вера укрепилась не только в Европе, но и на всех других континентах и все ее неприятели посрамлены и низвержены в прах, точно гром среди ясного неба грянула лютеранская ересь, охватившая германские государства. Откололась от «матери» — римско-католической церкви Англия. Еретическая «зараза» угрожала захлестнуть и все другие христианские государства, в том числе и папские владения в Италии, где она также получила широкое распространение. Потом — эти ученые, называющие себя гуманистами, вечно сомневающиеся, вечно опровергающие, принижающие, высмеивающие все священные догматы церкви и распространяющие свои злонамеренные сочинения при помощи сатанинского изобретения немца Гуттенберга — печатного станка. Местная инквизиция была бессильна с ними бороться, несмотря на то, что во многих королевствах ей покровительствовали сами монархи. Во Франции, Польше и некоторых государствах инквизиция была упразднена королевской властью, которая передала ее функции светским трибуналам.

Никогда еще церкви не угрожала такая опасность, никогда в ней не царили такой беспорядок, разнузданность нравов духовенства, неверие в ее божественную миссию спасения человечества, как в первой половине XVI в.

³⁶⁷ Цит. по: Re N. del. La Curia Romana. Roma, 1952, p. 41

³⁶⁸ Pichon Ch. Le Vatican. Paris, 1960, p. 251

Но, учат церковники, неисповедимы пути господни; карая — и притом жестоко — церковь за ее слабости и прегрешения еретической заразой, бог в то же время протягивает ей руку помощи. Именно в это время испанец Игнатий Лойола предложил папскому престолу создать могучее христово воинство, готовое днем и ночью, где угодно и когда угодно, любыми средствами — хитростью, коварством, обманом, ложью, кинжалом и ядом — свернуть шею новому антихристу — Лютеру и всему его дьявольскому воинству. Цель оправдывает средства, провозгласил Лойола, главное победить врага, неважно как. Дьявола добром и увещаниями не победишь, его можно одолеть, только используя, но с еще большей энергией и в еще больших дозах, чем он, низость, подлость и обман.

Лойола вопрошал: «Лютер требует реформы церкви?» И отвечивал: «Отлично, мы ему противопоставим нашу контрреформу». Враги истинной веры противопоставляют науку церкви? Хорошо, церковники в ответ сами станут заниматься наукой, которая как была, так и останется служанкой богословия. Слуги дьявола хотят просвещения? Прекрасно, иезуиты откроют школы и университеты, которые будут служить церкви. Наши противники просят книг? Превосходно, они их получают, но это будут книги, в которых будет низвергаться ересь и прочая крамола.

Но одной лишь хитростью не одолеешь врага, нужен еще и меч, учил Лойола, нужна инквизиция, и не где-нибудь, а здесь, в Риме, в центре, в сердце христианского мира, и пусть ее возглавит не кто-либо другой, а сам наместник Христа на земле — папа римский, и пусть она — независимая от светской власти и не сдерживаемая ею — творит суд и расправу над еретиками не только в Риме, но и во всем христианском мире.

Предложение Лойолы было горячо поддержано ближайшим советником Павла III кардиналом Карафтой и испанским кардиналом Хуаном Альваресом де Толедо; оба они были фанатические противники Лютера и оба надеялись «спасти» церковь с помощью «солдат» Игнатия Лойолы, как в XIII в. она была спасена «псами» святого Доминика. Что касается Павла III, то он в преддверии Тридентского собора, как отмечает Ш. Пишон, «испытывал необходимость в подлинно универсальном трибунале, который заседал бы под его непосредственным наблюдением и мог бы как судить дела веры, так и уполномочивать для этого местных судей, действуя во всяком случае быстро и решительно (в то же время не отменяя уже действовавших трибуналов инквизиции), являясь одновременно первой и последней инстанцией». 369

Папа надеялся, и не без основания, терроризировать с помощью священной канцелярии своих противников — сторонников примирения с реформацией, ослабить их позиции и одержать благодаря этому победу на предстоящем соборе.

Папская конгрегация инквизиции, наделенная как следственными, так и судебными правами, быстро превратилась и в высшую богословскую инстанцию. Ее заключения и высказывания по спорным вопросам веры стали обязательными для всей католической церкви. Она получила право карать как церковников, так и верующих, предавать проклятию и отлучать их от церкви. Кроме того, ей было поручено осуществлять верховную цензуру над печатными изданиями всего христианского мира, цензуру, которую она проводила через индексы запрещенных книг, превратившиеся со временем в грозное оружие международной клерикальной реакции.

Папа Павел III лично возглавил конгрегацию инквизиции, назначив своим заместителем кардинала Караффу, которому был присвоен титул верховного инквизитора. В помощь ему были назначены еще пять кардиналов с титулом инквизиторов, которые вместе с ним и папой образовали как бы судейскую коллегию высшего трибунала католической церкви.

Караффа немедленно приступил к исполнению своих обязанностей с рвением и энергией, которым мог бы позавидовать Томас Торквемада. Он приобрел один из римских

дворцов, где разместил возглавляемое им учреждение. Под его наблюдением в подвалах дворца была оборудована тюрьма, камера пыток со всяческим палаческим инструментом. Затем он назначил своих полномочных представителей (комиссариев-инквизиторов) в зарубежные католические страны. Пост комиссария-инквизитора Рима получил личный исповедник папы Теофило ди Тропеа, такой же кровожадный мракобес, как и его патрон.

Караффа установил следующие нормы деятельности для папской инквизиции: 1. При первом же подозрении в ереси инквизиция должна обрушиваться на виновных подобно молнии. 2. Инквизиция обязана преследовать всех еретиков, невзирая на их чины и звания, в том числе государей и князей церкви, если они повинны в ереси. 3. Особенно энергично следует преследовать тех еретиков, которые пользуются покровительством светских государей; только те из них, кто проявит раскаяние, могут рассчитывать на «отеческое милосердие» инквизиции. 4. Протестанты, в частности кальвинисты, не должны рассчитывать на какую-либо пощаду». ³⁷⁰

Террор новой инквизиции быстро захлестнул папские владения. В Швейцарию и Германию бежали многие видные церковники, заподозренные в симпатиях к реформации, в их числе викарий ордена капуцинов Бернардино Окино, богословы Вермильи, Курионе, Валентин, Кастельветро. Но бежать могли далеко не все. Тех же, кто попадал в руки Караффы и его ищеек, ждали тюрьма, пытки, возможно и смерть на костре. «Трудно, — с горечью писал один из итальянских богословов того времени Антонио де Тальяричи, — быть христианином и умереть в своей собственной постели». ³⁷¹

С особым недоверием папская инквизиция относилась к ученым, гуманистам, считая их опасным рассадником еретических воззрений. Под давлением Караффы были распущены академии наук в Модене и Неаполе, а все те, кто занимался наукой, взяты на подозрение, за ними была установлена слежка. Снова начались преследования францисканцев, этих неисправимых крамольников внутри церкви. Костры вновь запылали по всей Италии. В Венеции, правда, инквизиторы изобрели более дешевый способ избавляться от еретиков: их топили в лагуне.

В 1555 г. папой стал верховный инквизитор Караффа, принявший имя Павла IV. Несмотря на преклонный возраст (ему в момент избрания было 79 лет), Павел IV продолжал с прежним рвением и садизмом преследовать еретиков. Хронисты отмечают, что папа не пропустил ни одного еженедельного заседания инквизиционного трибунала. Павлу IV всюду, даже в своем ближайшем окружении, мерещились еретики. По его приказу в застенки инквизиции были брошены кардиналы Мороне и Фоскерари, занимавшиеся по его поручению цензурой книг и составлением Индекса и показавшиеся ему недостаточно ревностными гасителями разума, а посему сочувствующими ереси. Павел IV возвел «святого» Доминика, учредителя доминиканского ордена, в чин небесного покровителя инквизиции. Находясь на смертном одре, Караффа призвал кардиналов и завещал им оказывать максимальную поддержку своему излюбленному детищу — «священному» трибуналу. Хотя Павел IV находился на папском престоле всего лишь четыре года, его правление ознаменовалось такими чудовищными беззакониями, что, когда он умер, римляне напали на Капитолий, где при жизни папы была воздвигнута статуя в его честь, разрушили ее, а голову статуи вывалили в нечистотах и выбросили в Тибр. Народ напал и на дворец инквизиции, поджег его, освободил заключенных, избил инквизиторов и служащих трибунала.

Но эта вспышка возмущения римлян не имела далеко идущих последствий. Папы римские и после смерти Павла IV продолжали покровительствовать инквизиции.

Буллой от 21 декабря 1566 г. Пий V окончательно закрепил особое положение

³⁷⁰ Цит. по: Ranke L. von. Storia dei Papi. Firenze, 1965, p. 155

³⁷¹ Цит. по: Ranke L. von. Storia dei Papi, p. 157

инквизиции: он аннулировал все постановления и распоряжения предшествовавших пап, в какой бы то ни было мере ограничивавшие деятельность инквизиционного трибунала, и заранее объявил не имеющими силы все решения будущих пап, направленные к смягчению приговоров инквизиции. Этой буллой инквизиционное судилище формально ставилось выше самого папского престола.

Пытки к заключенным применялись в папской инквизиции с таким же рвением, как и в «национальных» инквизициях. Они были официально узаконены Павлом IV.

«Суммарий доминиканского ордена», которым руководствовались в своей деятельности папские инквизиторы, так определяет в четырнадцатой главе способы борьбы с упорствующими еретиками:

«Злодейство преступников так велико, что они прилагают все усилия, стараясь помешать судьям выяснить их преступления. Подвергаемые допросу, он и нагло отрицают свою вину. Ввиду этого возникла необходимость найти разного рода средства, чтобы вырывать истину из их уст. Таких средств три: присяга, тюремное заключение и пытка. По существу, следовало бы верить просто сказанному, но все без исключения люди так лживы, что было постановлено требовать присяги от обвиняемого, против которого имеются улики. Под угрозой обвинения в смертном грехе он обязан открывать истину...

Если же невозможно добиться истины посредством присяги и имеются серьезные улики, а преступление велико, то необходимо прибегать к тюремному заключению, которое дает три полезных результата: 1) если обвиняемый виновен, то заключение заставляет его сознаться в преступлении; 2) лишает его возможности узнать, что сообщили свидетели, и опровергать их; 3) препятствует его бегству...

Если вышеуказанные средства не помогают, то остается последнее — пытка. На основании имеющихся свидетельств о степени виновности судьи могут налагать физические истязания, к числу которых относятся воздержания, принуждения и тому подобное, пока он не сознается. Если против брата имеются свидетельства мирян, то на их основании его нельзя осудить, но можно подвергнуть пыткам и предать допросу...

Кроме вышеуказанных оснований, по которым обвиняемого можно подвергать пыткам, имеются еще следующие: во-первых, если обвиняемый колеблется как в форме изложения, так и по существу дела, сперва признает себя виновным, а потом отрицает, или сперва отрицает, а потом сознается, или если во время допроса говорит одно, а затем прямо противоположное. Во-вторых, если имеется достаточно достоверное свидетельство вне суда. В-третьих, если имеется хотя бы один свидетель, дающий достаточно порочащие показания. В-четвертых, если имеется один свидетель, подтверждающий обвинение. В-пятых, если есть много явных свидетельств».

Инквизитор Антонио Панормита в своем руководстве инквизиторам, вышедшем в 1646 г., подробно излагает и обосновывает применение пыток в «священных» трибуналах. Он говорит: «Инквизиторы вынуждены особенно часто прибегать к пыткам, так как еретические преступления относятся к числу тайных и трудно доказуемых. Кроме того, сознание в ереси приносит пользу не только государству, но и самому еретiku. Поэтому пытка полезнее всех других средств, помогающих довести следствие до конца и вырвать истину у обвиняемого». ³⁷²

Папская инквизиция вдохновляла крестовые походы против еретиков. Европу охватили религиозные войны. В Нидерландах испанские оккупанты во главе с кровожадным герцогом Альбой истребили десятки тысяч протестантов. Папский престол восторженно приветствовал этот геноцид. Во Франции тысячи гугенотов (кальвинистов) погибли во время варфоломеевской резни в ночь на 24 августа 1572 г. (день св. Варфоломея). В результате последовавших затем гонений на гугенотов в течение двух недель было убито во Франции свыше 30 тыс. человек. Находившийся тогда на папском престоле Григорий XIII устроил в

³⁷² Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 332–333

ознаменованье этих достославных побед над французскими еретиками торжественный молебен в церкви св. Людовика, покровителя Франции. По приказу этого же папы был переиздан в 1578 г. богословом Пеньей «Директорий инквизиторов», написанный уже известным читателю Николаем Эймериком за двести лет до этого и считавшийся «классическим» руководством по преследованию еретиков. Вся эта изуверская премудрость, как мы увидим ниже, применялась папской инквизицией к ее жертвам.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ ДЖОРДАНО БРУНО

17 февраля 1600 г. на Кампо ди Фиори (площади Цветов) в Риме был сожжен по приказу папской инквизиции один из самых замечательных мыслителей эпохи Возрождения — Джордано Филиппе Бруно. В момент казни ему едва исполнилось 52 года, из которых восемь он провел в заточении в застенках инквизиции.

Джордано Бруно

Джордано Бруно родился в г. Нола, близ Неаполя, в 1548 г. Пятнадцати лет он вступил в доминиканский орден в Неаполе и, хотя всю жизнь формально числился доминиканцем, страстно ненавидел «псов господних» и довольно откровенно писал об этом в своих сочинениях. Например, на вопрос одного из персонажей в произведении Бруно «Песнь Цирцеи», как можно распознать среди множества собачьих пород самую злую, доподлинно собачью и не менее знаменитую, чем свинья, Цирцей отвечает: «Это та самая порода варваров, которая осуждает и хватает зубами то, чего не понимает. Ты их распознаешь по тому, что эти жалкие псы, известные уже по своему внешнему виду, гнусным образом лают на всех незнакомых, хотя бы и добродетельных людей, а по отношению к знакомым проявляют мягкость, хотя бы то были самые последние и отъявленные мерзавцы». ³⁷³

Свое отношение к монашескому сословию в целом Бруно определил в другом своем произведении — «Искусство убеждения»: «Кто упоминает о монахе, тот обозначает этим словом суеверие, олицетворение скупости, жадности, воплощение лицемерия и как бы сочетание всех пороков. Если хочешь выразить все это одним словом, скажи: «монах»». ³⁷⁴

В то время Неаполитанское королевство было подчинено испанской короне. Однако

³⁷³ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 62

³⁷⁴ Цит. по тому же

попытки, с одной стороны, испанского короля, а с другой — папы римского ввести постоянную инквизицию в Неаполе не увенчались успехом из-за сопротивления неаполитанцев, отстаивавших свои традиционные вольности. Неаполитанцы дали приют бежавшим из Испании иудеям и маврам, у них же нашел прибежище испанский философ Хуан Вивес, критиковавший церковь с позиций сторонников реформации. Протестантская и еще ранее вальденская ереси получили в Неаполитанском королевстве весьма широкое распространение.

Однако, если в Неаполе и не существовало постоянного трибунала инквизиции, папскому престолу иногда удавалось направлять туда временных инквизиторов, которые при поддержке испанских войск устраивали массовые избиения еретиков.

В 1560–1561 гг. папские инквизиторы устроили крестовый поход против неаполитанских вальденсов. Особенно прославился тогда своими жестокостями инквизитор Панца, пытавший и казнивший без разбору мужчин, женщин и детей.

Сохранилось свидетельство современника о побоищах еретиков в г. Монтальто, учиненных по приказу папских инквизиторов: «Я намерен сообщить об ужасном судилище, которому были преданы лютеране сегодня, 11 июня, на рассвете. Говоря по правде, я могу сравнить эту казнь только с убоем скота. Еретики были загнаны в дом, как стадо. Палач входил, выбирал одного из них, выволакивал, набрасывал на лицо платок — «бенда», как говорят здесь, вел на площадь вблизи дома, ставил на колени и перерезывал горло ножом. Затем, сорвав с него окровавленный платок, он снова шел в дом, выводил другого, которого умерщвлял точно таким же способом. Так были перерезаны все до единого, а было их восемьдесят восемь человек. Вообразите, какое это было страшное зрелище.

Я не могу сдержать слез, описывая его. И не было ни одного человека, который, видя, как происходит казнь, чувствовал бы себя в силах присутствовать и наблюдать. Спокойствие и мужество еретиков, когда они шли на мученичество, невозможно себе представить. Некоторые, хотя их вели на смерть, проповедовали ту же веру, что и мы все, но большинство умерло с непреклонным упорством в своих убеждениях. Старики встречали смерть спокойно, лишь несколько юношей проявили малодушие. Я до сих пор содрогаюсь, когда вспоминаю, как палач с ножом в зубах, с кровавым платком в руках, в панцире, залитом кровью, входил в дом и выволакивал одну жертву за другой, точь-в-точь как мясник вытаскивает овцу, предназначенную на убой.

По заранее отданному приказанию были заготовлены телеги, на которых увозили трупы, чтобы затем четвертовать их и выставить на всех дорогах от одной границы Калабрии до другой.

В Калабрии захвачено до 1600 еретиков, из них до настоящего времени казнено 88... Я не слышал, чтобы они совершали что-нибудь плохое. Это простые, необразованные люди, владеющие только заступом и плугом и, как я сказал, проявившие себя верующими в час смерти». ³⁷⁵

Мы не знаем, сочувствовал ли этим еретикам молодой Бруно, зато доподлинно известно, что он проявлял большой интерес к науке и усердно читал запрещенные церковью книги. Это обратило на него внимание инквизиторов. Спасаясь от их преследований, 28-летний Бруно покидает монастырь и бежит через Рим в Северную Италию, а затем в течение 13 лет живет в Швейцарии, Франции, Англии, Германии, где общается с выдающимися гуманистами, преподает философию и пишет свои многочисленные труды, в которых, опровергая аристотельско-церковные догмы, закладывает первые основы научной критики религии, основы научного атеизма, или «новой философии», как он именовал свое учение.

Шпионы инквизиции следили за каждым шагом Бруно, папский престол, видя в нем опасного врага церкви, ждал только удобного случая, чтобы расправиться с ним.

Такой случай представился, когда Бруно в 1591 г. приехал в Венецию по приглашению

³⁷⁵ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 72–73

местного патриция Джованни Мочениго, нанявшего его для обучения искусству памяти. Мочениго принадлежал к правящей элите Венецианской республики, в 1583 г. входил в состав Совета мудрых по ересям, контролировавшего деятельность венецианской инквизиции. Поэтому не исключено, что этот аристократ, выдавший Бруно год спустя инквизиции, с самого начала действовал как ее агент-provokator.

Венеция того времени находилась в зените своего расцвета. В республике пользовались уважением науки, процветали разного рода научные общества и академии. Венеция, торговавшая не только с католическими государствами, но и протестантскими и мусульманскими, относилась весьма снисходительно к еретическим учениям, к писателям, ученым и философам, выступавшим с критикой церкви. Венеция была одним из крупнейших в то время издательских центров в Западной Европе, причем там издавались не только ортодоксальные богословские сочинения. Республика открыла двери многим иудеям, бежавшим из Испании.

Правда, в Венеции действовала и инквизиция, но это была своего рода политическая полиция, защищавшая в первую очередь интересы Венецианской республики.

Учрежденная в XV веке венецианская инквизиция вначале возглавлялась тремя инквизиторами, являвшимися членами Совета десяти, которому принадлежала верховная власть в республике. По его поручению они занимались шпионажем.

В отличие от других инквизиций, венецианская не устраивала аутодафе, да их и негде было устраивать в Венеции, а тайно расправлялась со своими жертвами. Их содержали в тюрьме, примыкавшей к дворцу дождей. Там же их и казнили, бросая трупы в канал. Иных приговоренных к смерти вывозили на гондоле в море, где ее поджидала другая гондола, в которую предлагали перейти осужденному. Как только он становился на доску, которую перебрасывали между гондолами, гребцы брались за весла и жертва исчезала в воде.

Тюрьма венецианской инквизиции, где содержался после ареста Джордано Бруно, сохранившаяся без особых изменений, так описана в воспоминаниях русского путешественника начала XIX в.: «Возвратясь из придворной церкви через залы сената и четырех портиков, входишь в самое страшное отделение дворца, в палату десяти таинственных правителей республики и трех инквизиторов... В преддверии залы, где сидели письмоводители и обвиняемые ждали суда, а осужденные — приговора, сохранились еще львиные пасти или отверстия для приема доносов... Дубовая дверь вроде шкафа ведет в небольшую комнату, которую избрали для своих совещаний три инквизитора, и одна только уцелевшая на стене картина, с фантастическими изображениями всякого рода казней, украшает это страшное средоточие управления республики.

Около покоя инквизиторов есть несколько тесных проходов в кельи, где хранились архивы и совершались иногда пытки; в одном углу — роковая дверь, которая из одного места одновременно вела и на горькоименный мост вздохов, в темницу, что за каналом, и в глубокие подземелья дворца, и под свинцовую крышу, в *пломбы*,³⁷⁶ где томились жаром узники. Однако последнее заключение не было столь ужасно и назначалось для менее важных преступников... И надобно сойти на дно колодцев, чтобы там постигнуть весь ужас сих темниц, где в сырости и совершенном мраке изнывали жертвы мщения децемвиров (Членов Совета десяти) и где пропадали без вести навлекшие на себя их подозрения. Еще видно каменное кресло, на которое сажали осужденных, чтобы удавить их накинutoю со спинки кресла петлею, и то отверстие сводов, куда подплывала гондола, чтобы принять труп и везти его в дальний канал Орфано для утопления...».³⁷⁷

В XVI в. венецианская инквизиция возглавлялась папским нунцием, патриархом Венеции и собственно инквизитором. Первого назначал папа, остальных — дож республики.

³⁷⁶ *Piombo* (ит.) — свинец

³⁷⁷ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 281

В провинциальных трибуналах инквизиции заседал один из трех выделенных для этого сенаторов. Сенатор открывал и закрывал заседания, накладывая вето на решения трибунала, нарушающие, по его мнению, интересы республики, следил, чтобы от сената ничего не было утаено, разрешал и запрещал опубликование документов, исходящих от церкви, в том числе папских булл.

Деятельность венецианской инквизиции не вызывала особого восторга в Риме. Папа Пий IV жаловался, что «синьория не проявляет достаточной строгости в случаях ереси, обнаруженных в Венеции, Вероне и Виченце. Необходимо проявить больше суровости и применить лучшие лекарственные средства, чем до сих пор. Государство находится в непосредственной близости с еретическими странами. Надлежит принять меры предосторожности, чтобы эта чума не проникала через границы. Если обнаружится ересь, она должна быть беспощадно караема. Доказательством, что до сих пор не применялись надлежащие меры, является пребывание в Падуе многих немецких студентов, открытых еретиков, заражающих других и злоупотребляющих терпимостью».³⁷⁸

Папство стремилось подчинить венецианскую инквизицию своему контролю. В 1555 г. Павел IV через верховного инквизитора (главу конгрегации св. канцелярии) Микеле Гизлиери пытался прибрать венецианскую инквизицию к рукам. Гизлиери направил в Венецию инквизитора кардинала Феличе Перетти, снабдив его инструкциями, в которых, между прочим, говорилось следующее:

«Главная обязанность судилища инквизиции состоит в том, чтобы защищать дело и честь бога против хулителей, чистоту святой католической религии против всякого зловония ереси, против всех, кто сеет схизму, будь то в учении или в лицах и делах ее. Ей подобает всегда бодрствовать на страже неприкосновенности церкви и прав святого апостолического престола...

Особенно тщательно следует подбирать тайных шпионов из числа людей, которым можно доверять. Они должны сообщать о соблазнах, имеющих место в городе Венеции как среди мирян, так и среди духовных лиц, о кощунствах и других преступлениях против святынь.

Генеральный инквизитор подчинен не нунцию, а высшей инквизиции Рима и находится в непосредственном подчинении его святейшества, нашего повелителя. Ввиду этого необходимо, из уважения к первосвященнику, осведомлять обо всех значительных событиях, происходящих ежедневно, в особенности, если совершается что-либо, имеющее интерес для святого престола...

Венецианцы ненавидят трибунал инквизиции, так как они заявляют притязания властвовать над церковью, а это не согласуется с порядками и статусами инквизиции. Кроме того, они любят разнузданную свободу, которая чрезвычайно велика в этом городе Венеции, и относятся с пренебрежением к учению религии и догматам. Многие живут не так, как подобает христианам. Но будет весьма печально, если порвется слишком натянутая нить; как бы это не явилось причиной каких-нибудь маленьких или даже больших осложнений...

Разумеется, интересы бога следует отстаивать. Ввиду этого господь пожелал, чтобы его слуги ополчились против всякой людской испорченности в этом мире. Необходимо выступать с настойчивостью и усердием против разнузданности, которая, к сожалению, весьма велика в Венеции. Необходимо в некоторых случаях закрывать глаза на притязания венецианцев вмешиваться в церковные дела, ибо само божественное провидение укажет средства, при помощи которых святой престол вырвет с корнем эти безобразия, причиняющие большой ущерб святой церкви. А так как невозможно сразу искоренить все злоупотребления, то нужно заботиться, чтобы зло по крайней мере не усиливалось. А если представится случай обломать какую-либо ветвь этой пресловутой власти, то не следует упускать его. Надо идти навстречу такому случаю со всей решимостью, которая не

³⁷⁸ Цит. по тому же, с. 278

противоречит благоразумию...

Обо всем, что происходит, надлежит представлять особые сообщения трибуналу Рима, но не теряя времени на описание подробностей, ибо часто утрачивается, так сказать, добрая воля при исполнении решений, если обращается слишком много внимания на доклады. Когда есть возможность, надо применять свои средства для врачевания зла в обыкновенных делах, не ожидая предписаний из Рима...»³⁷⁹

Хотя Перетти не удалось подчинить венецианскую инквизицию контролю священной канцелярии, тем не менее ее наличие представляло несомненную опасность для Джордано Бруно, как это подтвердили последующие события.

23 мая 1592 г. Мочениго направил инквизитору свой первый донос на Джордано Бруно, в котором писал:

«Я, Джованни Мочениго, сын светлейшего Марко Антонио, доношу по долгу совести и по приказанию духовника о том, что много раз слышал от Джордано Бруно Ноланца, когда беседовал с ним в своем доме, что, когда католики говорят, будто хлеб пресуществляется в тело, то это — великая нелепость; что он... не видит различия лиц в божестве, и это означало бы несовершенство бога; что мир вечен и существуют бесконечные миры... что Христос совершал мнимые чудеса и был магом, как и апостолы, и что у него самого хватило бы духа сделать то же самое и даже гораздо больше, чем они; что Христос умирал не по доброй воле и, насколько мог, старался избежать смерти; что возмездия за грехи не существует; что души, сотворенные природой, переходят из одного живого существа в другое; что, подобно тому, как рождаются в разврате животные, таким же образом рождаются и люди.

Он рассказывал о своем намерении стать основателем новой секты под названием «новая философия». Он говорил, что дева не могла родить и что наша католическая вера преисполнена кощунствами против величия божия; что надо прекратить богословские препирательства и отнять доходы у монахов, ибо они позорят мир; что все они — ослы; что все наши мнения являются учением ослов; что у нас нет доказательств, имеет ли наша вера заслуги перед богом; что для добродетельной жизни совершенно достаточно не делать другим того, чего не желаешь себе самому...

Сперва я намеревался учиться у него, как уже докладывал устно, не подозревая, какой это преступник. Я брал на заметку все его взгляды, чтобы сделать донос вашему преосвященству, но опасался, чтобы он не уехал, как он собирался сделать. Поэтому я запер его в комнате, чтобы задержать, и так как считаю его одержимым демонами, то прошу поскорее принять против него меры.

Могу указать, к сведению святой службы, на книготорговца Чьотто и мессера Джакомо Бертано, тоже книготорговца.

Препровождаю также вашему преосвященству три его напечатанные книги. Я наспех отметил в них некоторые места. Кроме того, препровождаю написанную его рукой небольшую книжку о боге, о некоторых его всеобщих предикатах. На основании этого вы сможете вынести о нем суждение.

Он посещал также академию Андреа Морозини... где собирались многие дворяне. Они также, вероятно, слышали многое из того, что он говорил.

Причиненные им неприятности не имеют для меня никакого значения, и я готов передать это на ваш суд, ибо во всем желаю оставаться верным и покорным сыном церкви.

В заключение почтительнейше целую руки вашего преосвященства».³⁸⁰

25 и 26 мая Мочениго направил на Джордано Бруно новые доносы, после чего философ был арестован и заключен в тюрьму.

Инквизиционный трибунал начал немедленно собирать свидетельские показания и

³⁷⁹ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 275–276

³⁸⁰ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 285–286

допрашивать своего узника. Цель всего этого заключалась в том, чтобы уличить Джордано Бруно в еретических воззрениях и их пропаганде, что позволило бы выдать его на расправу папе римскому. Однако Бруно отвергал все обвинения и отказывался от признания своих ошибок.

Допросы вели венецианский инквизитор Габриэле Салюцци в компании с папским нунцием Людовико Таберной и членом Совета мудрых Алоизи Фускари, уполномоченным по борьбе с ересями.

Копии протоколов допросов отсылались специальными гонцами в Рим. 12 сентября 1592 г. папская инквизиция официально потребовала выдать ей Джордано Бруно.

Венецианский трибунал ответил согласием и запросил соответствующее разрешение у Совета мудрых. Совет отказался выдать Бруно. Рим продолжал настаивать, угрожая разрывом отношений и наложением интердикта на республику.

Опасаясь, что осуществление репрессивных мер папского престола может нанести вред торговым связям республики, Венеция 7 января 1593 г. приняла следующее решение о передаче узника папской инквизиции:

«Монсиньор нунций сделал нашей синьории настоящее представление от имени верховного первосвященника о выдаче Риму брата Джордано Бруно неаполитанца. В первый раз он был предан суду и заключен в тюрьму в Неаполе, а затем в Риме по тягчайшим обвинениям в ереси. Затем он бежал из тюрьмы того и другого города (это не соответствует действительности, Дж. Бруно не подвергался аресту ни в Неаполе, ни в Риме и не мог поэтому бежать из тюрем этих городов. — И. Г.) и, наконец, был обвинен и задержан святой службой инквизиции этого города. Ввиду этого святой трибунал Рима должен выполнить над ним надлежащее правосудие. В таких случаях, а в особенности в таком исключительном деле, подобает удовлетворить [требование] его святейшества.

Во исполнение требования первосвященника указанный брат Джордано Бруно должен быть передан трибуналу инквизиции Рима, о чем необходимо известить монсиньора нунция, чтобы он установил, под какой охраной и каким образом угодно будет его преосвященству отправить указанное лицо. Об этом надлежит сообщить нунцию завтра при свидании с ним или передать ему извещение на дом через посредство нотариуса нашей канцелярии. Кроме того, нашему послу в Риме должно быть отправлено уведомление, чтобы он сделал надлежащее представление его святейшеству и засвидетельствовал постоянную готовность нашей республики выполнить все, угодное ему».³⁸¹

Папа Климент VIII, преемник скончавшегося незадолго до этого Павла IV, узнав об этом решении от венецианского посла Паруты, возликовал. «Я известил его святейшество, — докладывал Парута дожу Венеции, — о полученном от вашего сиятельства поручении сообщить относительно брата Джордано Бруно и представил на его усмотрение. При этом я засвидетельствовал, что это решение еще раз подтверждает желание вашей светлости угодить ему. Он действительно принял это сообщение, как в высшей степени радостное, и ответил мне весьма любезно и обязательно. Он заявил, что очень желает всегда находиться в согласии с Республикой. Кроме того, он не хочет, чтобы ей приходилось разгрызать сухие кости, подкладываемые теми, кто не в силах спокойно глядеть, как высоко он ценит засвидетельствованную ему преданность. На это я ответил столь же обязательными словами, выразив искреннее почтение Республики к нему. Так как в моих словах ничего существенного не заключалось, то я не передаю их содержания».³⁸²

19 февраля 1593 г. закованный в кандалы Джордано Бруно был направлен морским путем в сопровождении эскорта военных кораблей (опасались нападения турецкого флота) в Рим. Его сопровождал в качестве главного охранника доминиканец Ипполито Мария

³⁸¹ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 323–324

³⁸² Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 324

Беккария, которого ждало в Риме назначение на пост генерала ордена «псов господних». Беккария примет самое активное участие в судилище над Джордано Бруно и будет его «увещевать» признать свои заблуждения и раскаяться.

По прибытии в Рим, 27 февраля 1593 г., Бруно был заточен в тюрьму инквизиции. Но только 16 декабря 1596 г. римская инквизиция приступила к его допросу. Почти четыре года Бруно был практически похоронен в казематах инквизиции, которая, с одной стороны, таким «забвением» пыталась «смягчить» его, сломить его волю к сопротивлению, а с другой — стремилась выиграть время для детального изучения многочисленных трудов философа и выискивания в них доказательств его еретических воззрений.

Конгрегация инквизиции, судившая Джордано Бруно, состояла из бывшего верховного инквизитора доминиканца кардинала Сансеверины, верховного инквизитора кардинала Мадруцци, бывшего папского комиссария по делам инквизиции в Германии, кардинала Педро Десы, известного своими преступлениями в бытность генеральным инквизитором в Испании, кардинала Пинелли, известного своей свирепостью и скупостью, кардинала Сарнино, ведавшего делами Индекса запрещенных книг, кардинала Сфондати, незаконнорожденного сына папы Григория XIV, о котором говорили, что за год правления своего отца он награбил больше, чем другие за десять лет, кардинала Камилло Боргезе — будущего папы Павла V, кардинала-датария Сассо и иезуита кардинала Роберто Беллармино, жестокого гомункула (он был небольшого роста) — одного из идеологов контрреформы, принимавшего впоследствии видное участие и в суде над Галилеем.

Вся эта свора князей церкви люто ненавидела Джордано Бруно и твердо решила расправиться с ним. Но их интересовала не столько физическая расправа над великим философом и гуманистом, сколько его духовная казнь, а вернее, духовное самоубийство, которого они надеялись добиться, вырвав от него самоосуждение, раскаяние, отречение от его идей и примирение с церковью, т. е. подчинение папскому престолу. Добейся они желаемого, это было бы равнозначно победе над всеми гуманистами и философскими критиками церкви и религии, с полным основанием считавших Бруно одним из своих наиболее талантливых и смелых идейных вождей.

16 декабря 1596 г. инквизиция постановила начать допрос Бруно «по извлеченным из его писаний положениям». Философ, однако, на вопросы инквизиторов отвечал уклончиво, утверждая, что никогда не придерживался приписываемых ему еретических взглядов и не излагал их в своих сочинениях. Натолкнувшись на решительный отказ узника признать свою вину и «примириться» с церковью, 24 марта 1597 г. инквизиторы постановили допросить его «крепко», т. е. подвергнуть пыткам.

Судя по сохранившимся протоколам допросов, пытка, примененная к Бруно, не дала результата. Стойкое поведение философа соответствовало его учению. В своем трактате «Печать печатей» он некогда писал: «Кого увлекает величие его дела, не чувствует ужаса смерти. Кого больше всего привлекает к себе любовь к божественной воле (которую они почитают наиболее твердой), не придет в смятение ни от каких угроз, ни от каких надвигающихся ужасов. Что касается меня, то я никогда не поверю, что может соединиться с божественным тот, кто боится телесных мук. Поистине, мудрый и добродетельный лишь тогда достигает совершенного (поскольку совершенство возможно в условиях земной жизни), когда не испытывает страданий, если только хочешь взглянуть на это оком разума».³⁸³ В конце 1598 г. Рим постигло наводнение, тюрьма инквизиции была затоплена, и Бруно чуть было не погиб. Но это никак не отразилось на его деле, за которое вскоре инквизиторы принялись с новой энергией.

Чтобы заполучить доказательства «вины» Бруно, они использовали традиционный и испытанный в их практике метод подсаживания в камеру обвиняемого провокаторов, показания которых послужили основой для осуждения Ноланца. Провокаторы были

³⁸³ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 372

использованы против него как во время пребывания его в заключении в Венеции, так и в Риме. Их показания широко цитируются в «Кратком изложении следственного дела Джордано Бруно о том, что брат Джордано Бруно думал о святой католической вере, осуждал ее и ее служителей», составленном по распоряжению инквизиторов в 1597 г.

Приведем из этого источника раздел о существовании множества миров, весьма характерный для следственной техники «святого» судилища:

82. *Джованни Мочениго, доносчик* : «Я слышал несколько раз в моем доме от Джордано, что существуют бесконечные миры и что бог постоянно создает бесконечные миры, ибо сказано, что он хочет все, что может».

83. *Он же, допрошенный* : «Он много раз утверждал, что мир вечен и что существует множество миров. Еще он говорил, что все звезды — это миры и что это утверждается в изданных им книгах. Однажды, рассуждая об этом предмете, он сказал, что бог столь же нуждается в мире, как и мир «в боге, и что бог был бы ничем, если бы не существовало мира, и что бог поэтому только и делает, что создает новые миры».

84. *Брат Челестино, сосед Джордано по камере в Венеции, донес* : «Джордано говорил, что имеется множество миров, что все звезды — это миры и что величайшее невежество — верить, что существует только этот мир». Сослался на свидетелей, соседей по камере Джулио де Сало, Франческо Вайа и Маттео де Орио.

85. *Он же, допрошенный, показал* : «Он утверждал, что существует огромное количество миров и что все звезды, сколько их видно, — это миры».

86. *Брат Джулио, о коем выше* : «Я слышал от него, что все — мир, что всякая звезда — мир и что сверху и снизу существует много миров». Повторно не допрошен.

87. *Франческо Вайа Неаполитанец* : «Он говорил, что существует множество миров и великое смешение миров и что все звезды — это миры». Повторно не допрошен, умер.

88. *Франческо Грациано, сосед по камере в Венеции* : «В своих беседах он утверждал, что существуют многие миры; что этот мир — звезда и другим мирам кажется звездой, подобно тому, как светила, являющиеся мирами, светят нам, как звезды. А когда я ему возражал, он ответил, что рассуждает, как философ, ибо, кроме него, нет других философов, и в Германии, кроме его философии, никакой другой не признают».

89. *Он же, допрошенный* : «Однажды вечером он подвел к окну Франческо Неаполитанца и показал ему звезду, говоря, что это — мир и что все звезды — миры».

90. *Маттео де Сильвестрис, сосед по камере* : «Далее он говорил, что мир вечен, и что существуют тысячи миров, и что все звезды, сколько их видно, — это миры».

91. *Он же, повторно допрошенный* : «Множество раз он поучал меня, что все звезды, какие видны, — это миры».

92. *Обвиняемый, на третьем допросе* : «В моих книгах, в частности, можно обнаружить взгляды, которые в целом заключаются в следующем. Я полагаю Вселенную бесконечной, то есть созданием бесконечного божественного могущества. Ибо я считаю недостойным божественной благодати и могущества, чтобы бог, обладая способностью создать помимо этого мира другой и другие бесконечные миры, создал конечный мир. Таким образом, я заявлял, что существуют бесконечные миры, подобные миру земли, которую я вместе с Пифагором считаю светилом, подобным луне, планетам и иным звездам, число которых бесконечно. Я считаю, что все эти тела суть миры, без числа, образующие бесконечную совокупность в бесконечном пространстве, называющуюся бесконечной Вселенной, в которой находятся бесконечные миры. Отсюда косвенно следует, что истина находится в противоречии с верой. В этой вселенной я полагаю всеобщее провидение, благодаря которому всякая вещь живет, растет, движется и совершенствуется в мире. Оно находится в мире подобно тому, как душа в теле. Все во всем и все в какой угодно части, и это я называю природой, тенью и одеянием божества. Это я понимаю так же и так, что бог по существу, присутствию и могуществу неизреченным способом находится во всем и над всем: не как часть, не как душа, но необъяснимым образом».

93. *На двенадцатом допросе* : «Из всех моих сочинений и высказываний, которые

могли бы быть сообщены сведущими и достойными доверия людьми, видно следующее: я считаю, что этот мир и миры, и совокупность миров рождаются и уничтожаются. И этот мир, то есть земной шар, имел начало и может иметь конец, подобно другим светилам, которые являются такими же мирами, как и этот мир, возможно лучшими или даже худшими; они — такие же светила, как и этот мир. Все они рождаются и умирают, как живые существа, состоящие из противоположных начал. Таково мое мнение относительно всеобщих и частных созданий, и я считаю, что по всему своему бытию они зависят от бога».

94. На четырнадцатом допросе по существу отвечал в том же роде относительно множества миров и сказал, что существуют бесконечные миры в бесконечном пустом пространстве, и приводил доказательства.

95. *Спрошенный, отвечал* : «Я говорю, что в каждом мире с необходимостью имеются четыре элемента, как и на земле, то есть имеются моря, реки, горы, пропасти, огонь, животные и растения. Что же касается людей, то есть разумных созданий, то я предоставляю судить об этом тем, кто хочет так их называть. Однако следует полагать, что там имеются разумные животные. Что же касается, далее, их тела, то есть смертно оно, как наше, или нет, то наука не дает на это ответа. Раввины и святые Нового завета верили, что существуют живые существа, бессмертные по милости божией. Их имеют в виду, когда говорят о земле живущих и месте блаженных, по псалму: «Верую, что увижу благость господна на земле живых», откуда нисходят ангелы в виде света и пламени. Так толковал святой Василий следующий стих: «Ты творишь ангелами твоими духов, служителями твоими — огонь пылающий», полагая, что ангелы телесны, и святой Фома говорил, что не составляет вопроса веры, телесны ангелы или нет. Основываясь на этих, я считаю для себя допустимым мнение, что в этих мирах имеются разумные существа, живые и бессмертные, которых вследствие этого следует скорее называть ангелами, чем людьми. Как философы-платоники, так и христианские богословы, воспитанные на учении Платона, определяют их как разумных, бессмертных существ, в высшей степени отличающихся от нас, людей».

96. *Спрошенный, отвечал* : «Не исключено, что они питаются подобно животным, едят и пьют соответствующим их природе образом, но если они не умирают, то наверняка и не размножаются».

97. *Спрошенный, видит ли он различие в том, что живые существа этого мира смертны, живые же существа иных миров бессмертны, отвечал* : «Я исхожу из авторитета священного писания, которое не помещает смертных людей на небе и вокруг этого мира, а говорит о земле живущих.

Кроме того, если бы не первородный грех, то и в этом мире существовали бы еще подобные людям разумные живые существа, которые обладали бы бессмертием, несмотря на то, что ели и питались. Причина этого бессмертия не в природе, ибо эти существа состояли бы из противоположных элементов, а в милости божией.

Таким именно образом бог создал бессмертным нашего прародителя с его родом, который, питаясь от древа жизни, имел возможность не только питаться, но и восстанавливать всю свою сущность и полностью сохранять природные элементы и начала». 384

4 февраля 1599 г. конгрегация инквизиции, заседавшая под председательством папы Климента VIII, приняла по делу Бруно следующее постановление:

«Отцы-богословы, а именно: отец-генерал указанного ордена братьев-проповедников, Беллармино и комиссарий должны внушить указанному брату Джордано, что его положения еретичны и противны католической вере и объявлены таковыми не только ныне, но были осуждены и прокляты древнейшими отцами, католической церковью и святым апостольским престолом. Если отвергнет их, как таковые, пожелает отречься и проявит готовность, то

384 Краткое изложение следственного дела Джордано Бруно. — Вопросы истории религии и атеизма, т. 6, М., 1958, с. 373–375

пусть будет допущен к покаянию с надлежащими наказаниями. Если же нет, пусть будет назначен сорокадневный срок для отречения, обычно предоставляемый нераскаянным и упорным еретикам. Да будет все сие устроено по возможности наилучшим образом и как надлежит». ³⁸⁵

Как следует из вышеприведенного текста, инквизиция предъявила Бруно ультиматум: или признание ошибок и отречение и сохранение жизни, или отлучение от церкви и смерть.

Бруно выбрал последнее. Он категорически, несмотря на пытки и мучения, продолжавшиеся уже свыше семи лет, отказался признать себя виновным. Но инквизиторы все еще не теряли надежды, что им удастся сломить железную волю своего узника и заставить его раскаяться. Они надеялись приурочить свою победу к 1600 г., который был объявлен «святым» юбилейным годом. Раскаяние такого известного еретика, как Джордано Бруно, должно было послужить доказательством победы папского престола над своим противником. Между тем допрос следовал за допросом, а Бруно твердо стоял на своем, как об этом можно судить по сохранившимся протоколам инквизиционного судилища. В одном из них, от 21 октября 1599 г., записано: «Брат Джордано Бруно, сын покойного Джованни, Ноланец, священник ордена братьев-проповедников, рукоположенный из монахов, магистр святого богословия, заявил, что не должен и не желает отречься, не имеет, от чего отречься, не видит основания для отречения и не знает, от чего отречься». ³⁸⁶

Инквизиция поручила генералу ордена доминиканцев Ипполиту Марии Беккарии и генеральному прокурору того же ордена провести последнюю «увещательную» беседу с узником, которая, как и предыдущие, не дала желаемого результата.

20 января 1600 г. собралось инквизиционное судилище для окончательного решения дела Бруно. Принятое решение кончалось следующим образом: «Святейший владыка наш Климент папа VIII постановил и повелел, — да будет это дело доведено до конца, соблюдая то, что подлежит соблюдению, да будет вынесен приговор, да будет указанный брат Джордано предан светской курии». ³⁸⁷

Этим папским повелением участь Джордано Бруно была решена.

8 февраля 1600 г. инквизиционный трибунал огласил приговор философу в церкви св. Агнессы, куда привели Бруно в сопровождении палача. Приговор, подписанный кардиналами-инквизиторами во главе с Роберто Беллармино, излагал подробности процесса, в постановительной же части звучал так:

«Называем, провозглашаем, осуждаем, объявляем тебя, брата Джордано Бруно, нераскаявшимся, упорным и непреклонным еретиком. Посему ты подлежишь всем осуждениям церкви и карам, согласно святым канонам, законам и установлениям, как общим, так и частным, относящимся к подобным явным, нераскаянным, упорным и непреклонным еретикам. И как такового мы тебя извергаем словесно из духовного сана и объявляем, чтобы ты и в действительности был, согласно нашему приказанию и повелению, лишен всякого великого и малого церковного сана, в каком бы ни находился доньне, согласно установлениям святых канонеров. Ты должен быть отлучен, как мы тебя отлучаем от нашего церковного сонма и от нашей святой и непорочной церкви, милосердия которой ты оказался недостойным. Ты должен быть предан светскому суду, и мы предаем тебя суду монсиньора губернатора Рима, здесь присутствующего, дабы он тебя покарал подобающей казнью, причем усиленно молим, да будет ему угодно смягчить суровость законов, относящихся к казни над твоею личностью, и да будет она без опасности смерти и членовредительства.

³⁸⁵ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 352

³⁸⁶ Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 358. 2 Там же, с. 363

³⁸⁷ Там же с.363

Сверх того, осуждаем, порицаем и запрещаем все вышеуказанные и иные твои книги и писания как еретические и ошибочные, заключающие в себе многочисленные ереси и заблуждения. Повелеваем, чтобы отныне все твои книги, какие находятся в святой службе и в будущем попадут в ее руки, были публично разрываемы и сжигаемы на площади св. Петра перед ступенями и как таковые были внесены в список запрещенных книг, и да будет так, как мы повелели.

Так мы говорим, возвещаем, приговариваем, объявляем, извергаем из сана, приказываем и повелеваем, отлучаем, передаем и молимся, поступая в этом и во всем остальном несравненно более мягким образом, нежели с полным основанием могли бы и должны были бы.

Сие провозглашаем мы, кардиналы генеральные инквизиторы, поименованные ниже...». 388

Бруно спокойно выслушал решение инквизиторов и ответил им: «Вероятно, вы с большим страхом произносите приговор, чем я выслушиваю его».

Вслед за этим был проведен над осужденным обряд проклятия. Вот как он происходил в описании иезуита Правитта, присутствовавшего при этом в церкви св. Агнессы:

«Джордано Бруно привели к алтарю тащившие его под руки клирики. На нем были все облачения, которые он получал, соответственно ступеням посвящения, начиная со стихаря послушника и кончая знаками отличия священника. Епископ, совершавший церемонию снятия сана, был в омофоре, белом облачении с кружевами, епитрахили красного цвета и священнической ризе. На голове у него была простая митра. В руках он держал епископский жезл. Приблизившись к алтарю, он сел на передвижную епископскую скамью лицом к светским судьям и народу.

Джордано Бруно заставили взять в руки предметы церковной утвари, обычно употребляемые при богослужении, как если бы он готовился приступить к совершению священнодействия. Затем его заставили пасть перед епископом ниц. Епископ произнес установленную формулу: «Властью всемогущего бога отца и сына и святого духа и властью нашего сана снимаем с тебя облачение священника, низлагаем, отлучаем, извергаем из всякого духовного сана, лишаем всех титулов».

Затем епископ надлежащим инструментом срезал кожу с большого и указательного пальцев обеих рук Джордано Бруно, якобы уничтожая следы миропомазания, совершенного при посвящении в сан. После этого он сорвал с осужденного облачения священника и, наконец, уничтожил следы тонзуры, произнося формулы, обязательные при обряде снятия сана». 389

17 февраля 1600 г. на площади Цветов в Риме состоялась казнь философа. «Сегодня, — читаем мы в сохранившемся отчете Братства усекновения главы Иоанна Крестителя, являвшегося своего рода корпорацией палачей на службе инквизиции, — в два часа ночи братству было сообщено, что утром должно совершиться правосудие над неким нераскаившимся. Поэтому в шесть часов утра отцы-духовники и капеллан собрались в [церкви] св. Урсулы и направились к тюрьме в башне Нона, вошли в нашу капеллу и совершили обычные молитвы, так как там находился нижеуказанный приговоренный к смерти осужденный, а именно: Джордано, сын покойного Бруно, брат-отступник, Ноланец из Королевства, нераскаившийся еретик. Наши братья увещевали его со всяческой любовью и вызвали двоих отцов из [ордена] св. Доминика, двоих из [ордена] иезуитов, двоих из новой церкви и одного из [церкви] св. Иеронима, которые со всяческим снисхождением и великой ученостью разъясняли ему его заблуждения, но в конце концов вынуждены были отступить перед его проклятым упорством, ибо мозг и рассудок его вскружены тысячами

388 Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 366–367

389 Цит. по: Рожицын В. С. Джордано Бруно и инквизиция, с. 373–374

зablуждений и суетностью.

Св. Доминик сжигает книги. Художник П. Берругете (ок. 1440–1504)

Так он упорствовал в своей непреклонности, пока слуги правосудия не повели его на Кампо ди Фьоре, обнажили и, привязав к столбу, сожгли, причем наши братья все время находились при нем, пели молитвы, а духовники увещевали его до последнего момента, убеждая отказаться от упорства, в котором он в конце концов завершил свою жалкую и несчастную жизнь».³⁹⁰

Известно, что палачи привели Бруно на место казни с кляпом во рту, привязали к столбу, что находился в центре костра, железной цепью и перетянули мокрой веревкой, которая под действием огня стягивалась и врезалась в тело. Его последними словами были: «Я умираю мучеником добровольно».

Все произведения Джордано Бруно были занесены в Индекс запрещенных книг, в котором они фигурировали вплоть до его последнего издания 1948 г.

9 июня 1889 г. на месте казни Джордано Бруно был воздвигнут памятник, который и ныне находится там.

Бруно писал: «Смерть в одном столетии дарует жизнь во всех веках грядущих». И он был прав. Своей стойкостью и верностью научному мировоззрению, основы которого он защищал, Джордано Бруно завоевал себе уважение и любовь последующих поколений. Коммунисты чтут память этого великого мыслителя, которого с полным основанием Пальмиро Тольятти назвал одним из предшественников научного коммунизма.

Церковники до самого последнего времени отстаивали «законность» расправы над Джордано Бруно. В 1942 г. кардинал Меркати, комментируя процесс над знаменитым Ноланцем, с цинизмом утверждал: «Церковь могла, должна была вмешаться — и вмешалась: документы процесса свидетельствуют о его законности... Если приходится констатировать осуждение (т. е. убийство, сожжение Бруно, — И. Г.), то основание его следует искать не в

³⁹⁰ Цит. по тому же, с. 378

судьях, а в обвиняемом».³⁹¹

Такое же мнение высказал в 1950 г. историк-иезуит Луиджи Чикуттини: «Способ, которым церковь вмешалась в дело Бруно, оправдывается той исторической обстановкой, в которой она должна была действовать; но право вмешаться в этом и во всех подобных случаях любой эпохи является прирожденным правом, которое не подлежит воздействию истории».³⁹²

Такова была позиция церкви в отношении убийства Джордано Бруно вплоть до самого последнего времени.

«РАСКАЯНИЕ» ГАЛИЛЕЯ

В 1543 г., незадолго до смерти автора, вышло в свет сочинение неизвестного тогда польского астронома-любителя Николая Коперника (1473–1543) «Об обращении небесных сфер». Хотя и посвященное папе Павлу III и написанное в форме традиционного уважения к канонам церкви, оно в корне расходилось с общепринятой в то время библейско-птолемеевской картиной мира, согласно которой центром Вселенной является Земля. Энгельс назвал издание бессмертного творения Коперника «революционным актом, которым исследование природы заявило о своей независимости и как бы повторило лютеровское сожжение папской буллы».³⁹³

Вначале открытие Коперника не привлекло особого внимания иерархов католической церкви, так как в предисловии к его труду, написанном, правда, не автором, а издателем книги протестантским богословом Осиандером, открытия великого польского астронома преподносились читателям всего лишь в виде гипотезы. Более того, первыми, кто ополчился на открытия Коперника, были Лютер и Кальвин. Католические же богословы только полвека спустя, когда столкнулись с еретическими взглядами на Вселенную Джордано Бруно, стали уяснять себе, что гелиоцентрическая система Коперника подрывает основу основ религиозного мировоззрения.

Так же оценивал теорию Коперника и Галилео Галилей (1564–1642), открытия которого подтверждали основной тезис его польского предшественника о вращении Земли вокруг своей оси. В 1612 г. Галилей писал своему единомышленнику принцу Чези: «Я подозреваю, что астрономические открытия будут сигналом для похорон или, вернее, для страшного суда над ложной философией»,³⁹⁴ подразумевая под этим термином богословские взгляды на строение мира.

³⁹¹ Цит. по: Горфункель А. Джордано Бруно перед судом инквизиции. — Вопросы истории религии и атеизма, т. 6, с. 356

³⁹² Там же

³⁹³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 347

³⁹⁴ Цит. по: Гурев Г. А. Учение Коперника и религия. М., 1961, с. 76

Галилео Галилей. Гравюра О. Леони, 1624 г.

В начале XVII в. открытия Коперника и Галилея разделили церковников на два враждебных лагеря — сторонников и противников гелиоцентрической системы. Ученые того времени в католических странах нередко сами были церковниками, членами различных монашеских орденов. Их произведения, опровергавшие библейские сказания, распространялись среди церковной братии, породили смятение в церковной среде, которая и без того находилась в состоянии постоянного брожения, вызванного церковным расколом, религиозными войнами и критикой церковных догм гуманистами Возрождения.

Одним из первых в католическом мире, уловившим революционное значение открытия Коперника и Галилея, был известный уже читателю кардинал Беллармино (1542–1621), принимавший активное участие в расправе над Джордано Бруно и возглавлявший в описываемый нами период конгрегацию инквизиции.

Беллармино, пишет о нем современный американский философ Б. Данэм, «был одним из самых опасных и жестоких инквизиторов, потому что был одним из самых ученых теологов. Он обессмертил себя требованием предавать сожжению молодых еретиков на том основании, что, чем дольше они живут, тем большему проклятию подвергнутся. Но когда он утверждал, что открытие Коперника сорвет весь христианский план спасения человека, то говорил истинную правду. Инквизиторы ошибаются во многом, они полностью ошибаются в области моральных принципов, но они почти никогда не ошибаются в отношении тенденции развития. Они предугадывают будущее какой-либо идеи, как собака чует, куда ведет след...». ³⁹⁵

Вначале папский престол и инквизиция во главе с Беллармино стремились установить

³⁹⁵ Данэм Б. Герои и еретики, с. 346

некое подобие компромисса с Галилеем и его сторонниками на следующих условиях: ученые свои открытия будут выдавать за гипотезу, не противопоставляя их Библии, не пытаясь опровергнуть библейскую версию о мироздании, а взамен церковь и инквизиция оставят их в покое, воздержатся от преследований и репрессий. Эта точка зрения была сформулирована кардиналом Беллармино в следующем письме от 12 апреля 1615 г. к неаполитанскому ученому кармелитскому монаху Паоло Антонио Фоскарини, стороннику Галилея:

«Во-первых, мне кажется, что ваше священство и господин Галилео мудро поступают, довольствуясь тем, что говорят предположительно, а не абсолютно; я всегда полагал, что так говорил и Коперник. Потому что, если сказать, что предположение о движении Земли и неподвижности Солнца позволяет представить все явления лучше, чем принятие эксцентриков и эпициклов, то это будет сказано прекрасно и не влечет за собой никакой опасности. Для математика этого вполне достаточно. Но желать утверждать, что Солнце в действительности является центром мира и вращается только вокруг себя, не передвигаясь с востока на запад, что Земля стоит на третьем небе и с огромной быстротой вращается вокруг Солнца, — утверждать это очень опасно не только потому, что это значит возбудить всех философов и теологов-схоластов; это значило бы нанести вред святой вере, представляя положения святого писания ложными.

Во-вторых, как вы знаете, собор (Тридентский. — И. Г.) запретил толковать священное писание вразрез с общим мнением святых отцов. А если ваше священство захочет прочесть не только святых отцов, но и новые комментарии на книгу «Исхода», псалмы, Экклезиаст и книгу Иисуса, то вы найдете, что все сходятся в том, что нужно понимать буквально, что Солнце находится на небе и вращается вокруг Земли с большой быстротой, а Земля наиболее удалена от неба и стоит неподвижно в центре мира. Рассудите же сами, со всем своим благоразумием, может ли допустить церковь, чтобы писанию придавали смысл, противоположный всему тому, что писали святые отцы и все греческие и латинские толкователи? Нельзя на это также ответить, что это не является вопросом веры потому, что если это не вопрос веры *ratione obiecti* (в смысле объекта), то это вопрос веры *ratione dicentis* (в смысле говорящего). И так же был бы еретиком тот, кто сказал бы, что у Авраама было не два сына, а у Иакова не 12, как тот, кто сказал бы, что Христос родился не от девы, потому что и то и другое говорит святой дух устами пророков и апостолов.

Если бы даже и существовало истинное доказательство того, что Солнце находится в центре мира, а Земля на третьем небе и что Солнце не вращается вокруг Земли, но Земля вращается вокруг Солнца, то и тогда необходимо было бы с большой осторожностью подходить к истолкованию тех мест писания, которые представляются этому противоречащими, и лучше будет сказать, что мы не понимаем писания, чем сказать, что то, что говорится в нем, ложно. Но я никогда не поверю, чтобы такое доказательство было возможно, до тех пор, пока мне действительно его не представят; одно дело показать, что предположение, что Солнце в центре, а Земля на небе, позволяет хорошо представить наблюдаемые явления; совсем другое дело доказать, что в действительности Солнце находится в центре, а Земля на небе, ибо первое доказательство, я думаю, можно дать, а второе — я очень в этом сомневаюсь. В случае же сомнения нельзя отказаться от толкования писания, данного святыми отцами. Добавлю к этому, что тот, кто написал: «Восходит Солнце и заходит, и к месту своему возвращается», был не кто иной, как Соломон, который не только говорил по божьему вдохновению, но и был человеком, превосходящим всех мудростью и ученостью в человеческих знаниях и в знакомстве со всеми сотворенными вещами, и всю эту мудрость получил он от бога; значит, совершенно невероятно, чтобы он утверждал вещь, противную доказанной истине или истине, могущей быть доказанной. Если же вы мне скажете, что Соломон говорит о явлении так, как мы его видим, и говорит: нам кажется, что вращается Земля, так же как тому, кто удаляется от берега на корабле, кажется, что берег удаляется от корабля, то на это я отвечу, что находящийся на корабле, хотя ему и кажется, что берег удаляется от него, все же знает, что это обман, и исправляет его, понимая ясно, что движется корабль, а не берег; что же касается Солнца и Земли, то нет никакой

уверенности в том, что нужно исправить обман, ибо ясный опыт показывает, что Земля неподвижна и что глаз не обманывается, когда говорит нам, что Солнце движется, так же как не обманывается он, когда свидетельствует, что Луна и звезды движутся. Этого пока достаточно». ³⁹⁶

Однако Галилей и его многочисленные сторонники, а таковые имелись даже в среде церковных иерархов, отвергли предложенный им компромисс. Они отважно вторгались в запретную для них область богословия, требуя признания сделанных ими открытий не в качестве сомнительной гипотезы, а в качестве непреложной истины, отчетливо понимая, что наука только тогда сможет обрести свой подлинный смысл и значение, только тогда сможет успешно развиваться, когда сорвет с себя оковы богословия и из его служанки превратится в служанку объективной истины.

Партия контрреформы во главе с папой римским, иезуитами и доминиканскими иерархами приняла брошенный ей Галилеем вызов и решила проучить его. Инквизиции был дан приказ заняться «делом» Галилея, и она, по свойственной ей традиции, стала собирать обличающий его в еретических воззрениях материал. Кто же поставил этот материал? Как обычно — доносчики. Одним из первых был доминиканец Фома Каччини. Сохранился допрос этого типичного для инквизиции «свидетеля»:

«Пятница, 20 марта 1615 г.

Предстал по собственному желанию в Риме во дворце святого судилища в большой палате допросов пред лицом достопочтенного брата ордена доминиканцев отца Михаэля Анджело Сегецио-де-Лауда, магистра святой теологии и генерального комиссария римской и вселенской инквизиции, в моей и т. д.

Достопочтенный отец, брат Фома, сын некоего Иоанна Каччини, флорентинец, священнослужитель доминиканского ордена, магистер и бакалавр прихода Марии над Минервой в Риме, в возрасте около 39 лет. После взятия с него клятвы говорить правду и т. д. показал, как ниже сказано, а именно:

«Я говорил с преосвященнейшим господином кардиналом Арчели о некоторых событиях, происшедших во Флоренции, и он вчера поручил мне сообщить об этом; он мне сказал, что я должен явиться сюда и сказать все; так как он мне сказал, что необходимо дать об этом показание в судебном порядке, то я и явился сюда для этого. Итак, я сообщаю, что в четвертое воскресенье рождественского поста прошлого года, выступая с проповедью в церкви Сайта Мария Новелла во Флоренции, в которой в том году мне было поручено читать священное писание, я продолжал начатую мною историю Иисуса [Навина]. Как раз в это воскресенье я дошел до того места десятой главы этой книги, где святой автор сообщает о великом чуде, которое совершил господь, остановив Солнце, внимая мольбе Иисуса, т. е. о месте: «Солнце, стой над Габаоном...» и т. д. По этому случаю, истолковав сначала буквальный смысл этого места, а затем его нравоучительный и душеспасительный смысл, я стал, далее, с подобающей моему положению скромностью, разбирать учение, которое прежде принимал и преподавал Николай Коперник, в наше же время, судя по широко распространенной во Флоренции молве, математик синьор Галилео Галилей, т. е. учение, что Солнце, будучи согласно его утверждению, центром мира, является, следовательно, неподвижным в отношении поступательного перемещения, т. е. перемещения с одного края до другого. Я сказал, что подобное мнение считалось авторитетнейшими авторами несогласным с католической верой, так как оно противоречит многим местам священного писания, буквальный смысл которых, установленный согласно всеми святыми отцами, свидетельствует о противном, как, например, кроме цитированного места книги Иисуса [Навина], свидетельствует 18-й псалом, Экклезиаста глава I, а также книга Исаяи 38; а чтобы слушатели мои получили уверенность в том, что такое толкование мое не является с моей стороны произвольным, я прочел им поучение Николая Серрария, вопрос 14-й о десятой

³⁹⁶ Цит. по: Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция, ч. I, с. 130–132

главе книги Иисуса, который, сказав, что это положение Коперника противоречит общему мнению всех философов, схоластических теологов и всех святых отцов, приходит к заключению, что на основании указанных мест писания он не может усмотреть, как можно не считать это учение почти еретическим. После этого я обратил внимание на то, что никому не позволено толковать священное писание вопреки тому смыслу, в котором его толкуют все святые отцы, потому что это запрещено.

Это мое благочестивое увещание, хотя оно очень понравилось многим благородным людям, набожным и образованным, не понравилось, однако, некоторым ученикам вышеупомянутого Галилея; некоторые из них отправились к соборному проповеднику, чтобы побудить его выступить с проповедью против положений, мною выставленных. Когда до меня дошел слух об этом, я, движимый усердием к истине, объяснил достопочтеннейшему отцу инквизитору Флоренции, насколько необходимым казалось мне по долгу совести говорить о вышеупомянутом месте книги Иисуса; я обратил его внимание на то, что следовало бы обуздать некоторых дерзких людей, учеников вышеупомянутого Галилея, о которых мне говорил достопочтенный отец, брат Фердинанд Ксимен, регент церкви Сайта Мария Новелла, сообщив, что некоторые из них высказывают следующие три положения: бог является не субстанцией, но акциденцией; бог чувствует, ибо он имеет божественные чувства; чудеса, совершенные по общему мнению святыми, не являются поистине чудесами.

После этих событий отец маэстро, брат Никколо Лорини, показал мне копию одного письма, написанного вышеупомянутым синьором Галилео Галилеем отцу Бенедетто Каstellи, бенедиктинскому монаху и профессору математики в Пизе, в котором, как мне показалось, содержится учение, неблагонадежное с богословской точки зрения; и так как копия этого письма была доставлена господину кардиналу святой Цецилии, то мне нет нужды доставлять другую. Итак, я сообщаю настоящему святому судилищу, что общая молва говорит, что вышеупомянутый Галилей высказывает следующие два положения: Земля в себе самой целиком движется также ежедневным движением; Солнце неподвижно, — положения, которые, на мой взгляд, противоречат священному писанию, как его толкуют святые отцы, и, следовательно, противоречат вере, которая требует считать истинным все то, что содержится в писании. Больше мне нечего сказать».

На вопрос, откуда он знает, что Галилей преподает и придерживается мнения, что Солнце неподвижно, а Земля движется, и узнал ли он это от кого-нибудь, и от кого именно.

Ответил: «Я уже говорил, что об этом всюду ходили слухи; кроме того, я слышал от монсеньора Филиппа де Барди, епископа Кортонского, во время его пребывания здесь, а также во Флоренции, что Галилей считает вышеупомянутые положения истинными. Монсеньор добавил, что ему кажется это очень странным, так как эти положения не согласованы с писанием. Далее, я слышал это от одного флорентийского дворянина Аттаванти, приверженца Галилея, который сказал мне, что вышеупомянутый Галилей истолковывал священное писание таким образом, что устранялись противоречия с его мнением; имя этого дворянина я не помню; не знаю также, где он живет. Я знаю наверное, что он бывает часто в церкви Сайта Мария Новелла во Флоренции, носит одежду священнослужителя и на вид имеет лет 28–30, он смуглолиц, с каштановой бородой, среднего роста, с тонкими чертами лица. Об этом он говорил мне прошлым летом, примерно в августе месяце, в приходе Сайта Мария Новелла в келий брата Фернандо Ксимена в связи с тем, что Ксимен упомянул, что я в недалеком будущем буду читать о чуде стояния Солнца проповедь, на которой Ксимен собирался присутствовать. Я также прочел это учение в одной напечатанной в Риме книге, которая трактует о солнечных пятнах и которая выпущена упомянутым Галилеем. Ее мне дал отец Ксимен».

На вопрос: «Кто тот священнослужитель собора, которого ученики Галилея убеждали публично держать речь, направленную против наставления, которое он, дающий показания, публично же изложил; и кто те ученики, которые обратили эту просьбу к упомянутому священнослужителю?»

Ответил: «Проповедник Флорентийского собора, к которому обратились ученики

Галилея, чтобы он произнес проповедь против наставления, мною преподанного, — это один иезуитский священник из Неаполя, имени которого я не знаю; я знаю об этом не от самого проповедника, потому что с ним я никогда не говорил; об этом мне сообщил иезуит отец Эммануил Ксимен; с ним советовался упомянутый проповедник, которому он и отсоветовал выступать; не знаю я также, кто те ученики Галилея, которые просили проповедника о вышеуказанном».

На вопрос: «Говорил ли когда-нибудь с упомянутым Галилеем?»

Ответил: «Я его даже не знаю в лицо».

На вопрос: «Какой репутацией в религиозном отношении пользуется Галилей во Флоренции?»

Ответил: «Многие считают его хорошим католиком, другие же считают его подозрительным в религиозном отношении, так как, говорят они, он очень близок с братом Паоло из ордена Сервитов, столь известным в Венеции своим неблагочестием; говорят, что и сейчас они переписываются между собой».

На вопрос: не скажет ли, от кого именно он узнал это.

Ответил: «Я слышал это от отца Никколо Лорини и от приора Ксимена, настоятеля монастыря рыцарей св. Стефана. Они сказали мне вышеупомянутое, т. е. отец Никколо Лорини говорил, что между Галилеем и маэстро Паоло существует переписка и большая дружба, добавив при этом случае, что последний весьма подозрителен в религиозных вопросах; он говорил это много раз, а также писал мне об этом сюда в Рим. Приор же Ксимен ничего не говорил мне о дружбе между маэстро Паоло и Гаушлеем; он говорил только, что Галилей внушает подозрение и что однажды, будучи в Риме, он слышал, что святое судилище собирается взяться за Галилея, ибо тот провинился перед ним. Это он мне сказал в комнате вышеупомянутого Фернандо, его двоюродного брата; не помню, присутствовал ли при этом сам отец Фернандо».

На вопрос: слышал ли он от вышеназванных отцов Лорини и Ксимена, в чем именно считают они подозрительным Галилея в вопросах веры.

Ответил: «Мне они сказали только то, что они считают его человеком подозрительным, так как он держится мнения, что Солнце неподвижно, а Земля движется, и так как он желает толковать священное писание вразрез с тем смыслом, который общепринят святыми отцами».

При этом он добавил по собственному побуждению: «Галилей вместе с другими состоит в академии, — не знаю, ими ли она основана, — называемой академией деи Линчей. Они ведут переписку, т. е. вышеупомянутый Галилей, с другими лицами из Германии, как кажется, о его книге о солнечных пятнах».

На вопрос: говорил ли ему отец Фернандо Ксимен, от кого он слышал положения, что бог не субстанция, но акциденция, что бог обладает чувствами, а также, что чудеса, совершенные святыми, не являются на самом деле чудесами.

Ответил: «Как будто я припоминаю, что он назвал мне того же Аттаванти, о котором я говорил как об одном из тех, кто высказывает упомянутые положения; о других я не помню».

На вопрос: «Где, когда, в чьем присутствии и по какому случаю отец Фернандо рассказывал, что ученики Галилея высказывают упомянутые положения?»

Ответил: «Отец Фернандо говорил мне, что слышал эти положения от учеников Галилея много раз и в монастырском дворе, и в своей келье. Было это после того, как я произнес эту проповедь; он рассказал мне об этом, сообщая, что он защищал меня в споре с ними. Я не припомню, чтобы при этом присутствовали другие».

На вопрос: не имеет ли вражды к упомянутому Галилею, к Аттаванти и к другим ученикам Галилея.

Ответил: «Я не только не имею вражды к упомянутому Галилею, но я его даже не знаю; точно так же и к Аттаванти я не имею никакой вражды и никакого недоброжелательства, также и к другим ученикам Галилея, за которых я, напротив, молюсь богу».

На вопрос: «Преподает ли упомянутый Галилей публично и имеет ли он многих учеников?»

Ответил: «Знаю только, что во Флоренции он имеет многих последователей, которые зовутся «галилеистами». Это те, которые одобряют и превозносят его мнение и учение».

На вопрос: «Откуда родом упомянутый Галилей, какова его профессия и где он учился?»

Ответил: «Он называет себя флорентинцем, но я слышал, что он пизанец; по профессии он математик; насколько я знаю, он учился в Пизе и преподавал в Падуе. Ему около шестидесяти лет».

После этого он был отпущен, и с него была взята клятва сохранять молчание о вышесказанном и получена его подпись: «Я, брат Фома Каччини, показывал вышесказанное».³⁹⁷

Узнав о том, что в Риме собираются его судить, Галилей, снабженный рекомендательными письмами к папе римскому и кардиналам от великого герцога Тосканского Козимо II, при котором он служил, направляется к папскому двору в надежде, что ему удастся добиться признания своих открытий. В них он не видел ничего не соответствующего истинному, в его понимании, христианскому учению. Но пока Галилей в Риме посещал папских вельмож, защищая свои взгляды, инквизиция запросила своих цензоров дать заключение по двум основным положениям коперниковской теории, которые защищал и развивал Галилей: Солнце является центром мира и вонне неподвижно в отношении перемещения; Земля не является центром мира и не неподвижна, но в себе самой целиком движется также суточным движением.

О первом положении цензоры единодушно заявили, что оно «глупо и абсурдно в философском и еретично в формальном отношении, так как оно явно противоречит изречениям святого писания во многих его местах как по смыслу слов писания, так и по общему истолкованию святых отцов и ученых богословов».

О втором положении цензоры столь же единодушно заявили, что оно «подлежит той же цензуре и в философском отношении; рассматриваемое же с богословской точки зрения, является по меньшей мере заблуждением в вопросах веры».³⁹⁸

Это заключение было подписано 24 февраля 1616 г., а 5 марта того же года конгрегация Индекса запрещенных книг по поручению инквизиции приняла решение, осуждающее коперниковское учение о Вселенной, в котором говорилось:

«А так как до сведения вышеназванной конгрегации дошло, что ложное и целиком противное священному писанию пифагорейское учение о движении Земли и неподвижности Солнца, которому учат Николай Коперник в книге об обращениях небесных кругов и Дидак Астуника в комментариях на книгу Иова, уже широко распространяется и многими принимается, как это видно из появившегося в печати послания некоего кармелитского монаха под названием «Письмо кармелита отца Паоло Антонио Фоскарини по поводу мнения пифагорейцев и Коперника о движении Земли и неподвижности Солнца и новая пифагорейская система мира; Неаполь, у Лазаря Скорджио, 1615», в котором этот монах пытается показать, что вышеназванное учение о неподвижности Солнца в центре мира и движении Земли согласно с истиной и не противоречит святому писанию, — то, чтобы такого рода мнение не распространялось мало-помалу далее на пагубу католической истине, конгрегация определила: названные книги Николая Коперника «Об обращении кругов» и Дидака Астуника «Комментарии на Иова» должны быть временно задержаны впредь до их исправления. Книга же отца Паоло Антонио Фоскарини, кармелита, вовсе запрещается и осуждается. Все книги, учащие равным образом тому же, запрещаются, и настоящий декрет

³⁹⁷ Цит. по: Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция, ч. I, с. 144–149

³⁹⁸ Цит. по: Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция, ч. I, с. 167

соответственно запрещает и осуждает их или временно задерживает. В удостоверение сего настоящий декрет скреплен подписью и приложением печати преосвященнейшего и достопочтеннейшего господина кардинала святой Цецилии, епископа Альбанского, 5 марта 1616 г.»³⁹⁹

После принятия этих документов Беллармино и другие инквизиторы стали увещевать Галилея отказаться от публичной защиты своих взглядов, обещая взамен не трогать его. Но убедить ученого было не так легко. Посол Флоренции в Риме Гвиччардини сообщал во Флоренцию герцогу Тосканскому, другу Галилея, о создавшемся положении следующее:

«Я думаю, что лично Галилей не может пострадать, ибо, как человек благоразумный, он будет желать и думать то, что желает и думает святая церковь. Но он, высказывая свое мнение, горячится, проявляя крайнюю страстность, и не обнаруживает силы и благоразумия, чтобы ее преодолеть. Поэтому воздух Рима становится для него очень вредным, особенно в наш век, когда наш владыка питает отвращение к науке и ее людям и не может слышать о новых и тонких научных предметах. И каждый старается приспособить свои мысли и свой характер к мыслям и характеру своего господина, так что те, которые имеют какие-нибудь знания и интересы, если они благоразумны, притворяются совсем иными, чтобы не навлечь на себя подозрений и недоброжелательства».⁴⁰⁰

23 мая 1616 г. Галилею писал его друг и доверенный человек герцога Тосканского Курций Пиккена:

«Вы испытали уже преследования монахов и вкусили их прелесть; их светлости (Подразумевается великий герцог Тосканский Фердинанд II и его брат). опасаются, что дальнейшее ваше пребывание в Риме может причинить вам неприятности, и потому они отнесли бы к вам с похвалой, если бы теперь, когда вы с честью вышли из положения, вы не дразнили собак, пока они спят, и возвратились при первой возможности сюда, так как здесь ходят слухи вовсе нежелательные, а монахи всемогущи, и я, ваш покорный слуга, также хочу предупредить вас об этом со своей стороны, доводя до вашего сведения мнение их светлостей. Ваш преданнейший слуга Курций Пиккена».⁴⁰¹

Вскоре после этого Галилей вернулся во Флоренцию. Что же, однако, произошло с ним во время его пребывания в Риме? Опубликованные документы инквизиции отвечают на этот вопрос весьма противоречиво. В одних из них говорится, что он получил предписание, т. е. приказ, отказаться от защиты коперниковской ереси, в других — что его только «увещевал» кардинал Беллармино не вступать в конфликт с церковью по этому вопросу. Сам Беллармино выдал Галилею собственноручно написанное свидетельство, помеченное 26 мая 1616 г., в котором заявляет, что Галилей ни от чего не отрекся и что ему только было «объявлено сделанное господином нашим (папой, — И. Г.) и опубликованное святой конгрегацией индекса постановление, в котором сказано, что учение, приписываемое Копернику, согласно которому Земля движется вокруг Солнца, Солнце же стоит в центре мира, не двигаясь с востока на запад, противно священному писанию и потому его нельзя ни защищать, ни придерживать».⁴⁰²

Эти документы свидетельствуют об одном: во время встреч с Беллармино, а также с папой Павлом V, который также беседовал с ученым, на Галилея было оказано давление с целью заставить его впредь по крайней мере публично не выступать с защитой гелиоцентрической теории. Учитывая постановление инквизиции, объявлявшее эту теорию

³⁹⁹ Цит. по: Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция, ч. I, с. 171

⁴⁰⁰ Там же, с. 176

⁴⁰¹ Цит. по: Выгодский М. Я. Галилей и инквизиция, с. 180–181

⁴⁰² Там же, с. 198

противоречащей учению церкви, любое неповиновение в этом плане угрожало Галилею серьезными неприятностями и даже костром, как об этом напоминала судьба Джордано Бруно. В этих условиях Галилей решил проявить благоразумие, не идти на риск и подчиниться требованиям папы и Беллармино. С другой стороны, последние, учитывая огромный авторитет и влияние Галилея, предпочли достигнуть с ним полюбовное соглашение, не требуя от него унижительного отречения и осуждения коперниковского учения. Таким образом, эта первая схватка ученого с инквизицией закончилась своего рода компромиссом.

Поведение Галилея вскоре показало, что он вовсе не собирался подчиниться инквизиции и отказаться от защиты и пропаганды своих взглядов, осужденных церковью.

Правда, делал он это не прямым образом, а косвенным, выступая в защиту своих открытий и открытий Коперника не с открытым забралом, а прибегая к уловкам. В своих трудах Галилей теперь выражал покорность церкви и даже осуждал коперниканство, но так, что читателю было понятно, что в действительности он осуждает не свои и Коперника взгляды, а церковную точку зрения по этому вопросу. Примером такого иносказательного, эзоповского языка, к которому неоднократно прибегали ученые в борьбе с богословием в период Возрождения, было следующее высказывание Галилея в его сочинении о кометах («Пробирщик»), изданном в 1623 г.: «Так как приписываемое Земле движение, которое я в качестве благочестивого католика считаю совершенно ложным и не соответствующим истине, прекрасно объясняет массу различных явлений, то я полагаю, что при всей своей ложности оно до некоторой степени объясняет явление комет».

В том же 1623 г., когда был опубликован «Пробирщик», на папский престол вступил кардинал Маффео Барберини, принявший имя Урбана VIII. Новый папа, еще будучи кардиналом, поддерживал дружеские отношения с Галилеем, который, рассчитывая теперь на его покровительство, стал смелее выступать в защиту своих взглядов. В 1630 г. Галилей приезжает в Рим с рукописью своего нового сочинения «Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой». В ней выступают три персонажа: Сальвиати, Сагрето и Симпличио. Первый — сторонник коперниковой системы, второй выступает как бы в роли нейтрального председательствующего, последний — защитник птолемеевой (церковной) теории мироздания. Хотя спор ведется, как мы сказали бы теперь, «на очень высоком теоретическом уровне» и автор с предельной объективностью излагает аргументацию противников, не вызывает сомнения, на чьей он стороне, хотя бы по одному тому, что защитника церковной точки зрения он окрестил Простаком (по-итальянски Симпличио). Этот Простак, исчерпав все аргументы иезуитов, перипатетиков и инквизиторов против коперниковой системы, в заключение заявляет, что ни за что не согласится с нею, даже если она соответствует действительности, потому что питает к ней отвращение. Бог — всемогущ, ему «закон не писан, его пути неисповедимы» — таковы наиболее «веские» возражения Симпличио против, по существу, самого Галилея, который под именем Сальвиати ведет с ним спор, доказывая всю нелепость, смехотворность и полную научную несостоятельность своего противника.

Эта горькая, вернее, смертоносная для церкви пилюля была облачена в сладкую оболочку, состоявшую из предисловия и послесловия, в которых предусмотрительный автор заявлял, что написал свое сочинение в защиту церковного осуждения коперниковского учения! По-видимому, это обстоятельство, а также и то, что это учение излагалось в «Диалоге» как одна из гипотез, одна из точек зрения (другой была церковная), позволили Галилею добиться в Риме от церковной цензуры разрешения на издание своего сочинения, которое вышло во Флоренции в 1632 г. на итальянском языке,⁴⁰³ быстро разошлось, вызвав новый приступ ярости среди противников Галилея. Иезуиты и прочие его недоброжелатели

⁴⁰³ См.: русский перевод: Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой. М. — Л., 1948

стали доказывать Урбану VIII, что книга Галилея представляет большую опасность для всего христианства, что она «ужаснее и для церкви пагубнее писаний Лютера и Кальвина», что под видом Симпличио автор вывел чуть ли не самого папу римского, что в ней дерзко противопоставляется авторитет науки авторитету церкви и т. д. Противникам Галилея без особого труда удалось убедить Урбана VIII в том, что автор «Диалога» обманул его доверие, впал в ересь и подлежит суровому наказанию. Не прошло и нескольких месяцев после выхода в свет «Диалога», как папа запретил продажу этого произведения и отдал приказ инквизиции вновь возбудить против автора указанного произведения обвинение в еретических заблуждениях.

Когда великий герцог тосканский Фердинанд II, которому был посвящен «Диалог», попытался было через своего посла в Риме Никколини заступиться перед Урбаном VIII за Галилея, папа римский, разгневанный до предела, ответил флорентийскому дипломату: «Ваш Галилей вступил на ложный путь и осмелился рассуждать о самых важных и самых опасных вопросах, какие только можно возбудить в наше время». Несколько дней спустя, когда Никколини вновь отважился заговорить с папой о Галилее, тот ему сказал: «Уже 16 лет осуждены защищаемые Галилеем мнения, и он запутал себя в сложном деле. Вещь очень опасная и книга крайне вредная. Дело хуже, чем думает великий герцог, — прошу ему написать. Он не должен терпеть, чтобы Галилей развращал своих учеников и передал им опасные воззрения».

Сообщая о беседах с Урбаном VIII во Флоренцию, Никколини отмечал: «Хуже не может быть расположен папа к нашему бедному Галилею». ⁴⁰⁴

30 сентября 1632 г. флорентийский инквизитор передал Галилею повеление папской инквизиции немедленно явиться в Рим. Ученому было тогда 70 лет, он был болен, в папских владениях свирепствовала чума. Галилей, ссылаясь на эти обстоятельства, попросил рассмотреть его дело во Флоренции, надеясь на покровительство великого герцога. Но герцог, хотя и сочувствовал Галилею и пытался добиться от папы более благосклонного к нему отношения, не отважился вступить из-за него в конфликт с папским престолом. Галилею не оставалось ничего другого, как подчиниться вызову и явиться в Рим.

В Риме Галилей остановился во дворце флорентийского посла Никколини. Инквизиторы четыре раза допрашивали ученого.

Какую же позицию занял Галилей по отношению к выдвинутому против него инквизиторами обвинению? Если бы он не признал себя виновным и не отрекся от своих подлинных взглядов, его, как Джордано Бруно, могли бросить в костер. Если бы он признался и отрекся от них, то это было бы похоже на предательство. Галилей предпочел третий путь: вопреки очевидным фактам, он категорически отрицал, что разделял коперниково учение после того, как инквизиция объявила его еретическим в 1616 г.

Инквизиторы же предъявили Галилею решение «священного» судилища от 25 февраля 1616 г., в котором ему запрещалось не только преподавать или защищать учение Коперника, но даже излагать его. В случае невыполнения этого предписания Галилей якобы подлежал тюремному заключению. Текст этого решения противоречит письму Беллармино от 26 мая 1616 г., в котором говорится только о том, что Галилей был извещен, что нельзя ни защищать, ни придерживаться учения Коперника, и ничего не говорится о запрете преподавать или излагать его и о каких-либо обязательствах Галилея перед инквизицией в этом отношении. Из этого многие исследователи сделали единственно правильный вывод, что документ от 25 февраля был фальсифицирован инквизиторами с целью скомпрометировать обвиняемого.

На первом допросе 12 апреля 1633 г. Галилей заявил инквизиторам: «Относительно спорного вопроса, касательного движения Земли, конгрегацией индекса было решено, что такое мнение о неподвижности Солнца и движении Земли совершенно противно священному

⁴⁰⁴ Гурев Г. А. Учение Коперника и религия, с. 98–99

писанию и допускаемо может быть только как гипотеза, как представляет это Коперник... Мне было сообщено это определение кардиналом Беллармино, который знал, что и я, подобно Копернику, признавал это воззрение как гипотезу... Он сказал мне, что так как мнение Коперника, принимаемое утвердительно, противно священному писанию, то его нельзя ни держаться, ни защищать, но принимать его как гипотезу и в этом смысле писать о нем можно... Припомнить не могу, так как это было много лет тому назад, чтобы мне что-нибудь другое было сказано или передано, и не знаю, вспомнил ли бы, если бы сказанное было мне прочтено. Открыто говорю то, что помню, ибо не думаю, чтобы в чем-либо отступил от переданного мне...»

Главный комиссарий и обвинитель инквизиции заявил Галилею: в приказании, предъявленном ему Беллармино, значилось, что он «никаким образом не должен ни держаться, ни защищать упомянутого мнения, ни учить ему». Но Галилей отрицал это: «Помню, что приказание гласило: «ни держаться, ни защищать», и так именно оно выражено в записке Беллармино. Возможно, что были также два другие выражения, мне теперь предъявляемые — «и учить» и «никаким образом», — но этого не припомню. Я не удержал этого в памяти, полагаю, потому, что не упомянуты в свидетельстве, которого придерживался и указания которого удержал в памяти».

На обвинение в том, что Галилей обманным путем получил от главного цензора конгрегации индекса Рикарди разрешение на печатание своего труда, не известив его о приказании Беллармино, ученый ответил: «В этом не было никакой надобности, так как в книге моей я вовсе не выдавал за истинное и не защищал учение о движении Земли и неподвижности Солнца, а напротив — доказывал противное мнение, показав, что основания Коперника шатки и неубедительны». ⁴⁰⁵

После третьего допроса Галилей был арестован и заключен во дворце инквизиции, правда не в застенке, а в одном из его покоев, но от этого места до тюремной камеры заключенного отделял лишь один шаг...

В течение 18 дней Галилея «увещевал» — терроризировал — комиссарий инквизиции Моколани. 20 апреля 1633 г. Галилей заявил инквизиторам, что, обдумывая вопросы, поставленные ему на допросе, он вновь перечитал свой «Диалог», который на этот раз показался ему как бы новым сочинением чужого автора. Галилей признал, что многие места его сочинения выражены так, что по силе своей скорее могут укрепить «ложное мнение», чем облегчить его опровержение.

Хотя Никколини продолжал просить папу облегчить участь узника инквизиции, тот категорически отказывался. «Я еще раз повторяю, — говорил Урбан VIII флорентийскому дипломату, — что нельзя сделать никакого облегчения Галилею. Бог да простит ему, что он вдался в такие вопросы, где дело идет о новых учениях и о священном писании. Всегда лучше следовать общепринятым учениям... Синьор Галилей был моим другом; мы часто беседовали с ним запросто и ели за одним столом, но дело идет о вере и религии». ⁴⁰⁶

Более того, 16 июня 1633 г. на тайном заседании конгрегации инквизиции Урбан VIII, как записано в протоколе, повелел, чтобы Галилея допрашивали под угрозой пытки.

20 июня Галилея снова допрашивали и, как свидетельствует Никколини, объявили, что на следующий день он будет подвергнут «допросу и испытанию». 21 июня ученого подвергли «строгому» — последнему — допросу. Пытали 70-летнего ученого во время этого допроса или только угрожали подвергнуть пыткам? Апологеты церкви утверждают, что он не подвергался пытке. Однако в приговоре инквизиции ясно говорится, что Галилей был подвергнут «строгому испытанию», — термин, под которым инквизиторы подразумевали пытку. Как бы там ни было, но инквизиторам удалось сломить Галилея и 21 июня 1633 г.

⁴⁰⁵ Гурев Г. А. Коперниковская ересь в прошлом и настоящем. М., 1933, с. 130–131

⁴⁰⁶ Гурев Г. А. Коперниковская ересь в прошлом и настоящем, с. 49

вырвать у него заявление, в котором ученый объявлял учение Птолемея «верным и несомненным».

21 июня инквизиционный трибунал вынес приговор, осуждающий Галилея. На следующий день приговор был оглашен в церкви св. Марии на Минерве. Там же Галилей произнес свое «отречение». Приговор гласил:

«Мы... божией милостью диаконы и кардиналы святой церкви от апостольского престола, наряженные генеральными инквизиторами против всякого еретического развращения, могущего появиться во вселенском христианском обществе.

Так как ты, Галилей, сын флорентийца Винченцо Галилея, имеющий 70 лет от роду, в 1615 г. был обвинен в сем святом судилище в том, что считаешь за истину и распространяешь в народе лжеучение, по которому Солнце находится в центре мира неподвижно, а Земля движется вокруг оси суточным вращением, в том, что ты имел учеников, которым преподавал это учение, в том, что ты по поводу этого учения вел переписку с некоторыми германскими математиками, в том, что ты издал несколько писем о солнечных пятнах, в которых вышеуказанное учение объявлял истинным.

Когда же тебе непрерывно напоминали о твоём заблуждении, делая тебе возражения на основании св. писания, ты отвечал, что св. писание вне твоего понимания. Наконец, явился на свет экземпляр твоего сочинения, в виде письма к одному из прежних учеников твоих, и ты в нем, следуя бредням Коперника, развивал некоторые положения, противоречащие здравому смыслу и св. писанию. Вследствие сего сим св. судилищем, желающим оградить людей от вреда и соблазна, которые происходили от твоего поведения и угрожали чистоте святой веры, по приказанию нашего господина и высокопреосвященнейших гг. кардиналов всей верховной и всемирной инквизиции, была подвергнута обсуждению коперникова гипотеза о неподвижности Солнца и движении Земли, и богословы-квалификаторы постановили следующие два положения:

1. Считать Солнце центром Вселенной и стоящим неподвижно есть мнение нелепое, философски ложное и крайне еретическое, ибо оно явно противоречит св. писанию.

2. Считать Землю не центром Вселенной и не неподвижную есть мнение нелепое, философски ложное и, с богословской точки зрения, также противное духу веры.

Но так как нам угодно было пока поступить с тобою снисходительно, то в св. конгрегации, собравшейся в присутствии господина нашего 25 февраля 1616 г., было решено, чтобы высокопреосвященнейший кардинал Беллармино тебе внушил, чтобы ты вполне отступился от вышеуказанного лжеучения; то же самое тебе было повторено и через комиссария св. судилища, в присутствии нотариуса и свидетелей, под страхом тюремного заключения — впредь не говорить и не писать в пользу осужденной коперниковской системы; затем ты был ею отпущен.

Затем, чтобы окончательно искоренить столь пагубную ересь и чтобы она не проникла в католическую церковь и не наносила ей сильный ущерб, издан был св. конгрегацией индекс-декрет, которым запрещались все книги, трактующие о такого рода учении, ложном и противном божественному писанию.

В прошлом же 1632 г. появилась книга, изданная во Флоренции, заглавие которой доказывает, что ты ее автор. Книга эта называется «Dialogo de Galileo Galilei delle due massimi sistemi del Mondo Tolemaico e Copernicano». Из напечатания этой книги св. конгрегация узнала, что ложное учение о движении Земли с каждым днем все более и более крепнет, вышеназванная книга по тщательном ее рассмотрении обнаружила, что ты явно преступил сделанное тебе внушение и продолжал защищать мнения, уже проклятые и осужденные св. церковью. В сказанной книге ты разными способами ухищряешься представить вопрос не вполне решенным, а мнение Коперника весьма вероятным, но и это есть уже страшное заблуждение, так как никаким образом не может быть вероятным то, что св. церковь окончательно признала ложным и противным св. писанию.

Посему, вызванный сюда по нашему требованию, ты предстал перед св. судилищем и на допросе под присягою признался, что означенная книга сочинена и выпущена в свет

тобой. Ты также признался, что писать ее начал лет 10 или 12 назад, уже после сделанного тебе вышеупомянутого внушения, и выпрашивая позволения для издания своего сочинения, ты не предупредил цензоров, что тебе было уже запрещено придерживаться системы Коперника и каким бы то ни было образом распространять ее.

Точно так же ты покаялся, что текст означенного сочинения составлен таким образом, что читатель может скорее поддаться приведенным ложным доводам и стать на стороне ложного учения; при этом ты оправдываешься тем, что, написав сочинение в разговорной форме, ты увлекся желанием придать наибольшую силу доказательств в пользу своих мнений, и говоришь, что и всякий человек, рассуждая о чем-нибудь, тем скорее пристращается к любимому положению, чем труднее его доказать, чем оно неосновательнее, хотя и кажется вероятным.

Наконец, когда тебе был назначен для оправдания приличный срок, ты остановил наше внимание на свидетельстве, выданном тебе преосвященным кардиналом Беллармино по твоей просьбе и, как ты говорил, для защиты тебя от клеветы врагов, распространявших слух, будто ты отрекался от своих убеждений и был наказан св. судилищем; свидетельство же доказывает, что ты вовсе не отрекался от своих мнений и не был наказан, но что только тебе объявлено постановление св. конгрегации индекса, в котором говорится, что учение о движении Земли и неподвижности Солнца противно св. писанию, а поэтому не может быть ни защищено, ни распространяемо.

Так как в этом свидетельстве не было упомянуто о двух пунктах указа, то надо думать, как говорил ты, что в течение 14 или 16 лет ты о них забыл и по этой причине, испрашивая позволение издавать книгу, не упомянул о сделанном тебе внушении. Все это говорится тобой не для извинения в своем заблуждении, но с целью приписать его скорее суетному тщеславию, нежели злomu умыслу.

Но это обстоятельство вместо облегчения твоего проступка усилило только твою вину, так как оно подтверждает запрещение тебе держаться учения, противного св. писанию, а ты, однако, дерзнул рассуждать о нем, защищать его и даже представлять его вероятным. Не говорит в твою пользу также и дозволение, искусством и хитростью выманенное, когда ты не сказал ни слова цензору о сделанном тебе внушении.

Так как нам казалось, что ты не совсем чистосердечно сознаешься в своем намерении, то мы рассудили, что нужно подвергнуть тебя строгому испытанию (т. е. пытке. — И. Г.), на котором, вопреки прежним твоим показаниям и объяснениям, ты отвечал, как истинный католик. Вследствие этого, рассмотрев и зрело обсудив все стороны твоего дела и приняв во внимание твои показания и извинения, равно как и сущность канонических правил, мы пришли касательно тебя к следующему заключению:

Призвав на помощь имя господя нашего Иисуса Христа и самой преславной матери его приснодевы Марии, в силу сего нашего окончательного постановления, в заседании совещательного суда, в сообществе с нашими почтенными магистрами богословия и докторами обоих прав, советниками нашими при сем судилище, касательно твоего дела, раскрытого перед нами великолепным Карлом Синчеро, доктором обоих прав и фискалом прокурором св. судилища, с одной стороны, и тобою, Галилео Галилеем, подсудимым в настоящем процессе — с другой, постановляем следующее:

Вследствие рассмотрения твоей вины и сознания твоего в ней присуждаем и объявляем тебя, Галилей, за все вышеизложенное и исповеданное тобою под сильным подозрением у сего св. судилища в ереси, как одержимого ложною и противною священному и божественному писанию мыслью, будто Солнце есть центр земной орбиты и не движется от востока к западу, Земля же подвижна и не есть центр Вселенной. Также признаем тебя ослушником церковной власти, запретившей тебе излагать, защищать и выдавать за вероятное учение, признанное ложным и противным св. писанию.

По этой причине ты подлежишь всем исправлениям и наказаниям, св. канонами и другими общими и частными узаконениями возлагаемым за преступления подобного рода.

Освободиться от них можешь ты только в том случае, когда от чистого сердца и с

непритворной верою отречешься перед нами, проклянешь и возненавидишь как вышеозначенные заблуждения и ереси, так и вообще всякое заблуждение, всякую ересь, противную католической римской церкви, в выражениях, какие нам заблагорассудятся.

Но, дабы столь тяжкий и вредоносный грех твой и послушание не остались без всякой мзды и ты впоследствии не сделался бы еще дерзновеннее, а, напротив, послужил бы примером и предостережением для других, мы постановили книгу под заглавием «Диалог» Галилео Галилея запретить, а тебя самого заключить в тюрьму при св. судилище на неопределенное время. Для спасительного же покаяния твоего предписываем, чтобы ты в продолжении 3 лет раз в неделю прочитывал 7 покаянных псалмов.

Право уменьшать, изменять и отменять, вполне или отчасти, что-либо из вышеуказанных наказаний и исправлений оставляем за собою.

Так мы говорим, произносим, объявляем за приговор, постановляем, присуждаем властью, нам данной, наилучшим образом и по крайнему нашему разумению».

После оглашения приговора Галилей зачитал следующее «отречение»: «Я, Галилео Галилей, сын Винченцо Галилея, флорентинец, на семидесятом году моей жизни лично предстоя перед судом, преклонив колена перед вами, высокие и достопочтенные господа кардиналы вселенской христианской республики, имея перед очами святое евангелие, которого касаюсь собственными руками, клянусь, что всегда веровал, теперь верую и при помощи божией впредь буду верить во все, что содержит, проповедует и чему учит святая католическая и апостольская церковь. Но так как от сего святого судилища мне было давно уже сделано законное внушение, дабы я покинул ложное мнение, полагающее Солнце в центре Вселенной и неподвижным, дабы не держался этого мнения, не защищал его, не учил ему каким бы то ни было способом, ни устно, ни письменно, а я между тем сочинил и напечатал книгу, в которой излагаю осужденное учение и привожу в пользу его сильные доводы, хотя и не привожу окончательного заключения, то вследствие сего признан я находящимся под сильным подозрением в ереси, т. е. что думаю и верю, будто Солнце есть центр Вселенной и неподвижно, Земля же не центр и движется.

Посему, желая изгнать из мыслей ваших, высокопочтенные господа кардиналы, равно как и из ума всякого истинного христианина, это подозрение, законно против меня возбужденное, от чистого сердца и с непритворной верою отрекаюсь, проклинаю, возненавидев вышеуказанную ересь, заблуждение или секту, не согласную со св. церковью.

Клянусь впредь никогда не говорить и не рассуждать, ни устно, ни письменно, о чем бы то ни было, могущем восстановить против меня такое подозрение; когда же узнаю кого-либо, одержимого ересью или подозреваемого в ней, то о таком обязуюсь донести сему св. судилищу или же инквизитору, или ординарию ближайшего места. Кроме того, клянусь и обещаю уважать и строго исполнять все наказания и исправления, которые наложило или наложит на меня сие св. судилище.

В случае нарушения мною (да хранит меня бог) чего-либо из этих слов, свидетельств, клятв и обещаний подвергаюсь всем наказаниям и исправлениям, назначенным св. канонами и другими общими и частными постановлениями против преступлений сего рода. В этом да поможет мне господь и святое его евангелие, которого касаюсь собственными руками.

Я, поименованный Галилео Галилей, отрекся, поклялся и обязался, как сказано выше. В подтверждение прикладываю руку под сию формулу моего отречения, которое прочел во всеуслышание от слова до слова. Июня 22 дня 1633 г. в монастыре Минервы в Риме.

Я, Галилео Галилей, от вышесказанного отрекся собственноручной подписью». ⁴⁰⁷

Как гласит легенда, Галилей после своего отречения изрек: «А все-таки она движется!» Неизвестно, произнес ли он эти слова в действительности или нет (эта фраза впервые встречается в мемуарах его ученика Винченцо Вивиани, написанных 12 лет спустя после смерти Галилея), но зато точно установлено, что и после отречения его воззрения не

⁴⁰⁷ Цит. по: Гурев Г. А. Коперниковская ересь в прошлом и настоящем, с. 98–102

изменились. Галилей писал: «Берегитесь, теологи, желающие сделать из вопроса о движении или покое Солнца и Земли догмат веры... Вы сами создаете почву для ересей, считая без всякого основания, что писание гласит то, что вам угодно, и требуя, чтобы люди знающие отрешились от собственного мнения и неопровержимых доказательств... Из двух систем одна является ясной, а другая темной; тот, кто не вовсе ослеп, должен уметь различать белое; так скажите же мне прямо, что кажется вам белым?».⁴⁰⁸

Приговор и отречение Галилея были разосланы по всему христианскому миру и были оглашены также во Флоренции в кафедральном соборе в присутствии духовенства, друзей и родственников осужденного.

Галилей был объявлен «узником инквизиции». Ему запрещалось с кем-либо встречаться без присутствия инквизиторов, писать и читать что-либо без их контроля. В 1634 г. умерла его дочь, в 1637 г. Галилей ослеп. Его сына заставили следить за ним.

Только спустя девять лет после осуждения, когда Галилей уже умирал, его освободили от надзора инквизиции.

8 января 1642 г. его не стало. После смерти Галилея инквизиторы пытались завладеть его бумагами, препятствовали его захоронению на освященном церковью кладбище.

На протяжении столетий церковь держала под запретом сочинения Галилея. Из Индекса запрещенных книг они, как и сочинения Коперника, Кеплера и других знаменитых первооткрывателей в области астрономии, были исключены только в 1835 г. Но осуждение инквизицией Галилея церковь считала оправданным, «законным» вплоть до нашего времени.

Уже упомянутый нами Марино Марини утверждал в своем сочинении, опубликованном в 1850 г., что «трудно найти более мудрый и справедливый приговор, чем вынесенный инквизицией над Галилеем».⁴⁰⁹

Современные защитники инквизиции действуют более «дипломатично». «Что произошло с Галилеем? — притворяясь простаком, вопрошает иезуит Доменико Мондроне в ватиканском журнале «Чивильта каттолика». — Вовсе не разрыв между наукой и верой, которые всегда оставались прекрасными друзьями. Спор возник между теологами и учеными. Теологи испытывали страх за судьбу св. писания, что довело их до «коллективной слепоты». Галилей же совершил неосторожность, задев св. писание».⁴¹⁰ Прояви Галилей чуть больше осмотрительности, уверяет Мондроне, никакого процесса над ним не произошло бы, тем более что он отличался глубокой верой, в бога и был искренне предан церкви.

Другой защитник инквизиции, Луиджи Фирпо, заверяет, что из всего «дела» Галилея якобы несомненными являются только два обстоятельства: правоверность религиозной веры Галилея и его искреннее подчинение диктатам церковной власти, а также то, что его осуждение никогда не носило официального характера, ибо не было подтверждено папой «с кафедры», когда заявления главы католической церкви носят характер непогрешимости. Согласно Фирпо, все остальное в «деле» Галилея — «ничейная земля», «населенная» вымыслами и тенденциозными измышлениями.⁴¹¹

Иезуитские рассуждения Марини, Мондроне, Фирпо и других адвокатов инквизиции опровергаются документами процесса Галилея, приводимыми в нашей книге. О какой правоверности религиозной веры Галилея можно говорить, если его открытия подрывали основу основ церковного учения — веру в истинность Библии? Именно за это и был осужден

⁴⁰⁸ Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира меевой и коперниковой, с. 329–332

⁴⁰⁹ Marini M. Galileo e l'Inquisizione, p. 141

⁴¹⁰ *Civiltà Cattolica*, 8.XII 1963, p. 33

⁴¹¹ Firpo L. Il processo di Galileo. — Nel quarto centenario della nascita di Galileo Galilei. Milano, 1966, p. 85

инквизицией великий ученый. Утверждение же Фирпо, что приговор инквизиции, осуждавший Галилея, не носил «официального» характера, просто смехотворно. Инквизиция возглавлялась папой, ее приговоры выносились с его согласия и им утверждались. Труды Галилея были занесены в Индекс запрещенных книг, за их чтение верующие автоматически отлучались от церкви. Это все были официальные акты папского престола.

Что касается преследования инквизицией Галилея, то это вовсе не «ничейная земля», а земля церкви. Папы римские, церковные иерархи, инквизиторы творили суд и расправу над Галилеем, как и над другими учеными, что наносило непоправимый вред развитию науки, а значит, и общественному прогрессу. «Одно из вредных последствий для Италии осуждения Галилея, — отмечает прогрессивный философ Антонио Банфи, — заключается в том, что оно лишало действительности научные исследования, отчего наша культура страдала в течение длительного времени и еще продолжает страдать, в особенности в области философской науки».⁴¹²

Впрочем, читатель еще будет иметь возможность познакомиться с последними откровениями церковных иерархов по делу о Галилее.

ИНДЕКС ЗАПРЕЩЕННЫХ КНИГ

Мы уже неоднократно упоминали о наличии в арсенале инквизиции такого мощного оружия для борьбы с противниками церкви, каким являлся на протяжении столетий Индекс (список) запрещенных книг (*Index Librorum Prohibitorum*). Первое официальное издание Индекса вышло в Риме в 1559 г. Первый Индекс был составлен римской инквизицией под непосредственным наблюдением папы Павла IV (Караффы), занимавшего, как уже говорилось, пост верховного инквизитора до своего избрания на папский престол. Павел IV поручил дальнейшее издание Индекса конгрегации римской инквизиции.

У папского индекса, как и у самой инквизиции, были свои «предшественники». Папы римские и епископы с незапамятных времен считали своим святым долгом и божественным правом подвергать цензуре, запрещать и уничтожать неугодные им богословские, научные и литературные произведения. Христианские первосвященники уничтожали произведения древней греческой и римской литературы; после составления канонического текста Библии все другие библейские «варианты» были истреблены. Такой же участи подверглись творения раннехристианских и средневековых ересиархов — от Ария до катаров включительно: их сжигали вместе с еретиками. Талмуд, Коран и прочие церковные произведения иудеев и мусульман также уничтожались на протяжении столетий.

Первым известным литературным произведением, уничтоженным церковниками, была поэма «Талия» ересиарха Ария, преданная огню по решению Никейского собора в 325 г. В 405 г. папа Иннокентий I составил первый список еретических писаний, подлежавших уничтожению.

Преследование крамольной литературы в средние века не представляло особой проблемы, так как грамотных людей было мало, а сочинений и того меньше. Но с началом книгопечатания, воспринятого церковниками как «дьявольская затея», проблема сразу осложнилась.

Книгопечатание быстро распространилось, способствуя росту грамотности. С 1448 по 1500 г. в 246 городах Европы появилось 1099 типографий, выпустивших в свет за этот период 40 тыс. названий книг тиражом в 12 млн. экземпляров.

Печатный станок стал мощным орудием в руках противников папства — гуманистов эпохи Возрождения, протестантов, ученых. Католические иерархи со все возрастающим беспокойством взирали на растущий поток печатной продукции, как на своего рода новый потоп, угрожавший поглотить их. Они пытались охранить себя от него, выстроив мощный

⁴¹² Banfi A. Vita di Galileo Galilei. Milano, 1962, p. 6

заслон из анафем, запрещений, отлучений. Они запретили что-либо печатать без предварительного одобрения специально на то уполномоченных инквизиторов.

Первым объявил о введении предварительной цензуры на книги в 1471 г. папа Сикст IV. Папа Лев X (1513–1521) добился от V Латеранского (XVIII вселенского) собора, к которому он обратился по этому поводу с буллой «*Inter Sollicitudines*», одобрения предварительной цензуры печатных произведений и ее распространения на весь христианский мир, поручив ее осуществление местным епископам. Еще раньше предварительная цензура по настоянию церкви была введена в Испании. В 1535 г. по приказу французского короля Франциска I теологи Сорбонны составили список запрещенных книг, издание, распространение и чтение которых грозило виновным отлучением от церкви, тюремным заключением и даже костром.⁴¹³

Примеру своего французского собрата последовал испанский король Карл V, по указанию которого в 1546 г. богословы Лувенского университета составили свой Индекс запрещенных книг, взятый на вооружение испанской инквизицией и неоднократно издававшийся ею с соответствующими дополнениями и изменениями, независимо от римского индекса. Свои собственные индексы впоследствии издавала также португальская инквизиция.

Индексы с небольшими вариантами издавались местными инквизициями в Венеции (1551), во Флоренции (1552), в Милане (1554).

С изданием первого римского индекса в 1559 г. цензура всех книг, выходящих в католических странах, была сосредоточена в руках папской инквизиции. Павел IV вообще запретил печатание каких-либо книг в папских владениях без предварительной цензуры инквизиции. Он обязал продавцов книг сообщать инквизиции о всех получаемых ими новинках и запретил торговать ими без особого на то разрешения «святого» судилища. Инквизиторы подвергали периодическим проверкам не только книжные лавки, но и частные библиотеки. Изъятые ими книги торжественно сжигались на публичных аутодафе.

Действия Павла IV были утверждены Тридентским собором (XIX вселенский, 1545–1563). В 1562 г. собор избрал комиссию из 18 епископов, поручив ей пересмотреть и дополнить Индекс 1559 г. Комиссия включила в список запрещенных книг (так называемый *Index Tridentinus*) все произведения протестантских богословов.

Одобрив этот Индекс, Тридентский собор постановил, что «все книги, осужденные до 1540 г. как папами, так и вселенскими соборами и не значащиеся в данном указателе, должны считаться осужденными так же, как они были осуждены ранее».⁴¹⁴

В 1571 г. папа Пий V, занимавший при Павле IV и Пие IV пост великого инквизитора, создал специальную конгрегацию Индекса, превратившуюся в подлинный департамент цензуры католической церкви. Конгрегация имела и судебные функции, она могла накладывать на авторов церковные наказания вплоть до отлучения от церкви. В конце XVI в. в составлении Индекса участвовал кардинал Роберто Беллармино — один из палачей Джордано Бруно и преследователь Галилея. Правда, это не помешало тому, что после его смерти некоторые его теологические трактаты были признаны крамольными и даже включены в Индекс. С XVII в. конгрегация Индекса находилась под контролем иезуитов.

В 1908 г. папа Пий X лишил конгрегацию Индекса судебных функций, а 5 марта 1917 г. папа Бенедикт VI декретом («*Alloquentes*») вновь объединил конгрегацию Индекса с конгрегацией «священного» судилища (инквизицией), где она действовала под вывеской Цензурного департамента. В 1966 г. под влиянием II Ватиканского вселенского собора

⁴¹³ О том, какой размах принимало во Франции преследование неугодной церкви и королевской власти литературы, говорит тот факт, что в 1660–1756 гг. в Бастилию было посажено 869 авторов, типографов, издателей и книгопродавцев

⁴¹⁴ Цит. по: Гарбовский Б. Кресты, костры и книги. М., 1965, с. 54

Ватикан прекратил издание Индекса.

Последнее издание Индекса вышло в 1948 г. С XVI по XX в. включительно вышло 32 издания списка запрещенных книг. В XVI в. вышло четыре издания (1559, 1590, 1593, 1596); в XVII в. — три (1632, 1665, 1681); в XVIII в. — семь (1704, 1711, 1716, 1744, 1758, 1786, 1787); в XIX в. — шесть (1819, 1835, 1841, 1877, 1881, 1887); за первую половину XX в. — двенадцать (1900, 1901, 1907, 1911, 1917, 1922, 1924, 1929, 1930, 1938, 1940, 1948).

Как следует из этих цифр, наиболее «плодотворными» в работе конгрегации Индекса столетиями были XVIII и XX. Рекорды принадлежат последнему столетию, а с 1917 по 1948 г. вышло восемь изданий Индекса, т. е. на одно больше, чем за весь активный XVIII в.

Вряд ли нуждается эта инквизиционная статистика в детальных комментариях. В XVIII в. — веке Вольтера, просветителей и энциклопедистов, безжалостно обнажавших пороки церкви, конгрегации Индекса пришлось работать с немалым напряжением, но еще с большей энергией пришлось этому учреждению трудиться в нашем XX в., когда Ватикан ополчился против коммунизма и научного прогресса. Однако все неугодные церкви книги в наше время не вместились бы ни в какие Индексы, будь они даже гигантских размеров. Чтобы справиться со своей задачей, ватиканская цензура была вынуждена несколько «рационализировать» свою работу.

С этой целью церковь еще в XIX в. приняла два вида запрещения: «в целом» (например, все книги против религии и т. п.) и «в частности», т. е. отдельные произведения тех или других авторов или все произведения (*opera omnia*) того или другого писателя. В XX в. ватиканская инквизиция стала «отлучать» в основном неугодные ей произведения авторов-католиков, причем наиболее известные из них, имеющие широкое хождение среди верующих. В Индексе нет Дарвина и многих других естествоиспытателей, произведения которых опровергали догматы церкви, потому что считалось запрещение их само собой разумеющимся. Так как церковь осудила коммунизм и социализм, то и все книги, пропагандирующие и защищающие это учение, были запрещены «в целом». Это объясняет, почему в Индексе нет произведений Маркса, Энгельса, Ленина и книг других выдающихся деятелей международного революционного рабочего движения, а также книг советских авторов.

В 1917 г. папа Бенедикт XV одобрил канонический кодекс католической церкви, действовавший до 1984 г. Канонический кодекс — верховный закон католической церкви, за невыполнение его статей верующим грозит отлучение от церкви. В кодексе (раздел XXIII, каноны 1384–1405) были сформулированы основные положения, которыми руководствовалась церковь, подвергая цензуре и запрещению печатную продукцию. Рассмотрим их содержание.

Канон 1384 провозглашал: «Церковь имеет право требовать от верующих, чтобы они не публиковали книг без ее предварительной цензуры, и запрещать, если на то имеются достаточные основания, любые книги любого автора». Сказанное относилось также к любого рода публикации — газетной, журнальной и прочей.

Канон 1385 запрещал печатать без предварительной церковной цензуры «священные книги» и любые комментарии к ним; книги по библеистике, теологии, церковной истории, каноническому праву, прочим религиозным и моральным дисциплинам, и «вообще любую печатную продукцию, имеющую непосредственное отношение к религии или к благочестивым обычаям», а также любого рода «священные изображения». Кроме того, в том же каноне отмечалось, что церковникам для публикации своих работ требуется предварительное разрешение их непосредственного начальника.

Запрещалось без особого разрешения печатать все, что относится к канонизации святых и блаженных, к индульгенциям. Также запрещалось печатать или перепечатывать без особого на то разрешения постановления римских конгрегации, молитвенники, Библию на местных языках. Для издания в переводе на другой язык ранее одобренной церковной цензурой книги требовалось повторное разрешение церковной цензуры.

Канон 1393 устанавливал во всех епархиях католической церкви должность церковного

цензора, заключение которого, подтвержденное епископом, являлось основанием для разрешения или запрещения рукописи. Согласно канону 1395, церковь провозглашала свое «право и обязанность в интересах дела (ex justa causa)» запрещать книги, этим правом наделялись, кроме папы римского, кардиналы, епископы и главы монашеских орденов.

Канон 1397 обязывал всех верующих и церковников доносить местным духовным властям или непосредственно в Ватикан о всех появляющихся на свет «вредных» книгах. Особенно это вменялось в обязанность папским дипломатическим представителям, епископам и ректорам католических университетов, причем эти доносы полагалось держать в «строгом секрете».

«Запрещение книги (папским престолом, — И. Г.) означает, — гласил канон 1398, — что без особого на то разрешения ее нельзя издавать, читать, хранить, продавать, переводить на другой язык, ни каким-либо другим образом сообщать ее содержание другим». В официальных комментариях к этому канону было сказано: «Любой, читающий запрещенную книгу, совершает серьезный грех, даже если он прочтет только один абзац. Некоторые авторы, однако, отмечают, что «серьезный грех» будет совершен, если из запрещенной книги прочтеть от 6 до 10 страниц; в тех же случаях, когда содержание книги особенно опасно, «серьезный грех» будет совершен и при чтении меньшего числа страниц. Владелец запрещенной книги, узнав о ее запрещении, обязан уничтожить ее или отдать тому, кто имеет разрешение читать запрещенные книги, или по крайней мере отдать ее на хранение до получения разрешения читать ее».

Какие же книги запрещались церковью «в целом», т. е. без необходимости на то специального в каждом отдельном случае решения? Их перечислял канон 1399:

1. Все тексты священного писания, изданные не католиками.
2. Книги любого автора, защищающие ересь и раскол или стремящиеся любым способом разрушить самые основы веры.
3. Книги, специально направленные против церкви или христианских обычаев.
4. Книги всех не католиков, посвященные вопросам религии, если не указано, что в них нет ничего противоречащего католической вере.
5. Книги и брошюры, в которых говорится о новых видениях, явлениях, пророчествах, чудесах или которые пропагандируют новых святых, если таковые были опубликованы без соблюдения канонических правил.
6. Книги, оспаривающие или высмеивающие любой католический догмат; защищающие ошибки, осужденные папским престолом; низвергающие авторитет божественного культа; стремящиеся разрушить церковную дисциплину; умышленно оскорбляющие церковную иерархию или клир и церковь.
7. Книги, поучающие или рекомендуемые любые суеверия, колдовство, гадание, предсказания, магию, вызов духов и тому подобное.
8. Книги, провозглашающие законными дуэль, самоубийство, развод и доказывающие, что масонство и им подобные организации не только не вредные, но и полезные для церкви и гражданского общества.
9. Порнографические книги.
10. Литургические книги, апробированные папским престолом, если в них имеются изменения.
11. Книги, распространяющие апокрифические, или запрещенные, или отмененные папским престолом индульгенции.
12. Любого рода изображения Христа, девы Марии, ангелов, святых и других «божьих слуг», если они не отвечают духу и наставлениям церкви.

Канонический кодекс запрещал пользоваться «отлученными» книгами всем верующим и церковникам, за исключением кардиналов, епископов и других высших церковных чинов, без особого на то разрешения соответствующих церковных властей. Получавшие разрешение ими пользоваться обязывались не передавать их третьим лицам.

Запрещение отдельного произведения или всех сочинений того или другого писателя

могло сопровождаться отлучением автора от церкви. Отлучались автоматически (*ipso facto*) от церкви все, кто, зная о запрещении, издавали, продавали, покупали, читали и передавали другим запрещенное произведение (канон 2318). Если автор после запрещения его произведения не покаялся и не осудил своих ошибок, то он автоматически считался отлученным от церкви. Эти «принципы» изложены также в последнем издании Индекса 1948 г. В этом же издании вновь напечатана статья бывшего главы конгрегации «святого судилища» в 1914–1930 гг. кардинала Мэри дель Валь, впервые опубликованная в Индексе 1929 г.

Инквизитор Мэри дель Валь в своей статье ополчается не только против отдельных «крамольных» книг, но и против «крамольной» печати. Он пишет: «Святая церковь в течение века является жертвой великих, ужасных преследований, порождая в большом количестве героев, своей кровью закреплявших христианскую веру (о том, что инквизиция с остервенением преследовала инакомыслящих и казнила сотни тысяч человек, кардинал Мэри дель Валь считает излишним упоминать, — И. Г.), теперь же ад ведет против церкви еще более ужасную борьбу, более коварную и тонкую, и делает он это через крамольную печать. Ни одна из опасностей не представляет из себя столь великой угрозы для веры и обычаев, как эта, поэтому святая церковь неустанно предупреждает христиан остерегаться ее». Далее кардинал указывает, что особенно опасны для дела веры те «крамольные произведения», которые отмечены научными и литературными достоинствами. «Литературные и научные достоинства, — предупреждал инквизитор, — не дают права на распространение книг, противных вере и добрым обычаям; более того, репрессивные меры должны быть тем суровее, чем более тонка паутина ошибок и чем более соблазнительной представлена привлекательность зла».

В последнем издании Индекса фигурируют около 4 тыс. отдельных произведений и десятки авторов, все сочинения которых запрещены. Этой высокой чести удостоились Оноре де Бальзак, Джордано Бруно, Вольтер, Томас Гоббс, Гольбах, Д'Аламбер, Рене Декарт, Дени Дидро, Эмиль Золя, Жан Лафонтен, Х. А. Льюренте, Жан Мелье, Морелли, Эрнест Ренан, Жан Жак Руссо, Бенедикт Спиноза, Жорж Санд, Давид Юм.

Запрещены отдельные произведения Ф. Бэкона, Пьера Бейля, Иеремии Бентама, Генриха Гейне, Гельвеция, Э. Гиббона, Виктора Гюго, Эммануила Канта, Этьена Кабэ, М. Ж. Кондорсе, Виктора Консидерана, Ламенне, Ламеттри, Джона Локка, Мармонтеля, А. Мицкевича, Д. С. Милля, Ж-Б. Мирабо, М. Монтеня, Ж. Монтескье, Паскаля, Прудона, Л. Ранке, Рейналя, Робинэ, Стендаля, Флобера и многих других выдающихся мыслителей, писателей, ученых.⁴¹⁵

Прав был Э. Золя, когда писал: «Нет почти что книг, на которые не извергала бы свои громады церковь. Если порой и создается впечатление, что церковь закрывает глаза на некоторые книги, то это лишь потому, что она не в силах преследовать и уничтожить все, что выходит в свет».

Уже после второй мировой войны в Индекс были занесены произведения таких всемирно известных писателей, как Моравиа и Сартр, богослова Тейяра де Шардена и многих других.

Насколько эффективен был Индекс? До французской революции 1789 г. Индекс был весьма действенным оружием церкви и феодальной реакции против всего прогрессивного. Однако в XIX и в особенности в XX в. он потерял свою прежнюю силу и значение до такой степени, что Ватикан перестал рекламировать его и даже не пускал в открытую продажу. Таким образом, сам Индекс запрещенных книг превратился в своего рода запрещенную книгу. Быть включенным современному автору в Индекс представляло для него отличную рекламу, и многие авторы даже гордились тем, что их произведения попадали в список

⁴¹⁵ См.: Шульгин М. И. Из папского «Индекса запрещенных книг». Вопросы истории религии и атеизма. М., 1956, т. 4, с. 413–422

запрещенных книг Ватикана.

«В некоторых местах в последние годы, — писал не так давно английский историк Кристофер Холлис, — на Мальте, в Квебеке, в Ирландии церковь пыталась заставить верующих отнестись всерьез к Индексу. Но в этих странах вообще любые книги читаются мало. Мальтийцы не очень возражают на запрет читать запрещенные книги, так как они не питают желания вообще читать какую-либо книгу».⁴¹⁶

Индекс запрещенных книг не пережил конгрегации инквизиции. Он был отменен в 1966 г. вскоре после ее реорганизации в конгрегацию вероучения. Более подробно мы расскажем об обстоятельствах его «кончины» в заключительном разделе нашей книги.

ПОД ЗНАКОМ «СИЛЛАБУСА»

Французская революция, вызвавшая во Франции крушение старого феодального порядка и приход к власти нового эксплуататорского класса — буржуазии, подорвала вековые устои католической церкви, оторвала от нее большие массы верующих, лишила ее в ряде стран земельных угодий. Наполеон отвел церкви во Франции жалкую роль послушной служанки императора, в честь которого она была вынуждена служить молебны и пресмыкаться перед этим земным повелителем так подобострастно, как она этого не делала перед своим повелителем небесным.

Католическая церковь лишилась былой власти не только в пределах наполеоновской империи. В Испании, этой самой католической из всех католических стран, этой твердыне контрреформации, кадикские кортесы в 1812 г. упразднили инквизицию и лишили церковь ее вековых привилегий и особых прав. И, наконец, в заморских странах, в испанских колониях Америки, народы поднялись на борьбу против своих угнетателей под ненавистными церкви лозунгами все той же французской революции, подражая которой они и там угрожали разрушить былое могущество духовенства, лишить его власти, влияния и накопленных веками богатств.

В 1814 г. в Европу вернулся «старый порядок», алтарь и трон вновь обрели свои прежние права, была восстановлена инквизиция в Испании, Португалии и папских владениях. Реакция одержала победу над силами «зла», но о полном возврате к прошлому не могло быть и речи. Это понимали не только те, кто вернул себе прежние троны, но и многие служители алтаря, да и сам папа римский. Полный возврат к прошлому сулил только новый, еще более страшный взрыв, разрушительные последствия которого могли оказаться на этот раз необратимыми.

Вот почему, хотя в папских владениях после реставрации уничтожалось все «французское» и были на этом основании запрещены даже прививка оспы и освещение улиц, а воскресшая инквизиция в 1815 г. привлекла к суду 737 человек по обвинению в ереси, папа Пий VII все же был вынужден действовать иными методами по сравнению со своими предшественниками. В 1816 г. он запретил инквизиции применять к своим жертвам пытки и приравнял ее судопроизводство к деятельности гражданских трибуналов. Более того, в том же году римская инквизиция отменила смертный приговор, вынесенный ровенской инквизицией Соломону Моисею Вивиани за то, что он, приняв христианство, отрекся якобы потом от него, вернувшись к иудейской вере. В декрете, отменявшем этот приговор, папа Пий VII указывал, что «божественный закон иного свойства, чем человеческий, и является законом кротости и убеждения, преследование же, ссылка, тюрьма подобают только ложным пророкам и апостолам ложных учений. Пожалеем человека, который не видит света, и даже того, кто отказывается его видеть; причина его ослепления может служить глубоким планам провидения».⁴¹⁷ И хотя это были лицемерные высказывания, так как в папских владениях

⁴¹⁶ Hollis Ch. The Roman Index. — History Today, 1966, N 10, p. 717–718

⁴¹⁷ Цит. по: Льоренте Х. А. Критическая история испанской инквизиции, т. 2, с. 404–405

власти продолжали преследовать республиканцев, пытаться и казнить не только «ложных пророков и апостолов», но и рядовых республиканцев и сторонников объединения Италии, папский престол был вынужден в 1835 г. отменить инквизицию. В том же году в тюрьмах папской области томились 13 тыс. политических заключенных, но ими занималась папская тайная полиция. Обвинять их в ереси теперь не решалась даже она. В XIX в. стало «благопристойнее» казнить их на основе решения полицейского суда, чем бросать их в костер по постановлению одиозного трибунала инквизиции.

Но ликвидировав в 1835 г. местные инквизиционные трибуналы, папство сохранило все же конгрегацию римской и вселенской инквизиции, продолжавшую свою традиционную функцию отлучений и выпуска Индекса запрещенных книг, очередное издание которого вышло в том же 1835 г. В этом издании Индекса фигурировали «Слова верующего», произведение французского аббата Ламенне, отлученного за свой либерализм от церкви. Ламенне требовал отделения церкви от государства, свободы совести, печати, обучения. Он был одним из основателей во Франции нового крамольного учения — христианского социализма. Папский престол обрушил на нового ересиарха весь испытанный арсенал своих проклятий и отлучений.

В 1846 г. на папский престол взошел Пий IX. Его правление было одним из самых продолжительных в истории католической церкви, оно длилось 32 года. Пий IX олицетворял наиболее реакционные силы католической церкви, выступавшие в защиту своих феодальных привилегий и светской власти пап. Непримирымый враг объединения Италии, демократии, науки и прогресса, Пий IX нашел себе достойного покровителя в лице французского императора Наполеона III, войска которого по просьбе папы были введены в Рим и жестоко расправлялись с населением Папской области, требовавшим демократических свобод и изгнания из Италии как французских, так и австрийских захватчиков (Северная Италия находилась тогда под австрийской оккупацией).

Теперь призрак социализма, призрак коммунизма наводит не меньший страх на римских первосвященников, чем некогда наводили на них средневековые ереси. На почве борьбы с этими призраками папство не преминет договориться со своим недавним противником — буржуазией, которая в не меньшей мере трепетала перед ними, чем наместники бога на земле. Но пока такой сговор, такое соглашение произойдет, папству придется испытать не одну горькую чашу, преподнесенную ему его будущей союзницей...

В 1865 г. Пий IX опубликовал «Силлабус» — «Список важнейших заблуждений нашего времени» — своеобразный манифест церковной инквизиции XIX в. В нем глава католической церкви предавал анафеме и отлучению от церкви верующих, повинных в симпатиях к пантеизму, натурализму, рационализму, либерализму, протестантизму, социализму. «Силлабус» осуждал и проклинал всех тех, кто отстаивал требование отделения церкви от государства, отрицал светскую власть пап, признавал преимущество светского права над церковным, отстаивал свободу совести. Одно из 80-ти «заблуждений», перечисленных в «Силлабусе», было сформулировано так: «Анафема тому, кто скажет, что римский папа может и должен примириться и вступить в соглашение с прогрессом, либерализмом, современной цивилизацией». В «Силлабусе» Пий IX называет свободу совести «безумием», свободу слова — «смердящим заблуждением».

Пий IX ознаменовал свое правление и тем, что провозгласил догмат о «непорочном зачатии» девы Марии, причислил к лику святых испанского инквизитора Педро Арбуэса, известного своими зверствами и убитого в 1485 г. родственниками его жертв, и заставил I Ватиканский вселенский собор в 1870 г. принять догмат о папской непогрешимости.

Следует ли удивляться, что именно этот папа пополнил Индекс запрещенных книг именами таких выдающихся писателей своего времени, как Александр Дюма-отец, Генрих Гейне, Виктор Гюго, Эмиль Золя и Эрнест Ренан.

Но старый феодальный порядок, который с такой энергией и фанатизмом на

протяжении десятилетий защищал Пий IX, доживал свои последние дни. В 1870 г., когда в Риме заседал вселенский собор (I Ватиканский), итальянские войска освободили «вечный город», и папское государство закончило свое бесславное существование, длившееся более тысячелетия.

«Непогрешимый» Пий IX провозгласил себя узником Ватикана; он торжественно отлучил от церкви и предал анафеме итальянского короля Виктора-Эммануила, главу итальянского правительства Кавура, национального героя Италии Гарибальди и многих других видных деятелей, боровшихся за объединение страны. Пий IX даже объявил бойкот новому итальянскому государству, лишившему его светской власти и «законных» земных владений. Папа призвал католиков не платить новому государству налогов, воздержаться от участия в политической жизни страны. Но хотя он использовал весь весьма богатый и разнообразный арсенал проклятий, анафем и отлучений против нового итальянского государства и его деятелей, эффективность этого «божественного» оружия теперь была весьма слаба. Папская инквизиция могла теперь только «сотрясать воздух», она была бессильна кого-либо сажать в свои застенки, пытать и бросать в костер, как это делала в добрые старые времена, когда ее глава — римский первосвященник обладал не только духовной, но и светской властью.

Если Пий IX был последним «феодальным» папой, то его преемник Лев XIII (1878–1903) стал первым «буржуазным» папой. Продолжая бойкот итальянского государства, которому Ватикан не мог простить его «ограбления» — лишения папы светской власти, Лев XIII старался восстановить былой авторитет папства путем установления союза с международной буржуазией. Он предложил буржуазии союз и сотрудничество в борьбе с разрастающимся социалистическим движением. В 1891 г. Лев XIII опубликовал первую социальную энциклику католической церкви «Рерум новарум», в которой ополчился против социализма, коммунизма и революционного рабочего движения и осудил борьбу классов, противопоставив ей классовое сотрудничество. В этой энциклике папство объявило капиталистическую частную собственность богом данной, священной, неприкосновенной. Лев XIII поощрял создание «желтых» профсоюзов, преданных капиталистам, и массовых светских католических организаций и клерикальных партий, в задачу которых входила борьба с социалистическим движением. «Уходите из ризниц и идите к народу!» — призывал церковников папа Лев XIII.

Эта ориентация на буржуазию сопровождалась возрождением средневекового томизма, учения Фомы Аквинского, которое было провозглашено Львом XIII официальной доктриной современного католицизма. Папство, предлагая свои услуги буржуазии, не отказывалось от своего средневекового мировоззрения.

С другой стороны, призыв Льва XIII к духовенству активно заняться «социальным вопросом» способствовал укреплению позиций сторонников христианского социализма, что не могло не напугать наиболее консервативные круги духовенства, да и буржуазии. Для них любой социализм, даже поповского типа, представлялся пугалом. Они требовали обуздать не в меру радикальных христианских реформаторов, что и сделал Лев XIII в опубликованной им в 1901 г. энциклике «*Graves de Communi*», осудившей «католический социализм» и требовавшей строгого подчинения церковному контролю всех массовых католических организаций.

ИНКВИЗИЦИЯ В XX ВЕКЕ

В конце XIX в. среди церковников и верующих возникло течение, выступавшее за обновление церкви в духе ее активного приобщения к условиям современного капиталистического общества. Это течение получило название модернизма.

Модернизм, против которого особенно ополчился Пий X, не представлял единой доктрины. Модернисты ревизовали традиционные богословские положения. Религию они считали делом совести, утверждая, что она создается человеком. Некоторые из них считали

церковные обряды чуждыми христианству, библейские откровения — сказаниями, отрицали за догматами значение вечных истин, церковь не принимали за божественное учреждение. Другие — не признавали верховной власти папы и его непогрешимости, отвергали даже божественность Христа и приписываемые ему чудеса, отвергали догмат о первородном грехе, учение о существовании ада и загробных мук. Позиции модернистов во многом соприкасались с позициями протестантских богословов. В политике модернисты выступали с позиций христианского радикализма, а некоторые — и христианского социализма.

Быстрое распространение модернизма во Франции (Пий X называл модернизм «французской болезнью»), в Италии, Германии, Англии, США очень напугало итальянскую церковную иерархию, среди которой были сильны средневековые традиции. Итальянские церковники, контролировавшие центральный аппарат католической церкви — римскую курию и по традиции из своей среды избиравшие папу, в частности, опасались с победой модернистских тенденций потерять свое привилегированное положение в церкви. Правление Пия X отмечено ожесточенной борьбой против новой ереси начала XX в. — модернизма и социальных католиков.

Пий X особое внимание уделял деятельности конгрегации инквизиции, которую мобилизовал на борьбу с модернизмом. Одним из первых его актов был декрет «*Romanis Pontificibus*» от 17 декабря 1903 г., которым он поручал этой конгрегации подбор кандидатов на епископские должности. Некоторое время спустя папа ей же поручил выдачу индульгенций.

Положения модернизма были осуждены Пием X в декрете «*Lamentabili*», опубликованном 3 июля 1907 г., в котором предавались анафеме 65 модернистских заблуждений, и в более развернутом виде в энциклике «*Pascendi gregis*» от 8 сентября того же года. В последнем документе папа повелевал создать во всех епархиях католической церкви специальные «комитеты бдительности» по слежке за деятельностью и писаниями модернистов.

По прямому указанию Пия X была создана тайная организация под руководством его доверенного человека прелата Бенини — «Благочестивое содружество» (*Sodolium Pianum*), известная также под названием «Сапиньер», которая вела наблюдение и слежку за всеми церковными иерархами, включая кардиналов, на предмет выявления их модернистских симпатий. В церкви вновь воцарилась атмосфера страха, взаимного недоверия, доносов, анонимных обвинений и интриг. Уличенные иерархи смещались со своих постов, подвергались преследованиям со стороны конгрегации инквизиции, в случае же «упорства» — отлучались от церкви и предавались анафеме. Пий X в 1910 г. ввел специальную антимодернистскую присягу («присягу на верность вере»), которую были обязаны принести профессора католических богословских факультетов, лица духовного звания перед посвящением в следующую духовную степень, все служащие епископских курий, все служащие ватиканских учреждений, проповедники и главы монашеских конгрегаций. В то же самое время протесты против инквизиционных методов преследования инакомыслящих заставили папу римского изменить одиозное название священной конгрегации римской и вселенской инквизиции на новое. Конституцией «*Sapient! Concilio*» от 29 июня 1908 г. оно было изменено на священную конгрегацию священного судилища (канцелярии). Но от этого новшества содержание ее деятельности не изменилось. И под новым названием она продолжала выполнять прежние функции — бороться против всего прогрессивного как внутри, так и за пределами церкви.

Пий X с крайним недоверием относился к массовым движениям христианско-демократического характера, выступавшим за проведение буржуазно-демократических реформ. В Италии это движение выступало за активное участие католиков в политической жизни страны, что противоречило установке Ватикана на бойкот итальянского государства. К тому же Пий X опасался, как бы это движение не подпало под влияние социалистов.

В 1906 г. он предложил распустить массовую католическую организацию «Опера деи конгресси» и отлучил от церкви демохристианского лидера священника Ромоло Мурри,

включив его писания в Индекс запрещенных книг. В 1910 г. такие же репрессивные меры были приняты против французской демокристической организации «Силлон», основанной в 1889 г. группой католиков во главе с Марком Санье и выступавшей за примирение церкви с республикой и против союза церкви с реакцией. По требованию Пия X «Силлон» прекратила свою деятельность.

Сочинения модернистов были включены в Индекс запрещенных книг. Этой участи подверглись все произведения французского аббата Альфреда Луази, книга Луи Дюшена «История древней церкви», труды Германа Шелля «Католическая догматика», «Божественная истина христианства», «Новое время и старая вера» и многие другие.

Одновременно с решительным подавлением демократических тенденций в церкви и в клерикальном движении Пий X продолжал политику своего предшественника Льва XIII на укрепление союза с крупной буржуазией Италии и других стран. В Италии Ватикан положительно отнесся к репрессивным мерам правительства против трудящихся, борющихся за свои права. Он одобрил захват Италией Триполи в 1911 г., участвуя в колониальной грабеже этой новой итальянской колонии через ватиканский «Банко ди Рома». Пий X поддерживал и колониальные захваты Франции, однако в начале XX столетия он вступил в резкий конфликт с французским правительством, следствием чего был разрыв дипломатических отношений Франции с Ватиканом (в 1904 г.). Чтобы разжечь религиозный фанатизм французских католиков, в 1909 г. Ватикан причислил к лику святых Жанну д'Арк, некогда сожженную по постановлению инквизиционного трибунала.

Ненависть к республиканской Франции толкнула Пия X в объятия Германии и Австрии. С началом первой мировой войны Пий X явно надеялся на победу центральноевропейских держав над безбожной Францией и Италией, которой он все еще не мог простить лишение папства светской власти в 1870 г.

Но результатов первой мировой войны Пию X не суждено было увидеть. Он умер вскоре после начала мирового конфликта. Его преемником был избран Бенедикт XV (1914–1923), симпатии которого во время войны также склонялись на сторону Германии и Австрии.

Ватикан и католические иерархи во всех странах мира со страхом и растерянностью встретили победу Великой Октябрьской социалистической революции. Два последующих папы — Пий XI (1922–1939) и Пий XII (1939–1958) отличались крайней реакционностью, антисоветизмом и антикоммунизмом. При Пие XI церковь на общей с буржуазией платформе вражды к коммунизму и СССР стала верной союзницей мирового империализма, фашизма и нацизма. Пий XI примирился с итальянским государством, подписав в 1929 г. с Муссолини Латеранский договор, воссоздавший папское государство — «Город Ватикан».

В 1929–1930 гг. Пий XI выступил застрельщиком «крестового похода» против молодого Советского государства. В 1931 г. он опубликовал новую социальную энциклику «Куадрагезимо анно», в которой социализму и коммунизму противопоставлялся в качестве идеального христианского порядка фашистский корпоративный строй. Пий XI мобилизовал католическую церковь в поддержку союзника Гитлера и Муссолини диктатора Франко, благословил фашистскую агрессию против Эфиопии, расправу Гитлера над рабочим и демократическим движением Германии, захват им Австрии и Чехословакии.

Этот курс, главным в котором являлся антикоммунизм, продолжал осуществляться с еще большей энергией Пием XII. Во время второй мировой войны симпатии этого папы были на стороне фашистских держав. Он надеялся на их победу и разгром СССР и коммунизма. В рождественском послании 1942 г., явно в угоду фашистам и нацистам, он заявил: «Побуждаемая всегда религиозными мотивами, церковь осудила различные формы марксистского социализма. Она осуждает их и теперь...» Когда же доблестная Советская Армия стала громить фашистские полчища и неизбежность поражения Гитлера и его приспешников стала очевидной, Пий XII, старавшийся спасти фашистские режимы путем заключения ими сепаратного мира за спиной СССР, переориентировался на антикоммунистические и антисоветские круги Соединенных Штатов и Англии.

Мир, установившийся после разгрома блока фашистских держав, не отвечал интересам

Пия XII. Во время войны многие верующие и католические деятели, вопреки воле Ватикана, активно участвовали в антифашистском движении Сопротивления. После войны в ряде стран Западной Европы возникли правительства национального единства, в которые входили наряду с католиками демохристианами коммунисты. Сильно возросла тяга к профсоюзному единству с коммунистами и социалистами среди широких масс католиков-трудящихся.

Ватикан был крайне обеспокоен этими явлениями. Пий XII толкал правящие круги США и Англии на открытый разрыв с антифашистской коалицией, пугая их пресловутым призраком коммунизма, и когда разразилась «холодная война», он считал это своим личным триумфом.

Пий XII приветствовал исключение коммунистов из правительств национального единства в Италии и Франции, принятие плана Маршалла, создание агрессивного блока НАТО, «охоту за ведьмами» в США и разгул антикоммунистической истерии, раздуваемой реакционными кругами в других капиталистических странах.

Широкие круги верующих, прошедшие через горнило антифашистской борьбы в минувшую войну, отказались следовать антикоммунистическому курсу Ватикана. Миллионы верующих, вопреки директивам церковной иерархии, голосовали за коммунистических кандидатов на парламентских выборах в Италии, Франции и других странах, принимали участие в борьбе за мир, в унитарной профсоюзной борьбе, осуждали агрессивную политику империалистических держав. Чтобы обуздать их и заставить подчиниться антикоммунистическому курсу, Пий XII пустил в ход старые испытанные средства борьбы католической церкви против своих противников — отлучения, анафемы, предупреждения, напоминания и другие церковные санкции.

Следует ли удивляться, что Пий XII в период своего «царствования» с особой нежностью относился к верховной конгрегации «священного» судилища.

Выступая вскоре после второй мировой войны перед ее сотрудниками, Пий XII говорил: «Ваши обязанности очень тяжелые, мои возлюбленные чада, тяжелые не только с точки зрения огромных задач, стоящих перед вами, но прежде всего из-за ответственности, которая ложится на вас, и энергии, которая требуется от вас при выполнении ответственных заданий. Ваш святой и благочестивый труд многим незнаком, другие же имеют о нем превратное понятие. Однако господь бог взирает на ваше святое дело с удовлетворением и, видя, с каким рвением вы трудитесь во славу его, во славу его церкви, на пользу души и во спасение общества, источает на вас в изобилии свою нежность, вдохновляемые которой мы уделяем всем вам здесь присутствующим от всего нашего отеческого сердца апостольское благословение». ⁴¹⁸

В 1949 г. по приказу Пия XII, возглавлявшего по давней традиции конгрегацию «священного» судилища, это учреждение официально отлучило коммунистов от церкви и запретило верующим на основании уже известного читателю 1399 канона Кодекса канонического права «публиковать, распространять, читать книги, обозрения, газеты или листовки, которые поддерживают доктрину или деятельность коммунистов, а также писать в этих изданиях». Но этот декрет не произвел на верующих желанного для Ватикана впечатления. Миллионы верующих продолжали поддерживать коммунистов. Об этом говорит то, что число голосов, поданных за коммунистов на парламентских выборах в таких католических странах, как Италия и Франция, продолжало неуклонно расти и после издания этого декрета.

Антикоммунистический, прокапиталистический и проимпериалистический курс Ватикана встречал все большее сопротивление в рядах самих церковников. В 1953 г. конгрегация «священного» судилища запретила и включила в Индекс книгу «Мы не согласны» итальянского священника Зено Сальтини, учредителя и руководителя колонии «Номадельфия» (Город братства) для бездомных детей — жертв минувшей войны. Ватикан

⁴¹⁸ Atti e discorsi di Pio XII. Citta del Vaticano, 1950, v. 13, p. 370–371

обвинил Зено Сальтини в потворстве коммунистам. Полиция демохристианского правительства закрыла колонию и разогнала ее питомцев. Церковные же власти приказали Сальтини прекратить свою деятельность в пользу бездомных сирот.

Дон Зено был вызван к секретарю конгрегации «священного» судилища кардиналу Пиццардо. Стремление установить справедливость на земле является «коммунистической ересью», поучал крамольного священника кардинал-инквизитор, так как если бы такую справедливость можно было установить, то отпала бы необходимость искупления, а с нею и надобность в самой церкви. Церковная доктрина учит, что нужно терпеть зло и верить в загробную справедливость. За муки на земле, за земной ад будет сторицей воздано после смерти в раю. Сальтини спросил инквизитора: если это так, то почему папа и кардиналы, в частности сам кардинал Пиццардо, всячески избегают земных мук и предпочитают вкушать земные блага? Разве они не верят в рай и не желают попасть в него?

Сальтини не внял доводам инквизитора и опубликовал вышеупомянутую книгу «Мы не согласны».

Обращаясь к монсеньеру Монтини, тогдашнему заместителю статс-секретаря Ватикана (нынешнему папе Павлу VI), дон Зено писал в своей книге: «Шесть миллионов итальянцев живут в нищете и впроголодь не потому, что у государства нет средств, а потому, что эти средства расходуются в интересах господствующей касты, в частности на полицию и жандармов, призванных держать голодных в послушании. Не забывайте, ваше преосвященство, что желудок имеет божественное значение. Было бы интересно увидеть, как почувствовали бы себя вельможи святого престола, если бы им пришлось жить впроголодь, как номадельфийцам». ⁴¹⁹

Дон Зено гневно бичевал расточительную роскошь папского дворца, вечно интригующую и морально разложившуюся ватиканскую знать и папский nepотизм, которые веками процветают рядом с ужасающей нищетой народа. Если таковы плоды Христова учения, то не стоит быть христианином — таким логическим выводом заканчивал свой обвинительный акт против Ватикана и клерикального правительства священник Зено Сальтини.

В ответ Ватикан включил книгу Сальтини в Индекс, а от него самого потребовал «отречения» от его заблуждений. Сальтини подчинился, однако в 1955 г. в знак протеста против действий Ватикана отказался от священнического сана.

В 1953 г. по решению конгрегации «священного» судилища во Франции был упразднен институт так называемых священников-рабочих, зародившийся еще в конце второй мировой войны. Этот институт был задуман французским епископатом в качестве одного из методов борьбы с коммунистическим влиянием в среде рабочего класса.

Епископат подобрал с этой целью группу молодых церковников и после соответствующей антикоммунистической подготовки послал их на фабрики и заводы работать рядовыми рабочими и выполнять функции священников, чтобы таким образом обрести авторитет среди трудящихся. Это должно было служить опровержением того общеизвестного факта, что церковь является инструментом капиталистов, и доказательством того, что она якобы готова всерьез защищать рабочих от капиталистической эксплуатации.

Маневр церковников провалился. Многие из священников-рабочих, работая на фабриках и заводах, прониклись искренним уважением к коммунистам, стали выступать с ними единым фронтом. Некоторые из них подверглись полицейским репрессиям. Другие даже вступили в компартию.

В Ватикане признали свое поражение и решили распустить священников-рабочих, не оправдавших доверие и надежды церковных антикоммунистов. В сентябре 1953 г. кардинал Пиццардо, глава «священного» судилища, от имени Пия XII приказал французскому епископату отозвать их с фабрик и заводов и направить в монастыри на «перевоспитание».

⁴¹⁹ Saltini Z. Non siamo d'accordo! Torino, 1953, p. 23–24

5 октября 1953 г. священники-рабочие подписали декларацию, обращенную к главе французского епископата кардиналу Фельтену. Из этого документа, не утратившего злободневности по сей день, уместно привести следующие выдержки:

«Находясь среди рабочих, мы научились многому. Нашей иерархии трудно понять это, смотря со стороны.

Мы узнали, что организованная и сознательная деятельность рабочего класса необходима для того, чтобы добиться хоть немного свободы в обществе, в котором личная свобода из-за господствующих условий эксплуатации является всего лишь обманом. Мы знаем теперь, что предоставленный самому себе пролетариат, не вооруженный классовой сознательностью и собственной организацией, никогда не сможет победить врага, который нападает на него со всех сторон. Этот враг во сто раз сильнее его если не числом и качеством, то по крайней мере средствами порабощения и угнетения, от открытой и беспощадной борьбы вплоть до лицемерного дружелюбия и религиозного дурмана. И мы думаем, что наш долг — разделять взгляды классово сознательных рабочих и участвовать в их организованной деятельности.

Мы узнали, что социальные доктрины, вдохновляемые церковью, ведут чаще всего к предательству рабочего класса и его законных интересов...

Мы узнали, в противоположность некоторым утверждениям, что борьба рабочего класса вызвана как беспокойством о человеческом достоинстве, так и чисто материальными нуждами, так как рабочий класс борется одновременно за новые человеческие отношения, за изменение жизненных условий и за создание нового человеческого общества...

Нас осуждают... за наше активное участие в рабочей борьбе потому, что церковь, большинство ее институтов и духовенство защищают режим, против которого мы вместе с рабочим классом боремся всеми силами, считая его гнетущим и несправедливым. Следует смело смотреть правде в глаза: церковь поддерживает этот режим...

Церковь только теоретически осуждает капитализм. В практической деятельности церковь не только признает его, но и сотрудничает с ним. У рабочего этот факт не вызывает какого-либо сомнения. Мы не говорим уж о том, что церковные учения, политика церкви и религиозных властей поддерживают капитализм. Разве священника, все воспитание которого пропитано буржуазной культурой, естественно не влечет к капитализму?

Нам говорят, что следует признать капиталистический режим как неизбежное зло, ведь церковь существует и действует в капиталистическом мире, как некогда она жила в феодальном. Но те, кто так говорят, слишком хорошо знают, хотя и испытывают при этом немалое беспокойство, что половина человечества в действительности отбросила уже этот режим... Даже внутри самих капиталистических стран огромная масса пролетариев в своем сердце не признает этот режим, жертвой которого она является.

Чувствуя, что вместе с этим режимом отбрасывают и ее, церковь стала бояться рабочего класса и тех изменений, которые победа пролетариата вызвала бы в общественных институтах, в жизни, в сознании людей. Тем более церковь боится коммунизма, который воодушевляет победный марш пролетариата, вселяет в пролетариат революционную силу и указывает ему перспективы на будущее». ⁴²⁰

Получив столь выразительный документ, французский епископат сообщил в Рим, что внезапный роспуск священников-рабочих встретит со стороны последних сопротивление и породит возмущение в широких кругах католической общественности Франции.

Действительно, сведения о циркуляре кардинала Пиццардо просочились в печать и вызвали в католических кругах бурю протеста против папского решения. Видные католические писатели и деятели — Франсуа Мориак, Даниель Ропс, Этьен Бори, Жорж Гурден и ряд других выступили в печати в защиту священников-рабочих.

С активной поддержкой священников-рабочих выступил и влиятельный журнал

⁴²⁰ Les Pretres — ouvriers. Paris, 1954, p. 230–237

либеральных католиков «Эспри». Комментируя в одном из номеров приказ Ватикана о ликвидации института священников-рабочих, которые якобы заразились духом коммунизма, редакция журнала не без иронии требовала принятия санкций также против священников-капиталистов, т. е. священников, обслуживающих капиталистические круги, на том основании, что они давно уже заражены капиталистическим духом, а многие из них сами являются капиталистами.

В январе 1954 г. была созвана конференция епископата, которая, следуя указаниям Ватикана, провозгласила, что «профессия священника несовместима с профессией рабочего». Конференция предписала священникам-рабочим немедленно уйти с «мирских должностей», на которые они были избраны рабочими (под этим подразумевались профсоюзные посты), а работу на фабриках оставить до 1 марта 1954 г. Епископат обязал священников запрашивать от церковных властей в каждом отдельном случае особое разрешение на «физический труд» и предупредил, что такие разрешения будут даваться не больше чем на три часа в день. Постановление конференции указывало, что церковники, занимающиеся рабочим вопросом, впредь будут зависеть от приходских священников и жить не с рабочими, а в приходе, отлучаться из которого смогут только с позволения церковного начальства.

Семьдесят три священника-рабочих, к которым присоединились впоследствии почти все остальные, опубликовали свой ответ епископам, который, как и их предыдущее послание, свидетельствовал о глубоких изменениях в умонастроении некоторых кругов духовенства. В своем ответе священники-рабочие писали:

«В момент, когда миллионы рабочих во Франции и за границей борются за свое единство, чтобы защитить свой хлеб, свободу и мир, когда предприниматели и правительство усиливают эксплуатацию и репрессии, пытаются любой ценой обеспечить свои привилегии и преградить путь прогрессу рабочего класса, религиозные власти хотят заставить священников-рабочих отказаться от труда и от борьбы, которую они ведут в единении со всеми своими товарищами.

Это не политическое, а религиозное решение, утверждают епископы. Однако мы думаем, что наша жизнь рабочих никогда не мешала нам оставаться преданными вере и священническому сану. Мы не понимаем, как во имя евангелия можно запретить священникам разделять условия жизни миллионов поработанных людей и проявлять солидарность в их борьбе...

Рабочий класс нуждается не в людях, которые констатируют его нищету, а в людях, которые разделяют его борьбу и его надежды».⁴²¹

7 февраля 1954 г. 250 католиков — деятелей рабочего движения в свою очередь опубликовали манифест, протестуя против роспуска рабочих-священников.

Протесты как самих священников-рабочих, так и их многочисленных сторонников и боязнь еще более ожесточить против себя трудящихся вынудили «священное» судилище не предпринимать жестких мер против священников-ослушников при условии, что они воздержатся от критики Ватикана.

Но если церковная инквизиция сравнительно «мягко» отнеслась к священникам-рабочим, она тем не менее продолжала преследовать католических деятелей, повинных в отходе от реакционных установок церкви, господствовавших при Пие XII. В период правления этого папы в годы «холодной войны» в Индекс запрещенных книг были включены произведения выдающихся писателей современности Андре Жида (все произведения), Жан-Поля Сартра (все произведения), Альберто Моравиа (все произведения), Симоны Бовуар и многих других. Цензуре и осуждению подверглись также труды теолога и палеонтолога Тейяра де Шардена, пытавшегося примирить религию с наукой, и ряда других. Антикоммунизм, ненависть ко всему прогрессивному и прежде всего к социалистическим

⁴²¹ L'Unita, 4.II 1954

странам, приверженность к давно уже отжившим средневековым догмам, страх перед научным прогрессом, пресмыкательство перед империализмом США, преследование либеральных церковников, столь характерные для правления Пия XII, вызвали глубокое недовольство в среде самого духовенства, оттолкнули от церкви миллионы верующих. Это недовольство вылилось наружу после смерти Пия XII в период понтификата его преемника Иоанна XXIII (1958–1963).

Иоанн XXIII вошел в историю папства как церковный реформатор, зачинатель политики «приспособления» (аджорнаменто) церкви к современным условиям. Иоанн XXIII отошел от откровенно антикоммунистического курса своего предшественника. Он был вдохновителем и главой сторонников церковной реформы, одержавшей, как известно, победу на II Ватиканском вселенском соборе.

С восшествием на папский престол Иоанна XXIII в ватиканских верхах началась ожесточенная борьба между сторонниками нового папы и приверженцами прежнего курса Пия XII, контролировавшими римскую курию, в частности конгрегацию «священного» судилища. Ее возглавил в 1953 г., после смерти Пиццардо, отъявленный реакционер кардинал Альфредо Оттавиани.

Следует отметить, что Иоанн XXIII не всегда и не во всем был последовательным в своих планах проведения нового курса, и его влиятельные в римской курии противники неоднократно навязывали ему свою точку зрения. Под их влиянием Иоанн XXIII в 1959 г. подтвердил отлучение коммунистов от церкви, провозглашенное в 1949 г. Пием XII, одобрил санкции против священников-рабочих, допустил осуждение и включение в Индекс ряда произведений, в которых присутствовала критика реакционной политики церкви.

В частности, вскоре после избрания Иоанна XXIII папой в конце 1958 г. конгрегация «священного» судилища включила в Индекс книгу итальянского настоятеля прихода Сан-Донато Лоренцо Милани. Милани задался целью на примере своего прихода выяснить причины упадка церковного влияния на различные слои общества.

В настоящее время в Италии свыше 25 тыс. приходов, большинство мелких, Сан-Донато — один из них. В 1957 г. в нем было 275 домов и проживало 1197 человек.

Приход Сан-Донато — один из старейших в Италии, он возник еще в IX в. Итак, десять веков проповедовались в Сан-Донато истины христианской веры. Казалось бы, Сан-Донато должен быть твердыней религии. Милани в своей книге показал, что это не так. Он утверждал, что подавляющее большинство населения его прихода — неверующие. Часть жителей посещает церковь и время от времени выполняет основные церковные обряды, но делает это механически, формально, без какого-либо убеждения. Религиозные познания взрослого населения равняются нулю, молодое поколение безразлично относится к вопросам религии.

Несмотря на отлучение коммунистов от церкви, большая часть населения Сан-Донато голосует за левые партии, в том числе за коммунистов. Вопреки укоренившемуся в церковных кругах мнению, отмечал Милани, не коммунисты делают верующих атеистами, а верующие сперва теряют веру в бога, а затем становятся коммунистами.

Милани поставил перед собой задачу вскрыть причину этого явления. Он также намеревался установить, с помощью каких средств можно заставить коммунистов отказаться от своего мировоззрения и вернуться в лоно религии. И вот к каким выводам пришел преподобный исследователь. Три основные причины способствуют, по его мнению, распространению среди прихожан атеизма и коммунистических идей. Первая заключается в том, что духовенство и тесно связанная с ним демохристианская партия защищают интересы буржуазии, эксплуататоров; вторая — в том, что религиозные обряды выполняются механически, без внутренней веры, церковная служба стала непонятна большинству прихожан, не производит на них прежнего впечатления; третья причина состоит в том, что попытки духовенства сохранить свое влияние на паству нерелигиозными средствами (Под нерелигиозными средствами подразумевается деятельность светских организаций при приходах (Католическое действие и др., а также кинотеатры, кафе и бары, спортивные клубы

и им подобные заведения, руководимые приходскими священниками.) не только не укрепляют авторитета церкви, но способствуют его дальнейшему падению.⁴²²

За подобного рода «еретические» утверждения священника Милани должно было постигнуть соответствующее наказание, санкционировать которое пришлось Иоанну XXIII, избранному папой после смерти Пия XII. Книга Милани была занесена инквизицией в Индекс запрещенных книг, а сам автор снят с поста настоятеля прихода Сан-Донато и заслан в заброшенный горный приход Сан-Андреа ди Борбиана, состоящий из четырех дворов. Об этом решении инквизиции было сообщено в официальном органе Ватикана «Оссерваторе Романо» от 20 декабря 1958 г., т. е. неполных два месяца спустя после избрания папы Иоанна XXIII.

В обвинительном акте «священного» судилища против книги Милани, опубликованном «Оссерваторе Романо», было сказано следующее: «Желая завоевать авторитет и иметь возможность влиять на молодых пролетариев, Милани не нашел ничего лучшего, как воспринять полностью самый суровый и безрассудный классовый антагонизм, метод профсоюзной и политической борьбы, восстание против внешней структуры и организации общества, систематическое очернение католических социальных и политических деятелей и не менее систематическое и беспощадное осуждение буржуазии, постоянно классифицируемой им как «враг номер один» неимущих людей».⁴²³ Иначе говоря, священник Милани подвергся осуждению ватиканской инквизиции только за то, что осмелился — исходя из христианских позиций! — стать на сторону трудящихся и выступить против буржуазии. Папская инквизиция не могла не осудить столь великое «злодеяние».

«Таким образом, — отмечал по поводу «дела» Милани орган Ватикана, — еще раз повторяется злосчастный опыт, который уже дал горькие плоды в других странах в течение этих последних лет: священники, которые решительно бросаются в бой, желая евангельской проповедью осветить души, кончают тем, что воспринимают взгляды и практику, которые вдохновляются, если не полностью, то частично, идеологией, диаметрально противоположной евангелию».

Поразительное по своей откровенности признание идейного бессилия мертвящей, сухой, бесплодной католической религиозной идеологии перед цветущей, живой, всепобеждающей идеологией рабочего класса — марксизмом!

В 1962 г. была занесена в пресловутый Индекс запрещенных книг книга иезуита Рикардо Ломбарди «Собор, реформа в области милосердия».

Чем же провинился иезуит Ломбарди? За что он был так сурово наказан церковью, в чем заключается его тяжкий грех?

Иезуит Ломбарди — не рядовой член Общества Иисуса, а один из виднейших его руководителей. Член коллегии выходящего в Риме иезуитского журнала «Чивильта каттолика» Ломбарди был одним из советников папы Пия XII. Ярый враг коммунизма и всего прогрессивного, он в течение многих лет выступал с пропагандистскими речами по итальянскому радио, за что был прозван «микрофоном господ бога».

В 50-х годах Ломбарди возглавлял так называемый «поход за великое возвращение» коммунистов в лоно церкви. Напрасно, однако, «микрофон господ бога» надрывал свой голос, выступая сотни раз по радио с призывами к коммунистам отречься от своих взглядов и вернуться к религии. Иезуитский поход провалился с треском. Ломбарди и его подручные не смогли заручиться даже одним «возвращением». Видимо, это поражение заставило Ломбарди «критически» пересмотреть свои ортодоксальные взгляды.

В конце 1961 г. появилась упомянутая книга Ломбарди, посвященная предстоявшему собору, которая вызвала в Ватикане впечатление разорвавшейся бомбы. Ломбарди требовал

⁴²² См.: Milani L. Esperienze pastorali. Milano, 1958

⁴²³ L'Osservatore Romano, 20.XII 1958

«реформировать» всю систему управления католической церкви. В руководящих кругах католической церкви, писал иезуит, преобладает постыдный карьеризм, «святые отцы» больше пекутся сами о себе, чем о делах церкви; в римской курии нет «свободы мнений», «за критику» виновных жестоко наказывают, прелаты живут в роскоши, что вызывает возмущение верующих; кардинальская коллегия отжила свой век, ее следует заменить сенатом католической церкви, в котором должны быть представлены не только прелаты, но и миряне — руководители клерикальных массовых организаций и партий. Наконец, Ломбарди требовал выработки некоего «христианского манифеста», который следовало бы противопоставить «коммунистическому манифесту». Иезуитский «протестант» не без основания считал, что социальные энциклики и прочие подобного рода «христианские манифесты», которыми изобилует церковная литература, не производят соответствующего впечатления на современных верующих.

Ломбарди преподнес свой опус на специальной аудиенции папе римскому, причем с дарственной надписью. И хотя, судя по всему, взгляды Ломбарди отвечали чаяниям Иоанна XXIII, кардинал Оттавиани добился включения его книги в Индекс запрещенных книг.

Не успел утихнуть скандал с книгой Ломбарди, как в Риме вышла книга францисканского монаха Сиксто Пелайя «Священники — это люди», на автора которой обрушились столь же жестокие церковные кары, как и на иезуита Ломбарди. Францисканец Пелайя требовал предоставить священникам право вступать в брак, т. е. отменить целибат, который, по утверждению автора, калечит духовно и физически церковников. Но не это требование взволновало ватиканских иерархов.

Пелайя осуждал поддержку католической церковью правящих эксплуататорских классов. Церковь превратилась в реакционную политическую партию, не без основания утверждал Пелайя, она тесно связала свою судьбу с капиталистами и помещиками, что изолировало ее от народа, нанесло ей непоправимый ущерб.

С не меньшей страстью бичевал францисканец и спекулятивные дела кардиналов и других вельмож Ватикана. Он писал: «Скандалные факты, которые становятся ежедневно достоянием общественности и в которых замешаны князья церкви, подтверждают наши обвинения. Мы хотим обратить внимание на то обстоятельство, что многие церковные иерархи не соответствуют занимаемым ими постам, а многие другие цепляются за свои должности, несмотря на духовные и физические недостатки или всем известные многочисленные финансовые и моральные связи, покрывающие все духовенство позором».

Пелайя заканчивал свою откровенную книгу следующими словами: «Всем известны нравы средневековья. Торквемады всегда модны, теперь, однако, они уже не в состоянии истязать тела, зато продолжают истязать души и сознание. Они судят невиновных, не давая им возможности защищать себя... Священники находятся в худшем положении по сравнению с древними рабами: представ перед великим инквизитором, они не вправе сказать ему: «Истязай меня, но прежде выслушай!»

Францисканец Пелайя точно смотрел в воду: его постигла именно такая участь. Не успела книга «Священники — это люди» появиться на прилавках книжных магазинов, как «великий инквизитор» кардинал Оттавиани изгнал ее автора из францисканского ордена, а книгу включил в Индекс.

Но все это было последними конвульсиями системы, которая давно уже изжила себя. Репрессии кардинала Оттавиани, его истошные вопли против коммунизма, его призывы ни на йоту не отходить от старых догм, установок и предрассудков только усугубляли противоречия в католическом лагере. Рушился старый колониалистский порядок. Пробудились к независимой жизни народы Азии и Африки. Знамя социализма взметнулось над Кубой. Рос и крепнул социалистический лагерь. Человек, советский коммунист, впервые поднялся в космос. Мир вступил в полосу гигантской научно-технической революции. Сотни миллионов людей всех рас и континентов открыли себе путь к знаниям. В этих условиях старое церковное здание, разукрашенное средневековыми догмами, казалось анахронизмом даже для многих церковников. Большинство из них требовало перемен, обновления, реформ,

а некоторые и приспособления не только к этому изменяющемуся на наших глазах миру, но и к тому новому, обновленному, свободному от тьмы невежества и эксплуатации миру, который неминуемо наступит завтра...

НОВАЯ ВЫВЕСКА, СТАРЫЕ ПОРЯДКИ?

Эти настроения, это желание перемен, стремление приспособиться к новым условиям второй половины XX в. господствовали на II Ватиканском соборе (1962–1965). На соборе возобладали так называемые обновленцы, требовавшие обновить фасад католической церкви, реформировать ее структуру, упразднить такие ее одиозные учреждения, как конгрегация инквизиции и Индекс запрещенных книг, прекратить политику отлучений и анафем. Обновленцы выступали за диалог с еретиками — протестантами, православными, мусульманами, буддистами, иудеями, за признание научных достижений, за более гибкую политику в социальном вопросе, за поддержку стран «третьего мира». Обновленцы выступали также за диалог с марксистами, с неверующими, считая, что церковное осуждение коммунизма и отлучение коммунистов принесло церкви больше вреда, чем пользы.

Сторонники прежнего реакционного курса — традиционалисты, консерваторы, лидером которых выступал глава конгрегации инквизиции полуслепой кардинал Оттавиани, потерпели на соборе сокрушительное поражение.

На соборе одним из первых выступивших с критикой конгрегации инквизиции был английский епископ Роберте, потребовавший установить «инквизицию над инквизицией». В пресс-центре собора Роберте заявил журналистам: «Члены св. канцелярии используют методы, за которые их немедленно отдали бы под суд в Англии. Было бы хорошо, чтобы современная инквизиция не была похожей на средневековую. По моему мнению, теперь между ними нет больших различий. Разумеется, в XX веке куда труднее убивать, сажать в тюрьмы, но инквизиция продолжает порочить людей и коверкать их судьбы».⁴²⁴

Не менее резко высказался на соборе 25 октября 1963 г. о деятельности департамента Оттавиани и немецкий кардинал Фрингс — член президиума собора: «Методы инквизиции не соответствуют современной эпохе, ее деятельность вызывает всеобщее возмущение» (Ibid., p. 291).

Заявление Фрингса было встречено соборными отцами аплодисментами. Разъяренный Оттавиани попросил слово для ответа. Еле сдерживая себя от негодования, инквизитор сказал: «Во-первых, я решительно и категорически протестую против сказанного здесь о св. трибунале. Несомненно, это произошло в результате чистого невежества; я сознательно употребляю это слово, чтобы не сказать другое, противное христианскому милосердию. Совершается огромная ошибка, когда отрицается, что св. трибунал всегда обеспечивал участие в своей работе самых знаменитых и солидных авторитетов. Нападками на св. трибунал наносится оскорбление самому папе, который является его главой».⁴²⁵

Однако попытка прикрыться авторитетом папы римского не помогла инквизитору. Павел VI, сменивший на папском престоле Иоанна XXIII, сообщил кардиналу Фрингсу, что он разделяет его мнение о св. трибунале.

На соборной сессии в октябре 1964 г. с требованием отменить Индекс и прекратить инквизиционные процессы выступил швейцарский богослов аббат Ганс Кюнг, профессор Тюбингенского университета.

В 1964 г. вышла на французском и итальянском языках книга католического деятеля Ганса Кюнера «Индекс романус» (Kuehner H. Index Romanus. Roma, 1964.), изданная католическими издательствами, в которой автор требовал отмены Индекса. «Индекс глуп,

⁴²⁴ Цит. по: Fesquet H. Diario del Concilio. Tutto il Concilio giorno giorno. Milano, 1967, p. 258

⁴²⁵ Цит. по: Fesquet H. Diario del Concilio. Tutto il Concilio giorno per giorno. Milano, 1967, p. 258

ископаем, полностью скомпрометировал себя, это единственная книга, которую следует запретить», — утверждал автор. Этот обвинительный акт против Индекса широко циркулировал среди соборных отцов. На соборе с требованием отмены Индекса выступили американский кардинал Кашинг, французский епископ Уйг, немецкий епископ Клевен и др.⁴²⁶

«Церковь всегда опаздывает, — заявил на соборе 28 сентября 1965 г. индийский архиепископ Д'Соуза. — Только теперь мы пытаемся высказаться за свободу вероисповеданий, хотя уже 150 лет тому назад она была провозглашена во многих странах. Нам потребовалось 40 лет после «Коммунистического манифеста» Карла Маркса, чтобы папский престол выпустил энциклику «*Regum Novarum*». Мы знаем об осуждении Галилея, но это не единственный такого рода приговор. Были осуждены Ламенне, Фрейд, Тейяр де Шарден и другие. Мы должны заявить здесь: хватит осуждений и занесений в Индекс!» (Ibid., p. 857).

О Галилее говорили и другие участники собора, требуя его реабилитации. Французский епископ Элшиже обвинил церковь в том, что она занимает ретроградную позицию по отношению к культуре и науке. «В современной истории символом этого отношения является дело Галилея, — заявил епископ. — И не следует говорить необдуманно, что это дело относится к далекому прошлому. Осуждение этого человека не было отменено. Многочисленные ученые считают, что церковь и сегодня относится к науке так, как теологи, осудившие четыре столетия тому назад этого великого и честного ученого. Было бы знаменательным жестом, если бы церковь воспользовалась четвертым столетием от рождения Галилея и смиренно реабилитировала его. Современный мир ждет от церкви не только добрых намерений. Он ждет фактов».⁴²⁷

Требования соборных отцов отменить инквизицию и Индекс заставили Оттавиани изменить тактику. Цепляясь за свой пост, он стал заверять, что готов подчиниться решениям собора. В октябре 1965 г. в связи со своим 75-летием инквизитор дал интервью журналисту итальянской газеты «Коррьере делла Сера», в котором заявил: «Я жандарм, стоящий на страже сейфа с драгоценностями. Вы думаете, я выполнил бы свой долг, если бы заколебался, прикрыл бы один глаз, оставил бы мой пост? Дорогой сын, семьдесят пять лет — это семьдесят пять лет! Я их прожил, защищая определенные принципы и определенные законы. Если ты скажешь старому жандарму, что законы будут изменены, то понятно, что старый жандарм сделает все от него зависящее, чтобы этого не произошло. Но если законы все же будут изменены, то бог несомненно даст силы старому жандарму встать на защиту новых ценностей, в которые он верит. После того, как новые законы превратятся в сокровище церкви, обогатят ее сейф, над всем возобладает только один принцип — служить церкви. А эта служба значит — подчинение ее законам. Слепое подчинение. Я ведь слепой».⁴²⁸

К тому времени инквизитор почти ослеп, но отнюдь не потерял свойственной ему энергии и привязанности к своей должности. Однако его лицемерным заверениям в готовности перестроиться никто не верил. Кто-кто, а уж соборные отцы знали, что верховному инквизитору церкви доверять нельзя, и, как мы увидим, они на этот счет не заблуждались.

Папа Павел VI был вынужден пойти навстречу пожеланиям соборных отцов. Выступая 18 ноября 1965 г. перед собором, он заявил, что осуществит реформу римской курии. «И чтобы наши слова не звучали бездоказательно, — сказал папа, — мы можем сообщить, что в

⁴²⁶ Fesquet H. Diario del Concilio. Tutto il Concilio giorno per giorno, p. 628–629

⁴²⁷ Fesquet H. Diario del Concilio. Tutto in Concilio giorno per giorno, p. 660

⁴²⁸ Corriere del la Sera, 28.X 1965

ближайшее время будет опубликован новый статут св. трибунала». ⁴²⁹

Наконец 7 декабря в органе Ватикана «Оссерваторе Романо» был опубликован папский декрет «*Integrae Servandae*», изменявший название конгрегации «священного» трибунала и устанавливавший ряд новых норм в ее деятельности. Старая инквизиция преобразовывалась в конгрегацию вероучения, она лишалась титула «верховной», упразднялся пост комиссария — прокурора инквизиции. Конгрегации вменялся в обязанность экзамен новых доктрин и новых мнений; с этой целью она должна изучать эти доктрины, поощрять «научные конгрессы» для их обсуждения. Декрет сохранял за новой конгрегацией право на осуждение доктрин, противных вере, но теперь соответствующее решение могло быть принято только с учетом мнения местного епископата. Декрет обещал опубликовать устав конгрегации, но до сих пор это обещание не выполнено, и устав все еще держится в строгом секрете.

Декрет сохранял за конгрегацией право на цензуру книг, указывая, что она будет «впредь тщательно» изучать подозрительные сочинения, прежде чем осуждать их. Теперь автору предоставлялось право защиты, а также уведомлялся о процессе епископ, в епархии которого проживал обвиняемый. Об Индексе в декрете не было сказано ни слова. ⁴³⁰

Этот декрет производил двойственное впечатление. С одной стороны, он означал, что в деятельность старой инквизиции вносились изменения. С другой стороны, учитывая, что церковь неоднократно в прошлом меняла вывеску инквизиции, не меняя ее сущности, высказывалось предположение, что и на этот раз все останется по-прежнему. Тем более, что главой новой конгрегации был подтвержден мракобес Оттавиани, которому в феврале 1967 г. папа Павел VI направил теплое послание с выражением надежды, что он еще долгие годы будет служить столь же ревностно церкви, как и до этого. В послании Павел VI именовал Оттавиани своим «бывшим начальником и учителем». ⁴³¹ Это относилось к периоду 1929–1937 гг., когда Оттавиани был заместителем статс-секретаря Ватикана, а прелат Монтини (будущий папа Павел VI) работал под его началом в том же статс-секретариате.

Но даже если бы папа Павел VI действительно хотел удержать на прежнем посту своего бывшего начальника и учителя и не вносить существенных изменений в деятельность старой инквизиции, это было бы ему не под силу.

Курс на диалог с другими церквями и инакомыслящими, включая неверующих, принятый II Ватиканским собором, означал по существу осуждение инквизиции и ее методов. Осуществление этого курса было несовместимо с прежней политикой отлучений и анафем. Старая инквизиция должна была исчезнуть — таков был приговор, вынесенный ей собором, хотя и не записанный в его решениях, но явственно вытекающий из них.

Сразу же после реорганизации конгрегации священного судилища в Ватикан посыпались от местных епископатов запросы по поводу Индекса. Остается Индекс по-прежнему в силе? Отменяется? Папский декрет «*Integrae Servandae*» молчал на этот счет. Но сохранить после собора Индекс Ватикан был не в состоянии. Теперь сама церковная иерархия требовала его упразднения. Старому жандарму не оставалось другого выхода, как подчиниться велению времени и своими собственными руками прикончить столь близкое и дорогое его сердцу детище.

14 июня 1966 г. кардинал Оттавиани, все еще возглавлявший новую конгрегацию вероучения, опубликовал официальное «уведомление», согласно которому Индекс упразднялся. Чтение осужденных в нем произведений, отмечалось в уведомлении, продолжает оставаться грехом, однако виновному за это уже не грозят какие-либо церковные кары.

⁴²⁹ Fesquet H. *Diario del Concilio*. Tutto giorno per giorno, p. 1059

⁴³⁰ См.: *L'Osservatore Romano*, 6–7.XII 1965

⁴³¹ *Informations Catholiques Internationales*, 5.III 1967, p. 5–6

«Оссерваторе Романо» отметил передовицей упразднение Индекса. Орган Ватикана в этом своего рода реквиеме по Индексу превозносил его «исторические заслуги» в борьбе с ересью и «ошибками печати».

«Итак, в будущем больше не будет торжественных осуждений книг, подобно включению в Индекс? — вопрошал орган Ватикана и успокаивал своих читателей: — Уведомление предупреждает, что святой престол, согласно требованиям естественных законов и божественного мандата, оставляет за собой право публично осудить любую книгу, оскорбляющую веру и добрые обычаи, но сделает это только в том случае, если автор откажется внести соответствующие исправления в свою книгу».⁴³² Сам Оттавиани так прокомментировал свое собственное уведомление: «Впредь ни одна книга не появится в Индексе. Индекс останется историческим документом; любой, кто пожелает, может теперь пользоваться им как справочником».⁴³³

Таков был конец Индекса запрещенных книг, которым пользовалась в течение свыше четырехсот лет католическая инквизиция, безуспешно пытаясь задержать поступательный ход истории.

Теперь папский престол продолжает осуждать неугодные ему книги, однако авторов и читателей осужденных книг церковь больше не обвиняет в ереси, не предаёт анафеме, проклятьям, не лишает их царства небесного. Времена не те!

Приведем несколько примеров. В 1966 г. голландский епископат опубликовал так называемый «Новый катехизис», рукопись которого рецензировали чуть ли не 10 тыс. богословов разных стран, причем подавляющее большинство одобрило его содержание. Однако «Новый катехизис» вызвал недовольство в Ватикане: по своему содержанию он отходил от традиционных церковных догм, что не могло не вызвать резких нападков на него со стороны реакционеров типа Оттавиани.

Ватикан предупреждал голландский епископат, чтобы он воздержался пользоваться «Новым катехизисом», пока в него не будут внесены необходимые исправления, сформулировать которые поручил созданной для этого кардинальской комиссии.

Кардинальская комиссия в декабре 1968 г. вынесла свое суждение, посоветовав голландскому епископату внести в текст катехизиса десять исправлений, в частности, провозгласить, что бог создал не только видимый мир, но и невидимый — души людей, а также ангелов; подтвердить доктрину первородного греха; подтвердить доктрину девственности Марии и «непорочного зачатия» Иисуса; подчеркнуть, что папский престол непогрешим, когда выступает по вопросам веры и толкования таинств.⁴³⁴ За такого рода «упущения» в прошлом церковь виновников бросала в костер. Теперь же кардинальская комиссия, судившая голландский катехизис, ограничилась только рекомендацией учесть ее критические замечания при новом его издании.

Голландский епископат весьма характерно для постсоборного состояния церкви отреагировал на просьбу кардинальской комиссии. Он заявил, что ее замечания будут изданы в качестве приложения к «Новому катехизису». Внести какие-либо исправления в текст епископат отказался. Более того, «Новый катехизис» был переведен на французский, английский и немецкий языки.

Более крутые меры были приняты против автора другого крамольного катехизиса — книги «Встреча с богом» священника Мацци, возглавлявшего приход Изолото в Италии. Мацци в своем катехизисе осуждал капиталистическую эксплуатацию, призывал верующих бороться с ней. Катехизис Мацци вызвал недовольствие в Ватикане. Иезуит Джузеппе де

⁴³² L'Osservatore Romano, 15.VI 1966

⁴³³ History Today, 1966, N 10, p. 718

⁴³⁴ Informations Catholiques Internationales, 15.XII 1968, p. 7

Роза подверг его резкой критике на страницах богословского органа Ватикана «Чивильта каттолика». Мацци, писал его критик, извращает содержание евангелия, смысл которого в первую очередь состоит в религиозном спасении и возрождении, что же касается социального и человеческого возрождения, то оно приходит только как следствие религиозного возрождения.⁴³⁵ Мацци пытается заменить Иисуса Христа Марксом, с возмущением отмечал иезуит де Роза.

Архиепископ Флоренции Флорит, которому непосредственно был подчинен Мацци, запретил верующим пользоваться его катехизисом, а когда Мацци отказался повиноваться, отстранил его от должности приходского священника. Но насколько изменилась обстановка в церкви, показывают дальнейшие события. Мацци со своими прихожанами явился в архиепископский дворец во Флоренции и в публичном диспуте с Флоритом защищал свои взгляды. Затем делегация прихожан Изолото прибыла в Ватикан, где перед представителем папы прелатом Бенелли и в присутствии журналистов защищала священника Мацци. И что же? Ватикан не осмелился осудить ослушников, а тем более предать их анафеме. И Флорит, и Бенелли вынуждены были оправдываться перед Мацци и его сторонниками. То ли было бы в «блаженные времена» (не столь, впрочем, отдаленные) «священного» судилища, когда такие произведения заносятся в Индекс, а их авторов бросали в костер или в лучшем случае предавали отлучению.

Но вернемся к Оттавиани. Пожертвовав Индексом, старый жандарм вовсе не желал отказываться от других атрибутов своей власти. В тайном циркулярном письме, направленном 24 июня 1966 г. епископам всех стран, Оттавиани сформулировал десять еретических заблуждений, которые якобы возникли в церкви в результате II Ватиканского собора. Вот этот новый «Силлабус»: 1. Отвергается церковная традиция, делается упор на св. писание как основной источник божественного откровения. 2. Утверждается, что доктрина веры может видоизменяться, т. е. пересматриваться в зависимости от конкретной исторической обстановки. 3. Принижается, игнорируется роль церкви как инструмента спасения верующих. 4. Не признается абсолютная, объективная истина, извечная и неизменная; она рассматривается с позиции релятивизма; истина, утверждается ошибочно, должна меняться вместе с эволюцией сознания и истории. 5. Подвергается покушениям сама фигура Иисуса Христа. Его непорочное зачатие, его чудеса, его воскресение пытаются объяснить естественными причинами. 6 и 7. Подвергаются пересмотру многие положения теологии таинств. 8. Высказывается сомнение в истинности доктрины о первородном грехе. 9. Пересматриваются различные положения теологии морали. 10. Проявляется вредный энтузиазм в политике экуменизма, в результате чего происходит сползание на позиции протестантизма.

Оттавиани потребовал от епископов обсудить эти еретические заблуждения и представить свои соображения о борьбе с ними в конгрегацию вероучения к концу года, сохраняя обо всем строжайшую тайну. Однако эта акция, направленная против обновленцев, с треском провалилась. Сведения о секретном циркуляре Оттавиани просочились в католическую печать. Французский епископат не побоялся нарушить предписание инквизитора и опубликовал свой ответ на его циркуляр, категорически отрицая наличие перечисленных еретических заблуждений. Епископы подавляющего большинства стран также отвергли обвинения инквизитора. Дело дошло до того, что Ватикан был вынужден тайное сделать явным: опубликовать циркуляр Оттавиани.⁴³⁶ Инквизитор оказался в полной изоляции, но он все еще продолжал цепляться за свой пост. Однако дни его власти были уже сочтены.

8 января 1968 г. орган Ватикана «Оссерваторе Романо» опубликовал краткое

⁴³⁵ *Civiltà Cattolica*, 4.1 1969, p. 38

⁴³⁶ *Civiltà Cattolica*, 5.XI 1966, p. 34

сообщение о том, что пропрефект конгрегации вероучения кардинал Оттавиани подал в отставку со своего поста и что папа Павел VI отставку принял, назначив на его место югославского кардинала Франциска Сепера.

В отличие от Оттавиани, Сепер был назначен префектом (главой) конгрегации вероучения. До сих пор пост префекта числился за папой. Это нововведение означало, что папа римский устранялся от непосредственной ответственности за руководство деятельностью бывшей инквизиции.

В 1975 г. согласно новому положению о членах кардинальской коллегии в связи с достижением 80-летнего возраста Оттавиани был исключен из кардинальской коллегии.

Так бесславно закончилась карьера последнего инквизитора католической церкви кардинала Оттавиани, занимавшего этот пост с 1953 г.

Новый глава конгрегации вероучения кардинал Сепер считается обновленцем. В заявлении, которое сделал для печати Сепер в июле 1968 г., он пытался обрисовать деятельность своей конгрегации в самых радужных тонах: «Мои впечатления — отличные, — заявил Сепер. — Я мог убедиться, что моя конгрегация не является таинственным учреждением, пугалом, как часто считают даже католики. Здесь энергично трудятся на благо церкви. Все решения принимаются коллегиально и коллективно на еженедельных заседаниях на различных уровнях, имея в виду в первую очередь не столько осуждение доктринальных ошибок, сколько содействие теологическим исследованиям... Как и во всех науках, так и в теологии возможен и необходим прогресс при условии, что останется незыблемой субстанция и смысл истины, откровения, как это соответствует подлинному учению церкви».⁴³⁷

Успокоительные и оптимистические заверения кардинала Сепера не соответствуют действительности.

Конгрегация вероучения продолжает угрожать санкциями негодным Ватикану богословам. В 1968 г. она призвала к ответу уже знакомого читателю швейцарского теолога Ганса Кюнга, отвергнувшего папскую энциклику «*Humanae Vitae*», осуждающую контроль над рождаемостью. Кюнг отказался предстать перед конгрегацией в качестве обвиняемого. Более того, он публично заявил: «От позорного процесса над Галилеем до сегодняшнего дня инквизиция принесла больше вреда, чем мы все теологи-обновленцы вместе взятые. Я говорю «инквизиция», а не конгрегация вероучения, как ее именуют теперь, ибо никаких перемен не произошло. Инквизиция была, инквизиция осталась. Соборные реформы оказались замороженными римской курией».⁴³⁸ В феврале 1975 г. конгрегация вероучения сделала новое внушение Кюнгу за его резко критические по адресу Ватикана книги «Церковь» и «Непогрешимый? Один вопрос».

Наиболее решительные обновленцы, а таких с каждым днем все больше среди церковной иерархии, продолжают, и не без основания, усматривать в конгрегации вероучения прежнюю инквизицию, которая тормозит процесс обновления церкви. В декабре 1968 г. в швейцарской печати было опубликовано заявление, подписанное 40 выдающимися католическими теологами, в их числе — голландцем Эдвардом Шиллебексом, швейцарцем Гансом Кюнгом, французами Шеню и Ивом Конгаром, американцами Джоном Маккензи и Роландом Мурфи, выдвигавшее требование сменить персонал конгрегации вероучения, который на данном этапе «не отражает законного многообразия теологических школ и современного образа мыслей».

«Мы отдаем себе отчет, — говорится в заявлении, — что мы, богословы, можем даже ошибаться в наших изысканиях, но мы убеждены, что наши ошибочные теологические мнения не могут быть исправлены средствами принуждения. Мы надеемся, что наша свобода

⁴³⁷ Informations Catholiques Internationales, 15.VII 1968

⁴³⁸ Paese Sera, 28.XII 1968

будет уважаема всякий раз, когда мы провозглашаем или публикуем наши обоснованные теологические воззрения...». ⁴³⁹

Такого рода выступления заставляют Ватикан лавировать, идти на разнообразного рода уступки. Не случайно, что именно в том же 1968 г. в разгар полемики между сторонниками и противниками конгрегации вероучения австрийский кардинал Франц Кёниг, возглавлявший ватиканский секретариат по делам неверующих, выступил с сенсационным заявлением на конгрессе лауреатов Нобелевской премии в Линдау о готовности церкви реабилитировать Галилея. Призывая к сотрудничеству ученых с церковью, Кёниг обещал «устранить все барьеры, все преграды, воздвигнутые прошлым». Кардинал при этом признал: «Быть может, одним из величайших препятствий, столетиями преграждавших все пути к примирению религии и естественных наук, был процесс над Галилеем.

Его осуждение воспринимается сейчас особенно болезненно, ибо все мыслящие люди — как верующие, так и неверующие — считают, что Галилей был прав, и именно его научные открытия стали прочным фундаментом современной механики и физики. Открытый и честный пересмотр дела Галилея кажется сейчас особенно необходимым для того, чтобы люди поверили в искреннее стремление церкви поддерживать истину, справедливость и свободу. Католическая церковь, несомненно, готова сейчас к такому пересмотру. Его полную беспристрастность гарантирует ныне выяснение ряда вопросов религиозной доктрины, абсолютно неясных во времена Галилея».

И вот 10 ноября 1979 г. в Ватикане состоялось заседание Папской академии наук, посвященное 100-летию со дня рождения Альберта Эйнштейна. В самом этом факте нет ничего особенного. Ведь юбилей Эйнштейна отмечался во всем цивилизованном мире. С докладом на этом совещании выступил папа Иоанн Павел II. Папа не ограничился тем, что воздал хвалу Эйнштейну, он также признал, что Галилео Галилей был незаслуженно осужден церковью. Иоанн Павел II сказал:

«Галилею пришлось пострадать от людей и учреждений церкви, не вполне понимавших законность автономии науки (по отношению к вере, — И. Г.) и считавших, что наука и вера противостоят друг другу. Я предлагаю, чтобы теологи, ученые и историки в духе искреннего сотрудничества подвергли бы углубленному анализу дело Галилея и беспристрастно признали бы ошибки, кто бы их ни совершил, устранив тем самым все еще порождаемый этим делом во многих умах дух противоречия, который препятствует плодотворному согласию между наукой и верой, между церковью и миром». ⁴⁴⁰

Это выступление папы вызвало сенсацию, ибо впервые глава католической церкви признал, что Галилей был несправедливо осужден инквизицией. Но минул 1984 г., а «дело Галилея» все еще не пересмотрено. Создается впечатление, что выступление папы в защиту Галилея, сделанное с опозданием в несколько столетий, призвано было хоть частично восстановить авторитет католической церкви, сильно пошатнувшийся в наш век научно-технической революции и коренных социальных сдвигов.

Ватикан не отказался от свойственных ему авторитарных методов управления церковной машиной, от окриков и угроз в адрес неудобных ему церковных кругов, в частности тех, которые выступают за более действенные и решительные меры в области социальных преобразований. Об этом говорит такой факт, как публичное осуждение в 1968 г. папой Павлом VI в Боготе (Колумбия) левых католиков и священников, борющихся против олигархии и империализма, а также привлечение папой Иоанном Павлом II в 1984 г. к ответственности перед конгрегацией вероучения представителей «теологии освобождения» за их симпатии к марксизму. Об этом же свидетельствует возрождение в 1975 г. церковной цензуры на работы и выступления клира. Как сказано в соответствующем декрете

⁴³⁹ Neue Züricher Zeitung, 17.XI.1968

⁴⁴⁰ Paese Sera, 17.XI.1979

конгрегации вероучения «О контроле пастырей церкви над книгами» (L'Osservatore Romano, 10.IV 1975), отмена Индекса запрещенных книг в 1966 г. вовсе не означала ликвидацию цензуры над публикациями, которая якобы необходима в интересах морали верующих. Теперь такая цензура официально восстановлена для всех служителей церкви, которые впредь могут печататься только с согласия вышестоящей инстанции. На их книгах должны вновь красоваться средневековые формулы церковной цензуры «Имприматур» (в печать) и «Нихиль обстат» (не возражаю). Декрет вводит вновь должность книжного цензора в епархиях и монашеских орденах. В том же декрете делается попытка поставить под контроль церкви и выступления мирян.

Да, церковь больше не помещает в Индекс запрещенных книг неудобные ей сочинения и не может пользоваться методами инквизиции, «но, — как писал в «Монд» известный специалист по Ватикану Анри Фескет, — она продолжает затыкать рот неудобным ей авторам»⁴⁴¹ и жестоко преследовать инакомыслящих.

В передовице лондонской «Таймс» от 14 декабря 1979 г. писалось: «Священная конгрегация по делам вероучения, в прошлом св. канцелярия, а еще раньше римская инквизиция, изменила свое название, но изменила ли она методы своей работы? Ненамного, если судить по волнениям теологов, на которых распространяется ее власть, и высказываниям тех, которые вне ее власти. Безусловно, она по-прежнему действует тайно... Ее устав не опубликован, она расследует взгляды и моральное поведение духовенства на основе доносов, которые никогда не оглашаются. Она приходит к предварительному заключению, не заслушав обвиняемого. Если это заключение отрицательное, она вызывает на дознание обвиняемого. Причем никто не знает, будут ли при этом уважаться его права или нет. Решение конгрегации и мера наказания становятся известными только после завершения процесса». Вряд ли приведенная выше выдержка нуждается в пространных комментариях. Ее содержание говорит само за себя.

Конечно «священный» трибунал под новой вывеской еще существует, но, по-видимому, он уже никого всерьез не пугает, его анафемы уже не страшат даже самых правоверных богословов. Инквизиция уже мертва, она уже труп, и вряд ли когда-либо воскреснет. Ибо чудес, как бы ни утверждали противное старомодные богословы, даже в церкви не бывает.

* * *

Итак, мы закончили наш рассказ об инквизиции, деятельность которой красной нитью проходит сквозь историю католической церкви. Наша книга — всего лишь краткая история этого учреждения, она далеко не охватывает все эпохи и страны, в которых действовали инквизиторы, все их злодеяния. Автор, опираясь на исторические факты и документы, стремился показать наиболее характерное, типичное в работе «священного» судилища, вскрыть социальные корни, породившие его на свет, показать, во имя чего, в интересах каких классов оно совершало свои чудовищные преступления и в результате каких причин сошло с исторической сцены.⁴⁴²

Григулевич И.Р.
«Инквизиция»
Политиздат

⁴⁴¹ Le Monde, I.I 1980

⁴⁴² Le Monde, I.I 1980

Москва
1976